

**Л. И. Вавулинская Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии
в середине 1940-х – середине 1950-х гг.**

Л. И. Вавулинская

**СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ
И ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ
В КАРЕЛИИ
В СЕРЕДИНЕ 1940-х – СЕРЕДИНЕ 1950-х гг.**

КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Л. И. Вавулинская

**СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ И ИНОСТРАННЫЕ
ВОЕННОПЛЕННЫЕ В КАРЕЛИИ
В СЕРЕДИНЕ 1940-х – СЕРЕДИНЕ 1950-х гг.**

Петрозаводск
2013

УДК 94-054.65(470.22)»1945/1955»
ББК 63.3(2Рос.Кар)
В12

Р е ц е н з е н т ы :

Доцент кафедры отечественной истории ПетрГУ, кандидат исторических наук

С. Н. Филимончик

Старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, кандидат исторических наук

Е. Ю. Дубровская

Научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, кандидат исторических наук **А. А. Савицкий**

В12 Вавулинская Л. И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 337 с.

ISBN 978-5-9274-0598-5

Исследование основано на уникальных архивных материалах, содержащихся в местных архивах Республики Карелия, которые впервые вводятся в научный оборот и меняют многие традиционные взгляды на проблему спецпоселения и военного плена Второй мировой войны. Комплексно рассмотрены вопросы численности, категорий и географии расселения спецпоселенцев и иностранных военнопленных, их социального положения и правового статуса, особенностей жизнеобеспечения и трудового использования, показаны адаптация человека к условиям жизни в местах спецпоселения и лагерях, взаимоотношения спецконтингента с органами власти, администрацией лагерей и спецпоселков, местным населением.

УДК 94-054.65(470.22)»1945/1955»
ББК 63.3(2Рос.Кар)

Издание осуществлено при финансовой поддержке Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

ISBN 978-5-9274-0598-5

© Вавулинская Л. И., 2013
© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2013
© Карельский научный центр РАН, 2013

Введение

Для советской экономики 1920–1930-х гг. и послевоенных лет был характерен мобилизационный тип развития. В условиях индустриальной гонки и послевоенной разрухи он обеспечивал быструю организацию рабочей силы на решение стоявших перед руководством страны задач. Этому способствовала жесткая централизация управления, широкое применение принудительного труда. Оценивая сферу принудительного труда, следует учитывать и ее политическую составляющую: восстановительные и преобразовательные процессы в стране разворачивались в неблагоприятных внешних условиях из-за гонки вооружений, непрерывной борьбы за лидерство в мире, отсутствия внешних ресурсов и помощи.

Создание и функционирование особого сектора «лагерной» экономики еще с довоенного времени стало важным направлением экономической политики руководства СССР. К началу 1940-х гг. Наркомат внутренних дел СССР, в ведении которого находились исправительно-трудовые лагеря, колонии, спецпоселения, являлся одним из крупнейших ведомств, ответственных за решение важных народнохозяйственных задач.

В период Великой Отечественной войны и в послевоенные годы происходит значительное расширение системы принудительного труда: в составе спецконтингента сформировались еще несколько групп, такие как иностранные военнопленные, интернированные*, трудмобилизованные**. Широко практиковались насильственные выселения больших масс людей и даже целых народов, подавляющее большинство которых направлялось на спецпоселение. Трудпоселенцы, спецпереселенцы, спецпоселенцы (эти три термина являются синонимами)*** составляли одну из

---

* Интернированные – лица, подвергнутые особому режиму ограничения свободы (принудительному задержанию), устанавливаемому одной воюющей стороной в отношении гражданских лиц другой стороны или нейтральным государством в отношении оказавшихся на его территории военнослужащих воюющих сторон.

** Трудмобилизованные – мобилизованные на принудительные работы по национальному признаку. В течение 1942–1943 гг. на основании ряда постановлений Государственного Комитета Обороны СССР практически все дееспособное немецкое население страны было мобилизовано в «Трудовую армию», представлявшую собой специальные формирования – рабочие отряды и колонны, сочетавшие элементы военной службы, производственной деятельности и гуглаговского режима содержания.

*** До 1934 г. отправленные в «кулацкую ссылку» крестьяне назывались спецпереселенцами, в 1934 – марте 1944 гг. – трудпоселенцами, в 1944–1948 гг. для лиц, раскулаченных и выселенных в период сплошной коллективизации, употреблялся термин «спецпереселенцы», с 1949 г. – спецпоселенцы.

самых многочисленных категорий принудительного труда в стране. Они формально сохраняли статус полноправных граждан СССР, но не имели права покинуть установленное государством место жительства.

Принудительный труд использовался прежде всего на наиболее сложных участках работ, в районах с неблагоприятными природно-климатическими условиями. Одним из таких регионов являлась Карелия. В индустриальных планах государства она рассматривалась как сырьевая база крупных промышленных районов страны. Это обусловило ускоренное развитие лесной и лесоперерабатывающей промышленности, требующей постоянного притока дешевой рабочей силы.

В начале 1930-х гг. на базе строительства Беломорско-Балтийского канала формируется система ГУЛАГа в Карелии – своего рода «лагерно-производственный комплекс», в состав которого вошли и спецпоселения. В республике в широких масштабах применялся труд раскулаченных крестьян, заключенных, отрабатывались основные принципы и методы пенитенциарной практики в советский период. В послевоенные годы использование принудительного труда продолжало оставаться весомой экономической составляющей жизни республики.

Война нанесла большой урон кадрам Карело-Финской ССР. Численность только промышленно-производственного персонала в сентябре 1945 г., спустя год после освобождения территории республики, составляла 20,3 тыс. человек, в то время как в сентябре 1940 г. – 54,3 тыс., то есть сократилась в 2,7 раза¹. В условиях острой нехватки рабочих и специалистов в Карелии насильственная миграция и привлечение труда военнопленных призваны были сыграть немаловажную роль в решении первостепенных экономических задач края – восстановлении промышленного производства, росте лесозаготовок и производства строительных материалов. Несмотря на то, что применение принудительного труда в послевоенные годы не приобрело такого размаха, как в 1920–1930-е гг., оно играло существенную роль в экономическом возрождении Карелии. Об этом говорит тот факт, что силами «спецконтингента» МВД в 1946–1947 гг. из общего объема капитальных работ, предусмотренных послевоенным пятилетним планом республики, было выполнено 40 % работ².

---

¹ 40 лет Карельской АССР: Стат. сб. Петрозаводск, 1960. С. 62.

² Карельский государственный архив новейшей истории (КГАНИ), ф. 8, оп. 19, д. 202, л. 2.

К началу Великой Отечественной войны на территории республики было расселено около 30 тыс. трудпоселенцев, «бывших кулаков», в конце 1946 г. число спецпоселенцев составило около 10 тыс. («бывшие кулаки» и «власовцы»^{*}).³ Затем оно постепенно снижалось. В 1947 г. с учета спецпоселений республики были сняты «бывшие кулаки», на смену им в 1948 г. пришли так называемые «указники»^{**} – высленные из Украины колхозники, ставшие жертвами кампании борьбы за укрепление колхозов, выполнение обязательного минимума трудодней. До конца 1940-х гг. широко применялся в различных отраслях народного хозяйства республики труд иностранных военнопленных.

Без понимания места и роли принудительного труда в истории страны невозможно дать адекватную оценку экономическому и политическому развитию советского государства, изменению его социальной структуры, характеризовавшейся крайней неоднородностью и усилившейся дифференциацией. Об актуальности избранной темы свидетельствует и возросший в последние десятилетия интерес к истории спецпоселений и пребывания иностранных военнопленных в СССР как со стороны историков, так и общественности. История спецпоселенцев и иностранных военнопленных Второй мировой войны имеет не только важное общественно-политическое и международное, но и практическое значение, когда речь идет об установлении судьбы конкретного человека.

Обращаясь к толкованию самого термина «принудительный труд», охарактеризованного исследователями как «труд, главным стимулом которого является насилие», следует отметить, что мы

---

* В категорию «власовцы», помимо служивших (как правило, рядовыми) в армиях фашистской Германии и ее союзников, изменнических воинских формированиях, полиции, органах оккупационной администрации и т. д., входила часть побывавших в фашистском плену советских офицеров, которым за сам факт попадания живыми в плен было установлено наказание в виде спецпоселения на 6 лет.

** «Указники» выселялись на основании постановления Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни» и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». Выселялись, как правило, колхозники за невыработку обязательного минимума трудодней на 8 лет.

³ Архив Министерства внутренних дел по Республике Карелия (АМВД РК), ф. 3, оп. 12, д. 30, л. 21, 26.

солидаризируемся с мнением уральского историка А. Б. Сулова, обоснованно полагающего, что «для Советского Союза характеристика какого-либо труда как „вольнонаемного“ весьма условна, поскольку на деле речь может идти только о различных формах принуждения к труду различных категорий зависимого населения. Иначе придется всерьез признать вольным труд колхозников, лишенных свободы передвижения, и труд рабочих, в определенный период фактически прикрепленных к своим предприятиям под угрозой лишения свободы*»⁴. Поэтому понятие «вольнонаемный труд» А. Б. Сулов использует только для того, чтобы разграничить труд формально свободного населения и спецконтингента, количество степеней свободы которого было значительно меньше. В данной работе категории принудительного труда анализируются на примере спецпереселенцев и иностранных военнопленных.

Степень изученности проблемы

Первые обобщающие исследования, посвященные вопросам принудительного труда в СССР, появились в Западной Европе и в США в 1950–1960-х гг. В силу отсутствия источниковой базы они опирались на советские официальные издания, свидетельства отдельных очевидцев, а также материалы эмигрантских диаспор. В 1960 г. в США вышла книга американского историка Р. Конквеста «Советская депортация народов», где воссоздана достаточно близкая к реальности хронология и статистика депортаций, а также (хотя и не совсем точная) их география. Все депортации советского периода автор рассматривал как естественное продолжение колониальной политики царской России⁵.

В 1990-х – начале 2000-х гг. увеличилось число работ зарубежных исследователей по проблемам принудительного труда, расширился круг рассматриваемых вопросов. В работах А. Айсфельда, С. Уиткрофта, М. Гелба, Д. Дальмана, Т. Мартина, И. О. Поля и других авторов рас-

---

* Имеется в виду Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», отмененный только 25 апреля 1956 г.

⁴ Сулов А. Б. Системный элемент советского общества конца 20-х – начала 50-х гг.: спецконтингент // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 134.

⁵ Полян П. М. Не по своей воле...История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 15.

считаются различные аспекты принудительных миграций и спецпоселенчества в СССР⁶. В них наряду с широким использованием источников мемуарного характера привлечены опубликованные в СССР и России книги, статьи, сборники документов, архивный материал. Значительный интерес представляет книга Э. Эпплбаум «ГУЛАГ. Паутина Большого террора»⁷. Хотя в этой работе не затрагивается история спецпереселенцев, она дает систематизированный материал по истории советской репрессивной политики.

Тема принудительного труда в последние десятилетия привлекла к себе особое внимание российских историков. Были подняты вопросы, касающиеся деятельности репрессивных органов в рамках бывшего СССР, численности и качественного состава различных категорий репрессированных, раскулаченных и депортированных народов, методов и форм применения труда спецконтингента. Появились историографические обзоры по проблеме использования принудительного труда в СССР в послевоенные годы⁸.

С декабря 2007 г. ведет точку отсчета научно-издательский проект издательства РОССПЭН совместно с Фондом Первого Президента России Б. Н. Ельцина «История сталинизма» в 100 томах. В рамках проекта увидели свет лучшие работы отечественных и зарубежных историков, в том числе касающиеся проблем принудительного труда.

Одним из первых на рубеже 1980-х – 1990-х гг. к теме судеб спецпереселенцев, репрессированных, депортации народов обратился

---

⁶ Об этом подробнее см.: Меньковский В. И. Дискуссии о масштабах репрессий 1930–1950-х гг. в англо-американской историографии // Историческая демография. М.; Сыктывкар, 2007. С. 143–147; Полян П. В далекие края. Книги о репрессивных принудительных миграциях в СССР. Версия для печати // Электронный ресурс: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/polian.html>.

⁷ Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. (Anne Applebaum. GULAG. A History. — New York, 2003.) М., 2006.

⁸ Пянкевич В. Л. Невольники в возрождении советской экономики (историография принудительного труда граждан СССР 40-х – начала 50-х гг.) // Историографический сб.: Межвузовский сб. науч. трудов. Вып. 20. Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2002. Саратов, 2002 // Электронный ресурс: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9832/06.pdf>; Хохлов А. В. Роль сектора «лагерной» экономики в восстановлении народного хозяйства: проблемы историографии // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. Т. 15. Вып. 12. 2009. С. 170–175; Полян П. Там же; Степанов М. Г. Репрессивная политика советского государства в 1928–1953 гг.: проблемы российской историографии: Автореф. дис. ...докт. историч. наук. Улан-Удэ, 2009.

В. Н. Земсков⁹. Автору на основе выявленного уникального архивного материала удалось проследить эволюцию системы принудительного труда в целом, выявить социально-демографические последствия депортации и спецпоселения. В. Н. Земсковым проанализирован целый ряд проблем, касающихся различных категорий спецконтингента: заключенных, спецпоселенцев, ссыльных, репатриантов и интернированных граждан, в частности, масштабы репрессий и их организация, география спецпоселений и правовой режим, юридическое и фактическое положение спецконтингента, динамика численности и социальный состав спецпоселенцев и др.

Ряд авторов применил новые подходы к определению причин, сущности и эффективности принудительного труда в СССР. Так, С. А. Красильников считает, что «в основе создания и длительного функционирования советской системы принудительного труда лежали глубокие объективные причины экономического, политического, социокультурного и психологического характера, важнейшими среди которых являлись экономические приоритеты государства; политические и социальные цели сталинского руководства; корпоративные интересы карательных органов»¹⁰. На основании изученных материалов автором сделан вывод о неэффективности любых форм организации принудительного труда.

Уральский историк А. Б. Суслов подчеркивает, что «формирование и использование такого социального слоя, как спецконтингент, являлось одним из важнейших условий поддержания стабильности системы». Признавая неэффективность любых форм организации принудительного труда, исследователь предложил перенести центр тяжести вопроса в иную плоскость: вести разговор

---

⁹ Земсков В. Н. Спецпоселенцы: по документации НКВД-МВД СССР // Социологические исследования. 1990. № 11 С. 3–17; Он же. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных. 1954–1960 // СОЦИС. 1991. № 1. С. 5–26; Он же. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные: статистико-географический аспект // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165; Он же. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 3–21; Он же. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118–143; Он же. Спецпоселенцы. 1930–1959 // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 145–194; Он же. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003.

¹⁰ Красильников С. А. Советская система принудительного труда: некоторые черты и особенности формирования в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов // Электронный ресурс: <http://gf.nsu.ru/bakhrushin/krasilnikov1996.shtml>

в первую очередь не об эффективности в чисто экономическом понимании этого термина, а о том, что понималось под эффективностью политическим руководством страны. Эффективность производства рассматривалась вождями не как отношение затрат к результату производства, а как возможность быстрого решения политико-экономических проблем. Поэтому, говоря о проблеме эффективности принудительного труда, в первую очередь следует вести разговор о мобилизационных возможностях этого сектора экономики¹¹.

Одним из основных объектов исследования российских историков стали социальные процессы в маргинальных группах советского общества, к которым причисляются и различные категории лиц, входивших в состав спецконтингента. Несмотря на разные подходы к определению понятия маргинальности, общим является признание большинством авторов окраинного, изолированного положения маргинальных групп в социальной структуре: «Маргинальность в ее типичной форме – это утрата объективной принадлежности к тому или иному классу, сословию, группе без последующего вхождения в другую подобную общность. Главным признаком маргинальности служит разрыв связей (социальных, культурных, поселенческих) с прежней средой. Постепенно значение термина «маргинальность» стало расширяться и ныне оно служит для обозначения пограничности, периферийности или промежуточности по отношению к любым социальным общностям»¹².

Новосибирский ученый С. А. Красильников относит спецпереселенцев к одной из самых массовых маргинальных групп в 1930-е гг., обосновывая это положение конкретным анализом прав и ограничений данной категории репрессированных. Автор подчеркивает, что вытесненные «за грани формально правового советского общества», «спецпереселенцы насильственным путем были переструктурированы, превращены в универсальную рабочую силу для нужд сталинской („социалистической“) модернизации»¹³.

---

¹¹ Сулов А. Б. Принудительный труд на Урале (конец 1920-х – начало 1950-х гг.): эффективность и производительность // ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2005. С. 275.

¹² Красильников С. А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов). Новосибирск, 1998. С. 4.

¹³ Красильников С. А. Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 18.

В 2000-е гг. появились специальные исследования, освещающие проблемы маргинальных групп в 1930-х – середине 1950-х гг.¹⁴ Наиболее активно эти вопросы разрабатываются сибирскими историками. В их публикациях рассматриваются процессы маргинализации, анализируются изменения в численности, составе и использовании трудового потенциала ряда социальных, национальных и конфессиональных групп советского социума, в том числе спецпоселенцев, в контексте советской внутренней политики в 1920–1950-е гг.

Проблема одной из самых массовых принуждаемых к труду категорий – спецпереселенцев – и крупных насильственных переселений в 1930–1950-е гг. (выселения раскулаченных, депортации и др.) является достаточно разработанной на сегодняшний день¹⁵. Увидел свет ряд исследований, посвященных такой форме спецпоселенчества, как «кулацкая ссылка». Здесь следует выделить книги Н. А. Ивницкого, С. А. Красильникова, В. Я. Шашкова и др., подготовленные на основе богатого архивного материала и раскрывающие многие малоизученные аспекты истории «кулацкой ссылки»¹⁶.

В монографии В. А. Бердинских основное внимание сконцентрировано на анализе политических и социально-демографических аспектов спецпоселения¹⁷. В ней на основе обширного документально-справочного и нарративного материала исследуется как механизм депортации, так и сама система спецпоселений.

---

¹⁴ Маргиналы в советском обществе: механизмы и практика статусного регулирования в 1930–1950-е годы. Новосибирск, 2006; Маргиналы в советском обществе: институциональные и структурные характеристики в 1930–1950-е гг. Новосибирск, 2007; Зубкова Е. Ю. На «краю» советского общества. Маргинальные группы населения и государственная политика. 1940–1960-е годы // Российская история. 2009. № 5. С. 101–118; Маргиналы в советском социуме, 1930-е – середина 1950-х гг. Изд. 2-е, расшир. и доп. Новосибирск, 2010.

¹⁵ См. подробнее: Игнатова Н. М. История спецпереселенцев: основные направления в отечественной историографии // Историк и его время. Памяти профессора В. Б. Коносова. Сборник научных статей. Вологда, 2010. С. 380–388.

¹⁶ Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х годов). М., 1996; Шашков В. Я. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. Мурманск, 2000; Красильников С. А. Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003; Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н. Корни или шепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск, 2008 и др.

¹⁷ Бердинских В. А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005.

В кандидатской диссертации И. В. Бердинских¹⁸ предпринята попытка первого комплексного исследования по истории формирования и функционирования инфраструктуры системы спецпоселений. Автор выделяет в этой системе три основных уровня: политико-правовой, уровень управления и надзора и экономический. В исследовании раскрывается нормативная база административно-управленческой структуры спецпоселений на центральном, региональном и местном уровнях, принципы ее функционирования, анализируется спецпоселение как среда обитания человека.

К настоящему времени проведена значительная работа по изучению истории спецпоселения на региональном уровне. Особенно следует отметить работы А. А. Шадта, Е. Л. Зберовской, Л. П. Белковец, Н. М. Игнатовой, Т. В. Гуршовой и др.¹⁹ Авторы обстоятельно проанализировали систему спецпоселений как особое социально-правовое явление, в комплексе рассмотрели причины и этапы депортации, прием и расселение спецпоселенцев, их хозяйственное положение, социально-бытовое обустройство, трудовое использование, деятельность органов НКВД – МВД по обеспечению режима спецпоселения.

---

¹⁸ Бердинских И. В. Особенности формирования инфраструктуры системы спецпоселений в СССР в 1930–1940-х гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ижевск, 2007.

¹⁹ Игнатова Н. М. Осуществление политики спецпереселения и изменения численности спецпереселенцев – «бывших кулаков» в середине 1930-х–1950-е гг. // Покаяние: Мартиролог. Т. 4. Ч. 2. Сыктывкар, 2001. С. 19–30; Она же. Использование труда спецпереселенцев – «бывших кулаков» в лесной промышленности и других отраслях в середине 1930-х–1950-е гг. // Покаяние: Мартиролог. Т. 4. Ч. 2. 2001. С. 59–72; Она же. Социальный и духовный протест спецпереселенцев в 1930–1950-е гг. на Европейском Севере: постановка проблемы и интерпретация источников // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 1 (9). С. 5–13; Шадт А. Правовой статус российских немцев в СССР (1940–1950-е гг.) // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны. Послевоенное десятилетие. 1941–1955 гг. Материалы 7-й Междунар. науч. конф. Российские немцы. Биография и источниковедение. М., 2001. С. 287–312; Он же. Этническая ссылка в Сибири как инструмент советской национальной политики (1940–1950-е гг.) // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002. С. 224–248; Он же. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 2003; Зберовская Е. Л. Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940–1950-е гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Красноярск, 2006; Гуршова Т. В. Спецпоселенцы из Западной Украины в Иркутской области: 1940-е – 1960-е годы: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Иркутск, 2006; Сивцева С. И. Спецпоселенцы в Якутии в 1930–1950-х гг. // Отечественная история. 2007. № 6. С. 108–117; Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Историко-правовое исследование. 2-е изд. М., 2008 и др.

В исследованиях углублен ряд сюжетов, определены новые подходы. Так, Н. М. Игнатова дополняет исследование социального протеста спецпереселенцев анализом духовного протеста (творчество, сохранение религиозных взглядов и религиозной культуры, стремление сохранить национальную культуру) и подчеркивает, что целью духовного протеста было сохранение внутреннего мира, присущего человеку до высылки и способствующего преодолению условий жизни в спецпоселках в психологическом, духовном и ментальном аспектах. В определенном смысле целью духовного протеста было «духовное выживание личности»²⁰.

За последние два десятка лет опубликовано значительное количество работ по вопросам депортации, относившимся к числу «закрытых» тем вплоть до конца 1980-х гг. Наиболее плодотворно работали в этой области такие исследователи как Н. Ф. Бугай, А. Л. Дугин, М. А. Вылцан, В. П. Мотревич, Т. И. Славко, А. И. Кокурин, Л. П. Белковец, Л. А. Бургарт и др.²¹ Авторы определили причины и условия проведения переселенческих операций, регионы расселения депортированных, их численность и состав, рассмотрели действия центральной и местной власти по приему и размещению переселенцев.

---

²⁰ Игнатова Н. М. Социальный и духовный протест спецпереселенцев в 1930–1950-е гг. на Европейском Севере: постановка проблемы и интерпретация источников // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2006. №1 (9). С. 6.

²¹ Бугай Н. Ф. К вопросу о депортациях народов СССР в 30–40-х годах // История СССР. 1989. № 6. С. 135–143; Он же. Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений // История СССР. 1991. № 1. С. 143–160; Он же. 40-е годы: «Автономно немцев Поволжья ликвидировать...» // Там же. № 2. С. 172–180; Он же. 40–50-е годы: последствия депортации народов (свидетельствуют архивы НКВД-МВД СССР) // История СССР. 1992. № 1. С. 122–143; Он же. 20–40-е годы: депортация населения с территории Европейской России // Отечественная история. 1992. № 4. С. 37–49; Он же. 20–50-е годы: принудительные переселения народов // Обозреватель. 1993. № 11. С. 122–127; Он же. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию ...». М., 1995; Он же. Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века): Книга-мониторинг. М., 2006; Дугин А. Л. Неизвестные документы о репрессиях 1930–1950-х гг. (по фондам ЦГАОР) // Административно-командная система управления. Проблемы и факты: Сб. М., 1992. С. 69–87; Кокурин А. И. Спецпереселенцы в СССР в 1944 году, или Год большого переселения // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 98–111; Вылцан М. А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 26–44; Бургарт Л. А. Немцы в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг.: депортация и жизнь в условиях режима спецпоселения. Усть-Каменогорск, 1997; Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Историко-правовое исследование. 2-е изд. М., 2008 и др.

Особо следует отметить исследования Н. Ф. Бугая, одним из первых рассмотревшего проблемы депортации с научной точки зрения. Автор определил насильственные переселения групп людей и целых народов как противоправное, экономически неэффективное мероприятие, повлекшее за собой масштабные демографические и культурные потери. Основной причиной депортаций автор определяет необходимость урегулирования межнациональных конфликтов, однако при этом недостаточно акцентируется внимание на том факте, что организация спецпоселений представляла собой составную часть общей политики советского государства.

Глубокий анализ истории принудительных миграций в СССР содержится в работах П. М. Поляна²². Автор квалифицирует их как специфическую форму политических репрессий. На основании богатого эмпирического материала П. М. Полян предложил свою типологию принудительных миграций, реконструировал их нормативную базу, хронологию и географию. Категории депортированных и спецпоселенцев в монографии распределены по социальному, этническому, конфессиональному и другим признакам. По сути труд автора – это первое систематическое исследование массовых принудительных миграций в нашей стране.

В раскрытии сущности депортаций большую роль сыграли исследования, посвященные репрессиям против отдельных народов. Наиболее изучена история российских немцев. За истекший период со времени принятия Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (26 апреля 1991 г.) была создана объемная научная база, опубликованы как статьи, так и монографические исследования, очерки, которые обогатили эту сторону проблемы (Л. П. Белковец, Л. А. Бургарт, А. А. Герман, А. Н. Курочкин, В. Бруль и др.).

Одним из направлений исследования проблемы принудительного труда является анализ категорий населения, тем или иным способом принуждаемого к труду. В монографиях и статьях А. Б. Сулова впервые дана комплексная характеристика категорий спецконтингента (заклученных, спецпоселенцев, трудмобилизованных НКВД, военнопленных, интернированных и узников проверочно-фильтрационных лагерей), содержащихся в лагерях Пермской области, выявлены сходства и различия их социального и правового статуса. Автор рассматривает спецконтингент как особую социальную группу зависи-

---

²² Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

мого населения Советского Союза, определяет подходы к проблеме сравнительного анализа эффективности вольнонаемного и принудительного труда в СССР²³.

Проблемы спецконтингента получили дальнейшее развитие в ряде монографий и кандидатских диссертаций²⁴. В работах дан анализ численности и состава различных категорий спецконтингента, характер их трудовой деятельности, режим содержания, условия жизни, влияние на формирование рабочих кадров и развитие экономического потенциала регионов.

Вопросы спецпоселений и депортаций в той или иной мере нашли отражение в трудах по истории ГУЛАГа²⁵. В них анализируется численность, социальный и национальный состав контингентов ГУЛАГа, условия их жизни, труда и быта, взаимоотношения с администрацией лагерей. Исследователи ставят задачи ретроспективного анализа системы лагерей и спецпоселений для определения ее характера и места в общей системе советского государства,

---

²³ Суслов А. Б. Системный элемент советского общества конца 20-х – начала 50-х годов: спецконтингент // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 125–134; Он же. Спецконтингент и принудительный труд в советских пенитенциарных концепциях 1930-х годов // Отечественная история. 2004. № 5. С. 81–96; Он же. Правовой статус спецпоселенцев на Урале в 30-х – начале 50-х годов // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 29. Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 15. С. 118–130; Он же. Принудительный труд на Урале (конец 1920-х – начало 1950-х гг.): эффективность и производительность // ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2005. С. 255–278; Он же. Спецконтингент в Пермской области. 1929–1953 гг. М., 2010 и др.

²⁴ Маламуд Г. Я. Заключенные и трудмобилизованные НКВД и спецпоселенцы на Урале в 1940-х – начале 1950-х гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998; Боркова Е. В. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930-е – начале 1950-х гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005; Пажит Ю. Ю. Заключенные, трудмобилизованные НКВД СССР и спецпоселенцы в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005; Бикметов Р. С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929–1956 гг.). Кемерово, 2009 и др.

²⁵ Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10–27; 1991, № 7. С. 3–16; Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997; Иванова Г. М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997; Она же. История ГУЛАГа: 1918–1958. Социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006; Морозов Н. А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар, 1997; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / отв. ред. Л. И. Бородкин, П. Грегори, О. В. Хлевнюк. М., 2005; Киселёв А. А. ГУЛАГ на Мурмане. Репрессии 1930–1950-х гг. на Кольском полуострове. Мурманск, 2008; Упадышев Н. В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, функционирование, распад. (1929–1960): Автореф. дис. ...докт. ист. наук. Архангельск, 2009.

выяснения общих тенденций развития лагерной системы в сочетании с региональными особенностями.

История репрессивной политики на Европейском Севере России получила отражение в вышеназванных работах В. Н. Земскова, Н. Ф. Бугая, Н. М. Игнатовой, других исследователей²⁶. В них выявлены как общие закономерности функционирования лагерей и спецпоселенческой системы, так и ее особенности в условиях Европейского Севера.

Несмотря на широкий круг публикаций по проблемам спецпоселения, различные аспекты темы требуют более глубокого и основательного изучения. Недостаточно изученной остается технология высылки на

---

²⁶ Бугай Н. Ф. Конец 30-х–40-е годы. Европейский Север: депортация народов // Национальные отношения в Коми АССР: история и современность: Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения АН СССР. Сыктывкар, 1991. Вып. 52. С. 84–97; Он же. Север в политике переселения народов // Север. 1991. № 4. С. 92–98; Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956 гг.): Тез. докл. Сыктывкар, 1993; Рогачев М. Б. Спецпоселенцы в Коми АССР: национальный состав и межэтнические контакты (30–50-е гг.) // Труды Ин-та яз., лит. и истории Коми науч. центра УрО АН СССР. Сыктывкар, 1993. Вып. 56. С. 59–68; Турубанов А. Н. Спецпереселенцы и ссыльные в Коми АССР в 30–50-е годы // Вопросы истории Европейского Севера (Проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX–XX вв.). Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1995. С. 154–159; Доброноженко Г. Спецпоселенцы в Коми АССР: 1945–1950 гг. (статистико-географический аспект) // Рубеж: Альманах социальных исследований. Сыктывкар, 1997. № 10–11. С. 232–241; Хроника политических репрессий в Коми крае. 1918–1960 гг. // Покаяние: Мартиролог. Т. 3. / Сост. М. Б. Рогачев. Сыктывкар, 2000; Вклад репрессированных в освоение Европейского Севера России и Приуралья: Материалы регионального научного симпозиума (Сыктывкар, 19 октября 2001). Сыктывкар, 2004; Старостин С. И. Структура и функции администрации спецпереселенческих поселков Вологодской области в 1930–1956 годы // Историческое краеведение и архивы: Сб. ст. Вып. 9. Вологда, 2003. С. 109–125; Он же. Спецпоселенцы в Вологодской области в 1940-е гг. // Органы внутренних дел Вологодской области накануне и в годы Великой Отечественной войны: Сб. материалов науч.-практ. семинара. Вологда, 2006. С. 60–66; Он же. Система трудовых и специальных поселений // Органы внутренних дел и исправительно-трудовые учреждения Вологодской области (1937–1953 гг.): неизвестные страницы истории: Исторические очерки: В 2 ч. Вологда, 2009. Ч. 1. С. 183–208; Упадышев Н. В. Спецпоселенцы в Северном крае: концептуальное видение проблемы // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманит. и социальные науки. 2005. № 2 (8). С. 24–33; Упадышев Н. В. Спецпоселенцы в Северном крае: концептуальное видение проблемы. Ч. 2.: «Кулацкие» семьи в спецпоселках // Вестн. Помор. ун-та. Сер. Гуманит. и социальные науки. 2006. № 1 (9). С. 14–23; Лобченко Л. Н. Спецпереселенцы в истории Северного края. 1929–1946 гг. Мурманск, 2007; Доброноженко Г., Шабалова Л. Спецпоселенцы в Коми АССР: 1945–1950 гг. (Статистико-географический аспект) // Электронный ресурс: Режим доступа: <http://socnet.narod.ru/Rubez/10-11/dobronozh.htm> и др.

спецпоселение: ее обоснование, подготовка, организация и осуществление; инфраструктура спецпоселения как места обитания репрессированных, взаимоотношения спецпоселенцев с местным населением.

Наряду с вопросами спецпоселения в 1990–2000-е гг. российскими историками активно изучалась история иностранного военного плена Второй мировой войны. Эта сравнительно новая сфера исторической и историко-правовой науки ведет свой отсчет в нашей стране с начала 1990-х гг., когда исследователи получили доступ в ведомственные архивы. Изданные до этого времени работы из-за слабости источниковой базы не могли дать полную объективную картину пребывания иностранных военнопленных в СССР, поскольку неизменным оставался идеологический диктат в исторической науке, что вело к сужению и односторонности исследований²⁷.

Одним из первых российских ученых обратился к данной теме военный историк В. П. Галицкий²⁸. Им проанализированы различные аспекты государственной политики по отношению к военнопленным, вопросы режима в лагерях в 1941–1945 гг., трудового использования, участия пленных в антифашистском движении, социальные и психологические проблемы плена. Ученым сделан обоснованный вывод о том, что СССР в отношении к иностран-

---

²⁷ Подробнее см.: Кузьминых А. Л. История военного плена Второй мировой войны в СССР: этапы, проблемы и перспективы изучения // Историк и его время. Памяти профессора В. Б. Конасова. Сб. науч. статей. Вологда, 2010. С. 202–222; Он же. Советский военный плен и интернирование как историографическая проблема // Российская история. 2012. № 3. С. 158–174; Ерин М. Е. Российские и немецкие историки о судьбе военнопленных в СССР // Проблемы новой и новейшей истории. Ярославль, 2002. Вып. 4. С. 3–18; Суржикова Н. В. Новейшая отечественная историография проблем военного плена Второй мировой войны // Электронный ресурс: режим доступа: oldcsu.csu.ru/files/history/413.rtf.

²⁸ Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 39–46; Он же. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право. 1990. № 4. С. 121–130; Он же. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 48–63; Он же. Немецкие военнопленные в СССР: правда и домыслы // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 66–78; Он же. Венгерские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 44–55; Он же. Репрессивная политика Советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939–1956 гг.) // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии. Материалы к Всерос. конф., посв. 50-летию Победы. Вологда, 1995. С. 3–13; Он же. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). М., 1997 и др.

ным военнопленным строго следовал принципам гуманизма и требованиям международного гуманитарного права.

В исследованиях отечественных авторов, подготовленных на основе архивных материалов, рассматриваются дипломатические, политические и правовые аспекты проблемы²⁹, такие вопросы, как трудовое использование иностранных военнопленных в СССР³⁰, условия быта³¹, медицинское обеспечение³², репатриация³³, созда-

---

²⁹ Кузнецов С. И. Проблема военнопленных в российско-японских отношениях после Второй мировой войны. Иркутск, 1994; Безбородова И. В. Военнопленные Второй мировой войны: Генералы вермахта в плену. М., 1998; Щелокаева Т. А. Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939–1956): Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000; Она же. Юридические основания уголовного преследования иностранных военнопленных в СССР (1939–1956 гг.) // Право и политика. 2000. № 7. С. 55–63; Смыкалин А. С. Правовой статус и особенности содержания немецких военнопленных в СССР в 1942–1956 гг.: По материалам Свердловской области // Правоведение. 2001. № 1. С. 209–216; Дембицкий Н. П. Судьба пленных // Война и общество, 1941–1945. Кн. 2. М., 2004. С. 232–264; Епифанов А. Е. История и правовое положение военнопленных вермахта в Сталинграде. 1942–1956 гг. Волгоград, 2007 и др.

³⁰ Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР. 1939–1956 гг. Волгоград, 2001; Колеров М. Военнопленные на стройках коммунизма: По материалам «Особой папки» Л. П. Берии (1946–1950 гг.) // Родина. 1997. № 9. С. 79–83; Он же. Военнопленные в системе принудительного труда в СССР (1945–1950) // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 355–376; Кузьминых А. Л. Труд военнопленных в развитии экономики СССР. 1939–1956 гг. // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 129–140.

³¹ Дембицкая Т. Содержание советских военнопленных в немецких лагерях: историко-антропологический аспект // Опыты историко-антропологических исследований. М., 2003. С. 184–191; Бабаева В. Быт немецких военнопленных в СССР // Личность. Быт. Ментальность. Калининград, 2005. Вып. 2. С. 53–58 и др.

³² Томилов В. А., Грибовская Г. А. Организация лечения раненых и больных военнопленных в госпиталях тыла страны в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1995. № 5. С. 40–43; Конасов В. Б., Богатырь О. А. Зона милосердия // Военно-исторический журнал. 1999. № 3. С. 93–96; Кузьминых А. Л. Медико-санитарное обслуживание военнопленных в лагерях и спецгоспиталей Архангельской и Вологодской областей (1939–1949 гг.) // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 2(10). С. 12–20; Маркдорф Н. М. История становления лечебного дела в спецгоспиталях Народного комиссариата внутренних дел – Министерства внутренних дел СССР Западной Сибири: 1942–1950-е гг. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2010. № 4/1. С. 165–172 и др.

³³ Иваницкий Г. М. Репатриация немецких военнопленных из Советского Союза // Трагедия плена: Сб. мат. Междунар. науч.-практич. конф. «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ, СНО и начало репатриации военнопленных». Москва / Красногорск 31 октября – 2 ноября 1995 года. Красногорск, 1996. С. 118–121; Бугай Н. Репатриация военнопленных немцев из СССР в 40–50-е гг. Электронный ресурс: Режим доступа: http://www.nasledie.ru/oboz/N03_96/3_11.HTM и др.

ние агентурной сети в лагерях военнопленных³⁴, захоронения военнопленных³⁵ и др.

В работах профессора В. Б. Конасова³⁶ на основе комплекса документальных материалов были впервые подробно рассмотрены вопросы численности немецких военнопленных в СССР, проанализированы правовая база создания лагерей, международно-правовой статус иностранных военнопленных.

В 2001 г. увидела свет монография С. Г. Сидорова «Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг.», являющаяся первым и наиболее полным исследованием трудового использования военнопленных. Автором подвергнут сомнению вывод австрийского ученого С. Карнера о том, что стоимость работ, произведенных военнопленными и интернированными в СССР в годы четвертой пятилетки, составляет примерно 8 % общего объема. С. Г. Сидоров считает, что эта цифра завышена примерно два раза³⁷. Тем не менее автор признает, что применение труда военно-

---

³⁴ Смыкалин А. С. Создание агентурной сети среди военнопленных немцев в СССР // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 147–151.

³⁵ Букин С. С. Захоронения военнопленных в Новосибирской области // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.): Бахрушинские чтения 1998 г. Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 192–205; Он же. В чужой земле: Памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944–1948 гг. Новосибирск, 2000; Ерин М. Е. О судьбе захоронений немецких военнопленных в Ярославской области // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Междунар. науч.-практич. конф. 23–25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч. 1. Вологда, 1997. С. 144–149; Мотревич В. П. Иностранцы воинские захоронения в Свердловской области // Там же. С. 149–154; Колошинская Н. В. Иностранцы военные захоронения в Ленинградской области и организационно-правовые мероприятия органов МВД по их сохранению в 40–50-е гг. // История государства и права. 2002. № 6. С. 24–25.

³⁶ Конасов В. Б. Гриф секретности снят. К истории немецких военнопленных в СССР. Вологда, 1991; Он же. К вопросу о численности немецких военнопленных в СССР // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 187–189; Конасов В. Б., Терешук А. В. Под влиянием побеждающего народа: германские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Народ и война. 50 лет Великой Победы. СПб., 1995. С. 282–304; Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Вологда, 1996; Он же. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. М., 1998; Он же. Преемники Сталина и проблема немецких военнопленных // Отечественная история. 1998. № 5. С. 167–174; Он же. Проблема правовой защиты военнопленных в исторической ретроспективе // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Вологда, 2000. С. 38–62; Конасов В. Б., Кузьминых А. Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда, 2002.

³⁷ Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг. Волгоград, 2001. С. 16.

пленных в народном хозяйстве СССР оказало влияние на экономическое развитие страны, особенно в послевоенные годы. По неполным данным ГУПВИ МВД СССР, за 1942–1949 гг. пленные отработали более 1 млрд человеко-дней, заработав при этом 16 777,7 млн руб. Стоимость выполненных бывшими солдатами противника работ более чем в 2,2 раза превысила затраты на содержание лагерей ГУПВИ, однако в то же время она составила лишь около 7,3 % от общего ущерба, причиненного Советскому Союзу за годы войны (679 млрд руб.)³⁸.

Целым рядом интересных исследований по названной проблеме пополнилась региональная историография. Наиболее изученными в этом отношении являются Дальний Восток, Сибирь, Урал, Казахстан, Бурятия, Волгоградская, Ярославская и Ленинградская области, Европейский Север России³⁹. Авторы не ограничиваются изучением исклю-

---

³⁸ Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР... С. 402, 415.

³⁹ Ерин М. Е., Баранова Н. В. Немцы в советском плену (По архивным материалам Ярославской области) // Отечественная история. 1995. С. 133–142; Кузьмина М. А. Плен (японские военнопленные в Хабаровском крае). Комсомольск-на-Амуре, 1996; Бондаренко Е. Ю. Японские военнопленные на Дальнем Востоке России в послевоенные годы. Владивосток, 1997; Она же. Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956). Владивосток, 2002; Базаров О. Д. Японские военнопленные в Бурятии (1945–1948 гг.): Дис.... канд. ист. наук. Иркутск, 1997; Кузнецов С. И. Японцы в сибирском плену. Иркутск, 1997; Баранова Н. В. Материальный ущерб, нанесенный промышленности Верхнего Поволжья в годы Великой Отечественной войны, и привлечение к ее восстановлению немецких военнопленных (1941–1949 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ярославль, 1998; Спиридонов М. Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945–1948 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Красноярск, 2001; Суржикова Н. В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001; Колошинская Н. В. Обеспечение правового режима содержания немецких военнопленных на территории Ленинграда и Ленинградской области во второй половине 40-х гг. (историко-правовой аспект): Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. СПб., 2002; Мотревич В. П. Осужденные интернированные гражданские лица и военнопленные Второй мировой войны в Свердловской области в 1949–1956 гг. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2002. Вып. 2. С. 208–221; Конасов В. Б., Кузьминых А. Л. Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере: Очерки и документы. Вологда, 2002; Рожкова Е. К. Иностранцы военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943–1950-е гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Оренбург, 2002; Шарков А. В. Архипелаг ГУПВИ: Военнопленные и интернированные на территории Белоруссии: 1944–1951 гг. Минск, 2003; Потыльчак А. В. Советский военный плен и интернирование в Украине (1939–1954 гг.). Киев, 2004; Кузьминых А. Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). Вологда, 2005; Ларичкина Ю. А. Иностранцы военнопленные на территории Курской области: 1943–1950: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Курск, 2006; Михеева Л. В. Иностранцы военнопленные и интернированные в Центральном Казахстане (1941 – начало 50-х гг. XX в.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук.

чительно структурно-организационных аспектов указанной проблемы, а проводят ее комплексный анализ, затрагивая такие вопросы, как охрана и режим содержания военнопленных и интернированных, использование их труда в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства, организация разведывательной и контрразведывательной работы в их среде. На основе преимущественно региональных материалов авторы раскрывают основные тенденции формирования и развития лагерей ГУПВИ, динамику и состав лагерного контингента, выявляют общие черты в функционировании различных элементов системы принудительного труда. Так, в кандидатской диссертации Л. В. Михеевой подчеркивается: «Несмотря на подчинение разным ведомственным структурам, лагеря для военнопленных и интернированных, образованные в СССР в годы войны и после ее окончания, тесно влились в систему исправительно-трудовых лагерей НКВД-МВД, так как ресурсы всей лагерной системы в Советском Союзе, подчиненные как ГУПВИ, так и ГУЛАГу, цели и задачи, поставленные перед ними, и функции, которые они выполняли, были тесно связанными»⁴⁰.

Среди региональных исследований по проблемам военного плена Второй мировой войны особо следует отметить работы вологодского ученого А. Л. Кузьминых, в которых глубоко освещены основные аспекты этой многоплановой темы, выявлена региональная специфика содержания пленных вражеских солдат в Вологодской и Архангельской областях⁴¹. Автором поднимаются такие малоисследованные

Караганда, 2007; Карасев С. В. История плена: советско-японская война и ее последствия (1945–1956 гг.): Автореф. дис. ...докт. ист. наук. Улан-Удэ, 2007; Жангуттин Б. О. ГУПВИ: военнопленные и интернированные на территории Казахстана (1941–1945 гг.) // Отечественная история. 2008. № 2. С. 107–114; Коротаев В. И. Проблема выживания военнопленных в советских лагерях на примере лагеря № 211, 1944–1948 гг. // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 4. С. 11–18; Он же. Проблема социалистического перевоспитания военнопленных в 1944–1948 годах на примере лагеря № 211 // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 1. С. 18–26; Малясова Н. Б. Военнопленные и интернированные Второй мировой войны на территории Чувашской АССР (1942–1949 гг.): состав, размещение и трудовое использование: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Чебоксары, 2012 и др.

⁴⁰ Михеева Л. В. Иностранные военнопленные и интернированные в Центральном Казахстане (1941 – начало 50-х гг. XX в.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Караганда, 2007. С. 14.

⁴¹ Кузьминых А. Л. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). Изд. 2-е, испр. доп. Вологда, 2005; Он же. Военнопленные и северяне: становление диалога (1939–1949 гг.) // Отечественная история. 2005. № 2. С. 120–126; Он же. Особенности пребывания иностранных военнопленных на Европейском Севере СССР // Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Немецкие

сюжеты, как взаимоотношения иностранных военнопленных с лагерным персоналом и местным населением, социально-психологические аспекты пребывания солдат неприятеля в плену, медицинское обслуживание военнопленных, методы политической и оперативно-следственной работы с ними и др.

В некоторых регионах проводится большая исследовательская работа по определению мест захоронений военнопленных и восстановлению сотен забытых имен иностранных солдат и офицеров. Так, в двухтомном издании «Теперь я прибыл на край света...»⁴², посвященном истории пребывания иностранных военнопленных Второй мировой войны на территории Вологодской области, не только освещены деятельность лагерей и спецгоспиталей, различные аспекты лагерной жизни пленных, но и опубликованы списки иностранных военнопленных и интернированных, умерших на территории Вологодской области в 1943–1949 гг., и информация о захоронениях. Книга содержит богатый иллюстративный материал – различные списки и фотографии военнопленных, схемы лагерей, а также воспоминания бывших военнопленных, сотрудников лагерного персонала.

Анализ региональных исследований позволяет говорить о том, что в размещении, жизнеобеспечении и трудовом использовании иностранных военнопленных наблюдались существенные различия. География и специфика труда накладывали отпечаток на обеспечение пленных, качество их медицинского обслуживания и, как следствие, на динамику заболеваемости и смертности. Потребность той или иной области, края или республики СССР в рабочей силе самым прямым образом сказывалась на сроках пребывания в плену. Многие исследователи приходят к выводу, что для советского руководства гума-

---

военнопленные в СССР: Материалы Междунар. науч. семинара (Вологда, 17–18 октября 2005 г.). Вологда, 2006. С. 9–14; Он же. Немецкие военнопленные в СССР: социально-психологический аспект проблемы // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 168–180; Он же. Захоронения иностранных военнопленных Второй мировой войны на Европейском Севере России: проблемы сохранения и благоустройства // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 288–298 и др.

⁴² Кузьминых А. Л., Старостин С. И., Сычев А. Б. «Теперь я прибыл на край света...»: Очерки и док. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1: Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных в Вологодской области (1939–1949 гг.). Вологда, 2009. Т. 2: Иностранные военнопленные и интернированные, умершие в Вологодской области в 1943–1949 гг. Вологда, 2009.

нитарная по своей сути проблема военного плена с самого начала имела преимущественно политическое и идеологическое значение⁴³.

Несмотря на достаточно широкий круг литературы по проблемам военного плена, часть вопросов до сих пор является дискуссионной: количество иностранных военнопленных в СССР и число погибших в плену, правовой статус, продовольственное обеспечение, медицинское обслуживание и др.

Исследуемая тема всегда вызывала живой интерес за рубежом. Подробный анализ зарубежной историографии по истории военнопленных в СССР приведен в уже упоминавшихся статьях А. Л. Кузьминых, М. Е. Ерина и Н. В. Суржиковой. Российские исследователи выделяют два этапа в развитии зарубежной историографии. До начала 1990-х гг. работы зарубежных историков основывались на мемуарах побывавших в советском плену солдат вермахта и носили тенденциозный характер. Созданный германскими историками на основе воспоминаний бывших военнопленных в 1960–1970-е гг. 15-томный сборник «К истории немецких военнопленных Второй мировой войны» опирался на узкую источниковую базу, а ряд положений и выводов из-за отсутствия документов не соответствовали действительности.

С начала 1990-х гг. зарубежные ученые получили возможность работать в российских архивах с рассекреченными документами. Среди работ, подготовленных в это время, следует отметить труд С. Карнера «Архипелаг ГУПВИ. Плен и интернирование в Советском Союзе: 1941–1956 гг.»⁴⁴, освещающий различные аспекты проблемы, в том числе социальный и национальный состав военнопленных, условия их труда и быта, репатриацию на родину. Однако с некоторыми выводами автора нельзя согласиться. Так, судебное преследование всех военнопленных автор оценивает негативно, в то время как факты свидетельствуют о чудовищных преступлениях, совершенных на оккупированной советской территории.

Проведенный А. Л. Кузьминых анализ зарубежной историографии показал, что преимущественное внимание зарубежные ученые уделяют изучению поведенческих и психологических реакций в условиях плена, раскрытию особенностей существования лагерного социума, процессу ресоциализации репатриантов после возвращения на родину⁴⁵.

---

⁴³ Потыльчак А. В. Советский военный плен и интернирование в Украине... С. 32.

⁴⁴ Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе: 1941–1956. [Пер. с нем. О. Асписовой]. М., 2002.

⁴⁵ Кузьминых А. Л. История военного плена Второй мировой войны в СССР... С. 221.

Если в ряде регионов уже изданы монографии, посвященные проблемам спецпоселения и военного плена Второй мировой войны, то в Карелии вопрос о роли принудительного труда освещался в исследованиях и сборниках документов в основном применительно к периоду 1920–1930-х гг.⁴⁶ История же спецпереселенцев и иностранных военнопленных в послевоенные годы еще не стала предметом специального монографического исследования и рассматривалась лишь в статьях В. Т. Двинской, Ж. Крутых⁴⁷ и Л. И. Вавулинской*. Отдельные сведения по названной проблеме содержатся в сборниках документальных материалов⁴⁸. Лагерю № 517, в котором содержались интернированные немцы, посвящена книга И. Чухина и статья М. Л. Гольденберга⁴⁹. В данной работе мы не касаемся истории лагеря для интернированных на территории республики, ограничиваясь деятельностью лагерей для иностранных военнопленных.

---

* Библиографию статей автора см. в Списке источников и литературы.

⁴⁶ Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 гг.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1991; ГУЛАГ в Карелии. 1930–1941 гг.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1992; Макуров В. Г. Беломорско-Балтийский комбинат в Карелии. 1933–1941 // Новое в изучении истории Карелии. Сборник статей. Петрозаводск, 1994. С. 135–159; Никитина О. А. Спецпоселения в Карелии (1931–1932 гг.) // Там же. С. 121–134; Она же. Коллективизация и раскулачивание в Карелии. Петрозаводск, 1997; Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики, 1921–1940 гг. Петрозаводск, 1997; Гнетнев К. В. Канал. Петрозаводск, 2003; Макуров В. Г. Роль ГУЛАГа в индустриальном развитии Карелии. 1920–1930-е годы // Вклад репрессированных в освоение Европейского Севера России и Приуралья. Материалы регионального научного симпозиума (Сыктывкар, 19 октября 2001 г.). Сыктывкар, 2004. С. 128–135; Вавулинская Л. И. Массовые репрессии в Карелии в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Органы управления уголовно-исполнительной системой и карательная политика государства на Европейском Севере России. Сб. материалов науч.-практич. семинара (Вологда, 11 апреля 2007 г.). Вологда, 2008. С. 25–31.

⁴⁷ Двинская В. Т. О немцах-военнопленных в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера (Проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX–XX вв.). Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1995. С. 160–162; Крутых Ж. Я. Иностранные военнопленные в Карелии в 1941–1949 гг. // Филологические и исторические исследования в высшей школе. Сб. науч. ст. историко-филологического факультета. Вып. 2. Петрозаводск, 2007. С. 124–131.

⁴⁸ Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики. 1941–1956 гг. Петрозаводск, 1999; Особые папки. Рассекреченные документы партийных органов Карелии. 1930–1956 гг. Петрозаводск, 2001.

⁴⁹ Чухин И. И. Интернированная юность: История 517-го лагеря интернированных немцев НКВД СССР. М.; Петрозаводск, 1995; Гольденберг М. Л. И. И. Чухин – первый исследователь немцев, интернированных в Карелию // Россия и Германия: прошлое и настоящее. Материалы межвуз. междисциплинарной науч.-практич. конф. 22–23 апреля 2004 г. Петрозаводск, 2004. С. 39–42.

В исследовании использованы публикации, не затрагивающие непосредственно вопросы спецпоселения и пребывания иностранных военнопленных в Карелии, но дающие значительную информацию по социальным и экономическим проблемам региона в изучаемый период и позволяющие осуществить решение исследовательских задач на путях междисциплинарного синтеза. Эти работы содержат богатый фактический материал по демографическому состоянию, уровню жизни населения и по другим жизненно важным вопросам, стоявшим как перед руководством республики, так и перед населением, в состав которого вошли спецпоселенцы и военнопленные⁵⁰.

Источниковую базу работы составил комплекс опубликованных и неопубликованных источников. Это документальные публикации, законодательные и директивные акты, делопроизводственная документация, статистические данные, справочники, материалы периодической печати, источники личного происхождения.

К настоящему времени опубликован значительный массив документов, составляющих нормативную базу политической ссылки в Советском Союзе, что создает предпосылки для ее углубленного изучения и проблемного анализа. Опубликованные сборники законодательных и нормативных актов Верховного Совета РФ и Генеральной прокуратуры РФ о репрессиях⁵¹ содержат документы СССР и РСФСР прежних лет и действующие законодательные акты Российской Федерации о реабилитации подвергшихся репрессиям в 1920–1950-е гг. и восстановлении прав реабилитированных.

Богатый фактический материал о проведении депортаций и функционировании спецпоселений в СССР представлен в ряде сборников

---

⁵⁰ Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978; Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии 1945–1960 гг. Л., 1988; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001; Петрозаводск: хроника трех столетий, 1703–2003. Петрозаводск, 2002; Бравый Я. Н. Времена и законы: Карельская хроника. Петрозаводск, 2003; История экономики Карелии. В трех книгах. Книга 2. Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.). Петрозаводск, 2005; История строительства в Карелии. Петрозаводск, 2007; Баданов В. Г. История экономики и финансов Карелии. С древнейших времен до 1991 года: Учебное пособие. Петрозаводск, 2010 и др.

⁵¹ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993; Реабилитация народов и граждан. 1954–1994. Документы. М., 1994; Реабилитация: как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: В 3 т. М., 2000.

документов и материалов⁵². Они содержат сведения, касающиеся депортаций большинства репрессированных народов, вопросов режима, условий труда и быта в местах поселения.

Одним из лучших изданий документов по проблеме иностранного военного плена, на наш взгляд, является сборник «Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы» под редакцией профессора М. М. Загорулько⁵³ – капитальный труд, насчитывающий более 1000 страниц. В нем нашли отражение все основные вопросы, связанные с пребыванием иностранных военнопленных в нашей стране: законодательная база, правовой режим, количественный и качественный состав военнопленных, условия их труда и быта, политико-воспитательная и агентурно-оперативная работа в лагерях, смертность, репатриация на родину и т. д. Наряду с документами нормативного характера в сборник включены докладные записки, сводки и другие информационно-аналитические материалы на имя И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. П. Берии, Н. С. Хрущева, что позволяет полнее раскрыть политические и экономические мотивы решений, принимавшихся в отношении военнопленных, а также представить новые достоверные данные о многих аспектах их жизни в лагерях. Из обширного свода документов более 350 публикуются впервые. Издание подготовлено на высоком научном уровне, снабжено многочисленными приложениями, обстоятельными комментариями и является большим подспорьем для исследователей, занимающихся проблемой иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР.

В 2005 г. в России впервые были опубликованы документы о пребывании венгерских военнопленных в СССР⁵⁴. Другой полезный сборник – «Военнопленные и интернированные граждане Германии:

---

⁵² Иосиф Сталин – Лаврентию Берия: «Их надо депортировать ...»: документы, факты, комментарии / Сост. Н. Ф. Бугай. М., 1992; «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...» И. Сталин: Сб. документов (1940-е годы) / Сост. Н. Ф. Бугай. М., 1998; История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 – первая половина 1950-х годов: собрание документов в 7-ми томах / Т. 5 Спецпереселенцы в СССР / Отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. М., 2004 и др.

⁵³ Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы / Под ред. проф. М. М. Загорулько. М., 2000. В последующие годы серийная публикация документов «Военнопленные в СССР. 1939–1956» была продолжена. В настоящее время это наиболее полное научное издание архивных документов по истории военного плена из делопроизводственного комплекса НКВД-МВД СССР.

⁵⁴ Венгерские военнопленные в СССР. Документы 1941–1953 гг. М., 2005.

Путь на родину из СССР (1940–1950-е годы)⁵⁵ – представляет собой разностороннюю подборку документов и материалов о репатриации военнопленных и интернированных граждан Германии и ее союзников во Второй мировой войне.

В работе использована также электронная база данных «История политических репрессий в СССР (1917–1991)»⁵⁶.

Основными источниками исследования являются документы местных архивохранилищ – Национального архива Республики Карелия и Архива МВД по Республике Карелия. Автором изучено более 1300 документов 12 фондов архива МВД по РК и около 600 документов 36 фондов Национального архива РК. Выявленные архивные документы впервые вводятся автором в научный оборот. Материалы центральных архивов (ГАРФ, РЦХИДНИ) в определенной степени изучены исследователями и представлены в указанных выше публикациях. Некоторые документы центральных органов власти и НКВД СССР дублируются в местных архивах – законы, указы, постановления, приказы, распоряжения и другие нормативно-правовые акты высших органов власти.

В фондах партийных организаций и исполнительных органов власти республики представлены документы, касающиеся вопросов приема и размещения контингента, хозяйственно-бытового обустройства спецпоселенцев и военнопленных, их использования на предприятиях республики. Это постановления, решения, циркуляры, принятые во исполнение правительственных решений и обращенные к местным районным властям. Особое место среди документов занимают постановления и протоколы заседаний бюро ЦК КП(б) республики, определявшего и контролировавшего основные направления деятельности партийных комитетов и советских органов власти на местах. Однако в документах нередко отсутствуют данные об исполнении принятых решений и постановлений по спецпереселенцам и военнопленным.

Документацию директивного характера существенно дополняют материалы районных партийных, советских органов, районных отделений НКВД-МВД – доклады, отчеты, справки, информации, докладные записки, присланные в адрес партийного и государственного руководства республики. В них показано, как на местах внедрялись в жизнь норма-

---

⁵⁵ Военнопленные и интернированные граждане Германии: Путь на родину из СССР (1940–1950-е годы). Документы, факты, комментарии. М., 2001.

⁵⁶ История политических репрессий в СССР (1917–1991) // <http://www.memo.ru/links/links.htm>

тивно-правовые акты высших органов власти, касающиеся размещения, трудового использования, медицинского обслуживания спецпоселенцев и военнопленных, их бытовых условий. Партийные и охранительные органы фиксировали также политические настроения репрессированных, случаи нарушения ими установленного режима.

В процессе исследования были изучены также фонды учреждений статистики, здравоохранения, прокуратуры. Информация о трудовом использовании спецконтингента, проблемах трудовой адаптации, отношении руководства предприятий к спецпоселенцам и иностранным военнопленным найдена в материалах трестов и предприятий лесной и целлюлозно-бумажной промышленности, промышленности строительных материалов, строительства, сельского хозяйства.

Наиболее ценные источники, касающиеся исследуемой проблемы, хранятся в фондах архива МВД по Республике Карелия: фонде Отдела спецпоселений, насчитывающем около 600 дел, фондах 1-го спецотдела НКВД (МВД) КФССР, Отдела по делам военнопленных и интернированных (ОПВИ) НКВД (МВД) КФССР, Управлений лагерей для военнопленных, Секретариата и отдела кадров МВД КФССР и др. Они содержат разного рода межведомственную и внутриведомственную переписку, директивы и приказы НКВД-МВД СССР и КФССР, докладные записки в ЦК ВКП(б), Правительство СССР, руководству НКВД-МВД-МГБ СССР, заявления, обращения, жалобы, личные письма спецпоселенцев и членов их семей. В фондах архива МВД по Республике Карелия представлены данные о дислокации лагерей для иностранных военнопленных и интернированных, о географии размещения спецпоселенцев, их численности и составе, производственной деятельности иностранных пленных и спецпоселенцев, их продовольственном и медицинском обеспечении, репатриации военнопленных на родину и освобождении спецпоселенцев, смертности среди них, захоронениях иностранных военнопленных на территории республики и т. д.

Особую ценность имеет текущая и сводная статистическая отчетность Отдела спецпоселений и Отдела по делам военнопленных и интернированных НКВД (МВД) КФССР. Она позволяет со значительной степенью полноты и достоверности проследить динамику численности и состав спецпоселенцев и военнопленных, работавших на различных предприятиях республики. В фондах архива сохранились личные дела спецпоселенцев – «бывших кулаков», «указников» и «власовцев», использование которых дает представление о влиянии спецсылки на судьбы людей.

При изучении архивных материалов выявились определенные трудности. Несмотря на значительную работу по рассекречиванию документов, проведенную архивами в последние годы, часть документов оставалась недоступной для исследователей, что связано с определением их как секретных или как источников ограниченного пользования. В первую очередь, это касается документов ЦК Компартии Карело-Финской ССР за 1940–1956 гг. Между тем раскрытие основных сюжетов проблемы требует привлечения и анализа всего комплекса документов, в том числе решений партийных органов. Именно партией, как в 1920-е гг., так и позднее, определялись политические акции, связанные с осуществлением репрессивных действий со стороны правительства и различных министерств, ведомств.

Что касается документов ведомственного архива МВД республики, то за последние 30 лет несколько раз проводилось плановое списание документов – в 1953–1955 гг., в 1960-е – 70-е гг., 1980 и 1985 гг. Только в 1953–1954 гг. по лагерю военнопленных № 120 было списано 227 дел, в их числе доклады о работе лагеря, квартальные отчеты о состоянии режима и охраны, переписка с лагерными отделениями, отчеты о финансовой деятельности, переписка и акты по репатриации военнопленных, книги учета обозного имущества и спортивного инвентаря по фонду кадрового состава и фонду военнопленных, приходные документы по фонду военнопленных на вещевое имущество, сведения о физическом состоянии военнопленных, о работе амбулаторий и лазаретов, месячные отчеты о лечебно-санитарной работе и др. В архиве отсутствует картотека учета иностранных военнопленных, что затрудняет определение точного числа военнопленных, прошедших через лагерь края, и, соответственно, процента их смертности. Слабо представлен в документах начальный этап деятельности лагерей иностранных военнопленных в республике (конец 1944 – начало 1946 гг.), значительно лучше сохранились документы за 1946–1949 гг.

При работе над монографией использованы документы бывшего Карельского государственного архива новейшей истории (КГАНИ), который в настоящее время объединен с Национальным архивом Республики Карелия. В связи с тем, что фонд № 8 (ЦК КП(б) КФССР) прошел переработку с расформированием и изменением нумерации дел, в работе сохранены ссылки на ранее выявленные документы КГАНИ. Таким же образом сохранена прежняя нумерация дел ряда фондов архива МВД, подвергшихся в последнее время переработке с изменением номеров дел.

Существенно дополняют материалы архивов нарративные источники, к которым относятся воспоминания, материалы периодической печати, публицистика. Важнейшим из них, позволяющим более полно рассмотреть историю спецпоселения и военного плена, являются воспоминания очевидцев и непосредственных участников происходивших событий. Являясь специфическим источником в силу субъективного восприятия действительности, они дают возможность выявить степень влияния особого режима на менталитет спецпереселенцев и иностранных военнопленных, их собственное отношение к происходившему.

В отличие от ряда регионов, имеющих в своих архивах коллекции воспоминаний спецпереселенцев и иностранных военнопленных, в республике подобная работа не проводилась. Наряду с воспоминаниями бывших спецпереселенцев и членов их семей, работников лагерей, жителей республики, которые удалось записать, автор широко использовал опубликованные нарративные источники⁵⁷.

В целом выявленный комплекс источников оказался достаточным для решения поставленных в исследовании задач:

- раскрыть роль спецпоселения как политического и социального явления;
- установить географию размещения спецпоселенцев и иностранных военнопленных на территории республики, выявить специфику их расселения;
- изучить динамику численности, социальный и этнический состав спецпоселенцев и военнопленных в исследуемый период на территории КФССР;
- определить общее и особенное в правовом положении различных спецпоселенческих групп и иностранных военнопленных;
- изучить условия жизни спецпоселенцев и военнопленных и процесс их адаптации в местах спецпоселения и заключения, взаимоотношения с администрацией лагерей спецкомендатур и предприятий, с местным населением;

---

⁵⁷ Нилов Е. Лагерь № 447 // Север. 1995. № 4–5. С. 137–145; Евсева Д. «Мы есть просто солдаты...» // Карелия. 1995. 23 февраля; Гордиенко А. Гейнрих Граф: «Я делал доброе дело». Как работали немецкие военнопленные в Петрозаводске // Петрозаводск, 1995. 7 июля; Спектор Т. Блюз военнопленных // Петрозаводск, 1999. 2 июля; Верхоглядов В. Секретный госпиталь // Петрозаводск, 1999. 12 марта и др.

- определить масштабы и сферы трудового использования спецпоселенцев и военнопленных, их вклад в развитие экономики края;
- выявить общие и специфические черты в функционировании лагерей и спецпоселений региона и страны.

Хронологические рамки исследования охватывают период с осени 1944 до середины 1950-х гг. Нижняя граница связана с окончанием военных действий на территории республики. Определение верхней границы обусловлено тем, что в середине 1950-х гг. в Карелии завершился демонтаж спецпоселенческой системы, итогом которого стало упразднение соответствующего отдела в МВД республики.

В исследовании анализируются три блока проблем: экономические, демографические и социально-культурные. Монографическое исследование состоит из двух разделов, включающих 13 глав. В первом разделе рассматриваются проблемы спецпоселения в республике, а второй раздел посвящен истории пребывания иностранных военнопленных на территории Карелии. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по истории Карелии, в практике преподавания истории в вузах и школах, при разработке учебных курсов по краеведению, в общественно-просветительской деятельности.

Автор выражает глубокую признательность рецензентам книги, кандидатам исторических наук С. Н. Филимончик, Е. Ю. Дубровской, А. А. Савицкому, высказавшим ценные пожелания, которые были учтены при подготовке рукописи к печати, А. Т. Запеловой, оказавшей помощь в сборе воспоминаний спецпереселенцев, жителей г. Кондопоги.

РАЗДЕЛ 1

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР (КОНЕЦ 1944 – СЕРЕДИНА 1950-х гг.)

Глава 1

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ, КАТЕГОРИИ И ГЕОГРАФИЯ РАССЕЛЕНИЯ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ

В 1930–1940-х гг. спецпоселенцы – «бывшие кулаки» (спецпереселенцы, трудпоселенцы) были одной из наиболее многочисленных категорий репрессированных в СССР. Решение о направлении на спецпоселение принималось местными органами исполнительной власти на основе директивных решений центральной власти и по существу представляло собой вид административной, а не уголовной репрессии. При этом следует отметить, что к категории «спецпереселенцы, бывшие кулаки», которые подлежали содержанию в трудовых и специальных поселках в соответствии с постановлением СНК СССР от 20 апреля 1933 г. и высылались без определения срока ссылки, относились не только «кулаки, выселенные из районов сплошной коллективизации», «выселенные за срыв и саботаж хлебозаготовительных и других мероприятий по госпоставкам», «бежавшие из деревень кулаки, скрывающиеся от высылки их из родины в промышленных предприятиях в городе», но и «городской элемент, отказавшийся выехать по паспортизации из г. Москвы и Ленинграда», а также «выселенные в порядке очистки государственных границ Запада и Украины». Перечисленные категории трудпоселенцев – «бывших кулаков», согласно разъяснению Отделения спецпоселений НКВД КФССР от 15 мая 1944 г., были приравнены во всех отношениях к спецпереселенцам, расселенным в 1931 г.¹

---

¹ Архив Министерства внутренних дел по Республике Карелия (АМВД РК), ф. 3, оп. 5, д. 11, л. 244.

В последние годы усилиями ряда историков (В. П. Данилов, С. А. Красильников, И. Е. Зеленин, Н. Я. Гущин, В. А. Ильиных и др.) внесены существенные коррективы в вопрос о признаках, на основании которых крестьян относили к «кулакам». Аккумулируя новые подходы к аграрной истории 1920–1930-х гг., Г. Ф. Доброноженко подчеркивает: «Не вызывает сомнения, что в периоды открытого противостояния власти и крестьянства (в годы военного коммунизма и социалистических преобразований сельского хозяйства) численность хозяйств, получивших клеймо „кулаки“, значительно превышала официальную статистику сельских эксплуататоров. Под лозунгом борьбы с сельской буржуазией власть вела борьбу с совсем другой социальной группой. Поэтому представляется необходимым применительно к послереволюционному периоду истории отказаться от определения терминов „кулак“ и „сельская (крестьянская) буржуазия“ как синонимов и рассматривать проблему „кулаки“ в другом исследовательском поле... Сконструированная в большевистской теории социально-политическая группа (класс) „кулаки“ в результате социальной политики становится реальной социальной общностью крестьян с общими интересами и общей трагической судьбой. В этой социальной группе репрессированного крестьянства была повышенная доля хозяйств зажиточных, в том числе хозяйств сельских эксплуататоров. Таким образом, „кулаки“ в послереволюционный период — это не социально-экономическая группа сельской буржуазии; а социальная группа крестьян, подвергшаяся дискриминации и репрессиям по политическим мотивам»².

Многие авторы берут термины «кулак», «раскулаченные» и «раскулачивание» в кавычки или используют выражение «так называемые кулацкие хозяйства». Высказывается мнение о правомерности замены термина «раскулаченные» на «репрессированные» крестьяне³.

Применительно к нашему исследованию употребляется термин «бывшие кулаки», которым официально обозначалась одна из наиболее многочисленных категорий спецпереселенцев.

К началу Великой Отечественной войны на территории республики было расселено 10024 семьи (29619 человек*) трудпоселенцев, «быв-

---

² Доброноженко Г. Ф. Методология анализа социальной группы «кулаки» в отечественной историографии // Российская история. 2009. № 5. С. 89, 92.

³ Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. М., 2003. С. 9.

ших кулаков», выселенных с Урала, Центрально-Черноземной области, Поволжья, Украины. Из них в поселках Беломорско-Балтийского комбината НКВД СССР проживало 7236 семей (21559 человек*). Они были расселены в Беломорском, Тунгудском, Медвежьегорском районах и г. Медвежьегорске. В поселках отдела исправительно-трудовых колоний НКВД КФССР находилось 2788 семей спецпереселенцев (8060 человек*) — в большинстве своем прибывших из Мурманской области в 1940 г. финнов, ингерманландцев и эстонцев. Они были расселены в основном в колхозах Заонежского, Прионежского, Шелтозерского, Кондопожского, Пудожского, Медвежьегорского и Петровского районов и в двух совхозах в г. Петрозаводске⁴.

В 1941–1942 гг. в связи с военными действиями на территории Карело-Финской ССР подавляющее большинство трудпоселенцев (свыше 25 тыс. человек) было эвакуировано в тыловые области СССР, преимущественно в Архангельскую область, в Коми АССР, а также в Киргизскую, Казахскую, Узбекскую ССР, в Вологодскую, Кировскую, Молотовскую, Свердловскую области и др.⁵

На 1 июля 1944 г. на территории республики проживало 2362 спецпереселенца, а на 1 октября 1944 г. — уже 3503 «бывших кулака», в том числе 1436 мужчин, 1291 женщина и 776 детей в возрасте до 16 лет. Из общего их числа трудоспособных было 2482 человека (71 %), остальные — дети, инвалиды, престарелые⁶. К началу 1945 г. спецпереселенцы проживали в 10 районах и 5 городах республики небольшими группами, а значительная их часть — по 2–3 семьи вместе с остальным населением⁷. Количественный состав этой категории спецпереселенцев в течение года постоянно менялся: из других регионов поступали новые партии спецпереселенцев, в то же время незначительная часть их переводилась из Карелии в другие республики, края и области СССР.

В условиях перехода от войны к миру встали вопросы о путях дальнейшего развития экономики страны, о ее структуре и системе управления. В марте 1946 г. Верховный Совет СССР утвердил план восстановления и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг. Основная

---

* По другим источникам, общее число трудпоселенцев в республике на 1 июля 1941 г. — 30 068 человек, в том числе в поселках ББК — 7201 семья (21342 человека) и в поселках ОИТК — 3073 семьи (8726 человек) — АМВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 49, л. 1.

⁴ АМВД РК, ф. 3, оп. 1, д. 45, л. 70–71; оп. 9, д. 2, л. 10.

⁵ Там же, оп. 5, д. 7, л. 54–55; оп. 9, д. 2, л. 10.

⁶ Там же, оп. 5, д. 7, л. 55–56.

⁷ Там же, л. 61.

задача пятилетнего плана заключалась в том, чтобы восстановить районы страны, подвергавшиеся оккупации, достичь довоенного уровня развития промышленности и сельского хозяйства, а затем превзойти их. Тем самым в планы послевоенного восстановления и развития экономики вновь закладывался быстрый рост темпов в промышленности, строительстве, на транспорте — своего рода продолжение индустриальной гонки 1930-х гг. Основу экономической политики определял старый курс на форсированное развитие тяжелой промышленности.

В послевоенное время индустриальная база республики приобрела важное значение для страны. За пятилетие объем промышленного производства в Карело-Финской ССР намечалось увеличить в 4 раза. Особое внимание уделялось развитию отраслей, связанных с эксплуатацией лесосырьевых ресурсов. Строевой лес был остро необходим для восстановления промышленных предприятий, жилья, коммунальных, торговых и других предприятий страны. Причем наращивание объемов лесозаготовок должно было осуществляться без участия такого крупного заготовителя, как Беломорско-Балтийский комбинат НКВД, который к началу 1940-х гг. давал более половины всей заготовленной в республике древесины⁸. К тому же лесная промышленность республики в 1946 г. насчитывала лишь 4,3 тыс. постоянных рабочих, т. е. в три раза меньше, чем в 1940 г.⁹ Напряженные плановые задания, установленные республике, требовали неотложного решения кадровой проблемы.

Для обеспечения добывающих и лесозаготовительных предприятий, строительных объектов рабочей силой в эти отрасли проводилась мобилизация местного населения, активно использовался такой источник, как привлечение колхозников на лесозаготовки в порядке трудовой повинности. Вплоть до начала 1950-х гг. колхозники составляли почти 1/3 работавших на лесозаготовках республики, хотя колхозы сами испытывали острый недостаток рабочей силы.

С целью пополнения кадрами лесозаготовительных предприятий широко применялся организованный набор рабочих из других областей и республик, но он имел существенные недостатки: в основном неквалифицированный состав кадров, которых не успевали обучить, т. к. набор осуществлялся в основном на год. Кроме того,

---

⁸ ГУЛАГ в Карелии: 1930–1941. Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 1992. С. 3.

⁹ Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии 1945–1960 гг. Историко-социологические очерки. Л., 1988. С. 129.

до 10 % прибывавших в республику по оргнабору самовольно уходили с места работы¹⁰.

Наиболее массовое пополнение кадров республики в первые послевоенные годы составляли демобилизованные из Советской Армии. К началу 1947 г. в республику прибыло более 16 тыс. демобилизованных воинов и более 5 тыс. инвалидов войны. Демобилизация завершилась в 1948 г.¹¹

С началом восстановительных работ в республике усилилась реэвакуация населения. 28 октября 1945 г. Совнарком СССР принял постановление «О возвращении в КФССР ранее эвакуированного населения», обязывавшее союзные и союзно-республиканские наркоматы, совнаркомы республик и обл(край)исполкомы беспрепятственно отпускать всех эвакуированных из республики во время войны граждан, желающих вернуться на прежнее место жительства. К этому времени, по данным СНК КФССР, в областях и республиках СССР проживало еще более 170 тыс. эвакуированных жителей Карелии, а вернулось в республику около 127 тыс. человек. Однако, несмотря на постановление СНК СССР, многие предприятия и организации под теми или иными предлогами препятствовали возвращению населения в Карелию, особенно кадров лесной промышленности и специалистов сельского хозяйства¹².

В ряде мест имелись случаи прямого запрещения выезда населения на прежнее место жительства в Карелию. Так, председатель Совета Министров Коми АССР разрешил реэвакуировать в КФССР только финнов и карелов, а реэвакуацию остального населения запретил, мотивируя тем, что «оно не является коренным населением КФССР, а завезено в республику в 1940–1941 гг. из Белоруссии и Украины в порядке переселения». В Архангельской области органы МВД не разрешили выезд в КФССР 15 семьям, работавшим на лесопунктах Няндомского района, и не выдали им пропуска. В Ленинградской области было задержано население из Карелии, работавшее на торфоразработках и бумажном комбинате «Энсо»¹³.

В итоге численность реэвакуированных граждан оказалась значительно меньше, чем ожидалось, и выход в решении проблемы дефи-

---

¹⁰ Национальный архив Республики Карелия (НА РК), ф. Р-2716, оп. 10, д. 35/244, л. 140–141.

¹¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 685.

¹² Там же. С. 685.

¹³ НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 1891, л. 21.

цита рабочей силы в республике был найден за счет поступления в Карелию новых партий спецпереселенцев, иностранных военнопленных и заключенных.

Перед руководством республики встала задача добиться возвращения в КФСР эвакуированных в годы войны спецпереселенцев. Однако решение этого вопроса было сопряжено с определенными трудностями и ограничениями. Согласно указанию Наркома внутренних дел КФСР Никитина начальникам РО НКВД от 28 июля 1944 г. спецпереселенцы могли свободно возвращаться вместе с организациями в следующие освобожденные районы: Медвежьегорский, Заонежский, Прионежский, Шелтозерский, Кондопожский и г. Петрозаводск, в остальные же районы республики выезд разрешался только по указанию начальника Отделения спецпоселений НКВД КФСР или руководства Наркомата внутренних дел¹⁴.

Со второго полугодия 1944 г. по конец 1946 г. в КФСР прибыло из других республик, краев, областей 1835 спецпереселенцев — «бывших кулаков», в то же время направлено в другие регионы на соединение с семьями 30 человек¹⁵. Количественный состав спецпоселенцев пополнялся и за счет лиц, вернувшихся из заключения, выявленных и взятых на учет «бывших кулаков», проживавших в районах, освобожденных от оккупантов, а также за счет родившихся на спецпоселении. Правда, число последних было невелико: за два с половиной года (второе полугодие 1944 — конец 1946) родилось 25 детей, в то же время умерло 105 человек. Таким образом, смертность превышала рождаемость более чем в 4 раза¹⁶.

Немалые трудности возникли при учете спецпереселенцев, оставшихся на оккупированной территории г. Петрозаводска, Шелтозерского, Прионежского, Кондопожского и Заонежского районов. Эта работа осложнялась тем, что они имели на руках финские паспорта, и, пользуясь тем обстоятельством, что финнами были изъяты у населения все советские документы, пытались скрыться от учета и получить документы наравне с остальным населением. За вторую половину 1944 г. было выявлено и взято на учет 840 спецпоселенцев, проживавших на оккупированной территории республики¹⁷.

---

¹⁴ АМВД РК, ф. 3, оп. 4-а, д. 4, л. 91.

¹⁵ Подсчитано по: АМВД РК, ф. 3, оп. 5, д. 7, л. 54–55, 61–62; оп. 9, д. 6, л. 4–5, 33, 49–50, 64–65; д. 12, л. 8–9, 12, 38–38 об., 60–60 об, 66.

¹⁶ Подсчитано по: АМВД РК, ф. 3, оп. 5, д. 7, л. 54–55, 61–62; оп. 9, д. 6, л. 4–5, 33, 49–50, 64–65; д. 12, л. 8–9, 12, 38–38 об., 60–60 об, 66.

¹⁷ АМВД РК, ф. 3, оп. 5, д. 7, л. 54–55, 61–62.

В 1944–1945 г. руководством Министерства внутренних дел СССР были предприняты шаги по унификации и упорядочению различных элементов ссылки на поселение. Это привело к возвращению в обиход изначального наименования для данной категории репрессированных – «спецпереселенцы» вместо «спецпоселенцы» – с необходимыми добавлениями («бывшие кулаки», «немцы» и др.). Возвращение через 15 лет к первоначальному названию – «спецпереселенцы» – означало лишь то, что доминантой в глазах властей была репрессивная, а не миграционная составляющая упомянутого явления¹⁸.

На начало октября 1945 г. численность спецпереселенцев в СССР составляла 2 230 500 человек, из них: немцев 687 300 человек, оуновцев* – 20 800 человек, «бывших кулаков» – 608 800 человек, немецких пособников – 9200 человек. Они были расселены на территории 6 союзных республик, 8 автономных республик, 5 краев и 27 областей СССР¹⁹. В Карело-Финской ССР после войны спецпереселенцы были представлены только одной немногочисленной категорией – «бывшими кулаками», которых в начале октября 1945 г. насчитывалось 3449 человек, в том числе 1398 мужчин, 1238 женщин и 813 детей до 16 лет²⁰.

Спецпереселенцы были расселены в следующих районах республики (на 1 октября 1945 г.)²¹:

Наименование районов	Имеется семейств	Человек
Петрозаводск	280	410
Прионежский	200	595
Пудожский	226	520
Медвежьегорский	119	256
Тунгудский	250	500
Сегежский	232	375
Беломорский	325	452
Кондопожский	91	260
Шелтозерский	28	86
Заонежский	33	60
Петровский	16	41

* Оуновцы – сокращенное от «Организации украинских националистов».

¹⁸ Красильников С. А. Серп и Молох... С. 25.

¹⁹ 40–50-е годы: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД–МВД СССР) / Сост. Н. Ф. Бугай // История СССР. 1992. № 1. С. 128, 137.

²⁰ АМВД РК, ф. 3, оп. 9, д. 6, л. 49.

²¹ Там же, л. 68.

Особенностью послевоенного спецпоселения в республике являлось то, что спецпереселенцы размещались не в спецпоселках (поселках закрытого типа с жестким режимом содержания под контролем коменданта), как до войны, а небольшими группами среди местного населения. Другой особенностью спецпоселения в республике являлось то, что в Карелии не использовались исправительно-трудовые лагеря и спецстройки МВД в качестве места жительства спецпереселенцев, как, например, в северных лагерях Коми АССР, где в послевоенные годы в состав населения лагеря входили и спецпереселенцы, хотя они занимали малый процент в сравнении с количеством заключенных²².

По-видимому, это объяснялось тем, что контингент «бывших кулаков» в Карелии уже не был столь многочисленным, за время пребывания в республике они в большинстве своем обзавелись семьями и хозяйством, а в годы Великой Отечественной войны активно участвовали в общем деле разгрома врага. Охрана спецпереселенцев в местах поселения не предусматривалась, но для надзора за ними были организованы спецкомендатуры (в августе 1944 г. их в республике было 7).

Еще одной особенностью, обусловленной большим количеством мелких населенных пунктов в КФССР, разбросанных на значительном расстоянии друг от друга, являлась дробность расселения спецпереселенцев. Так, трудпоселенцы, закрепленные за Управлением Беломорско-Балтийского канала, были разбросаны по пристаням и отдельным точкам по 3–5 семей. Значительная часть их работала на пароходах, лихтерах, баржах и в период навигации находилась в плавании даже за пределами республики. Поселенцы, работавшие в колхозах Пудожского района, оказались расселены по отдельным населенным пунктам по 1–2 семьи.

В отличие от многих областей Сибири, Казахстана, где доля спецпереселенцев в составе населения составляла до 50 % и выше²³, «бывшие кулаки» в Карело-Финской ССР составили в январе 1945 г. 2 % населения (в 1939 г. — около 6 %)²⁴.

---

²² Игнатова Н. М. Использование труда спецпереселенцев — «бывших кулаков» в лесной промышленности и других отраслях в середине 1930-х—1950-е гг. // Покаяние: Мартиролог. Т. 4. Ч. 2. / Сост. Н. М. Игнатова. Сыктывкар, 2001. С. 59–72.

²³ Чебыкина Т. Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // Электронный ресурс: Режим доступа: <http://www.memo.ru/history/nem/index.htm>

²⁴ Подсчитано автором по: АМВД РК, ф. 3, оп. 9, д. 6, л. 7; ф. 40, оп. 1, д. 211, л. 4–5; Карелия: энциклопедия: в 3 т. Т. 1: А–Й. Петрозаводск, 2007. С. 282; Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 80.

Как при возвращении эвакуированного населения, так и спецпереселенцев, возникли аналогичные трудности. 30 мая 1946 г. секретарь ЦК КП(б) Г. Куприянов направил зам. министра внутренних дел СССР В. В. Чернышову письмо, в котором говорилось: «...За последнее время поступил ряд телеграмм из Архангельской и Томской областей и Коми АССР, что местные органы МВД и областные исполкомы не дают разрешений на выезд в КФССР эвакуированным трудпоселенцам, желающим возвратиться в республику, где они прожили до эвакуации по 10–12 лет, имеют свои дома и другое имущество и крайне необходимы для работы в различных предприятиях, которые функционировали до войны в Медвежьегорском, Тунгудском, Беломорском, Сегежском и других районах республики. Так как вопрос о возвращении в КФССР эвакуированных трудпоселенцев принципиально был уже решен Правительством СССР в 1944 г. (постановление от 12.06.44 г.), ЦК КП(б) просит вас дать указания начальникам областных управлений МВД Архангельской, Вологодской, Кировской, Молотовской, Свердловской и Томской областей и министру внутренних дел Коми АССР о беспрепятственной выдаче разрешений на выезд всем эвакуированным трудпоселенцам, желающим возвратиться на прежнее место жительства в КФССР»²⁵.

В телеграмме Г. Куприянова секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову и зам. председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгину 31 июля 1946 г. подчеркивалось, что «Архангельский облисполком до сих пор не возвратил нашего населения — 7166 человек, работающих на Северо-Печорской железной дороге и бывших спецпоселенцев»²⁶.

10 августа 1946 г. Г. Куприяновым была отправлена телеграмма Генеральному прокурору СССР Горшнину и зам. министра внутренних дел СССР В. В. Чернышову. В ней сообщалось, что «Несмотря на решение правительства и категорические приказания МВД, местные организации Коми АССР категорически отказываются возвращать бывших трудпоселенцев, желающих вернуться в КФССР. Людям, желающим возвращаться, чинят всякие препятствия, не отпускают с работы, не дают транспорта. В общем, творят всякое беззаконие. Прошу принудить республиканские органы Коми АССР выполнить решение правительства СССР и не чинить препятствия к возвращению бывших трудпоселенцев, желающих вернуться в КФССР. Считаю, что работники,

---

²⁵ НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 1891, л. 27.

²⁶ Там же, л. 32.

допускающие беззаконие, должны быть привлечены к ответственности. Вопрос о возвращении всех желающих вернуться надо решить немедленно, чтобы дать возможность людям использовать водный транспорт, потому что зимой после окончания навигации из Коми АССР по транспортным условиям выехать почти невозможно»²⁷.

14 августа 1946 г. вышло распоряжение Совета Министров КФССР, в котором говорилось: «В целях привлечения рабочей силы в важнейшие отрасли народного хозяйства республики в соответствии с постановлением СНК СССР от 12 июня 1944 г.:

1. Разрешить возврат в республику в порядке реэвакуации спецпереселенцев для работы на предприятиях лесной промышленности и промышленности строительных материалов.

2. Расселение возвращающихся спецпереселенцев произвести;

а) по Министерству промышленности строительных материалов Карело-Финской ССР 500 семейств спецпереселенцев, возвращающихся из Архангельской области, расселить в поселках Министерства согласно приложению № 1;

б) по Министерству лесной промышленности Карело-Финской ССР – 1700 семей – в поселках лесозаготовительных пунктов согласно приложению № 2.

3. Обязать Министерство лесной промышленности Карело-Финской ССР (тов. Мальшева) и Министерство промышленности строительных материалов (тов. Рожановского):

а) обеспечить прием, расселение возвращающихся спецпереселенцев и производственное использование на подведомственных предприятиях;

б) в двухнедельный срок разработать и утвердить мероприятия по закреплению возвращающихся спецпереселенцев в постоянные кадры предприятий, предусмотрев организацию спецпереселенцами индивидуального жилищного строительства за счет специального отпускаемого банковского кредита...»²⁸.

Приложение № 1. Список пунктов поселения спецпереселенцев, возвращающихся в КФССР для работы на предприятиях промышленности строительных материалов:

Пос. Летняя-1 (Тунгудский район) – 130 человек;

Пос. Летняя-2 и Олимпийский лесопункт (Тунгудский район) – 200;

---

²⁷ НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 1891, л. 38.

²⁸ Там же, ф. Р-2716, оп. 17, д. 4/24, л. 51–52.

Пос. Шокшинских горных разработок (дер. Шокша, Шелтозерский район) – 50;

Пос. Шальских горных разработок (Пудожский район) – 50;

Пос. Оленеостровских разработок (Заонежский район) – 50;

Пос. Кямских известковых разработок (Архангельская обл.) – 30;

Итого – 500 человек.

Приложение № 2. Список населенных пунктов по Министерству лесной промышленности для расселения возвращающихся спецпереселенцев:

Медвежьегорский леспромхоз (пос. Пяльма, Немино-2, Немино-3, Остерский) – 590 человек;

Кондопожский район (пос. Кяппесельга, Сандал и Кулмукса) – 150 человек;

Олонецкий район (пос. Ковера, Ильинское, Речная Сельга, Улваны, 35 км) – 230 человек;

Пряжинский леспромхоз (Интерпоселок, Гумба-ручей, Кашканы, Гирплес) – 130 человек;

Петровский район (пос. Дамба Койкары, Сухое озеро) – 60 человек;

Ведлозерский леспромхоз (пос. Туркино, Кукойнваара, Лумбас) – 80 человек;

Ладвинский леспромхоз (пос. Кривой Наволок, Кривое Колено) – 60 человек;

Ругозерский леспромхоз (пос. Тикша, Ледмозеро) – 100 человек;

Надвоицкий леспромхоз (пос. Дуброво, Шобинский, Енга, Верхний Идель) – 110 человек;

Кемский леспромхоз (пос. Авнепорог, Онда, Сянда) – 60 человек;

Ухтинский леспромхоз (пос. Кентизина) – 30 человек;

Сумский леспромхоз (пос. Кондоручей) – 40 человек;

Чупинский леспромхоз (пос. Енгозеро, Коткозеро, Амбарное) – 60 человек²⁹.

Приказом по Министерству лесной промышленности Карело-Финской ССР о вербовке эвакуированных спецпереселенцев извне республики от 2 сентября 1946 г. были утверждены областные уполномоченные по оргнабору рабочих в постоянные кадры из числа спецпереселенцев по Вологодской, Архангельской, Кировской, Молотовской и Свердловской областям и Коми АССР³⁰.

²⁹ НА РК, ф. Р-2716, оп. 17, д. 4/24, л. 53–55.

³⁰ Там же, л. 57–57 об.

Один из уполномоченных, командированный в Архангельскую область и Коми АССР по вопросу возврата эвакуированного населения в республику, докладывал 28 октября 1946 г., что в Коми АССР находилось около 7400 человек, в том числе 7150 спецпереселенцев, подлежащих возврату в КФССР, и что уполномоченным от КФССР по возврату населения не разрешали выезжать в районы на основании того, что «их пребывание без указаний может повлиять на выполнение плановых заданий»³¹.

Нередко пережившие тяготы войны и возвращавшиеся в Карелию спецпереселенцы были неспособны к труду. К тому же руководство республик, краев и областей с неохотой отпускало от себя дешевую рабочую силу. Так, 9 сентября 1946 г. в пос. Летний из Сольвычегодского района Архангельской области прибыло эшеленом 119 семей, 239 человек, из них 56 стариков-инвалидов, совершенно не способных к труду, а также малолетние дети. Число трудоспособных среди прибывших составляло только 35 %, остальные — иждивенцы. Это вызвало недовольство местных органов НКВД. Оперуполномоченным ОСП НКВД КФССР, зам. начальника Тунгудского РО НКВД и секретарем партийной организации пос. Летний был составлен акт, в котором подчеркивалось, что вместо оказания помощи республике рабочей силой сюда были направлены старики и малолетние дети, и высказывалась необходимость принятия соответствующих мер в отношении Сольвычегодского РО НКВД за неправильные действия³².

28 сентября 1946 г. переселенческий отдел КФССР вновь поставил перед правительством вопрос о завозе в республику в порядке реэвакуации «бывших кулаков» в количестве 6500 человек. При этом указывалось, что из Коми АССР спецпоселенцы, бывшие кулаки, в порядке реэвакуации в КФССР не прибывали³³. В результате усилий правительства за четвертый квартал 1946 г. в республику прибыло лишь 322 семьи спецпереселенцев, «бывших кулаков» (481 человек), в том числе 318 семей — из Архангельской области, 2 — из Коми АССР, по одной семье — из Кировской и Саратовской областей³⁴. Таким образом, проблема реэвакуации «бывших кулаков» в республику оказалась трудноразрешимой.

---

³¹ НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 22/122, л. 172–173.

³² АМВД РК, ф. 3, оп. 4-а, д. 32, л. 2–2 об.

³³ Там же, оп. 9, д. 2, л. 44.

³⁴ Там же, оп. 12, д. 30, л. 6, 26.

По состоянию на 1 января 1947 г. в республике состояло на учете 2077 семей (3969 человек) «бывших кулаков», из них мужчин — 1550, женщин — 1448, детей — 971. В мае 1947 г. все трудпоселенцы по КФСР были освобождены и, по имеющимся в МГБ КФСР данным, почти все 2077 семей остались жить в республике³⁵.

Со второй половины 1940-х гг. на смену спецконтингенту «бывшие кулаки» приходят новые категории спецпоселенцев — «власовцы», «указники», «немцы», также внесшие немалый вклад в хозяйственное развитие края.

В 1946 г. в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 16 апреля 1946 г. в Карелии появился новый, довольно значительный контингент спецпереселенцев под названием «власовцы», включавший, помимо лиц, служивших в строевых формированиях фашистской Германии и ее союзников, в полиции и органах оккупационной администрации, также и часть побывавших в плену советских офицеров, многие из которых в действительности не служили ни в армии Власова, ни в иных подобных формированиях. Те же офицеры, которые служили в военных формированиях противника, были осуждены по 58-й статье и отправлены в лагерь.

Причины и конкретные обстоятельства службы «власовцев» у немцев были разными. Анализ документов Архива МВД по Республике Карелия свидетельствует о том, что подавляющее большинство «власовцев» во время оккупации территории СССР служили полицейскими или были мобилизованы в сформированные немцами специальные части (например, «Белорусская краевая оборона»). Причины тому были разные, в том числе и угроза расстрела, и часто опасаясь репрессий со стороны советской власти, так называемые «власовцы» уходили в Германию с отступавшими немецкими войсками.

В связи с этим справедливо, на наш взгляд, мнение историка Н. М. Раманичева: «Условия существования в плену нельзя сравнить с самыми страшными человеческими страданиями... В этих условиях многие соглашались служить у немцев, лишь бы выжить. Но среди тех, кто вступил на сторону врага, было немало убежденных противников большевистского режима»³⁶.

---

³⁵ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 101, л. 177–178; оп. 9, д. 12, л. 66.

³⁶ Раманичев Н. М. Власов и другие // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 307–308.

Такой же точки зрения придерживается Н. П. Дембицкий: «Ряд утверждений о том, что советские граждане, в той или иной форме сотрудничавшие с немцами, делали это сознательно, по политическим убеждениям, далеки от исторических реальностей. Основными мотивами, повлиявшими на решение военнопленных служить в немецких формированиях, были спасение от голода и зверств, чинимых немцами в лагерях, страх быть расстрелянными, а некоторые лелеяли надежду при первой возможности сбежать к партизанам или перейти линию фронта, что часто и происходило... Нельзя и отрицать тот факт, что часть военнопленных, особенно перебежчиков, служили немцам по убеждению...»³⁷.

В связи с этим характерно высказывание одного из «власовцев», находившегося на спецпоселении в Карелии: «В период оккупации Ростовской области я работал при немецкой комендатуре и заведовал дополнительно тремя деревнями, жил очень хорошо, имел большие деньги, привозил различные товары и продукты, так что мне не надо было заводить никакого хозяйства, всего у меня хватало. В Германии я также жил хорошо. Я не жалею, что попал на спецпоселение, потому что есть за что быть на спецпоселении»³⁸.

С переходом наступающей Красной Армией границ СССР было образовано Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран. Вдоль границы, в дополнение к армейским сборным пересыльным пунктам (СПП), стали создаваться предварительные фильтрационные пункты (ПФП). Весной 1945 в системе НКВД был создан специальный отдел «Ф» (фильтрация), отвечающий за проверку и фильтрацию репатриантов. Из числа советских военнопленных, освобожденных после окончания войны, репрессиям подверглись 14,69 %³⁹.

«Власовцам» было объявлено, что в связи с победой над Германией советское правительство проявило к ним снисходительность, освободив от уголовной ответственности за измену Родине. Постановлениями ГОКО от 18 августа 1945 г., СНК СССР от 21 декабря 1945 г. и Совета Министров СССР от 29 марта 1946 г. они отправлялись из

---

³⁷ Дембицкий Н. П. Судьба пленных // Война и общество, 1941–1945. Кн. 2. М., 2004. С. 251, 254, 255.

³⁸ АМВД РК, ф. 3, оп. 18, д. 1, л. 151.

³⁹ Пыхалов И. Правда и ложь о советских военнопленных // Электронный ресурс: <http://www.thewalls.ru/truth/plen.htm>

проверочно-фильтрационных лагерей НКВД на спецпоселение сроком на 6 лет⁴⁰. Вместо паспортов «власовцам» выдавались временные удостоверения с отметкой «без права выезда с места поселения». Семьи «власовцев» не выселялись, а их дети считались свободными с момента рождения. Родные и близкие «власовцев», добровольно прибывавшие к ним, на учет спецпоселения не ставились.

В 1945–1951 гг. на спецпоселение в целом по стране поступило 177 573 «власовца»⁴¹. В статистической отчетности местных органов МВД регионов, где находились на спецпоселении «власовцы», отсутствовали подробные сведения об их национальном составе (обычно приводилась численность представителей нескольких национальностей, а остальные зачислялись в «прочие»).

Первые спецпоселенцы – «власовцы» (1236 человек, в том числе 1 женщина) прибыли в республику в мае–июне 1946 г. из фильтрационных пунктов и лагерей МВД: из г. Баку Азербайджанской ССР – 723 человека, г. Грозный Грозненской области – 101 человек, ст. Калининская Московской области – 333 человека и из г. Махачкалы Дагестанской АССР – 79 человек. Они были размещены: в г. Сегеже – 101 человек, в пос. Вирандозеро Беломорского района – 79 человек, в г. Кондопоге – 1056 человек⁴². С 26 июля по 2 августа 1946 г. из Белоруссии было направлено на спецпоселение в КФССР еще 2129 «власовцев». В июле–октябре 1946 г. продолжалось поступление в республику спецпоселенцев этой категории. К началу 1947 г. на предприятия Министерства лесной промышленности республики прибыли 2970 спецпоселенцев – из Дагестана (79 человек), Великолукской области (82), Астрахани (89), Пскова (54), Новгорода (80), Украины (713), Белоруссии (1836), Калининской (37). Из них 917 самовольно покинули место работы⁴³. Всего на спецпоселение в Карело-Финскую ССР было направлено 6795 спецпоселенцев-«власовцев» (т. е., 3,8 % от их общего количества в стране)⁴⁴. Они были заняты в лесной и целлюлозно-бумажной промышленности республики.

---

⁴⁰ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий: В 2 ч. / Под общ. ред. Г. Ф. Весновской. Курск, 1999. Ч. 1. С. 470–471; АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 65, л. 6.

⁴¹ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 132.

⁴² АМВД РК, ф. 3, оп. 9, д. 12, л. 46.

⁴³ НА РК, ф. Р- 2717, оп. 5, д. 19/154, л. 4.

⁴⁴ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 76, л. 217; Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 132.

По эшелонным спискам 1946 г. можно выявить сроки фактического направления «власовцев» на спецпоселение в КФССР и места, откуда они поступили⁴⁵:

Из Азербайджанской ССР – 23.05.46

Ленинградской обл. – 27.05, 5.08, 6.09, 4.06.46 г.

Московской обл. – 20.06.46

Гродненской обл. – 22.05.46

Дагестанской АССР – 15.06.46

Воронежской обл. – 20.08.46

Астраханской обл. – 12.07.46

Челябинской обл. – 28.08.46

Ставропольского края – 23.08.46

Великолукской обл. – 7.07.46

Сталинской обл. – 12.09.46

Новгородской обл. – 15.08.46

Литовской ССР – 9.07.46

Молдавской ССР – 17.07.46

Грузинской ССР – 10.11.46

Одесской обл. – 13.07.46

Ворошиловградской обл. – 15.07.46

Барановичской обл. – 26.07.46

Бобруйской обл. – 26.07.46

Брестской обл. – 26.07.46

Витебской обл. – 26.07.46

Молодечненской обл. – 26.07.46

Минской обл. – 26.07.46

Гомельской обл. – 26.07.46

Могилевской обл. – 26.07.46

Полоцкой обл. – 26.07.46

Псковской обл. – 8.08.46

---

⁴⁵ АМВД РК, ф. 3, оп. 21, д. 4, л. 34.

Дислокация расселения спецпереселенцев в Карело-Финской ССР по состоянию на 1 января 1947 г.⁴⁶

Наименование района и его административного центра	Наименование и место расположения спецкомендатур и расстояния до райцентра в км	Наименование населенного пункта, где расселены спецпереселенцы и расстояния до спецкомендатуры в км	Количество спецпереселенцев, проживающих в населенном пункте						Детей до 16 лет		
			Бывшие кулаки		«власовцы»		всего				
			семей	человек	семей	человек	семей	человек		мужчин	женщин
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Беломорский район	Маленская спецкомендатура, пос. «1-й участок» 134 км	п. Маленга 3 км п. «127 километр» 3 км п. «1-й участок» 0 км п. Ухта 7 км с. Нюхча 13 км Итого по спецкомендатуре	63	82	—	107	63	189	156	22	11
г. Беломорск			—	—	—	177	—	177	177	—	—
			—	—	—	204	—	204	204	—	—
			9	15	—	—	9	15	3	6	6
			72	97	—	500	72	597	552	28	17
	Вирандозерская спецкомендатура	п. Вирандозеро 0 км п. «Участок № 2» 5 км пос. Вирандозеро 98 км	3	4	—	144	3	148	147	1	—
			—	—	—	235	—	235	235	—	—
			—	—	—	318	—	318	318	—	—
			—	—	—	100	—	100	100	—	—
			—	—	—	45	—	45	45	—	—
			3	4	—	842	3	846	845	1	—
	Тегозерская спецкомендатура	пос. Тегозеро 0 км ст. Колежма 11 км дер. Сумпосад 2 км Итого по спецкомендатуре	—	—	—	375	—	375	375	—	—
			12	27	—	—	12	27	20	11	5
			12	27	—	395	12	422	406	11	5

⁴⁶ АМВД РК, ф. 3, оп. 9, д. 12, л. 88—95.

Продолжение табл.

	Беломорская спецкомендатура г. Беломорск 0 км	г. Беломорск 0 км дер. Шижня 4 км дер. Сальнаволок 3 км Итого по спецкомендатуре	73	121	—	—	73	121	56	46	19
	Итого по Беломорскому району	260	412	—	1737	260	2149	1955	134	60	
Сегежский район г. Сегежа	Сегежская спецкомендатура г. Сегежа 0 км	г. Сегежа 0 км пос. Налвоицы 20 км пос. Онигма 27 км пос. Идель 50 км пос. Кочкома 80 км пос. Шавань 35 км	48	87	—	783	48	780	818	37	15
		пос. Налвоицы 20 км	103	143	—	—	103	143	66	48	29
		пос. Онигма 27 км	—	—	—	179	—	179	179	—	—
		пос. Идель 50 км	27	36	—	—	27	36	18	16	2
		пос. Кочкома 80 км	32	56	—	—	32	56	19	25	12
	пос. Шавань 35 км	12	18	—	—	12	18	5	8	5	
	Итого по Сегежской комендатуре и району	222	340	—	962	222	1302	1105	134	63	
Кондопожский район г. Кондопога	Кондопожская спецкомендатура г. Кондопога 0 км	г. Кондопога 0 км дер. Ватнаволок 25 км пос. Суна 15 км дер. Михеева Сельга 20 км дер. Янишполе 18 км дер. Вороново 20 км дер. Лижма 30 км дер. Чула 20 км дер. Кулмукса 18 км пос. Пески 50 км	27	145	—	1386	27	1531	1443	51	37
		г. Кондопога 0 км	15	46	—	—	15	46	17	15	14
		дер. Ватнаволок 25 км	4	6	—	—	4	6	4	2	—
		пос. Суна 15 км	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		дер. Михеева Сельга 20 км	2	2	—	—	2	2	1	1	—
		дер. Янишполе 18 км	3	14	—	—	3	14	4	7	3
		дер. Вороново 20 км	30	75	—	—	30	75	20	22	33
	дер. Лижма 30 км	1	4	—	—	1	4	3	1	—	
	дер. Чула 20 км	3	11	—	—	3	11	3	5	3	
	дер. Кулмукса 18 км	2	8	—	—	2	8	3	3	2	
	пос. Пески 50 км	—	—	—	64	—	64	64	—	—	
	Итого по Кондопожской комендатуре и району	87	311	—	1450	87	1761	1562	107	92	
Тунгудский район с. Лехта	Летнереченская спецкомендатура пос. Летний-1 32 км	с. Лехта 32 км пос. Летний-2 10 км пос. Сосновец 20 км ст. Тунгуда 8 км пос. Летний-1 и шлюз 12 0 км	9	15	—	—	9	15	5	6	4
		с. Лехта 32 км	4	7	—	—	4	7	4	3	—
		пос. Летний-2 10 км	32	78	—	—	32	78	28	29	21
		пос. Сосновец 20 км	38	63	—	—	38	63	29	19	15
		ст. Тунгуда 8 км	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	пос. Летний-1 и шлюз 12 0 км	208	409	—	—	208	409	104	163	142	

Продолжение табл.

	Пяжнево-Сельская спецкомендатура пос. Пяжлева Сельга 55 км	пос. Пяжнева Сельга пос. Дереванка 10 км	—	26	56	—	387	230	—	387	378	9	—
	Итого по Пяжнево-Сельга 55 км	Итого по спецкомендатуре	26	56	—	617	26	26	673	628	32	13	13
	Итого по Прионежскому району	Итого по Прионежскому району	162	341	—	1166	162	1507	1268	137	102	—	102
Пряжинский район	Обслуживается непосредственно работниками ОСП МВД КФСР	пос. Палозеро 30 км с. Пряжа 58 км д. Вилга 17 км ст. Чална 40 км д. Матросы 28 км	—	2	6	—	260	—	—	260	260	—	—
с. Пряжа	Г. Петрозаводск		9	19	—	—	9	19	10	6	2	2	2
			8	12	—	—	8	12	7	4	1	1	3
			1	1	—	—	1	1	1	1	1	—	1
	Итого по Пряжинскому району	Итого по Пряжинскому району	20	38	—	260	20	298	280	12	6	—	6
Заонежский район	Обслуживается Заонежским РО МВД с. Великая Губа	пос. Олений Остров 60 км Колхозы Заонежского района 45 км	—	—	—	57	—	57	57	—	—	—	—
с. Великая Губа			85	111	—	—	85	111	37	50	24	—	24
	Итого по Заонежскому району	Итого по Заонежскому району	85	111	—	57	85	168	94	50	24	—	24
Пудожский район	Пудожская спецкомендатура г. Пудож 0 км	г. Пудож 0 км д. Семеново 27 км д. Шала 41 км пос. Бочилово 30 км п. Новостеклянное 37 км д. Подпорожье 15 км д. Каршево 25 км пос. Мурманское 47 км д. Колово 10 км пос. Черная Речка 25 км	55	152	—	—	55	152	33	46	73	—	73
г. Пудож			4	10	—	—	4	10	2	5	3	—	3
			14	21	—	—	14	21	12	6	3	—	3
			—	—	—	215	—	215	215	—	—	—	—
			—	—	—	130	—	130	130	—	—	—	—
			35	79	—	92	—	92	92	—	—	—	—
			12	14	—	—	35	79	16	24	39	—	39
			3	7	—	—	12	14	9	1	4	—	4
			—	—	—	120	3	127	122	3	2	—	2
			—	—	—	119	—	119	119	—	—	—	—

Окончание табл.

Суоярвский район г. Суоярви	Обслуживает Суоярвское РО МВД г. Суоярви	г. Суоярви	5	7	—	—	5	7	5	2	—
Питкярантский район м. Импилахти	Обслуживает Питкярантское РО МВД м. Импилахти	м.* Импилахти	6	10	—	—	6	10	7	2	1
Куркиекский район м. Лахден-похья	Обслуживает Куркиекское РО МВД м. Лахденпохья	м.* Лахденпохья	41	101	—	—	41	101	50	33	18
			2077	3969	—	6408	2077	10377	7939	1467	971

Примечание. * Так в документе.

Министр внутренних дел
КФССР генерал-майор Серебряков
Начальник ОСП МВД КФССР капитан Сельшев

Состав категории спецпереселенцев-«власовцев», так же как и «бывших кулаков», в течение года постоянно менялся: за 1946–1948 гг. с территории КФССР убыло (на 1.10. 48 г.) всего 3114 «власовцев», в том числе на соединение с семьями в другие области, края и республики – 33; умерло – 517; освобождено и снято с учета – 304; арестовано местными органами МВД и МГБ, осуждено и содержалось в местах заключения – 191. В марте 1949 г. в Карело-Финской ССР на спецпоселении находилось 3793 «власовца», совместно с которыми проживали 905 взрослых и 676 детей, не состоявших на учете спецпоселений⁴⁷.

В 1948 г. на спецпоселении появляется новый контингент – крестьяне-«указники». Они выселялись на основании постановления Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни» и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». Выселялись, как правило, колхозники за невыработку обязательного минимума трудодней на 8 лет. Решения о выселении выносились колхозными собраниями и утверждались райисполкомами. Первоначальная практика выселения колхозников из Украинской ССР вскоре была распространена на всю страну.

В докладе министра внутренних дел Союза ССР С. Круглова И. Сталину, В. Молотову, Л. Берии, Г. Маленкову и А. Кузнецову от 13 сентября 1948 г. подчеркивалось: «Колхозное крестьянство активно разоблачает на общих собраниях лодырей и тунеядцев и единодушно принимает решения о выселении их в отдаленные районы страны»⁴⁸.

Кампания по выселению так называемых «указников» имела под собой вполне определенную почву. Сельское хозяйство страны, державшееся на внеэкономическом принуждении, после войны находилось в крайне тяжелом положении. Колхозы сдавали государству половину всего произведенного зерна, больше половины мяса и молока, а заготовительные цены на эту продукцию не возмещали даже затрат на их производство, что приводило к разорению производителя. Для

⁴⁷ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 181.

⁴⁸ 40–50-е годы: последствия депортации народов (свидетельствуют архивы НКВД–МВД СССР) / Сост. Н. Ф. Бугай // История СССР. 1992. № 1. С. 131.

уплаты сельхозналога колхозник вынужден был продавать на рынке почти всю произведенную на личном подворье сельхозпродукцию. Административными мерами власти пытались добиться от крестьян послушания и лояльности.

В телеграмме министра МВД СССР Круглова министру внутренних дел КФССР от 13 апреля 1948 г. в связи с отправкой в Карелию эшелона с «указниками» подчеркивалось: «Считаю необходимым предупредить вас лично, что выселение указанных лиц из УССР...имеет большое политическое значение»⁴⁹.

В 1948–1952 гг. на спецпоселение в целом по стране поступило 33 266 выселенных по этому Указу (без членов их семей)⁵⁰. Эшелоны со спецпоселенцами-«указниками» прибыли в республику 18 и 28 апреля 1948 г. со ст. Казатин Винницкой ж.д. и со ст. Харьков-Конотоп. В составе этих эшелонов насчитывалось 1852 человека (5,6 % от общего числа «указников» в стране), из них мужчин – 923, женщин – 929, и членов семей – 534 (из них мужчин – 80, женщин – 125 и детей – 329)⁵¹.

Для организации приема спецпоселенцев при Совете Министров КФССР в марте 1948 г. была организована комиссия под руководством зам. председателя Совета Министров С. С. Ракчеева. В местах расселения создавались районные тройки в составе секретаря райкома партии, председателя райсовета и директора леспромхоза⁵².

На 1 декабря 1948 г. на спецпоселении в Карело-Финской ССР содержалось 1396 «указников», выселенных из Украинской ССР. Они были расселены в 23 населенных пунктах республики мелкими группами. Для этих лиц, так же как и для «власовцев», статус спецпоселенца не был наследственным. Дети, родившиеся в семьях спецпоселенцев-«указников», считались свободными людьми с момента рождения. Родные и близкие, добровольно прибывшие в места высылки для совместного проживания с «указниками», на учет спецпоселений не ставились.

Из числа прибывших на спецпоселение в КФССР «указников» до конца 1948 г. убыло 456 человек, в том числе: было направлено в Якутскую АССР 162 человека, склонных к побегам; освобождено из спецпоселения решениями областных советов УССР – 29 человек; умерло – 9

---

⁴⁹ АМВД РК, ф. 68, оп. 2, д. 581, л. 62–63.

⁵⁰ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 157.

⁵¹ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 63, л. 213.

⁵² Там же, д. 54, л. 4.

человек; арестовано органами милиции — 5; находилось в бегах — 86; привлечено за побеги к уголовной ответственности — 165 человек⁵³.

По состоянию на 1 декабря 1949 г. на спецпоселении находились 1309 «указников», с которыми добровольно проживали 340 членов семей, из них детей 222 человека. Подавляющее большинство «указников» и членов их семей работали на предприятиях лесной промышленности (76 %), а также на предприятиях промышленности строительных материалов и в совхозах. В Петрозаводске на учете в конце 1949 г. состояло 75 «указников», они в основном работали на Сулажгорском кирпичном заводе и в Стройотделе МВД КФССР. Со спецпоселенцами в Петрозаводске проживали 25 членов их семей, из них 17 нетрудоспособных⁵⁴.

Необоснованная высылка из родных мест вызывала у людей обиду и негативную реакцию. Один из спецпоселенцев говорил: «Они меня выслали, да я к ним буду обращаться с просьбой, за что? Я вернусь домой. Обязательно отомщу им. Кого-нибудь убью или сожгу. Не будет их, детям отомщу. Если меня не будет, своим детям накажу, чтобы они отомстили»⁵⁵.

В областные советы депутатов трудящихся Украины шел поток заявлений от спецпоселенцев-«указников» с просьбой о пересмотре общественных приговоров колхозов. Как свидетельствуют архивные документы по результатам проверки жалоб на необоснованность выселения «указников» из родных мест, во многих случаях из колхозов выселяли инвалидов, людей с хроническими заболеваниями, матерей, имевших малолетних детей и в силу этого не выполнивших обязательного минимума трудодней, а также лиц, работавших на производстве и даже не состоявших членами колхоза. Предъявленные им обвинения в спекуляции и паразитическом образе жизни при проверке не подтвердились.

Так, по общественному приговору членов колхоза имени Ворошилова (с. Горошки Полонского района) была выселена в Карело-Финскую ССР колхозница М. И. Гливинская за «разлагательную работу среди колхозников, подрыв трудовой дисциплины в колхозе и невыработку минимума трудодней в 1945–1947 гг.». Произведенной на месте проверкой все обвинения были опровергнуты и установлено,

---

⁵³ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 63, л. 213.

⁵⁴ Там же, д. 68, л. 276, 278; д. 63, л. 213.

⁵⁵ Там же, д. 68, л. 285.

что М. Гливинская с 1933 г. до начала войны добросовестно работала в колхозе и даже премировалась за хорошие показатели в труде. Она никогда не занималась спекуляцией и самогоноварением. В послевоенный период в связи с болезнью (порок сердца и острый суставной ревматизм) М. Гливинская не могла вырабатывать необходимый минимум трудодней. Рассмотрев 5 ноября 1951 г. проверочный материал и протест прокурора области, исполком Каменец-Подольского областного совета депутатов трудящихся признал свое решение ошибочным и основанным на неправильных данных⁵⁶. Отбыв 3,5 года на спецпоселении в Карелии, М. Гливинская была возвращена на родину. Подобных примеров было много.

К декабрю 1948 г. 228 «указников» — инвалидов 3-й группы и лиц с физическими недостатками, не способных работать в лесной промышленности, были расселены в совхозы Питкярантского, Олонецкого и Пудожского районов, 7 человек определены в дома инвалидов⁵⁷.

Страницы истории спецпоселенцев-«указников» в Карелии связаны не только с выселенными в нашу республику колхозниками из Украины, но и с осуществленной в республике кампанией по выселению из колхозов лиц, «злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». Ветеран прокуратуры республики, заслуженный юрист Российской Федерации Я. Н. Бравый вспоминал: «После войны принимались довольно крутые меры к восстановлению имевшихся тогда в республике многочисленных колхозов, к укреплению в них трудовой дисциплины, причем не совсем демократическими способами. Одно время по указанию свыше было даже решено в показательном порядке выселить со своего места жительства нескольких колхозников, «злостно» не выполняющих обязательного минимума трудодней. Делаться это должно было формально по решению сельского схода, но на деле предварительно вопрос негласно предreshался на республиканском уровне. Когда Деревянский сельский сход в Прионежском районе принял решение о выселении колхозницы — вдовы, имеющей малолетнего ребенка, прокурор республики не мог мимо этого пройти и принял решение опротестовать постановление схода. Виролайнен (Виролайнен Абрам Андреевич,

---

⁵⁶ АМВД РК, ф. 3, оп. 19, д. 2, л. 322.

⁵⁷ Там же, оп. 12, д. 61, л. 75.

прокурор республики в 1940–1951 гг. – Примеч. автора) знал «кухню» подготовки подобных решений, но от опротестования не уклонился. Официальный протест прокурора не решились отклонить, так как расчет был на бездействие прокурора»⁵⁸.

Как и по всей стране, в колхозах республики прошли собрания, выносившие общественные приговоры о выселении за пределы республики. Всего по КФССР по состоянию на 1 ноября 1948 г. в 17 районах республики было проведено 19 колхозных собраний, на которых обсуждалось 62 человека. Срывов колхозных собраний не отмечалось, явка колхозников на собрания была обеспечена на 80–90 %, в голосовании принимали участие 90–95 % присутствовавших⁵⁹. В процессе проведения колхозных собраний наиболее характерными выступлениями за выселение «тунеядцев» и «нарушающих трудовую дисциплину» были следующие:

7 июля 1948 г. в Петровском районе на собрании колхозников колхоза «Путь к социализму» при обсуждении предложения о выселении Н. Е. одна из колхозниц заявила: «Я работаю в колхозе давно, отдаю все свои силы и практические навыки по уходу за скотом. Борюсь за восстановление колхозного скота. Как я, так и многие колхозники работают честно, но у нас в колхозе есть люди, которые работают плохо, а некоторые из них встали на путь нетрудовых доходов. Вот, например, Н. Е. нигде не работает, а пользуется всеми благами нашего колхоза. Подсмеивается над честными колхозниками. Она своими действиями разлагает трудовую дисциплину в колхозе. Считаю, что у нас теперь есть возможность обуздать лиц, не работающих в колхозе, но живущих за счет колхоза. Предлагаю собранию выселить согласно Указа Президиума Верховного Совета из нашей республики Н. Е.». Всего за выселение выступило 8 человек и по результатам голосования (из 101 человека, присутствовавшего на собрании, 89 голосовали за выселение Н. Е.) она была приговорена к высылке за пределы республики⁶⁰.

24 июля 1948 г. министр внутренних дел КФССР направил докладную записку в Отдел спецпоселений МВД СССР, в которой выразил несогласие с решением общего собрания членов колхоза «Путь к социализму» Кончезерского сельсовета Петровского района

---

⁵⁸ Бравый Я. Н. Времена и законы: Карельская хроника. Петрозаводск, 2003. С. 58.

⁵⁹ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 63, л. 209.

⁶⁰ Там же, л. 210.

от 10 июля 1948 г. в отношении выселения Н. Е. В ней говорилось, что Н. Е. в 1945 г. была исключена из колхоза и до последнего времени работала сторожем по охране складов Госсортфонда в том же селе, имела на иждивении трех детей от 7 до 12 лет. Муж ее, Н. А., 1909 г.р., в 1941 г. погиб на Ленинградском фронте. Учитывая, что достаточных оснований к выселению Н. не имелось и что у нее на иждивении находились трое малолетних детей, МВД КФССР поставило вопрос о пересмотре вынесенного приговора в отношении Н. и отмене его⁶¹.

Всего на спецпоселение в Тюменскую и другие области из Карело-Финской ССР было направлено 23 человека. С осужденными добровольно выехали 17 членов семей⁶². При отправке людей в места спецпоселения нередкими были случаи, когда по вине местных органов МВД некоторые выселяемые следовали в пункты расселения в летней одежде, сопровождавшие их лица не снабжались необходимыми запасами продовольствия или деньгами для питания выселяемых в пути следования. В ряде случаев вагоны не были обеспечены ведрами для воды. Так, произведенной МВД КФССР в июле 1948 г. проверкой наличия вещей у осужденных «указников» и выезжавших добровольно с ними членов семей, было установлено, что все они прибыли на сборный пункт в г. Петрозаводск в летней одежде, без необходимой зимней обуви и одежды. В связи с этим в директиве министра внутренних дел КФССР Серебрякова начальникам РО МВД КФССР вменялось в обязанность при утверждении приговоров райисполкомов немедленно доставлять в /отделение/ МВД вещи осужденных, а также по их письменным заявлениям принимать меры через родственников или сельсоветы к своевременной реализации их имущества или передачи его на хранение доверенным лицом⁶³.

В отличие от многих других краев, областей и республик страны высылка депортированных по национальному признаку в Карелию не получила широкого распространения, что, видимо, объяснялось пограничным расположением республики. Здесь содержались лишь незначительные контингенты репатриированных немцев (бывших граждан СССР) и представителей других национальностей.

---

⁶¹ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 63, л. 82.

⁶² Там же, д. 66, л. 1–2.

⁶³ Там же, д. 63, л. 110–111.

В конце Великой Отечественной войны началась новая волна депортаций немцев в СССР. Она коснулась в основном немцев, проживавших на оккупированной территории, выезжавших в Германию и западную Польшу и возвратившихся оттуда в порядке репатриации. Российские немцы оказались самым большим контингентом в системе спецпоселений, составляя более половины от всей численности спецпоселенцев. После войны было взято на учет спецпоселений 210 600 репатриированных немцев (в это число входили и не побывавшие за границей члены семей репатриантов)⁶⁴.

Лица немецкой национальности входили в состав и других категорий спецпоселенцев («бывшие кулаки», «власовцы» и др.). Часть из них отделялась от указанных контингентов и причислялась к категории «немцы». По данным на 1 августа 1949 г. в Карело-Финской ССР состояло на учете 26 репатриированных немцев, прибывших на соединение к главам семей «власовцам» из других областей в 1948 г. Все они родились в основном в Молдавии или в Украине, в годы войны находились в Польше или Германии, а прибыли в республику из Костромской, Вологодской, Горьковской областей, Башкирии и Алтайского края⁶⁵.

На 1 января 1953 г. на учете Отделения спецпоселений НКВД КФССР состояло уже 246 немцев, из них 29 – репатриированные и 217 – выселенные⁶⁶ (в эту категорию попали немцы, оставшиеся на спецпоселении по национальному признаку после освобождения «власовцев»).

Согласно вступившей в силу в июне 1949 г. инструкции для комендантов спецкомендатур МВД, находившиеся на спецпоселении немцы, чеченцы, ингуши, калмыки, крымские болгары, армяне, литовцы стали называться «выселенцами». В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. они были переведены на спецпоселение навечно, без возврата к прежним местам жительства⁶⁷. Этим же указом другие контингенты: «оуновцы», «власовцы», «члены семей главарей и активных бандитов» из Литовской ССР, «указники», т. е. переселенные не по национальному признаку, стали именоваться «спецпоселенцами». Тем самым решалась проблема разночтений в определении статуса переселенных, существовавшая до

---

⁶⁴ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 127.

⁶⁵ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 66, л. 260.

⁶⁶ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 218; АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 76, л. 166.

⁶⁷ Пиманов А. С. Немецкая ссылка в Тюменской области (1941–1955 гг.) <http://law.admtymen.ru/noframe/nic?d&nd=466201102&nh=1>

этих пор. На спецпоселенцев не распространялось действие Указа от 26 ноября 1948 г., т. е. они выселялись на определенные сроки⁶⁸.

По состоянию на 1 января 1949 г. в стране насчитывалось 2 300 223 спецпоселенцев, из них в Коми АССР — 31 315 человек, в Архангельской области — 16 869, Вологодской области — 10 363, Карело-Финской ССР — 7 564, в Мурманской области — 3 887 человек⁶⁹. При этом имелись некоторые различия в составе спецпоселенцев по регионам. Если в Коми АССР, Архангельской и Вологодской областях преобладающей в количественном отношении категорией спецпоселенцев являлись немцы, то в Карело-Финской ССР — «власовцы». В отличие от названных республик и областей в Карелии не было спецпоселенцев-«оуновцев», зато в единственной из республик и областей Европейского Севера здесь находились спецпоселенцы-«указники».

В соответствии с приказом МВД СССР № 00598 г. с 1 по 13 сентября 1949 г. в республике была осуществлена проверка работы местных органов МВД по спецпоселенцам. По данным переучета, спецпоселенцы и выселенцы были расселены в следующих районах республики⁷⁰:

Районы	Выселенцы	«Указники»	«Власовцы»
Лоухский	—	176	—
Беломорский	15	—	837
Тунгудский	1	206	76
Ругозерский	—	207	8
Сегежский	9	491	358
Медвежьегорский	—	—	77
Кондопожский	1	3	905
Прионежский	—	—	470
Пряжинский	—	4	143
Питкярантский	—	152	44
Пудожский	—	16	636
Заонежский	—	12	16
г. Петрозаводск	2	51	206
Итого:	28	1318	3776

⁶⁸ Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД — МВД СССР) // СОЦИС. 1990. № 11. С. 9–10.

⁶⁹ Там же. С. 10–11. Приведенные В. Земсковым данные расходятся с отчетными данными МВД КФСР, согласно которым на учете в республике на 1 января 1949 г. состояло 5209 спецпоселенцев. См.: АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 317, л. 68.

⁷⁰ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 96, л. 5–7.

По половозрастному составу спецпоселенцы на территории КФССР распределялись следующим образом (по состоянию на 31 марта 1950 г.)⁷¹:

Контингент	Всего		Мужчин	Женщин	Детей до 16 лет
	семей	человек			
«Власовцы»	—	3634	3619	15	—
«Указники»	—	1090	511	579	—
Репатриированные немцы, взятые на учет как выселенцы	19	46	7	24	15
Выселенцы греки	—	1	1	—	—
Итого	19	4771*	4138*	618	15

Примечание. * В документе ошибочно: 4770 и 4137.

Количественный и качественный состав спецпоселенцев постоянно менялся. С 1 января 1949 г. по 25 июля 1950 г. в республику прибыло 63 «власовца», 34 «указника» и 14 немцев. За это же время убыло 764 «власовца» и 409 «указников»⁷². 907 человек из них, склонных к побегам, в 1950 г. были отправлены из КФССР в Иркутскую область для работы в слюдяной промышленности. Среди них были 618 «власовцев» и 289 «указников». Вместе с ними отбыли из республики 155 членов их семей⁷³.

К началу 1953 г. произошло заметное сокращение количества спецпоселенцев как в стране в целом, так и в республике. На 1 января 1953 г. на учете в КФССР состояло 1279 спецпоселенцев и выселенцев, расселенных в 13 районах республики. Из них: «власовцев» — 94 человека, «указников» — 965, находившихся на вечном поселении — 220. Мужчин среди них было 719, а женщин — 560. По национальному составу: украинцев — 920, немцев — 208, русских — 82, поляков — 23, белорусов — 21, финнов — 7, остальные национальности — по одному человеку⁷⁴.

На 1 января 1955 г. на учете в 4-й спецгруппе МВД КФССР осталось 663 спецпоселенца, в том числе 62 «власовца», 168 оставленных на спецпоселение по национальному признаку и 433 «указника», а на 15 июня 1956 г. — 8 человек⁷⁵.

⁷¹ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 101, л. 16.

⁷² Там же, ф. 40, оп. 1, д. 317, л. 68.

⁷³ Там же, д. 333, л. 290; ф. 3, оп. 12, д. 120, т. 1, л. 180, 270; т. 2, л. 96.

⁷⁴ Там же, ф. 3, оп. 23, д. 10, л. 167.

⁷⁵ Там же, оп. 32, д. 3, л. 6; д. 4, л. 21.

Таким образом, в первое послевоенное десятилетие система спецпоселений в республике получила свое дальнейшее развитие. До середины 1946 г. на спецпоселении в Карело-Финской ССР находились только «бывшие кулаки», затем появились «власовцы», крестьяне-«указники», репатриированные немцы. За период 1946–1948 гг. на спецпоселение в Карело-Финскую ССР было направлено 8647 чел. спецпоселенцев, из них 6795 «власовцев» и 1852 «указника»⁷⁶.

В отличие от ряда других областей и республик страны в Карелии в качестве места жительства спецпоселенцев не использовались исправительно-трудовые лагеря и спецстройки МВД. Спецпоселенцев не изолировали от местного населения, большинство их семей отправляли в малонаселенные районы края. Другой важной особенностью спецпоселений послевоенных лет в республике являлось преобладание социально-политических, а не этнических мотивов переселения.

С конца 1940-х гг. ведущую роль в пополнении трудовых ресурсов Карелии стала играть межреспубликанская миграция. Лесная промышленность получила преимущество в пополнении своих предприятий кадрами из Белоруссии, Брянской, Кировской, Костромской, Псковской и других областей страны. В 1949–1955 гг. в леспромхозы КФССР прибыло более 90 тыс. человек. Однако из-за неудовлетворительных социально-бытовых условий, невысокой квалификации прибывающих в республику по оргнабору и промышленному переселению высока была текучесть кадров. Если в 1946–1949 гг. в лесную промышленность прибыло около 56 тыс. человек, то уехало более 32 тыс.⁷⁷ Тем не менее уже к 1953 г. на лесозаготовительных предприятиях рабочие-переселенцы составляли около 50 % общего числа постоянных кадров лесозаготовителей⁷⁸.

Характерные в целом для Европейского Севера активные миграционные процессы вели к преобразению этнокультурного и демографического облика территории республики. Общая тенденция изменения этнического состава населения КФССР в 1940–1950-е гг. заключалась в росте численности русского, украинского и бело-

---

⁷⁶ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 76, л. 217.

⁷⁷ История Карелии с древнейших времен... С. 692.

⁷⁸ Макуров В. Г. Трудящиеся Европейского Севера СССР в борьбе за подъем лесной промышленности (1946–1958). Петрозаводск, 1982. С. 47.

русского населения и сокращении численности карелов и вепсов. Только доля белорусского населения выросла за это время (в основном за счет добровольного переселения) с 0,9 % до 11 %, или в 16,7 раза⁷⁹. Определенную часть в пополнении населения республики составили бывшие спецпоселенцы, оставшиеся здесь после своего освобождения.

---

⁷⁹ Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 154.

Глава 2

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ НКВД (МВД) ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ РЕЖИМА СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ

Статус и режим спецпоселенцев регулировались решениями высших органов власти СССР. Нормативная и организационная инфраструктура системы спецпоселений в стране была в основном создана к середине 1930-х гг. Она совершенствовалась в 1940-е гг. и достигла своего расцвета к началу 1950-х гг.

В марте 1944 г. в результате реорганизации НКВД был образован Отдел Спецпоселений НКВД СССР – самостоятельный отдел, выведенный из системы ГУЛАГа НКВД¹. В его обязанности входил контроль за соблюдением режима спецпоселения. Создание отдельного подразделения обуславливалось тем фактом, что, несмотря на всевозможные правовые ограничения, спецпереселенцы не являлись заключенными и распространение на них режима содержания ГУЛАГа НКВД оказалось нецелесообразным. Кроме того, в том же году были осуществлены массовые «национальные» депортации. Соответственно термин «трудпоселенцы» исчез из официального оборота, и все высланные стали именоваться «спецпереселенцами» («спецпоселенцами»)².

В республиках, краях и областях создавались соответствующие отделы и инспекции в составе НКВД. Штат отделения специальных поселений НКВД КФСР был утвержден в количестве трех единиц (начальник отделения, старший оперуполномоченный и секретарь-машинистка)³. В июле 1944 г. отделение спецпоселений НКВД КФСР переехало из Беломорска в г. Петрозаводск.

В апреле 1944 г. Наркомат внутренних дел СССР утвердил форму отчетности отделов (отделений) спецпоселений НКВД (УНКВД) перед отделом спецпоселений НКВД СССР. Она отражала основные направления деятельности отделов спецпоселений и включала следующие данные:

---

¹ Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // СОЦИС. 1992. № 2. С. 22.

² Там же. С. 22; Бердинских В. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005. С. 262–263.

³ АМВД РК, ф. 3, оп. 4-а, д. 1, л. 19.

- декадные докладные записки о ходе хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев, выявленных среди них настроениях, случаях побегов и других происшествий – на 1, 10, 20 число каждого месяца;
- месячные докладные записки об агентурно-оперативной работе среди спецпереселенцев – на 1-е число каждого месяца;
- квартальную отчетность о наличии и движении спецпереселенцев отдельно по каждому контингенту – на 1 января, 1 апреля, 1 июля и 1 октября;
- квартальную отчетность о количестве спецпереселенцев, занятых на работах в совхозах, промышленных предприятиях, стройках, на транспорте и т. д. по каждому контингенту – на 1 января, 1 апреля, 1 июля и 1 октября;
- дислокацию расселения спецпереселенцев – на 1 января, 1 июля;
- спецсообщения об особых происшествиях среди спецпереселенцев (организованные побег, попытки перехода за кордон, банд-проявления, антисоветские выступления) – немедленно при установлении факта особого происшествия;
- также о массовых эпидемических заболеваниях⁴.

В целях укрепления системы управления и контроля над деятельностью спецпоселков в соответствии с приказами НКВД СССР от 22 декабря 1943 г. и 7 февраля 1944 г. вновь были организованы районные и поселковые комендатуры спецпоселений. Районная комендатура состояла из 2–5 человек и обслуживала от 400 до 4000 семей переселенцев; поселковая – из 1–3 человек, обслуживая от 300 до 1000 семей⁵. Непосредственное руководство спецкомендатурами возлагалось на горрайотделы МВД и отделы спецпоселений МВД и УМВД республик, краев и областей. При этом сохранялся введенный в годы войны порядок утверждения райкомендантов, их помощников, а также руководителей отделений и инспекций трудспецпоселений НКВД/УНКВД в соответствующих ЦК Национальных компартий, крайкомах и обкомах ВКП(б)⁶.

⁴ АМВД РК, ф. 3, оп. 4-а, д. 30, л. 62.

⁵ Пиманов А. С. Немецкая ссылка в Тюменской области (1941–1955 гг.) // Электронный ресурс: <http://law.admtymen.ru/noframe/nic?d&nd=466201102&nh=1>; Шадт А. А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955): Дис. ...канд. историч. наук. Новосибирск, 2003 // Электронный ресурс: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub/Data/Shadt/?html=sh51.htm&id=1500>

⁶ АМВД РК, ф. 3, оп. 4-а, д. 30, л. 50.

На местах разрабатывались проекты штатов районных и поселковых спецкомендатур как органов непосредственного руководства деятельностью спецпоселений на местах. В проекте штата спецкомендатур, подготовленном НКВД КФССР и направленном в марте 1944 г. на утверждение в Отдел спецпоселений НКВД СССР, в Карелии предусматривалась организация 8 спецкомендатур: одной районной, одной поселковой и 6 отдельных поселковых спецкомендатур с общим штатом 10 человек. Данный проект исходил из специфики КФССР как режимной и прифронтовой республики. Кроме того, учитывались географические и поселенческие особенности Карелии: проживавшие на ее территории 1320 семей спецпереселенцев были расселены в 34 поселенческих пунктах 5 районов республики, разбросанных на большом расстоянии один от другого⁷.

«Такая разбросанность в расселении и тем более по местам работы, – подчеркивалось в докладе о работе ОСП НКВД КФССР за 1-й квартал 1944 г., – крайне усложняет работу поселковых комендатур по поддержанию режима, точному и своевременному учету спецпоселенцев, проверке выполнения хозяйственными организациями договоров, в борьбе с побегами...». В связи с этим ОСП НКВД КФССР считал необходимым: «1. Поставить вопрос перед СНК КФССР об изъятии спецпоселенцев с работы в предприятиях и колхозах там, где работает менее 5 человек и сосредоточения их в более крупных организациях и колхозах. Попытки провести эти мероприятия силами комендатур положительных результатов не дают, т. к. хозяйственные организации не отпускают с работы поселенцев и почти в каждом отдельном случае обращаются в СНК.

2. Всех поселенцев, включая и тех, которые проживают в сельской местности, снабдить справками с указанием „разрешено проживать только в таком-то населенном пункте“. В данное время такие справки имеют только поселенцы, проживающие в Беломорске и Сегеже...»⁸.

Действительно, в случае необходимости временного выезда спецпоселенцев из места расселения районные отделения НКВД выдавали им на руки соответствующую справку установленного образца⁹:

---

⁷ АМВД РК, ф. 3, оп. 4-а, д. 9, л. 10.

⁸ Там же, ф. 3, оп. 5, д. 7, л. 14, об. 15.

⁹ Там же, оп. 8, д. 9, л. 133.

Справка

Спецпереселенцу -----

проживающему -----

разрешен въезд в -----

по (указать) личным, служебным делам

Действительно по « » ----- 194—г.

По прибытии на место обязан немедленно явиться в спецкомендатуру РО НКВД.

Начальник РО НКВД

Комендант

В свою очередь, спецпоселенец заполнял обязательство установленного образца¹⁰:

Обязательство

« » ----194—г.

Я, спецпереселенец -----

проживающий -----

Даю настоящее обязательство в ----- спецкомендатуру НКВД

В том, что обязуюсь прибыть в -----

И явиться для принятия на учет в ----- спецкомендатуру НКВД.

Мне объявлено, что за неявку в указанный срок несу ответственность в уголовном порядке по ст. 82 УК РСФСР

Подпись

« » ----- 194-- г.

11 апреля 1944 г. нарком внутренних дел КФССР утвердил Временную инструкцию о работе поселкового коменданта, в обязанности которого вменялось: а) осуществление административных и организационных мероприятий, связанных с соблюдением установленного режима в местах расселения переселенцев и содействие хозяйственному и трудовому устройству их; б) посемейный и персональный учет переселенцев и контроль за их передвижением в районе расселения; в) борьба с побегами переселенцев и производство дознаний о побегах¹¹.

Особое внимание в Инструкции было обращено на предотвращение побегов спецпоселенцев:

¹⁰ АМВД РК, ф. 3, оп. 8, д. 9, л. 132.

¹¹ Там же, оп. 4-а, д. 30, л. 56–59.

«Комендант поселка в целях обеспечения надлежащего режима и предотвращения побегов обязан:

1. Точно знать, где проживает и работает каждый поселенец и члены его семьи.

2. Знать переселенцев, склонных к побегу, держать их в поле своего зрения и предупредить администрацию предприятия – учреждения (там, где он работает) о том, что в случае невыхода на работу кого-либо из переселенцев немедленно об этом сообщали комендатуре.

3. В общежитиях или отдельных населенных пунктах, где проживают несколько семей переселенцев, иметь уполномоченных (старост) из числа актива переселенцев, вменив им в обязанность вести учет переселенцев по дому (селу), немедленно сообщать комендатуре о всех случаях побега или других происшествиях.

В крупных населенных пунктах или на предприятиях, где проживает или работает большое количество переселенцев, создать группы содействия комендатуре (3–5 человек), которые при правильном подборе и умелом использовании их могут оказать существенную помощь комендатуре в проведении различного рода мероприятий, в частности, в борьбе с побегами, поддержании режима, налаживании учета и т. д.

4. Предупредить администрацию предприятий, где работают переселенцы, о том, чтобы последняя никаких перебросок переселенцев и направления их в командировки, отпуска, на лечение и т. д. без ведома комендатуры не производила. Переброска их в другой административный район может быть произведена только с санкции ОСП НКВД...

Каждый переселенец обязан ежемесячно являться в комендатуру на регистрацию, о чем делается отметка в удостоверении, выданном для прописки. Лиц, склонных к побегам, обязывать явкой на регистрацию 2–3 раза в месяц. В случаях, когда переселенцы проживают вдали от комендатуры, и явка их в комендатуру нецелесообразна, наличие их проверять через председателей сельсоветов, колхозов, руководителей предприятий или своих уполномоченных. Отметку о регистрации делать при очередном выезде в этот населенный пункт.

6. Самовольные отлучки переселенцев с места жительства на срок свыше суток рассматривать как побег и привлекать их к судебной ответственности по ст. 82 УК РСФСР...

8. Переселенцев, бежавших из других районов и областей и задержанных на обслуживаемой комендатурой территории, привлекать

к ответственности по ст. 82 УК. Дела на них оформлять в 5-дневный срок и передавать на рассмотрение в местный народный суд...»¹².

Таким образом, в ведении спецкомендатур находились все основные вопросы жизни спецпоселков, но в ряде случаев коменданты оказывались номинальными фигурами, отвечающими в основном за учет выселенцев. Так, коменданту запрещалось самостоятельно рассматривать и принимать решения по жалобам и заявлениям выселенцев о перемещении их на новое место жительства, о выезде выселенцев на учебу, в служебные командировки и по личным делам за пределы района расселения и о соединении семей, находившихся в других районах и областях.

В течение первого полугодия 1944 г. ввиду отсутствия штатов спецкомендатур коменданты поселков в республике содержались по штатам и должностям других подразделений.

Дислокация поселковых комендатур по обслуживанию спецпереселенцев, проживавших на территории КФССР, по состоянию на 1 августа 1944 г. выглядела следующим образом:

1. Тегозерская (пос. Тегозеро Беломорского района)
2. Беломорская (г. Беломорск)
3. Летнереченская (ст. Летний Тунгудского района)
4. Идельская (ст. Идель Ругозерского района)
5. Медвежьегорская (г. Медвежьегорск)
6. Пудожская (г. Пудож)
7. Прионежская (г. Петрозаводск)¹³.

В связи с поступлением новых контингентов спецпоселенцев и расширением числа объектов их трудового использования произошли некоторые изменения в дислокации спецкомендатур в республике. На 1 ноября 1946 г. имелось 8 спецкомендатур: Беломорская (г. Беломорск), Летнереченская (пос. Летний-1 Тунгудского района), Сегежская (г. Сегежа), Медвежьегорская (г. Медвежьегорск), Кондопожская (г. Кондопога), Прионежская (с. Ладва), Петрозаводская (г. Петрозаводск), Пудожская (г. Пудож). Спецкомендатуры обслуживали почти 10 тыс. спецпоселенцев — «бывших кулаков», расселенных в 17 районах республики, и «власовцев», расселенных в 8 районах¹⁴.

¹² АМВД РК, ф. 3, оп. 4-а, д. 30, л. 56–59.

¹³ Там же, д. 9, л. 51.

¹⁴ Там же, оп. 7, д. 3, л. 6; оп. 9, д. 10, л. 62; оп. 12, д. 30, л. 21, 26.

С прибытием на спецпоселение в республику в 1948 г. нового контингента — крестьян-«указников» — число спецкомендатур к октябрю 1948 г. увеличилось до 19, затем их количество постепенно уменьшалось. Спецкомендатуры действовали в 10 районах республики: Лоухском, Беломорском, Тунгудском, Ругозерском, Сегежском, Прионежском, Пудожском, Питкярантском, Заонежском, Кондопожском, а также в г. Петрозаводске. Спецпоселенцы, расселенные на территории Пряжинского, Медвежьегорского и Олонецкого районов, где не имелось спецкомендатур, обслуживались районными отделами МВД¹⁵.

Вплоть до начала 1945 г. отсутствовала официальная правовая база, определявшая положение спецпоселенцев, что являлось одной из причин многочисленных случаев нарушения режима спецпоселения. Нередко спецпоселенцы, трудившиеся на различных предприятиях республики, являлись единственными специалистами в данной области, и администрация предприятий шла им навстречу, разрешая хорошо зарекомендовавшим себя работникам выехать на короткий срок на родину в связи с семейными обстоятельствами, направляла их в командировки в другие районы республики, исходя из производственной необходимости. Степень свободы спецпоселенцев в реальности могла зависеть от целого ряда факторов, не имевших отношения к правовым нормам, в первую очередь, от места их дислокации и предприятий, где использовался их труд.

8 января 1945 г. было принято постановление СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев». Постановление определяло, что «спецпереселенцы пользуются всеми правами граждан СССР, за исключением ряда ограничений». Ограничения, однако, были такие, что по существу никаких прав не оставалось. Спецпереселенцы не имели права без разрешения коменданта отлучаться за пределы района расселения, обслуживаемого данной спецкомендатурой. Самовольная отлучка рассматривалась как побег и влекла за собой ответственность в уголовном порядке. Спецпереселенцы обязаны были соблюдать установленный для них режим и общественный порядок и подчиняться всем распоряжениям спецкомендатур НКВД. Репрессированные не имели права самостоятельно выбирать место работы, за них это делали местные Советы и органы НКВД. Спецпереселенцы, главы семей, или лица, их заменяющие, обязаны были в трехдневный срок сообщать в спецкомендатуру НКВД обо всех изменениях,

---

¹⁵ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 54, л. 168–171.

происшедших в составе семьи (рождение ребенка, смерть члена семьи, побег и т. п.). За нарушения режима и общественного порядка в местах поселения спецпереселенцы подвергались административному взысканию в виде штрафа до 100 руб. или ареста до 5 суток¹⁶. Этот порядок не всегда соблюдался, хотя статья 127 Конституции СССР 1936 г. гласила: «Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора»¹⁷.

Таким образом, в законодательном порядке сохранялось основное ограничение для спецпереселенцев – отсутствие свободы передвижения. Оно влекло за собой ущемление других конституционных прав и свобод: на образование, получение медицинской помощи и т. д.

Жизнь спецпереселенцев продолжала строго регламентироваться не только законодательными актами и правительственными постановлениями, но и подзаконными актами – директивами, циркулярами, приказами НКВД и частично Прокуратуры СССР. Поэтому, как справедливо отмечает С. Красильников, правильнее анализировать не «правовое положение» спецпереселенцев, а режимное, дискриминационно-ограничительное пространство, в котором они пребывали на спецпоселении и внутри которого «права» на деле являлись смягчением либо отменой ранее введенных ограничений или дискриминаций¹⁸.

8 января 1945 г. СНК СССР утвердил «Положение о спецкомендатурах НКВД», определившее цели их деятельности и закрепившее обязанности спецкомендантов¹⁹. Непосредственное руководство спецкомендатурами возлагалось на горрайотделы НКВД и отделы спецпоселений НКВД и УНКВД республик, краев и областей. Постановления Совнаркома СССР о спецпереселенцах были дополнены рядом ведомственных документов НКВД. Реализация всех этих документов по сути дела привела к политико-правовому и организационному оформлению режима спецпоселения. В марте 1946 г. в связи с преобразованием наркоматов в министерства НКВД КФССР стал называться Министерством внутренних дел.

---

¹⁶ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 113.

¹⁷ Конституция Союза ССР и Союзных Республик с приложением Положения о выборах в Верховный Совет СССР. М., 1937. С. 20.

¹⁸ Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 134.

¹⁹ Сборник законодательных и нормативных актов... С. 113, 114.

Проверка применения на местах постановления СНК СССР от 8 января 1945 г. выявила многочисленные факты нарушения установленного порядка привлечения спецпоселенцев к административной и судебной ответственности. Так, комендант Пудожской спецкомендатуры НКВД и начальник РО НКВД арестовали на 5 суток за нарушение трудовой дисциплины спецпереселенку Д., которая в течение 20 дней не выходила на работу, хотя она подлежала привлечению к судебной ответственности по указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г.

В инструкции начальника ОСП НКВД КФССР капитана Добрынина начальникам РО НКВД 27 февраля 1945 г. подчеркивалось: «Разъясняю, что применять указанное постановление следует только к тем спецпереселенцам, которые своим поведением действительно заслуживают взыскания, причем в каждом отдельном случае подходить дифференцированно, учитывая характер допущенного нарушения, его последствия, поведение этого лица в прошлом, а при решении вопроса о наложении штрафа учитывать и его материальную обеспеченность. При наложении на спецпоселенцев ареста обязательно брать санкцию районного прокурора и содержать арестованных в КПЗ при РО НКВД.

Категорически запретить работникам спецкомендатур принимать от спецпереселенцев деньги в уплату штрафа. Последние должны быть внесены самим нарушителем в местное отделение Госбанка, а квитанция об уплате штрафа приложена к переписке. После того, как нарушитель отбудет наказание, или уплатит штраф, всю переписку направлять в ОСП для приобщения к личному делу спецпереселенца. Для учета наложенных взысканий в комендатуре завести специальную тетрадь, в которой указывать на кого, когда, за что и какое наложено взыскание»²⁰.

Судя по архивным документам, многие работники спецкомендатур входили в положение спецпоселенцев, не применяя против них мер административного воздействия. 30 ноября 1945 г. Отдел спецпоселений НКВД КФССР направил начальникам РО НКВД директиву, в которой подчеркивалось, что некоторые работники спецкомендатур не изучили постановления СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев» и инструкцию о порядке наложения административных взысканий на спецпереселенцев за нарушение режима, объявленную приказом НКВД

---

²⁰ АМВД РК, ф. 3, оп. 7, д. 17, л. 6.

СССР за № 376 от 14 сентября 1945 г., в результате чего они сами нарушают установленный порядок. Отдел спецпоселений НКВД КФССР обратил внимание работников по учету спецпереселенцев Беломорского, Кондопожского, Медвежьегорского и Прионежского РО НКВД на то, что, несмотря на большое количество случаев нарушения спецпереселенцами установленного режима, на них не было наложено ни одного административного взыскания²¹.

Нередкими были и факты выдачи комендантами разрешений на выезд спецпоселенцев за пределы поселков по неотложным личным делам. В связи с этим в директиве министра внутренних дел республики генерал-майора Б. Серебрякова начальникам РО МВД от 23 апреля 1948 г. подчеркивалось: «По указанию МВД СССР выдача спецпоселенцам разрешений на выезд в отпуска и командировки за пределы района расселения категорически запрещена. В случаях крайней необходимости выдачу спецпоселенцам разрешений на выезд в другую республику, край, область производить только с санкции ОСП МВД СССР, из района в район в пределах республики — с санкции ОСП МВД КФССР. Предупредите комендантов спецкомендатур, что за самовольную выдачу разрешений на выезд спецпоселенцев из района расселения на виновных будут налагаться строгие взыскания»²².

Особенно строгие меры по соблюдению режима спецпоселения принимались в дни празднования 1 Мая и 7 Ноября. Коменданты обязаны были за неделю до праздника не направлять ни одного спецпоселенца за пределы места поселения, проверить наличие переселенцев по месту жительства и работы, установить наблюдение осведомителей за всеми переселенцами, склонными к побегам, антисоветским проявлениям и уголовно-бандитским действиям, и немедленно информировать Отделение спецпоселений об этих случаях²³.

Мероприятия по предотвращению побегов занимали главное место в работе районных отделений милиции и спецкомендатур. 18 марта 1946 г. начальникам РО НКВД КФССР была разослана директива зам. наркома внутренних дел КФССР, содержавшая план конкретных мероприятий в связи с участвовавшими случаями побегов спецпереселенцев (бывших кулаков) из Тунгудского, Сегежского и Беломорского районов. В целях предупреждения побегов предлагалось:

---

²¹ АМВД РК, ф. 3, оп. 9, д. 4, л. 153.

²² Там же, оп. 14, д. 6, л. 6.

²³ Там же, оп. 5, д. 11, л. 88.

«1. Прекратить всякие переброски спецпереселенцев без соответствующего разрешения отдела спецпоселений НКВД КФССР за пределы района расселения, как по ходатайствам хозорганизаций, а также по их личным и семейным делам, за исключением случаев, требующих оказания спецпереселенцам скорой медицинской помощи, если это невозможно сделать в пределах района расселения.

2. Переводы спецпереселенцев из организации в организацию в пределах района расселения производить только с разрешения Отдела спецпоселений НКВД КФССР.

3. При переводе или временном выезде спецпереселенца по разрешению Отдела спецпоселений НКВД КФССР, в каждом случае строго предупредить каждого спецпереселенца, отобрать от него обязательство и выдать справку ...Одновременно отдельным отношением сообщить начальнику РО НКВД того района, куда направлен спецпереселенец, указав точный адрес места назначения и дату явки в РО НКВД на учет...

5. Установить ежемесячную регистрацию спецпереселенцев, проживающих на территории обслуживаемого района...»²⁴.

Наиболее часто побег с места спецпоселения совершали «власовцы». За второе полугодие 1946 г. за побег были привлечены к уголовной ответственности 5 «бывших кулаков» из 3969 состоявших на учете спецпоселения (0,1 %) и в то же время – 540 «власовцев» из 5241 человека (10,3 %)²⁵. Только с момента прибытия на поселение до 15 октября 1946 г. совершили побег 513 «власовцев», из них были задержаны 120 человек. В 4-м квартале 1946 г. числилось в бегах 644 «власовца», а в местах лишения свободы – 593. За этот же квартал бежало 723 «власовца», из бегов возвращено 463, убыло в места лишения свободы – 504 человека²⁶. Наибольшее количество побегов совершено за счет контингента, высленного из областей западной Белоруссии, Украины и Молдавской ССР.

В докладной записке министра внутренних дел КФССР в ОСП МВД СССР от 16 октября 1946 г. в числе причин столь значительного количества побегов «власовцев» были названы «плохие жилищно-бытовые условия в местах поселения, несвоевременная выплата заработной платы, плохое снабжение питанием и одеждой, большая разбросанность 25 населенных пунктов, где расселены „власовцы“: они

²⁴ АМВД РК, ф. 3, оп. 7, д. 1, л. 18–18 об.

²⁵ Там же, ф. 3, оп. 9, д. 12, л. 74.

²⁶ Там же, оп. 12, д. 30, л. 30; ф. 40, оп. 1, д. 228, л. 304.

находились на расстоянии 10–20 км от основных поселков, а также то, что «большое количество спецпоселенцев, прибывших из Белоруссии, не имели при себе ни белья, ни одежды. В результате они самовольно выезжали домой за вещами и не возвращались обратно»²⁷. Имели место случаи выхода спецпоселенцев на работу в лес босиком²⁸.

В выступлении полковника Трофимова (ОСП МВД СССР) на объединенном заседании начальников оперативных отделов и горрайотделений МВД КФССР, работников прокуратуры и районных прокуроров КФССР 30 марта 1948 г. подчеркивалось, что «некоторые спецпоселенцы даже умышленно бежали, чтобы попасть в тюрьму и чувствовать себя в ней обеспеченными»²⁹.

В целях скорейшего розыска и поимки сбежавших спецпоселенцев начальник ОСП МВД КФССР в ноябре 1946 г. обязал начальников РО МВД 3 раза в месяц высылать сведения о количестве совершивших побег и 1 раз в месяц – персональный список бежавших³⁰.

В целях предотвращения побегов 57 спецпоселенцев были направлены в особо режимный поселок Олений Остров Заонежского района, часть жителей которого привлечена к оказанию помощи в выявлении и задержании беглецов. В поселках Падозеро, Деревянка и ряде других были проведены показательные суды над беглецами.

Однако обстановка с побегими оставалась в республике неблагоприятной. За два последующих года (середина 1946 – середина 1948) в Карело-Финской ССР было зафиксировано 1887 случаев побегов спецпоселенцев-«власовцев», или 27,9 % к общему числу расселенных в республике спецпоселенцев этого контингента. Из числа бежавших до июня 1948 г. не было разыскано 428 человек, или 22,7 % к числу бежавших³¹.

Органы внутренних дел, ведя активные розыски таких лиц, относились к ним априорно как к «враждебным и социально-опасным элементам», не вникая в причины и конкретные обстоятельства их службы у немцев. В директиве министра внутренних дел КФССР начальникам Заонежского, Петровского и Олонецкого РО МВД от 5 сентября 1946 г. подчеркивалось: «...Прибывшие на поселение в ваш район спецпоселенцы „власовцы“ являются особенным спецкон-

---

²⁷ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 228, л. 304.

²⁸ Там же, ф. 3, оп. 16, д. 20, л. 58–60.

²⁹ Там же, ф. 40, оп. 1, д. 272, л. 20.

³⁰ Там же, ф. 3, оп. 16, д. 1, л. 28.

³¹ Там же, оп. 12, д. 54, л. 30.

тингентом, в работе с которым важное значение приобретает активное оперативно-чекистское обслуживание его, что является перво-степенной задачей РО МВД...»³².

8 марта 1948 г. вышел приказ министра внутренних дел Союза ССР № 00246 «О задачах органов МВД по работе среди спецпоселенцев», содержащий ряд важных положений. Во всех местах расселения спецпереселенцев устанавливался строгий режим с ежемесячной, а для «власовцев» — 2 раза в месяц, явкой глав семей спецпереселенцев на отметку в спецкомендатуры. Органам МВД в кратчайшие сроки поручалось сверить фактическое наличие спецпереселенцев с учетными данными, организовать точный учет всех спецпереселенцев, бежавших с мест поселения в разное время и немедленно принять меры к их активному розыску, привести в полный порядок персональный учет спецпереселенцев. Каждый факт побега с мест поселения рассматривался как «чрезвычайное происшествие» и лица, допустившие «в результате своего бездействия или халатности» совершение побега, подлежали строгому наказанию. Бежавшие с мест поселения спецпереселенцы арестовывались и привлекались к уголовной ответственности по ст. 82 УК РСФСР, по месту задержания с уведомлением об этом МВД — УМВД тех республик, краев и областей, откуда был совершен побег. Производство следственных дел на беглых спецпереселенцев должно было заканчиваться в течение 10 дней с соблюдением всех норм УПК, после чего эти дела направлялись на рассмотрение в Особое Совецание МВД СССР, а в случаях «оперативной целесообразности» — в местные судебные органы³³.

В республиках, краях и областях, в которые поступал новый контингент спецпоселенцев, проводилась работа по трудоустройству и установлению строгого режима их содержания. В директиве министра внутренних дел КФСР начальникам Беломорского, Лоухского, Ругозерского, Сегежского, Кемского, Олонецкого и Пудожского РО МВД от 15 апреля 1948 г. подчеркивалось: «МВД СССР придает большое значение трудоустройству прибывающих из Украинской ССР спецпоселенцев {«указников»} и установлению самого строгого режима их содержания. Все мероприятия по трудоустройству и режиму должны быть подчинены основной задаче — недопустимость ни одного случая самовольного возвращения (побега) спецпоселенцев к месту прежнего

---

³² АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 34, л. 59–60.

³³ Там же, ф. 3, оп. 14, д. 6, л. 1, 2.

жительства. В связи с этим предлагаю: 1. Обратить внимание районных троек, созданных постановлением ЦК КП(б) и Совета Министров КФССР от 27 марта 1948 г. на сугубую серьезность вопроса правильного трудоустройства спецпоселенцев и создания необходимых бытовых и санитарных условий в местах расселения.

2. На организацию приема спецпоселенцев на станциях выгрузки, доставки их в места расселения и наблюдения за устройством привлечь максимальное количество штатных работников РО МВД. Привлечь для этой цели также партийных и комсомольских активистов, выделенных по вашему требованию райкомами партии.

3. Установить на первые 3 месяца работы среди прибывающих спецпоселенцев следующие режимные условия:

- а) Проверку наличия спецпоселенцев производить ежедневно. Для этой цели, помимо работников спецкомендатур, использовать также участковых уполномоченных милиции, которых на этот период разместить в пунктах расселения спецпоселенцев или в непосредственной близости от таковых;
- б) Через районные комитеты партии обязать администрацию хозорганов, коммунистов и комсомольцев, работающих в системе этих хозорганов, вести тщательный повседневный учет рабочих — спецпоселенцев и немедленно сообщать представителям органов МВД на местах как о нарушениях режима, так и об отсутствии того или иного спецпоселенца на работе;
- в) Лично, не менее 2 раз в месяц, сверять наличие спецпоселенцев с учетными данными спецкомендатур;

4. Организовать противопобеговые мероприятия...»³⁴.

Спецпоселенцы-«указники», прибывшие из Украины в местность с северными климатическими условиями, трудоустроенные в большинстве своем на лесозаготовках, отрицательно реагировали на выселение, что выразилось в большом количестве побегов, совершенных в 1948 г. С апреля по ноябрь 1948 г. совершили побег 268 «указников», или 12 % к общему числу прибывших. Наибольшее количество побегов было зафиксировано в Лоухском и Сегежском районах. Из 226 «указников», расселенных в Лоухском районе, бежало 53, или 23,5 %. Из 576 «указников», расселенных в Сегежском районе, бежало 125,

---

³⁴ АМВД РК, ф. 3, оп. 14, д. 6, л. 13–15.

или 22 %. Из числа сбежавших было задержано 110 человек на территории КФСР и 79 – органами МВД других областей³⁵.

Одной из мер борьбы с побегами стала высылка спецпоселенцев, склонных к побегу, в режимную спецкомендатуру на Оленьих островах в Заонежском районе республики, а также в Якутию. В декабре 1948 г. из Карело-Финской ССР в Якутию было выслано 160 человек, в том числе 147 «указников» и 13 членов их семей, в основном детей до 17 лет, в 1949 г. – еще 34 «указника»³⁶.

Комендантский режим был резко ужесточен после выхода в свет Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». Выселенные в этот период немцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки, крымские татары, крымские греки, крымские болгары и крымские армяне, турки, курды и хемшилы, а также выселенные из Прибалтики (латыши, эстонцы и литовцы, выселенные к 1949 г.) оставались в данном статусе навечно, без возврата к прежним местам жительства, срок за побеги им был увеличен до 20 лет. Кроме того, согласно Указу, лица, виновные в укрывательстве бежавших из мест обязательного поселения или способствовавшие их побегу, лица, виновные и выдаче разрешения выселенцам на возврат в места прежнего жительства, и лица, оказывавшие помощь в устройстве их в местах прежнего жительства, подлежали привлечению к уголовной ответственности и наказанию лишением свободы на 5 лет³⁷.

Чтобы избежать каких-либо волнений в связи с выходом этого Указа, была разработана специальная операция по ознакомлению выселенцев с его содержанием. Всех их, начиная с 16-летнего возраста, вызывали в комендатуру, где «отбирали» расписку об ознакомлении с Указом. В расписке говорилось: «Мне, выселенцу..., проживающему в..., объявлен Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 ноября 1948 года о том, что я выселен на спецпоселение навечно без права возврата к месту прежнего жительства и за самовольный выезд

---

³⁵ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 272, л. 194.

³⁶ Там же, ф. 3, оп. 12, д. 64, л. 95–96; д. 68, л. 285.

³⁷ Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД-МВД СССР) // СОЦИС. 1990. № 11. С. 9.

(побег) с места обязательного поселения буду осужден на 20 лет каторжных работ». Далее следовали подписи выселенца и сотрудника органов МВД, взявшего расписку³⁸. Эти расписки подлежали хранению без учета времени в личных делах спецпереселенцев.

В декабре 1948 г. уполномоченным МВД СССР генерал-лейтенантом И. Петровым была проведена проверка работы 9 районных отделов МВД республики и 16 спецкомендатур. В ходе проверки отмечались недостатки в организационном построении спецкомендатур, характеризовавшиеся по большинству районов КФССР отдаленностью комендатур от мест расселения и работы поселенцев (за исключением Кондопожского района), отсутствием в комендатурах средств передвижения, что затрудняло ежемесячную регистрацию спецпереселенцев и повседневное общение работников комендатур с поселенцами. Одному коменданту приходилось обслуживать до 10–15 населенных пунктов, причем расстояние до некоторых из них составляло до 50–100 км. В Лоухском районе, например, для того чтобы комендант побывал во всех пунктах, нужно было не менее 15 дней.

Административный надзор и режим в местах спецпоселений осуществлялся слабо, спецпоселенцы на отметку в комендатуру являлись нерегулярно. В Сегежском РО МВД 25 спецпоселенцев-«власовцев» с января – марта 1948 г. не являлись на отметку, при выборочной проверке двое из них оказались бежавшими. В Сегежском и Лоухском районах значительному количеству спецпоселенцев-«указников» не были выданы справки установленной формы, с указанием места работы и района, в котором им разрешено проживать³⁹.

Недостатки в постановке учета спецпоселенцев на местах вызывали серьезные нарекания со стороны МВД СССР. В приказе министра внутренних дел СССР от 15 сентября 1948 г. отмечалось, что в спецкомендатурах Сегежского, Беломорского и Лоухского районов Карело-Финской ССР учет выселенцев велся по произвольной форме: на клочках бумаги или в блокнотах работников спецкомендатур. В то же время полученные в июне 1948 г. книги персонального учета спецпереселенцев не были заполнены. В этих районах продолжались побегы спецконтингента, розыски которого велись крайне неактивно. В приказе особо отмечалось нарушение графика явок на отметку в спецкомендатуры.

---

³⁸ Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД-МВД СССР)... С. 10.

³⁹ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 76, л. 219.

Карело-Финская ССР была названа в числе самых неблагополучных регионов по количеству побегов спецпоселенцев. Только с марта по июнь 1948 г. в КФСР, Красноярском крае и Кемеровской области количество побегов возросло в 3—4 раза. Обстановка осложнялась тем, что сведения о побегах с мест поселения сообщались несвоевременно, и, как следствие, бежавшие со значительным опозданием объявлялись во всесоюзный розыск⁴⁰.

12 декабря 1948 г. была введена в действие Временная инструкция МВД КФСР надзирателям спецкомендатур, которая категорически запрещала надзирателям «входить в какие-либо личные отношения и сделки со спецпоселенцами (принятие подарков, исполнение поручений), использовать поселенцев для личных услуг и входить с ними в панибратские отношения; допускать хотя бы незначительное послабление установленного режима спецпоселенцам, но не допускать по отношению к ним действий, унижающих человеческое достоинство». Надзиратели не могли отлучаться из своего района обслуживания без разрешения коменданта, за исключением поимки бежавших⁴¹.

16 декабря 1948 г. МВД СССР утвердило новый штат Отдела спецпоселений КФСР из 11 человек. Для улучшения практического руководства районными отделениями МВД и спецкомендатурами в составе Отдела спецпоселений КФСР были образованы два отделения, одно из которых осуществляло функции надзора за режимом спецпоселений, борьбы с побегами, розыска бежавших спецпоселенцев, а другое отделение ведало вопросами учета спецпоселенцев, их трудоустройства, рассмотрения жалоб и заявлений.

Была проработана новая дислокация комендатур, предусматривавшая более компактное распределение контингентов по объектам, и новые штаты РО МВД, комендатур и надзирательского состава. Полностью укомплектован личный состав комендатур, в штаты РО МВД дополнительно введены 18 надзирателей из расчета на каждые 100—200 спецпоселенцев 1 надзиратель. В целом аппарат РО и спецкомендатур насчитывал 41 человека. Райотделы МВД и спецкомендатур были укреплены коммунистами. В 1950 г. из 13 комендантов спецкомендатур 11 человек являлись членами ВКП(б), 1 — кандидатом в члены ВКП(б) и лишь 1 был беспартийным. Все коменданты имели стаж

---

⁴⁰ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 54, л. 23—25.

⁴¹ Там же, оп. 16, д. 10, л. 77—79.

работы в органах МВД более трех лет. Членами партии являлись 5 из 6 помощников комендантов (1 – член ВЛКСМ)⁴².

Все спецкомендатуры, за исключением Падозерской, были обеспечены служебными помещениями, которые содержались за счет средств хозяйственных органов. Телефонные установки имелись в Сегежской, Кондоподжской и Летнереченской спецкомендатурах, в остальных же связь с РО МВД осуществлялась путем личных периодических приездов комендантов в райцентры. Хозорганы в некоторых случаях оказывали содействие комендантам в предоставлении средств передвижения. Так, Валдайский мехлесопункт Сегежского района выделил в распоряжение коменданта лошадь. Энгозерский мехлесопункт Лоухского района предоставлял коменданту лодки и катер для поездки в места работы спецпоселенцев. По разнарядке ОСП МВД СССР для спецкомендатур МВД КФССР было выделено 5 велосипедов. Канцелярскими принадлежностями спецкомендатуры обеспечивались за счет средств, отпускаемых РО МВД⁴³.

Свое логическое завершение система учета получила в июне 1949 г. с появлением «Инструкции для комендантов спецкомендатур МВД по работе среди выселенцев-спецпереселенцев», которая возложила на коменданта спецкомендатуры МВД обязанности по посемейному и персональному учету выселенцев, контроль над временно убывшими по разрешениям органов МВД с территории спецкомендатуры МВД, организацию режима и административного надзора в местах спецпоселений и установление строгого контроля за выполнением выселенцами установленного для них режима, осуществление мероприятий по предупреждению побегов, организацию розыска и задержания бежавших выселенцев. Комендант был ответственен за регистрацию выселенцев, являющихся в спецкомендатуру МВД на отметку. В систему учета входили данные, начиная от документальных сведений о выселенце и заканчивая указаниями наличия родственников и знакомых. Созданная система учета просуществовала практически без изменений вплоть до ликвидации режима спецпоселения⁴⁴.

---

⁴² АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 76, л. 166–172; д. 101, л. 32.

⁴³ Там же, д. 68, л. 166–168.

⁴⁴ Шадт А. А. Правовое положение депортированных и режим спецпоселения // Электронный ресурс: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/sibirica/Data/Shadt/?html=sh42.htm&mi=izdaniya&id=1500>

Чтобы обеспечить наиболее эффективный учет спецконтингента, комендантский состав спецкомендатур постоянно поддерживал связь с руководителями хозяйственных организаций и комендантами общежитий, где были расселены спецпереселенцы, получая от них данные о нарушениях режима. К нарушителям режима применялись меры административной ответственности, такие как взыскание, штраф.

Некоторые работники спецкомендатур с санкции начальников РО МВД допускали превышение своих полномочий, подвергая спецпоселенцев штрафам и арестам. Так, например, в 4-м квартале 1949 г. Кондопожским РО МВД были арестованы за картежную игру в общежитии спецпоселенцы Бебов – на двое суток и Семенов – на трое суток; Гринькин – на трое суток за оскорбление начальника ЖКО бумкомбината. Пудожским РО МВД арестованы в административном порядке каждый на 5 суток спецпоселенцы Махоньков – за отказ от работы, Данильченко – за выпивку в рабочее время. 20 декабря 1951 г. комендантом спецкомендатуры Кондопожского РО МГБ был арестован на 5 суток спецпоселенец Алешин за то, что он отказался от работы в стройконторе г. Кондопоги. Этот же комендант в феврале 1952 г. арестовал на 5 суток спецпоселенца Акрамова за то, что он, находясь в магазине, самовольно взял с весов белый хлеб, предназначенный другой гражданке, и отказался его возвратить⁴⁵. Отмечались даже случаи, когда в качестве меры наказания при нарушении установленного режима применялся перевод спецпоселенцев из лучших в худшие бытовые условия (Беломорск). Имели место и случаи получения взяток работниками комендатур (Беломорский, Сегежский районы) за предоставление отпусков спецпоселенцам.

В то же время произвол сотрудников комендатур не был безграничным, виновные привлекались к уголовной ответственности. В предписании министра внутренних дел КФССР генерал-майора Б. Серебрякова начальникам РО МВД КФССР 11 мая 1950 г. подчеркивалось, что «налагать административные взыскания на спецпоселенцев можно только в случаях: а) неявки своевременно без уважительных причин на регистрацию в спецкомендатуры, б) самовольных отлучек и в) нарушения правил общежития. Министр внутренних дел КФССР предупредил начальников РО МВД, что впредь за неправильно наложенные на спецпоселенцев административные взыскания будет строго взыскивать с виновных»⁴⁶.

---

⁴⁵ АМВД РК, ф. 3, оп. 20, д. 1, л. 212.

⁴⁶ Там же, оп. 12, д. 99, л. 64–65.

С конца 1940-х гг. первостепенное внимание в работе спецкомендатур все больше концентрируется на осуществлении функций укрепления режима спецпоселений. «Нам нужно поднять дисциплину среди работников, повысить ответственность и понимание задач, — подчеркивалось в выступлении министра внутренних дел КФССР генерал-майора Б. П. Серебрякова на оперативном совещании руководящих работников МВД КФССР и начальников РО МВД 7–8 декабря 1948 г., — Сейчас по приезде на места каждому начальнику РО необходимо разработать мероприятия по каждой комендатуре, в смысле налаживания режима, учета и настойчиво провести их в жизнь. Конечно, работа по трудоустройству, созданию надлежащих условий быта имеет важное значение, но это все-таки второстепенная задача. Первой является надзор, режим, недопущение побегов. Вопросы трудоустройства, быта поселенцев должны интересовать, но это, в первую очередь, задача хозяйственных и советских органов. Обо всех неполадках нужно информировать райкомы, исполкомы, которые должны помогать разрешать все хозяйственные дела...»⁴⁷.

Количество совершенных спецпоселенцами побегов в республике оставалось высоким. С момента расселения до начала 1950 г. с мест спецпоселения в КФССР совершили побег 2389 человек, в том числе 2107 «власовцев» и 282 «указника», из них бежало до 1949 г. 2103 «власовца» и 273 «указника» (2376 человек). Из общего числа бежавших было задержано 2196 человек, в том числе 1928 «власовцев» и 268 «указников»⁴⁸.

В соответствии с директивой министра внутренних дел КФССР начальникам Сегежского, Беломорского, Кондопожского, Прионежского и Пудожского РО МВД спецпоселенцы «власовцы», склонные к побегам, направлялись в спецпоселок Пудожского района КФССР, что оформлялось постановлением РО МВД с последующим утверждением ОСП МВД КФССР.

В январе 1949 г. при МВД КФССР в соответствии с приказом МВД СССР от 18 декабря 1948 г. организуется оперативно-розыскной отряд в количестве 100 человек. В местах наиболее вероятного движения беглецов отрядом организован 21 заградительный пост. Райотделения МВД усилили работу по созданию новых групп содействия спецкомендатурам МВД из числа советского, колхозного, партийного и комсо-

---

⁴⁷ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 93, л. 50, 52.

⁴⁸ Там же, д. 68, л. 299.

мольского актива в населенных пунктах республики и на разъездах Кировской железной дороги. К осени 1949 г. в республике насчитывалось 82 группы содействия спецкомендатурам в количестве 553 человек⁴⁹. Перед ними поставлена задача задержания и передачи в ближайшие оперативные посты всех появившихся в населенных пунктах и на разъездах Кировской железной дороги подозрительных лиц. Для оказания практической помощи спецкомендатурам в осуществлении мероприятий по режиму и административному надзору, а также по работе с агентурой среди спецпоселенцев в январе 1949 г. в районы наибольшей концентрации спецпоселенцев (Лоухский, Беломорский, Ругозерский, Прионежский и Тунгудский районы) были командированы оперативные работники МВД КФССР.

В местах расселения спецпоселенцев комендантами было назначено 524 человека — старших барачников, общежитий и десятидворков, на которых возложена задача осуществлять установленный внутренний распорядок и своевременно информировать органы надзора о случаях передвижения и побегов спецпереселенцев, об изменениях в их семьях, обеспечивать своевременную явку спецпоселенцев на регистрацию⁵⁰. Коменданты спецкомендатур один раз в месяц собирали их на инструктаж. Среди спецпоселенцев была установлена групповая порука (по десяткам). Коменданты комендатур систематически, не реже двух раз в месяц, а некоторые по два — три раза в неделю обходили бараки и общежития спецпоселенцев, посещали места их работы.

За период с 1 января 1949 г. по 25 июля 1950 г. были подвергнуты административным взысканиям 264 спецпоселенца:⁵¹

Характер нарушений	Подвергнуто штрафу		Подвергнуто аресту	
	человек	сумма (рублей)	человек	сумма (рублей)
Неявка без уважит. причин на регистрацию	31	1755	8	37
Самовольные отлучки из мест поселений	50	3205	25	119
Нарушение правил общежития в местах поселения	64	225	86	396
Итого:	145	9185	119	552

⁴⁹ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 101, л. 12.

⁵⁰ Там же, д. 30, л. 112.

⁵¹ Там же, ф. 40, оп. 1, д. 317, л. 71.

Осуществление мер по ужесточению режима в местах поселения принесло свои результаты. В 1949 г. побегии были сокращены до минимума (бежало 13 человек, из них 12 задержаны). За 6 месяцев 1950 г. не допущено ни одного побега. Если на 1 января 1949 г. в розыске состояло 502 спецпоселенца, бежавших с территории КФССР, из них 448 «власовцев» и 54 «указника», то на 25 июля 1950 г. — 148 человек, из них 139 «власовцев» и 9 «указников»⁵².

В августе 1950 г. в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 14 июля 1950 г. «О передаче отдела спецпоселений МВД СССР в МГБ СССР» были осуществлены структурные изменения в органах управления уголовно-исполнительной системы в республике. Главными задачами перестройки являлись полное исключение побегов, своевременное пресечение любых вражеских проявлений со стороны спецпоселенцев, установление в местах спецпоселений жесткого режима, чтобы держать спецпоселенцев под постоянным надзором.

Бывший отдел спецпоселений МВД КФССР перешел в МГБ КФССР и преобразован в 9-й отдел, увеличились его штаты, была введена должность зам. начальника отдела. Вместо ранее существовавших в трех районах должностей зам. начальника РО МГБ в 6 районах введены должности старших оперуполномоченных РО МГБ, на 12 человек увеличено количество надзирателей спецкомендатур МГБ. В феврале 1951 г. при 9-м отделе был создан оперативно-розыскной отряд в составе 50 человек штатной должности⁵³. Общий штат 9-го отдела с периферийными подразделениями и отрядом оперативного розыска составил 117 единиц⁵⁴. В республике насчитывалось 15 спецкомендатур (июль 1951 г.), осуществлявших надзор за спецпоселенцами в 86 населенных пунктах⁵⁵.

Либерализация общественно-политической жизни в стране в середине 1950-х гг. сопровождалась рядом мер по некоторому смягчению режима спецпоселения. В августе 1953 г. по указанию зам. министра внутренних дел КФССР начальниками городских и районных отделов милиции была осуществлена проверка работы спецкомендатур среди выселенцев-спецпоселенцев. При этом наряду с организацией режима и административного надзора в местах спецпоселения

---

⁵² АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 317, л. 74–75.

⁵³ Там же, ф. 3, оп. 12, д. 101, л. 196; ф. 40, оп. 1, д. 317, л. 1.

⁵⁴ Там же, ф. 3, оп. 19, д. 18, л. 195–196.

⁵⁵ Там же, л. 197.

особое внимание обращалось на осуществление контроля за трудовым устройством и обеспечением спецпоселенцев нормальными жилищно-бытовыми условиями, своевременным рассмотрением их жалоб и заявлений, правильностью применения и наложения административных взысканий.

Согласно указанию МВД СССР от 18 ноября 1953 г. комендантам спецкомендатур МВД предоставлялось право выдавать разрешения спецпоселенцам, ссыльным и ссыльно-поселенцам на беспрепятственное передвижение по личным и служебным делам в пределах административного района, а начальники горрайорганов МВД могли выдавать разрешение на передвижение спецпоселенцев в пределах республики. При этом по прибытии в другие населенные пункты и районы спецпоселенцы обязаны были являться в спецкомендатуру МВД или в горрайорганы МВД для произведения отметки о прибытии. Временные выезды спецпоселенцев за пределы республики осуществлялись с разрешения МВД республики и отдела «П» МВД СССР⁵⁶. Подобные выезды были нечастым явлением: за июнь—декабрь 1953 г. было выдано всего 25 разрешений спецпоселенцам на право выезда за пределы мест поселения, а за январь—апрель 1954 г. — 15⁵⁷.

13 июля 1954 г. Президиум Верховного Совета СССР отменил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». Указ от 13 июля заменил наказание за побег спецпереселенцам, выселенным навечно, в виде 20 лет каторжных работ — на лишение свободы сроком до трех лет⁵⁸. Следует отметить, что на практике в это время к беглецам в подавляющем большинстве применялись меры административного взыскания (как правило, штраф до 100 рублей).

На основании приказа МВД СССР от 16 июля 1954 г. спецпоселенцам всех категорий, занимающимся общественно-полезным трудом, было предоставлено право проживания в пределах КФСР, а по служебным командировкам — право свободного передвижения в любой пункт страны на общих основаниях. Это право не распространялось на спецпоселенцев, уклонявшихся от общественно-полезного

---

⁵⁶ АМВД РК, ф. 3, оп. 29, д. 1, л. 28; оп. 30, д. 7, л. 221.

⁵⁷ Там же, оп. 25, д. 3, л. 28.

⁵⁸ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 238.

труда, нарушавших режим и общественный порядок в местах поселений. Однако о выезде в командировку за пределы КФССР спецпоселенцы обязаны были сообщать в соответствующую спецкомендатуру, а где не было спецкомендатур, — в РОМ МВД. Вместо обязательной ежемесячной регистрации спецпоселенцев предусматривалась их личная явка на регистрацию в органы МВД один раз в год. Отменялись административные меры наказания в виде штрафа до 100 руб. или ареста до 5 суток, применяемые к спецпоселенцам за нарушение режима в местах поселений, но сохранялся порядок привлечения спецпоселенцев всех категорий к уголовной ответственности за самовольный выезд (побег) с места обязательного поселения⁵⁹. Кроме того, снимались с учета органов МВД дети спецпоселенцев всех категорий, родившиеся после 31 декабря 1937 г., и предусматривалось впредь детей на учет спецпоселения не брать. Детям старше 16 лет для поступления в учебные заведения разрешался выезд в любой пункт страны. Зачисленных в учебные заведения снимали с учета спецпоселения по заключениям МВД КФССР⁶⁰.

23 марта 1955 г. принимается постановление о снятии с учета спецкомендатур и призыве в армию спецпоселенцев призывного возраста. Директивой зам. министра внутренних дел КФССР начальникам РОВД 6 апреля 1955 г. предписывалось во исполнение приказа МВД СССР от 17 марта 1955 г. произвести выдачу паспортов спецпоселенцам всех категорий, однако в паспортах делать отметки: «проживать разрешено только в пределах такого-то района КФССР». При этом спецпоселенцам следовало объяснять, что паспорта выданы для того, чтобы не было затруднений при устройстве на работу и учебу, при прописке, регистрации браков и разрешении других бытовых вопросов⁶¹.

В середине 1950-х гг. были вновь проведены структурные преобразования органов, осуществлявших надзор за спецпоселенцами. После объединения МВД и МГБ (Закон о создании МВД СССР Верховный Совет СССР принял 15 марта 1953 г.) приказом МВД СССР от 14 марта 1953 г. вместо 9-го Управления МГБ СССР в составе МВД СССР был создан отдел «П», на который возлагались: организация учета и регистрации ссыльных и высланных спецпоселенцев и ссыльно-поселенцев;

---

⁵⁹ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 101, л. 34–35.

⁶⁰ Там же, оп. 25, д. 3, л. 34–35.

⁶¹ Там же, оп. 32, д. 2, л. 7.

обеспечение режима и «чекистского надзора», предотвращение побегов и розыск бежавших⁶².

30 октября 1954 г. отдел «П» был переименован в 4-й спецотдел МВД СССР, (ликвидирован приказом МВД № 097 от 27 марта 1959 г. с передачей функций в Главное управление милиции). После выделения из Министерства внутренних дел Комитета государственной безопасности при Совете Министров и упразднения ГО, РО МВД осуществление надзора за спецпоселенцами перешло в ведение ГОМ, РОМ МВД⁶³.

С 1954 г. повсеместно началось поэтапное освобождение отдельных групп депортированных со спецпоселения. На 25 октября 1954 г. в МВД КФССР состояло на учете спецпоселения всего 690 человек, из них: «власовцев» — 62, «указников» — 462, немцев — 166. Они были размещены в 15 районах республики и в г. Петрозаводске⁶⁴. В связи с изменением режима спецпоселения и освобождением части спецпоселенцев в октябре 1954 г. в республике было сокращено 2 спецкомендатуры, планировалось сокращение еще двух спецкомендатур. В районах расселения спецпоселенцев, где не имелось спецкомендатур и комендантско-надзирательского состава, осуществление надзора за спецпоселенцами было поручено РОМ МВД⁶⁵.

Снятие некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев и начало их массового освобождения выдвинуло в качестве одной из главных задач местных органов власти и органов внутренних дел республики закрепление спецпоселенцев в Карелии. В директиве МВД КФССР начальникам РОМ МВД от 29 августа 1955 г. указывалось на необходимость «систематически и широко разъяснять всем спецпоселенцам их права и обязанности, подчинив эту работу главной задаче — повышению трудовой активности спецпоселенцев и закреплению их в местах поселений, строго наказывать тех сотрудников, которые своими действиями допускают ущемление прав и интересов спецпоселенцев. О случаях ущемления прав спецпоселенцев информировать соответствующие партийные и советские органы и МВД КФССР⁶⁶.

---

⁶² Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1960: Справочник. М., 1997. С. 73.

⁶³ Лубянка... С. 72, 73, 130

⁶⁴ АМВД РК, ф. 3, оп. 29, д. 1, л. 53.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ АМВД РК, ф. 3, оп. 31, д. 1, л. 23.

До конца 1956 г. было освобождено подавляющее количество спецпоселенцев, соответственно ликвидировались спецкомендатуры как органы непосредственного руководства деятельностью спецпоселков. В мае 1955 г. была ликвидирована Петрозаводская спецкомендатура, дела которой переданы 4-му спецотделению МВД КФССР. В августе 1956 г. ликвидируется 4-я спец. группа МВД КФССР⁶⁷, а ее функции переданы в управление милиции.

Таким образом, в послевоенные годы режим спецпоселения в республике получил свое дальнейшее развитие и укрепление. Деятельность органов НКВД – МВД по контролю и надзору за спецпоселенцами преследовала две цели: их трудовое использование и закрепление на местах поселения. Отсюда и запрет на свободу передвижений, регламентация образа жизни. При этом использовались различные формы контроля за переселенцами и предотвращения их побегов: группы содействия из местного населения, надзиратели, специальные оперативно-розыскные отряды для поимки бежавших со спецпоселения. В конце 1940-х гг. ужесточились режим и надзор над спецпоселенцами, часть из них по национальному признаку была закреплена на спецпоселении «навечно». Система спецпоселений, ограничивавшая свободу передвижения, свободу выбора места жительства и работы, понизила правовой статус личности, подорвала доверие людей к государству. Режим спецпоселения вследствие его экономической, политической и социальной несостоятельности к концу 1950-х гг. был полностью ликвидирован.

---

⁶⁷ АМВД РК, оп. 33, д. 2, л. 33.

Глава 3

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Социальный статус трудпоселенцев был определен еще в довоенные годы. В соответствии с постановлением ЦИК СССР от 25 января 1935 г. трудпоселенцы не имели права выезда с мест поселения. По постановлению СНК СССР от 1 июля 1931 г. из их зарплаты на расходы по управлению и обслуживанию трудпоселенцев удерживалось 5 %. Трудпоселенцы не состояли на военном учете и не призывались в армию. В соответствии с постановлением Президиума ВЦСПС от 27 сентября 1937 г. трудпоселенцы, не имевшие паспортов и закрепленные в определенных местах поселения без права выезда, или из заработной платы которых производились удержания, не могли состоять членами профессиональных союзов¹.

В то же время на спецпоселенцев распространялся ряд основных социальных гарантий наравне с остальным населением. По постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 декабря 1935 г. дети трудпоселенцев, окончившие среднюю школу, принимались на общих основаниях в специальные средне-технические и высшие учебные заведения. В соответствии с постановлением секретариата ВЦСПС от 27 июля 1936 г. на трудпоселенцев, работающих на основании договоров между хозорганами и НКВД, распространялось законодательство о труде, социальном страховании, об обеспечении пособием по временной нетрудоспособности, на рождение ребенка, погребение, а также пенсией по инвалидности. Директивой ГУЛАГа НКВД от 3 ноября 1936 г. на многосемейных трудпоселенцев распространялось действие постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. о государственной помощи многосемейным. Постановление ВЦСПС от 5 января 1940 г. обязывало профорганизации тех предприятий, где работали трудпоселенцы, производить культурное обслуживание их наравне со всеми работающими на данном предприятии².

Хотя формально спецпоселенцам гарантировались основные социальные права, на практике они нередко нарушались. Во многих случаях это объяснялось сохранявшимся отношением к ним как к «социально-чуждым элементам», врагам.

---

¹ АМВД РК, ф. 3, оп. 4-а, д. 30, л. 25, 27.

² Там же.

В годы войны трудпоселенцы, подавшие заявление о желании служить в Красной Армии, могли направляться в распоряжение военкомата только при условии отсутствия на них компрометирующих материалов и если они не являлись главами семей в момент раскулачивания и выселения³. При этом снятию с учета спецпоселения на основании приказа НКВД СССР № 002303 от 22 октября 1942 г. подлежали члены семьи трудпоселенцев, призванных в Красную Армию, т. е. жена и дети. Если же управление НКВД считало возможным в порядке исключения снять с учета и остальных членов семьи призванного: отца, мать, брата, сестру, этот вопрос необходимо было разрешать в каждом отдельном случае через Особое совещание при НКВД СССР⁴.

Из числа спецпереселенцев, расселенных в КФССР, не было мобилизованных в Красную Армию по нарядам ГОКО в период Великой Отечественной войны. 156 человек были призваны в 1941 г. Пудожским райвоенкоматом без освобождения из ссылки в качестве местного населения, так как у них не было на руках паспортов, военных справок или документов, подтверждавших принадлежность к спецссылке. В 1943 г. по указанию ОТСП ГУЛАГа НКВД СССР (от 7 апреля 1943 г.) военкоматами КФССР были призваны в Красную Армию 32 спецпереселенца, добровольно подавших заявления о направлении на фронт. После освобождения от оккупации в 1944 г. райвоенкоматами Прионежского, Заонежского, Кондопожского и Шелтозерского районов было мобилизовано в армию 84 спецпереселенца. Таким образом, в Красную Армию было призвано из республики всего 272 спецпереселенца⁵.

Однако 26 февраля 1944 г. появилась директива НКВД СССР и Главупрформа Красной Армии о том, что спецпоселенцы («бывшие кулаки») в Красную Армию не призываются и на военном учете состоять не должны, для чего им необходимо выдать на руки справки за подписью и с печатью РО НКВД и райвоенкомата сроком на 6 месяцев и по истечении указанного срока справки подлежали продлению⁶. В связи с этим начальникам РО НКВД предписывалось проверить списки учета спецпоселенцев и данные военно-учетного стола и немедленно снять с учета «бывших кулаков». Всем спецпоселенцам

---

³ АМВД РК, ф. 3, оп. 4-а, д. 30, л. 6.

⁴ Там же, л. 8.

⁵ Там же, оп. 9, д. 2, л. 11.

⁶ Там же, оп. 4-а, д. 30, л. 8.

военнообязанного возраста требовалось выдать на руки справки установленного образца о том, что они не состоят на военном учете⁷. К 15 мая 1944 г. 893 спецпереселенцам, «бывшим кулакам», были выданы справки, удостоверявшие, что они на военном учете не состоят (требовалось выдать справки 900 человекам, из которых 7 человек арестовано в период выдачи справок)⁸.

Одним из самых серьезных нарушений прав являлось разъединение семей спецпоселенцев, попавших в разные области и республики. В годы войны в результате эвакуации значительная часть семей трудпоселенцев, бывших кулаков, расселенных на территории КФССР, оказалась разрозненной: муж содержался в поселках КФССР, а жена — в Архангельской области или Коми АССР и наоборот. Эвакуированные из Карелии семьи считали свое пребывание в Архангельской области временным, не обзаводились хозяйством, жилищными постройками и стремились к прежнему месту жительства в Карело-Финскую ССР. ГУЛАГ НКВД СССР в 1943 г. располагал материалами о массовом самовольном возвращении указанных поселенцев с места эвакуации обратно в КФССР. В связи с этим ГУЛАГом НКВД СССР перед НКВД КФССР был поставлен вопрос: «Имеется ли возможность семьи трудпоселенцев, эвакуированных без глав семей, вернуть обратно в КФССР на соединение с главами или целесообразнее глав {семей} эвакуировать из КФССР на соединение с семьями в Архангельскую область?»⁹.

Распоряжением начальника ГУЛАГа НКВД СССР за № 42/413084 от 22 июля 1943 г. было признано нецелесообразным трудпоселенцев, прибывших в Архангельскую область по эвакуации, возвращать обратно в КФССР. В связи с этим была отклонена просьба трудпоселенца В. П. Беляева, проживавшего в лесопункте Маленга Беломорского района, о разрешении выезда его семьи — жены и матери, проживавших в Няндомском районе Архангельской области, в Беломорский район и предложено трудпоселенца Беляева направить на соединение с семьей для совместного проживания в трудпоселке Лепша Няндомского района Архангельской области¹⁰. Не была также удовлетворена просьба М. И. Федоскиной о выезде из Архангельской области на соединение

---

⁷ АМВД РК, ф. 3, оп. 8, д. 9, л. 98.

⁸ Там же, оп. 4-а, д. 1, л. 42.

⁹ Там же, д. 16, л. 28.

¹⁰ Там же, д. 26, л. 215.

с мужем в пос. Летний Тунгудского района КФССР¹¹, просьба спецпоселенки поселка «Березовое» Плесецкого района Архангельской области Ф. Я. Новосядловой, имевшей на своем иждивении троих детей в возрасте 14, 12 и 5 лет, которая ходатайствовала о соединении с мужем, проживавшим в г. Беломорске¹².

28 сентября 1943 г. зам. наркома внутренних дел КФССР Демин и начальник ОТСП НКВД КФССР Савельев обратились в ОТСП НКВД СССР с просьбой в связи с недостатком рабочей силы в республике направлять трудоспособных членов семей на соединение в Карело-Финскую ССР¹³. Но интересы производства в условиях острой нехватки кадров, как правило, брали верх, и воссоединение семей в этих условиях становилось трудноразрешимой проблемой.

В начале марта 1944 г. на территории КФССР проживало 1320 семей спецпереселенцев, расселенных в 4 районах республики, причем, около 500 человек (глав семей) имели семьи в Архангельской области и Коми АССР, которые были эвакуированы в 1941–1942 гг. из Карелии в связи с приближением фронта. Лишь часть этих семей прибыла в КФССР¹⁴. В начале 1945 г. в Карелии было выявлено 196 разрозненных семей спецпереселенцев – «бывших кулаков». При проведении переучета соединено с семьями 76 человек (всего учтено семей – 1823, человек – 3709)¹⁵. В том же году в Карело-Финскую ССР на воссоединение с главами семей прибыли 72 человека из Коми АССР¹⁶.

Еще более трагические ситуации складывались, когда родители оказывались разъединенными с несовершеннолетними детьми. В 1945 г. проживавшей в Беломорске спецпереселенке А. Лисовской был разрешен выезд за детьми в Киевскую область. Трое детей в возрасте 10, 14 и 16 лет оказались без присмотра, а все имущество было сожжено немцами¹⁷.

8 марта 1948 г. вышла директива МВД СССР № 33 о соединении разрозненных семей спецпоселенцев. Местные органы МВД получили

---

¹¹ АМВД РК, ф. 3, оп. 4-а, д. 18, л. 428.

¹² Там же, оп. 5, д. 11, л. 28.

¹³ Там же, оп. 4-а, д. 30, л. 52.

¹⁴ Там же, д. 9, л. 8.

¹⁵ Там же, оп. 9, д. 6, л. 1.

¹⁶ Доброноженко Г., Шабалова Л. Спецпоселенцы в Коми АССР: 1945–1950 гг. (Статистико-географический аспект) // Электронный ресурс: <http://socnet.narod.ru/Rubez/10-11/dobronozh.htm>

¹⁷ АМВД РК, ф. 3, оп. 7, д. 8, л. 81, 83.

указание не только не чинить препятствий, но и оказывать содействие спецпоселенцам, желающим выехать к своим семьям в места спецпоселений других областей, краев и республик. Эта мера призвана была способствовать прочности оседания людей в местах высылки¹⁸. Несмотря на указания МВД СССР и МВД КФССР о соединении разрозненных семей спецпоселенцев, отдельные РО МВД под всякими предлогами препятствовали выезду спецпоселенцев к своим семьям в другие регионы.

Для рассмотрения заявлений и жалоб спецпоселенцев, значительная часть которых касалась соединения разрозненных семей, в Отделении спецпоселений МВД КФССР был выделен оперуполномоченный лейтенант Берсенов. МВД республики дало указания РО МВД о выявлении через комендантов спецкомендатур разрозненных семей спецпоселенцев и своевременном рассмотрении их заявлений о соединении с семьями.

Среди спецпоселенцев-«власовцев» в марте 1948 г. было учтено 86 человек, которые имели семьи на спецпоселении в других областях. Из них до 15 августа того же года было направлено из КФССР на соединение с семьями в другие области и республики 27 человек, в том числе: в Молотовскую обл. – 2 человека, Вологодскую обл. – 1, Челябинскую обл. – 2, Кировскую обл. – 3, Архангельскую обл. – 3, Карагандинскую обл. – 1, Коми АССР – 2, Удмуртскую АССР – 2, Таджикскую ССР – 2, Свердловскую обл. – 2, Актюбинскую обл. – 3, Новосибирскую обл. – 1, Иркутскую обл. – 1, Тюменскую обл. – 1, Алтайский край – 1¹⁹.

За тот же период времени прибыло из других областей на соединение с «власовцами» в Карело-Финскую ССР 18 семей. На 15 августа 1948 г. на спецпоселении в Беломорском районе КФССР оставались не соединенными с семьями 41 «власовец». Их семьи проживали в Новосибирской, Архангельской, Челябинской, Вологодской областях, в Коми АССР и Казахской ССР. Министерством внутренних дел республики были сделаны запросы с целью подтверждения сведений о нахождении семей «власовцев» на спецпоселении в этих областях и республиках. Внутри республики разрозненных семей «власовцев» не имелось²⁰.

---

¹⁸ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 158.

¹⁹ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 37, л. 80–81.

²⁰ Там же.

Со стороны проживавших в КФССР спецпоселенцев-«указников» в марте—августе 1948 г. в МВД республики поступило 11 заявлений о соединении с семьями, из них 8 семей, проживавших в разных районах Карелии, были соединены. В удовлетворении двух заявлений было отказано, так как родственники «указников», проживавшие в других областях, оказались не спецпоселенцами; одно заявление было направлено в Коми АССР для подтверждения о проживании семьи спецпоселенца²¹.

Позиция Министерства внутренних дел по вопросу о соединении разрозненных семей спецпереселенцев была крайне противоречивой. В августе 1948 г. начальникам районных отделений МВД была направлена директива МВД КФССР, в которой подчеркивалось: «В целях устранения одной из причин самовольных выездов спецпоселенцев из мест обязательного поселения – разрозненности в расселении членов семей, МВД СССР разрешило спецпоселенцам, проживающим в КФССР, независимо от того, в каких предприятиях промышленности они работают, выезд на соединение с членами их семей, проживающими на спецпоселении во всех других областях, краях и республиках. Разрешение выдается КФССР на основании их письменных заявлений и подтверждения соответствующих МВД-УМВД о проживании в их республике, крае, области членов семей, к которым намечается переезд подавших заявления. Переезжающим на соединение с членами семей выдавать справки с указанием срока прибытия к месту назначения, объявив им при этом, что в случае неявки в срок к месту назначения они будут привлекаться к уголовной ответственности как за побег... Прекратить вызовы семей спецпоселенцев на въезд в КФССР. Соединение семей спецпоселенцев, расселенных в КФССР, производить только путем беспрепятственного разрешения выезда к семьям, расселенным в других краях, республиках и областях»²². Подобное распоряжение, очевидно, было связано с пограничным положением республики.

Однако 13 ноября 1948 г. в Отделение спецпоселений КФССР поступила новая директива ОСП МВД СССР, запретившая спецпоселенцам «власовцам» и «указникам» выезд из КФССР на соединение с членами их семей в другие республики и области. Соединение их с членами семей, находившимися на специальном поселении в Московской, Тульской,

---

²¹ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 37, л. 80–81.

²² Там же, оп. 14, д. 6, л. 25.

Костромской, Куйбышевской, Вологодской, Горьковской и Ивановской областях, допускалось лишь путем выезда последних в Карело-Финскую республику²³. Это объяснялось напряженными планами лесозаготовок, определенных для республики центральными органами, и невозможностью отпустить рабочую силу лесозаготовительных предприятий, где трудилась значительная часть спецпоселенцев.

В июне 1949 г. в КФССР проживали 53 спецпоселенца-«власовца», семьи которых в количестве 158 человек находились на спецпоселении в 22 других республиках, краях и областях. На соединение с семьями никто из них не был направлен. Также не прибывали на соединение с семьями в Карелию спецпоселенцы из других мест²⁴. 14 июля 1950 г. Совет Министров СССР принял специальное постановление «О мерах по обеспечению выполнения плана лесозаготовок, установленного Министерству лесной и бумажной промышленности Карело-Финской ССР на 1950 год», согласно которому спецпоселенцы, работавшие на лесозаготовках Министерства лесной и бумажной промышленности Карело-Финской ССР, не подлежали переселению в другие районы СССР²⁵.

Вынужденная разлука привела к распаду некоторых семей, так и не дождавшихся возвращения своих родных из спецпоселения. Многие спецпоселенцы обзавелись семьями в Карелии, где и остались после своего освобождения.

Под строгим контролем Министерства внутренних дел находилась семейная жизнь спецпоселенцев. Согласно постановлению СНК СССР от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев» главы семей обязаны были в трехдневный срок сообщать в спецкомендатуру НКВД обо всех изменениях, происшедших в составе семьи (смерть члена семьи, рождение ребенка и побег). В случае нарушения этого положения спецпереселенцы могли привлекаться к ответственности. Так, по постановлению коменданта спецкомендатуры Тунгудского РО НКВД от 27 сентября 1945 г., одобренного начальником Тунгудского РО НКВД и прокурором Тунгудского района, был арестован на трое суток с содержанием в КПЗ Тунгудского РО НКВД спецпереселенец И. И. Гурков, который не сообщил своевременно в комендатуру о рождении ребенка в августе месяце²⁶.

---

²³ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 37, л. 12.

²⁴ Там же, д. 66, л. 243–244; д. 68, л. 143.

²⁵ Там же, д. 98, л. 5–6.

²⁶ Там же, оп. 7, д. 7, л. 153, 155.

Прибывшие в республику спецпереселенцы прописывались по месту жительства по справкам, которые выдавались сроком на 6 месяцев взамен изымаемых паспортов. Они заполнялись горрайотделами МВД на основании имевшихся у них учетных данных и выдавались спецкомендатурами под расписку. Спецпоселенцы обязаны были сдать справки в соответствующие райотделы МВД при получении паспортов или по истечении срока их действия²⁷.

В инструкции начальника отдела актов гражданского состояния НКВД КФССР начальникам РО НКВД КФССР от 7 апреля 1947 г. устанавливался особый порядок регистрации актов гражданского состояния и документирования населения трудовых и специальных поселков. Вместо гербового свидетельства им выдавалась целевая справка на простой бумаге (решением НКВД 1940 г. при регистрации брака, развода, рождения и смерти, свидетельства об этих актах трудпоселенцам на руки не выдавались)²⁸.

Что касается права избирать в руководящие органы власти, то Конституция СССР 1936 г. объявила трудпоселенцев полноправными гражданами, однако их участие в выборах было своеобразным. В связи с подготовкой выборов в Верховный Совет СССР, состоявшимся 10 февраля 1946 г., начальникам РО НКВД 22 декабря 1945 г. была разослана директива зам. наркома внутренних дел КФССР, в которой им вменялось в обязанность «лично договориться с секретарями РК КП(б) о том, чтобы они дали указания председателям участковых избирательных комиссий отбирать справки, выданные спецпереселенцам, при получении ими избирательных бюллетеней». В районах, где не было комендантов спецкомендатур, справки выдавал один из работников РО НКВД²⁹.

В информации начальника ОСП НКВД КФССР начальнику ОСП МВД СССР (апрель 1946 г.) отмечалось, что «в выборах в Верховный Совет СССР принимали участие в голосовании все спецпереселенцы, но особой активности при подготовке и проведении выборов со стороны спецпереселенцев не было. Наоборот, были факты со стороны спецпереселенцев, бывших кулаков, высказывания против выборов, так, например: Спецпереселенец (ныне арестован) Т. среди рабочих подсобного хозяйства НКВД в период подготовки выборов заявил:

---

²⁷ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 36, л. 9.

²⁸ Там же, оп. 1, д. 2, л. 21–22.

²⁹ Там же, оп. 17, д. 7, л. 13.

«Опять готовят выборы, я думал, что Советская власть существовать больше не будет. Как она мне надоела, скорее бы хоть изменилась». Спецпереселенец К. (был в оккупации), придя в избирательный участок, получив бюллетени для голосования, зачеркнул в них кандидатов и, подойдя к урне, бюллетени разорвал и бросил на пол около урны, причем заявил: „За Советскую власть и ее руководителей голосовать не буду, и зачем мне это, не за то ли, что они меня мурыжат 12 лет в ссылке“. В период подготовки выборов были случаи высказываний против выборов и выдвигаемых кандидатов в депутаты со стороны спецпереселенцев...»³⁰.

Спецпереселенцы нередко испытывали ущемление в своих правах при выборах в различные рабочие и профсоюзные комиссии. Так, на собрании рабочих Энгозерского лесоучастка парторг разъяснил, что спецпоселенцы имеют право выбирать рабочих в ревизионную и расценочную комиссии, но не могут быть избраны сами. В ответ один из спецпоселенцев-«указников» возмутился, почему спецпоселенца не считают человеком, несмотря на то, что он пользуется правами наравне со всеми гражданами³¹.

Не имевшие паспортов спецпоселенцы не могли быть членами профсоюзов и поэтому были лишены ряда социальных льгот. Наиболее незащищенными среди них оказались престарелые и инвалиды. Некоторые спецпоселенцы до выселения получали пенсии как инвалиды Великой Отечественной войны или инвалиды труда. После войны отделы соцобеспечения нередко отказывали им в назначении пенсий по инвалидности по причине того, что они являлись спецпоселенцами. Для решения вопроса требовалось вмешательство МВД республики³².

Из-за того, что многие спецпереселенцы часто переводились с одного места работы на другое, они оказывались в худшем положении по сравнению с вольнонаемными рабочими при выплате пособия в случае временной утраты трудоспособности, так как размер пособия зависел от непрерывного стажа работы. Для членов профсоюза он был установлен в размере 50 % заработка, а для остальных работающих – 25 %. Если спецпоселенцы работали на одном и том же предприятии свыше 3 лет, то пособие по болезни увеличивалось. Так, в случае продолжительности работы на предприятии от 3-х до 5 лет

---

³⁰ АМВД РК, ф. 3, оп. 9, д. 2, л. 13.

³¹ Там же, оп. 21, д. 16, л. 81.

³² Там же, оп. 12, д. 101, л. 16.

член профсоюза получал пособие в размере 60 % от среднего заработка, от 5 до 8 лет — 80 % и свыше 8 лет — 100 %. Не состоявшие членами профсоюза получали пособие в половинном размере³³.

Предоставление отпуска спецпереселенцам, работавшим в промышленности и государственных учреждениях, разрешалось на общих основаниях, наравне со всеми рабочими и служащими, но без выезда с мест их поселения и работы.³⁴ И, хотя администрация предприятий нередко ходатайствовала перед НКВД республики о выезде лучших производственников-спецпереселенцев в отпуск на родину, они получали отказ. К примеру, 4 августа 1945 г. начальник Беломорско-Онежского пароходства Новоселов обратился к зам. наркома НКВД КФССР с просьбой о выдаче пропуска лучшему стахановцу Петрозаводского судоремонтного завода токарю Н. Е. Дрындину для выезда в отпуск в г. Мосальск Калужской области. В просьбе было отказано³⁵. Тем не менее некоторые районные отделения милиции, хозяйственные организации на свой страх и риск разрешали спецпоселенцам выезд за пределы спецпоселения в отпуск или по неотложным личным делам.

В директиве начальника ОСП НКВД КФССР Тунгудскому РО НКВД (копии были высланы секретарю ЦК КП(б) и секретарю Тунгудского райкома партии) от 7 января 1945 г. категорически предписывалось: «...Прекратить выдачу разрешений на выезд спецпереселенцам в отпуска и другие поездки по личным делам, т. к. всякие выезды спецпоселенцев за пределы района поселения запрещены и могут быть разрешены только ОСП НКВД КФССР в исключительных случаях. Ваши действия в этой части незаконны и предлагаю выслать объяснение. Указания всем хозяйственным организациям о запрещении выдачи документов спецпоселенцам без ведома комендатуры для поездки в командировки, отпуска и т. д. даны. Вам вменено в обязанность проследить за исполнением и о всех нарушениях докладывать, однако до сих пор таких докладов от Вас не поступило...»³⁶.

Несмотря на подобные указания, случаи выдачи разрешений на выезд спецпоселенцам в отпуск и по личным делам на родину продолжали иметь место. Так, 10 апреля 1947 г. зам. управляющего трестом

---

³³ АМВД РК, ф. 3, оп. 19, д. 13, л. 134.

³⁴ Там же, оп. 8, д. 9, л. 113.

³⁵ Там же, оп. 5, д. 14, л. 73.

³⁶ Там же, оп. 8, д. 9, л. 81–82.

Южкареллес Якимов направил директору Пяжиевосельгского механизированного лесопункта Сергееву письмо в связи с тем, что начальник Колежемского стройучастка выдал отпускное удостоверение спецпоселенцу-«власовцу» А. Д. Шерко, даже не указав, куда тот едет. В директиве содержалось требование категорически запретить директорам предприятий увольнять в отпуска спецпоселенцев-«власовцев» и выдавать им отпускные удостоверения, а также предупредить директоров предприятий, что в случае увольнения ими спецпоселенцев-«власовцев» в отпуска, они будут привлечены к ответственности³⁷.

Большие проблемы возникли у спецпоселенцев с установлением трудового стажа во время спецссылки. Частая переброска их с одного места работы на другое привела к тому, что не всегда делались своевременные отметки в трудовых книжках. В разъяснении 4 спецотдела МВД СССР 17 января 1959 г. по этому поводу говорилось: «Сообщаем, что ВЦСПС против включения спецпоселенцам — бывшим кулакам, выселенным в 1929—1933 гг. из районов сплошной коллективизации, в трудовой стаж всего времени нахождения на спецпоселении — возражает, т. к. это поставит их в лучшие условия, чем других рабочих и служащих, которым в трудовой стаж включены только периоды работы. ВЦСПС считает, что при отсутствии архивных материалов, подтверждающих трудовой стаж этих граждан в период нахождения их на спецпоселении, недостающий для назначения им пенсии, можно подтвердить свидетельскими показаниями в порядке, установленном пунктом 118 Положения о порядке назначения и выплаты пенсий»³⁸.

Спецпереселенцы не были свободны в выборе профессии и места работы. В разъяснении начальника ОСП МВД КФССР начальнику Прионежского РО МВД от 10 сентября 1946 г. по вопросу о разрешении «власовцам» выезда на учебу, использования их на работе по специальности учителей, врачей подчеркивалось, что «все спецпереселенцы-„власовцы“ направлены в КФССР целевым назначением для работы в лесной и целлюлозно-бумажной промышленности. Направление их на учебу не разрешается. Они должны работать на производстве, на физической работе»³⁹.

Трагедия спецпереселенцев была в том, что формально они не считались репрессированными и не лишались свободы, но фактически

---

³⁷ НА РК, ф. Р-1009, оп. 4, д. 1/76, л. 3.

³⁸ АМВД РК, ф. 4, оп. 1, д. 556, л. 64.

³⁹ Там же, ф. 3, оп. 16, д. 20, л. 21.

являлись таковыми⁴⁰, что делало произвол на местах распространенным явлением. Ущемление прав испытывали не только непосредственные жертвы репрессий, но и их дети и родственники. Жизненный опыт «отцов», оказавшихся изгоями в своем обществе, утрачивал ценность в глазах «детей», которые не могли обрести достойное место в основных социальных сферах.

Запись в анкете о родстве со спецпоселенцами могла закрыть доступ к образованию, престижной профессии, тем более — к членству в коммунистической партии, без чего, за редким исключением, успешная карьера была невозможна. В МВД КФССР поступали заявления и жалобы от членов семей, прибывших с «указниками», о том, что коменданты спецкомендатур чинили им препятствия в устройстве на работу по их усмотрению и специальности, запрещали выезд в районные центры по личным делам и грубо относились к ним.

Отсутствие свободы передвижения в действительности блокировало реализацию ряда других прав. Например, детям спецпоселенцев разрешалось учиться в высших и средних учебных заведениях, находившихся только в области их поселения. В разъяснении зам. начальника ОСП МВД СССР по этому вопросу (июль 1947 г.) подчеркивалось: «Спецпереселенцы-„власовцы“ могут учиться в каких бы то ни было учебных заведениях без отрыва от производства и без выезда с места поселения»⁴¹. Поэтому по окончании учебного заведения выпускник часто не мог выбрать желаемый для работы район или область, более того, его не могли направить даже по наряду соответствующего министерства для работы туда, где ведомство испытывало нужду в специалистах, если организация спецпоселения на этой территории не была предусмотрена⁴².

Нередко дирекция предприятий чинила препятствия детям спецпереселенцев при поступлении их на учебу в ФЗО и ремесленные училища. Так, в июле 1944 г. директор совхоза «Парандово» обратился в НКВД КФССР с просьбой об отмене решения Ругозерского райисполкома о направлении всех трудпоселенцев от 16 до 18 лет, находившихся на совхозных работах, в ФЗО. Согласно этому распоряжению из совхоза должны были уйти 9 звеньевых, обученных на специ-

---

⁴⁰ Красильников С. А. Серп и Молох... С. 118.

⁴¹ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 34, л. 188.

⁴² Сулов А. Б. Правовой статус спецпоселенцев на Урале в 30-х — начале 50-х гг. // Электронный ресурс: <http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0029>

альных курсах Наркомзема и являвшихся единственными ведущими кадрами совхоза⁴³. В ответ на эту просьбу начальник ОСП НКВД КФССР разъяснил, что в соответствии с указаниями НКВД СССР от 27 июня 1944 г. категорически запрещается проводить какие бы то ни было мобилизации спецпереселенцев, в том числе и на учебу в ФЗО и ремесленное училище, без разрешения НКВД СССР. В школы ФЗО и ремесленные училища молодежь – спецпоселенцы – могла быть принята только при наличии у них справки, выданной Отделением спецпоселений НКВД КФССР о снятии с учета из специальной ссылки. Остальные виды мобилизации, как на хозяйственные работы, стройки и т. д., а также на учебу с выездом в другое место, производились только с разрешения НКВД СССР⁴⁴.

Неудовлетворительным было положение на местах с рассмотрением жалоб и заявлений спецпоселенцев, вследствие чего значительное их количество поступало в МВД СССР и другие центральные органы. В директиве начальника ОСП МВД СССР начальникам отделов (отделений) спецпоселений МВД – УМВД республик, краев и областей от 15 мая 1946 г. подчеркивалось, что в целях сокращения сроков рассмотрения заявлений и жалоб спецпоселенцев целесообразнее заявления с различными просьбами, не требующими разрешения в центральных органах, подавать через спецкомендатуры, т. к. большинство просьб может быть рассмотрено на месте. Ответы на заявления спецпереселенцев следовало объявлять заявителям под расписку. Заявления же и жалобы, которые требовали рассмотрения в МВД СССР, надлежало направлять в ОСП МВД СССР с обязательным заключением отделов (отделений) спецпоселений МВД о возможности удовлетворения той или иной просьбы спецпереселенцев⁴⁵.

9 апреля 1947 г. в адрес Тунгудского РО МВД была направлена директива министра внутренних дел КФССР, в которой отмечалось, что в МВД КФССР поступало значительное количество повторных жалоб и заявлений от спецпоселенцев из-за того, что в РО МВД они находились на рассмотрении продолжительное время, и результаты по ним не всегда объявлялись заявителям. В директиве содержалось предупреждение о том, что «каждый факт несерьезного отношения

---

⁴³ АМВД РК, ф. 3, оп. 4-а, д. 4, л. 90.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, оп. 9, д. 2, л. 40.

к проверке жалоб и заявлений будет рассматриваться как элемент недисциплинированности, и на виновных будут налагаться строгие меры взыскания»⁴⁶.

В начале 1950-х гг., так же, как и в послевоенные годы, основные жалобы спецпоселенцев были связаны с невозможностью выехать за пределы района поселения. Так, за первый квартал 1952 г. в отдел спецпоселений МВД КФССР поступило 87 жалоб, из них было разрешено 48, направлено в другие органы 24, остались неразрешенными 15. Наибольшее количество жалоб и заявлений касалось вопросов соединения с семьей (20), выезда к врачу (19), перевода в другой район (15), освобождения от спецпоселения (8), розыска родственников (6) и др.⁴⁷ Имели место необоснованные отказы на просьбы спецпоселенцев о выезде на родину в связи с чрезвычайными обстоятельствами. Так, от спецпоселенца Чернышенко в отделение «П» поступило 3 заявления (10 апреля, 11 сентября и 29 сентября 1954 г.) с просьбой разрешить выезд к престарелым родителям, причем к последнему заявлению была приложена телеграмма о болезни его матери. На первые два заявления отделение «П» дало отрицательный ответ, а по третьему ответ не был дан в связи с тем, что от Чернышенко поступило 30 сентября четвертое заявление уже на имя министра внутренних дел КФССР, который в тот же день разрешил выезд заявителя к родителям⁴⁸.

«Некоторые ГОМ, РОМ МВД КФССР, в особенности в районах, где не имеется спецкомендатур (Сортавальское и др.), – говорилось в предписании зам. министра внутренних дел КФССР начальникам ГОМ, РОМ МВД КФССР от 27 августа 1954 г., – плохо осуществляют надзор за спецпоселенцами, а также по два месяца не исполняют запросов отделения «П» МВД и не отвечают своевременно на жалобы и заявления спецпоселенцев, в результате чего некоторые спецпоселенцы по одному и тому же вопросу по несколько раз пишут заявления и жалобы в Президиум Верховного Совета и МВД СССР». Начальникам ГОМ, РОМ МВД КФССР было предложено взять под личный контроль руководство комендантами спецкомендатур, потребовать от них усилить надзор за спецпоселенцами и своевременно исполнять запросы и отвечать на заявления и жалобы спецпоселенцев⁴⁹.

---

⁴⁶ АМВД РК, ф. 3, оп. 8, д. 9, л. 140.

⁴⁷ Там же, оп. 21, д. 13, л. 12.

⁴⁸ Там же, оп. 25, д. 2, л. 137.

⁴⁹ Там же, д. 3, л. 36–37.

Тяжелые условия жизни спецпоселенцев усугублялись произволом административного персонала. Нередки были случаи злоупотребления служебным положением со стороны комендантов, руководства предприятий. Они могли самовольно поднять нормы или снизить расценки, объявить симулянтами действительно нетрудоспособных людей. Имели место случаи грубого обращения и даже применения физической силы, избиения рабочих-спецпереселенцев со стороны некоторых представителей администрации предприятий (Пайский, Валдайский лесопункты).

Одним из важных аспектов социального положения спецпоселенцев являлись их взаимоотношения с местным населением, а также с населением, прибывшим в республику из других регионов страны по промышленному переселению для работы в основном в лесной промышленности и сельском хозяйстве. Социальная маркировка спецпереселенца как «врага», бывшего «кулака», представителя «изменившего родине» народа и т. п., общепринятая в советском обществе в 1930–40-е годы, являлась существенным дополнением к реальному правовому статусу депортированных. Она нормировала поведение и самих спецпоселенцев, и соприкасавшихся с ними людей⁵⁰.

«Власовцев» привезли в наш район вместе с военнопленными немцами* и разместили их в тех же лагерных пунктах, — вспоминал пудожский краевед Е. Г. Нилов. — Странный был у них статус — и не военнопленные, и не заключенные. Но какая-то вина за ними числилась. В частности, в документах одного жителя Пудожа значилось: „Направлен на спецпоселение сроком на 6 лет за службу в немецкой армии с 1943 по 1944 год рядовым...“. Но жили они в своих бараках, за пределами лагерных зон, ходили свободно, без конвоя»⁵¹.

В докладной записке начальника РО МГБ Лоухского района начальнику 9-го отдела МГБ КФССР о настроениях спецпоселенцев от 23 января 1952 г. отмечалось, что «За период проживания на спецпоселении в Лоухском районе со стороны спецпоселенцев-немцев, за исключением Вольфа, не было ни одного случая нарушения режима, пренебрежения к общественно-полезному труду или хулиганских проявлений. Однако

---

* Иностранцы военнопленные поступили в Пудожский район осенью 1945 г., а первые спецпоселенцы-«власовцы» прибыли в республику в мае–июне 1946 г.

⁵⁰ Суслов А. Б. Правовой статус спецпоселенцев на Урале в 30-х – начале 50-х гг. // Электронный ресурс: <http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0029>

⁵¹ Нилов Е. Г. Лагерь № 447 // «Север». 1995. № 4–5. С. 141.

чувствуется какая-то замкнутость спецпоселенцев-немцев, отсутствие товарищеских взаимосвязей между ними и другими переселенцами...»⁵².

С одной стороны, многие местные жители достаточно нейтрально отнеслись к спецпоселенцам, с другой стороны, официальная пропаганда представила их как врагов народа, изменников Родины. Соответствующим было и отношение к ним части населения. Так, 22 марта 1944 г. в адрес начальника НКВД г. Беломорска было направлено письмо механика парохода г. Сегежи с протестом против проживания в г. Беломорске бывшей кулачки, высленной с Украины. В письме говорилось, что «таким людям проживать в республиканском г. Беломорске недопустимо и поему прошу рассмотреть и принять соответствующие меры»⁵³.

Многие спецпоселенцы работали на низших должностях, получали одежду, обувь, продукты в последнюю очередь. Однако архивные документы содержат и факты другого рода. В 11 лесозаготовительных предприятиях Минлесбумпрома республики в конце 1940-х гг. наряду с постоянными и сезонными кадрами рабочих трудились 1867 спецпоселенцев — «власовцев», «указников» и др.⁵⁴ В лесной и бумажной промышленности КФССР до июня 1949 г. спецпоселенцы-«власовцы», завезенные в республику в 1946 г., являлись основной рабочей силой. Многие из них обустроились, обзавелись семьями и хозяйством. Так, на 1 января 1950 г. было учтено 2100 семейных спецпоселенцев, из них до 80 % приобрели семьи в местах спецпоселений. Более 100 человек построили и купили собственные дома, свыше 1800 человек имели приусадебные участки и огороды, около 600 человек приобрели скот⁵⁵. Значительная часть спецпоселенцев, работая на производстве, освоила специальности мастеров леса, механиков, шоферов, бухгалтеров и др., в результате чего некоторые из них были назначены на административно-хозяйственные должности.

В июне 1949 г. в Карело-Финскую ССР начали прибывать вольнонаемные рабочие и служащие в порядке организованного набора и добровольного переселения из других республик и областей. Они расселялись и трудоустраивались вместе со спецпоселенцами и в первое время оказались в худших условиях по сравнению с ними. В ряде случаев добровольные переселенцы были подчинены спец-

---

⁵² АМВД РК, ф. 3, оп. 21, д. 21, л. 71–72.

⁵³ Там же, оп. 5, д. 11, л. 66 – 66 об.

⁵⁴ КГАНИ, ф. 8, оп. 69, д. 10, л. 20.

⁵⁵ АМВД РК, ф. 3, оп. 19, д. 2, л. 28–29.

поселенцам на производстве, поскольку последние занимали административно-хозяйственные должности бригадиров, мастеров, приемщиков леса, бухгалтеров и т. п. Так, в Пайском леспромхозе спецпоселенцы занимали следующие должности: мастер – 1, начальник ПСО – 1, электропильщики – 14, трактористы – 12, диспетчера – 1, электромеханики – 2, бухгалтера – 2; в Деревянском леспромхозе: мастера УЖД – 2, начальник ПСО – 1, машинисты и их помощники – 4, кондуктора – 1, электромеханики – 5, бригадиры – 6, мотористы электропил – 7, водитель мотовоза – 1. Такое же положение было в Пяжievосельгском леспромхозе⁵⁶.

Некоторые из прибывших в Карело-Финскую ССР в порядке организованного набора и промышленного переселения рабочих встретили среди спецпоселенцев-«власовцев» лиц, служивших в период оккупации у немцев. Эти обстоятельства вызвали среди вновь прибывших рабочих справедливое недовольство и нарекания в адрес спецпоселенцев, в связи с чем в Совет Министров КФССР начали поступать заявления от завербованных и переселенцев, в которых указывалось на то, что спецпоселенцы незаслуженно находятся в лучших условиях по сравнению с ними.

Руководство республики приняло меры по производственному и бытовому разграничению спецпоселенцев от переселенцев. В докладной записке управляющего трестом «Южкареллес» Якимова зав. отделом тяжелой промышленности ЦК КП(б) КФССР А. Я. Ястребову, зав. лесной группой Совета Министров КФССР А. Ф. Репникову и зам. министра лесной и бумажной промышленности КФССР С. В. Шамшину от 28 сентября 1950 г. сообщалось о первых проведенных мероприятиях в этом направлении: «... 2. По Пайскому леспромхозу – решено произвести размежевание между переселенцами и спецпоселенцами. В основном спецпоселенцы размещены в пос. Мужало, причем переселение в первую очередь производится тех, у которых лучше квартиры, с тем, чтобы в этот жилфонд вселить прибывших переселенцев. Часть спецпоселенцев освобождена от руководящей и хозяйственной работы и переведена на общие работы. С. – начальник ПСО – заменен переселенцем Фигуриным, Л. – зав. обозом – заменен Судаковым.

3. По Пяжievосельгскому леспромхозу в пос. Пухта решено спецпоселенцев-одиночек перевести на участок Ветка, а семейных пересе-

---

⁵⁶ НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 4369, л. 153.

лить в старые бараки, тем самым освободить двухквартирные дома для переселенцев. В пос. Пяжиева Сельга спецпоселенцы переводятся в барачного типа дома на нижней бирже. Освобождены от работы 2 приемщика, старший конюх — они переведены на общие работы.

4. По Деревянскому леспромхозу — спецпоселенцы переводятся в пос. Елчезеро. Сняты с руководящих работ и переведены в лес мастер УЖД Р., начальник ПСО К., 3 бригадира и 5 мотористов»⁵⁷.

18 октября 1950 г. Совет Министров республики направил распоряжение министру лесной и бумажной промышленности о снятии в месячный срок всех спецпоселенцев, занимающих административно-хозяйственные должности (мастер, приемщик, завхоз, бухгалтер, продавец и т. д.) и переводе их на основные работы по лесозаготовкам. В распоряжении также указывалось на необходимость «в целях осуществления производственного и бытового разграничения на предприятиях Минлесбумпрома спецпоселенцев («власовцев» и «указников») от переселенцев в срок до 1 июля 1951 г. перевести всех спецпоселенцев в отдельные от других рабочих лесные поселки; перемещение спецпоселенцев произвести организованно в заранее подготовленный жилфонд в местах вселения. Предусматривалось осуществить переселение спецпоселенцев из Пайского, Пяжиевосельгского, Шуйско-Виданского и Деревянского леспромхозов и стройучастков — в лесопункты Пудоожского леспромхоза; по Надвоицкому леспромхозу — в Восточно-Идельский мехлесопункт; по Верхне-Выгскому леспромхозу — в Валдайский лесопункт; по Маленгскому леспромхозу — в лесные поселки Пикозеро и Ухта и в старый поселок на 131 км; по Вирандозерскому лемпромхозу — в лесные поселки 4-го и 5-го участков»⁵⁸.

При этом Министерство госбезопасности КФССР, руководствуясь приказом МГБ СССР 00552—1950 г. об отселении спецпоселенцев от железнодорожных магистралей и государственных границ СССР, предполагало вопрос о переселении спецпоселенцев в республике поставить значительно шире, т. к. большинство из них были расселены в населенных пунктах, расположенных вблизи Кировской железной дороги и часть (более 200 человек) — в пограничных районах (Ругозерский и Сортавальский)⁵⁹.

⁵⁷ НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 4369, л. 153—155.

⁵⁸ АМВД РК, ф. 3, оп. 19, д. 2, л. 28—31; д. 13, л. 30.

⁵⁹ Там же, д. 2, л. 28—31.

Осуществление этих мероприятий вызвало несогласие со стороны начальника Отдела спецпоселений МГБ КФССР подполковника Коробейникова, который 30 октября 1950 г. обратился в отдел спецпоселений МГБ СССР с просьбой о разъяснении ряда вопросов спецпоселений, подчеркивая, что решение Совета Министров КФССР не согласуется с постановлением СНК СССР № 35—1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев». В письме начальника Отдела спецпоселений МГБ КФССР приводились убедительные факты в пользу этого довода: «значительное число из 3-х тыс. спецпоселенцев, работавших в леспромхозах и бумажных комбинатах, за период свыше трех лет работы стали специалистами (мастер, приемщик, бригадир, механик, электропильщик и т. д.) и за редким исключением все перевыполняют нормы выработки. Кроме того, находясь на одном месте поселения, спецпоселенцы во всех отношениях хорошо обустроились, а оперативно-комендантский состав организовал надлежащий режим, административный надзор и противопобеговые мероприятия, исключая побег их с мест постоянного поселения»⁶⁰.

Тем не менее мероприятия по обособлению спецпоселенцев от остальных рабочих были продолжены в 1951 г. 28 апреля 1951 г. появляется приказ министра лесной промышленности КФССР «О засоренности руководящих кадров леспромхозов и сплавных контор», в котором отмечалось, что в Валдайском леспромхозе треста «Сегежбумлес» продолжали оставаться на руководящей работе спецпоселенцы, сотрудничавшие с врагом во время Великой Отечественной войны, а в ряде леспромхозов — лица, имевшие судимость за растраты. В связи с этим управляющим трестами «Сегежбумлес», «Южкареллес», «Севкареллес» и «Лесстройтрест» предписывалось в срок до 20 мая 1951 г. перевести всех спецпоселенцев, работавших служащими, на общие работы, заменив их проверенными работниками и молодыми специалистами; решительно улучшить работу по изучению, воспитанию и выдвижению молодых специалистов и практиков, зарекомендовавших себя на практической работе, на руководящую работу⁶¹.

Уже к концу 1950 г. большинство лиц из числа спецконтингента (в основном «власовцев») было освобождено с административно-

---

⁶⁰ АМВД РК, ф. 3, оп. 19, д. 2, л. 25—27.

⁶¹ НА РК, ф. Р-2716, оп. 17, д. 7/51, л. 130—131.

хозяйственных должностей, а вместо них на руководящую работу выдвинуто более 90 переселенцев, прибывших из других регионов страны⁶².

В июне 1951 г. 260 спецпоселенцев, работавших на предприятиях лесной промышленности Пряжинского и Прионежского районов, расположенных вблизи железной дороги, были переселены на территорию Пудожского района, удаленного от железнодорожной магистрали на 200 км. В течение июля предусматривалось переселение еще 300 спецпоселенцев⁶³.

Подобное отношение к спецпоселенцам привело к тому, что они ощущали себя «лишними людьми», не были уверены в завтрашнем дне. В спецзаписке зам. начальника Питкярантского РО МГБ КФСР майора Березина начальнику 9-го отдела МГБ КФСР полковнику Коробейникову от 3 июня 1952 г. сообщалось: «Спецпоселенцы расселены: в Питкярантском районе „указники“ – работают в двух совхозах Министерства совхозов КФСР, и „власовцы“ – в Приладожском рудоуправлении пегматитовых разработок Министерства промстройматериалов КФСР, все трудоустроены. Отмечены случаи ненормального настроения среди спецпоселенцев „указников“ вследствие того, что в прошлом году в августе месяце был намечен вывоз спецпоселенцев из Питкярантского района и тем более в совхозы прибыло большое количество переселенцев из Белоруссии в марте–апреле 1952 г. Спецпоселенцы стали неуверены в том, что их оставят в совхозах, некоторые даже с прибытием переселенцев начали продавать имеющийся скот и даже не намерены были иметь огороды, говорят: «„Все равно все наши труды пропадут даром, и мы сейчас в совхозах лишние, т. к. люди прибыли добровольно, и на них дирекция совхоза будет иметь надежды больше, чем на нас, а нас в любое время могут из совхозов увезти туда, где больше требуются люди, и дирекция совхозов, в особенности в совхозе „Прибой“, изменила отношение к спецпоселенцам и менее стала доверять, чем доверяла ранее, т. е. на постоянные работы стала ставить людей, прибывших из Белоруссии по вербовке, а спецпоселенцы стали работать на временных работах, но после разъяснительной работы работниками спецкомандатуры в отношении того, что вывоза из совхозов производиться не будет, спецпоселенцы в настоящее время принялись за огороды

---

⁶² КГАНИ, ф. 8, оп. 69, д. 10, л. 21.

⁶³ АМВД РК, ф. 3, оп. 18, д. 1, л. 233.

и приобретение скота, но все-таки не с такой уверенностью, как это было ранее, до прибытия переселенцев...“»⁶⁴.

Что касается местных жителей, то они, видя нужду и бедствие переселенцев, постепенно проникались к ним сочувствием и старались облегчить их участь. Становилось ясно, что под ярлыком «враги народа», «кулачье» скрываются такие же простые люди, в большинстве своем честные и трудолюбивые. Контакты между пришлым и местным населением становятся более регулярными и доброжелательными, а их уклады жизни мирно сосуществуют⁶⁵. По воспоминаниям проживавших в Кондопоге бывших спецпоселенцев-«власовцев» И. С. Гарцуло, И. Е. Гурова и др., отношение населения к ним было сочувственным, но у них осталась обида на то, что до 1952 г. (до истечения установленного 6-летнего срока ссылки) власти не разрешали спецпоселенцам выезд на родину для встречи с близкими, а также на то, что их не привлекали к общественной работе.

Хотя в 1950-е гг. отношение к спецпоселенцам стало постепенно улучшаться, но к ним по-прежнему относились как к людям второго сорта. В постановлении бюро ЦК КП республики от 30 июля 1955 г. «О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев» подчеркивалось: «В районах, где проживают спецпоселенцы, имеются факты, когда партийные, советские, профсоюзные, комсомольские органы и руководители предприятий не учитывают того, что спецпоселенцы пользуются всеми правами граждан СССР с некоторыми лишь ограничениями в правах передвижения и допускают к ним неправильное отношение, зачастую огульно и необоснованно выражают политическое недоверие. Это неправильное отношение и перестраховка местных органов находит свое проявление в том, что трудящиеся из числа спецпоселенцев часто не допускаются к выборной работе в местных советах, профсоюзных и комсомольских органах, в колхозных и кооперативных организациях. Новаторы производства и передовики сельского хозяйства из числа спецпоселенцев, как правило, не представляются к наградам и поощрениям за достигнутые ими высокие показатели в производственной работе. Подобного рода практика, имеющая широкое распространение, идет вразрез с линией партии...»⁶⁶.

---

⁶⁴ АМВД РК, ф. 3, оп. 21, д. 30, л. 56–57.

⁶⁵ Максимова Л. А. Насильственная миграция и межкультурные связи на Европейском северо-востоке // Электронный ресурс: cua.karelia.ru/report50.

⁶⁶ НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 6282, л. 11–12.

Постановление бюро ЦК КП было особенно актуально в условиях массового освобождения спецпоселенцев, когда важнейшей задачей руководства республики являлось сохранение рабочих кадров. 29 августа 1955 г. начальникам РОМ МВД КФССР была направлена директива МВД республики, в которой предлагалось «...Потребовать от работников милиции, коим поручен надзор за спецпоселенцами, проведения в жизнь указаний МВД Карело-Финской ССР № 19/623 от 20 июля 1954 г. и № 19/690 от 27 августа «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев», строго наказывать тех сотрудников, которые своими действиями допускают ущемление прав и интересов спецпоселенцев. О случаях ущемления прав спецпоселенцев информировать соответствующие партийные и советские органы и МВД КФССР. Систематически и широко разъяснять всем спецпоселенцам их права и обязанности, подчинив эту работу главной задаче — повышению трудовой активности спецпоселенцев и закреплению их в местах поселений...»⁶⁷.

Таким образом, в послевоенные годы спецпереселенцы являлись одной из массовых маргинальных групп советского общества. Спецпоселение обернулось для них изменением прежнего социального статуса, утратой привычной сферы деятельности и социокультурной среды, системы ценностных ориентаций, разрывом семейных связей. Формально спецпереселенцы пользовались всеми правами граждан СССР, однако отсутствие свободы передвижения и невозможность выбора места работы, ограниченность доступа к медицинским услугам и получению высшего образования, лишение ряда социальных льгот ставили их в особое, маргинальное положение в социальной структуре послевоенного советского общества.

---

⁶⁷ АМВД РК, ф. 3, оп. 31, д. 1, л. 23.

Глава 4

ТРУДОВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

В послевоенное десятилетие усилился процесс централизации управления народным хозяйством. Отраслевые министерства из Москвы контролировали работу предприятий определенного профиля по всему Союзу. Органы управления Карело-Финской ССР были отстранены от руководства значительным числом предприятий союзного и союзно-республиканского подчинения, производивших подавляющую часть промышленной продукции республики. Только предприятия союзного подчинения давали около 2/3 всей валовой промышленной продукции республики¹.

С утверждением отраслевого принципа управления экономикой все большее распространение получала так называемая «индустриальная модель» развития Севера, ориентированная на крупномасштабную добычу дешевых природных ресурсов и их первичную переработку без учета долговременной экономической стратегии, исторических и культурных особенностей развития народов Севера.

Промышленное производство республики развивалось преимущественно на базе использования ее лесных ресурсов, которые к началу 1950-х гг. составляли 64 % от общего запаса лесов Северо-Запада СССР. Удобное транспортное расположение Карелии определяло ее роль как основного поставщика древесины для Северо-Запада, в том числе для целлюлозно-бумажных предприятий Карельского перешейка и Ленинградского промышленного узла. КФССР являлась также важным источником снабжения крепёжным лесом Донецкого и Подмосквовного угольных бассейнов, крупной базой лесопиления на внутренний рынок и на экспорт.

В условиях жестких плановых заданий, предусматривавших не только быстрое восстановление, но и наращивание объемов промышленного производства, особую остроту приобрели вопросы обеспечения предприятий рабочей силой. Жесткая централизация управления позволяла организовать бесперебойную переброску спецконтингетов рабочей силы в масштабах страны.

---

¹ История экономики Карелии. Кн. 2. Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.). Петрозаводск, 2005. С. 119–120.

Основные принципы использования принудительного труда в экономике страны были разработаны еще в 1930-е гг. В соответствии с установившимся тогда порядком (постановление СНК СССР от 1 июля 1931 г.)² трудпоселенцы, работавшие в промышленности на основании договоров, заключенных органами НКВД с хозяйственными организациями, в части условий работы, оплаты труда, норм выработки приравнивались к остальным рабочим данной отрасли промышленности. В соответствии с директивой НКВД от 8 января 1939 г. на всех трудпоселенцев, работавших в хозяйственных организациях, администрация обязана была заводить трудовые книжки на общих основаниях, не делая в них отметок «трудпоселенец».

В мае 1944 г. были расширены права органов НКВД на местах в области заключения договоров о трудовом использовании спецпереселенцев — «бывших кулаков»: теперь эти договора, в том числе и на количество свыше 500 человек, утверждались руководством НКВД/УНКВД, без представления их в Отдел спецпоселений НКВД СССР³.

Важным шагом в урегулировании трудового использования «бывших кулаков» явилось прекращение с 1 сентября 1944 г. 5 % удержания с их заработной платы, установленного постановлением СНК СССР от 1 июля 1931 г. Одновременно принимаются меры по закреплению спецпереселенцев на тех предприятиях, где они работали. В директиве зам. наркома внутренних дел СССР, комиссара Госбезопасности 2-го ранга Чернышова от 7 сентября 1944 г. по вопросу о прекращении 5 % отчислений с заработка спецпереселенцев, особо подчеркивалось: «По истечении срока действия существующих договоров о трудовом использовании спецпереселенцев — «бывших кулаков», последних с работы в тех промпредприятиях, совхозах и учреждениях, в которых они работали на основании упомянутых договоров, — не снимать и перевод их на работу с одной организации в другую без санкции Отдела спецпереселений НКВД СССР не производить»⁴.

Хотя формально спецпереселенцы по условиям работы, оплате труда и нормам выработки приравнивались к остальным рабочим данной отрасли промышленности, их место работы и должность определяли органы НКВД и хозяйственные органы. Из общего числа трудоспособных спецпереселенцев — «бывших кулаков» (2619 человек) в 4-м

---

² АМВД РК, ф. 3, оп. 4-а, д. 30, л. 25.

³ Там же, л. 60.

⁴ Там же, оп. 8, д. 9, л. 16.

квартале 1946 г. в сельскохозяйственных предприятиях работали менее 20 % (506 человек). Наибольшая часть «бывших кулаков» была занята на предприятиях Министерства речного флота (962 человека, или 37 %), лесной промышленности (427 человек, или 16 %), Министерства промышленности строительных материалов (392 человека, или 15 %), Промсовета КФССР (217 человек, или 8 %) и др.⁵ Основное количество спецпереселенцев использовалось, за малым исключением, по специальности.

В отчетах о работе Отделения спецпоселений НКВД КФССР отмечались добросовестное отношение большинства спецпоселенцев к труду, систематическое перевыполнение ими норм выработки по сравнению с остальными рабочими. Так, в отчете за второй квартал 1946 г. подчеркивалось, что «большая часть спецпоселенцев является хорошими специалистами, добросовестно относится к работе, поэтому организации ими очень дорожат и при поступлении новой партии спецпоселенцев каждая организация добивается выделения прибывших спецпоселенцев»⁶.

Неоднократно премировались и заносились на Почетную доску республиканской газеты «Ленинское знамя» спецпереселенцы-трактористы Повенецкой и Тунгудской МТС. Хорошие показатели в работе имели спецпереселенцы, работавшие на Маленгском мехлесопункте, Идельском лесокомбинате, Госстройтресте, совхозах № 1, № 2 и Пригородный, Летнереченском кирпичном заводе и ряде других предприятий. Руководство НКВД республики объясняло перевыполнение норм выработки спецпоселенцами тем, что большинство из них составляла мужская рабочая сила, т. к. «бывшие кулаки» в армию не призывались (так, среди занятых на работах спецпереселенцев в середине 1944 г., мужчины составляли 1060 человек, женщины – 587 и подростки от 16 до 18 лет – 98 человек)⁷.

Вместе с тем, на наш взгляд, следует учитывать и три таких немаловажных фактора: во-первых, «бывшие кулаки» находились на спецпоселении в Карелии с конца 1920-х – начала 1930-х гг., за это время они адаптировались к жизни в условиях Севера, многие из них обзавелись хозяйством, семьями. В экстремальных военных условиях и обстановке послевоенной разрухи добросовестный труд

---

⁵ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 30, л. 28.

⁶ Там же, ф. 40, оп. 1, д. 226, л. 11.

⁷ Там же, ф. 3, оп. 5, д. 7, л. 51.

являлся для многих «бывших кулаков» достойным вкладом в общее дело победы над врагом и восстановления разрушенного народного хозяйства. Так, в Маленгском лесопункте были представлены к награде — медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» 78 из 82 человек⁸.

Во-вторых, раскулаченные в 1920—30-е гг. крестьяне, как правило, были рачительными хозяевами, сумевшими рационально организовать ведение хозяйства. И, наконец, в-третьих, в условиях тяжелого материального положения и жизни в спецпоселках перевыполнение производственных норм давало возможность получения дополнительных средств или определенных преимуществ для содержания семей «бывших кулаков».

Многие спецпоселенцы, кто сознательно относясь к своему труду, а кто и по принуждению, прошли профессиональную подготовку и приобрели специальности, поэтому руководители хозяйственных и партийных организаций в целях сохранения рабочей силы возражали против их увольнения с работы или перевода на другие предприятия. Хозяйственная целесообразность, таким образом, оказывалась выше декларируемых государством прав спецпоселенцев.

Заинтересованность хозяйственных руководителей в получении рабочей силы из числа спецпоселенцев объяснялась в немалой степени и тем, что, обходя официальные запреты, предприятия и организации, поставленные в жесткие рамки необходимости выполнения плановых заданий, нередко перебрасывали спецпоселенцев на первостепенные участки работ.

Документы местных архивов убедительно свидетельствуют о том, что в условиях острой нехватки рабочей силы в республике после войны многие спецпоселенцы являлись единственными специалистами в своей области и предприятия, колхозы, совхозы старались удержать их у себя. Так, по просьбе директора Сегежского бумкомбината Мигулина в НКВД КФССР (март 1945 г.) были оставлены на работе в суоярвском совхозе (хозяйстве комбината) А. К. Ковалев, охарактеризованный как «исключительно ценный работник и по существу единственный в совхозе специалист-полевод», и А. М. Турлычкин — единственный в совхозе шофер. Зам. наркома местной промышленности КФССР Гельфенд обратился в апреле 1945 г. в Наркомат внутренних дел КФССР с просьбой

---

⁸ АМВД РК, ф. 3, оп. 7, д. 8, л. 158.

о разрешении переезда специалистов трудпоселенцев из Надвоицкой мебельной фабрики на организуемое мебельное и спичечное производство в г. Сортавала⁹.

В апреле 1945 г. Отделение спецпоселений НКВД КФССР направило в Лоухское РО НКВД телеграмму о направлении в распоряжение ОТСП спецпереселенца С. М. Тиммиева. Начальник Лоухского РО НКВД в ответ на телеграмму сообщил, что «Управлением Чупинских горных разработок и Лоухским РК КП(б) поставлен вопрос перед СНК КФССР об оставлении С. М. Тиммиева на работе в системе Чупинских горных разработок, т. к. последний возглавляет работу по ремонту плавучих средств горных разработок и является единственным мастером по ремонту плашкоутов. В случае его отъезда работы по их ремонту сорвутся, что грозит срывом выполнения производственных планов по горным разработкам». К тому же С. Тиммиев имел свое хозяйство: корову, козу и домашнюю птицу, а члены его семьи — жена и мать были освобождены от спецпоселения¹⁰. С учетом этих обстоятельств С. Тиммиев был оставлен на работе в системе Чупинских горных разработок.

В феврале 1946 г. по просьбе начальника Управления Беломорско-Онежского пароходства Новоселова НКВД КФССР разрешил въезд и проживание в г. Петрозаводске сроком с 12 февраля по 12 апреля 1946 г. 15 специалистам-трудпоселенцам, находившимся в Беломорске и Надвоицах, для выполнения котельных и плотничных работ на петрозаводском судоремонтном заводе. Был продлен срок работы до 1 апреля на том же заводе 6 специалистам-котельщикам, с отъездом которых неизбежно остановились бы работы по ремонту судов¹¹.

Аналогичное положение с кадрами специалистов сложилось в сельском хозяйстве республики. 4 июля 1945 г. зам. наркома совхозов КФССР Андронов обратился к наркому внутренних дел Д. М. Никитину с просьбой о направлении в совхозы Сортавальского и Питкярантского районов на постоянное место жительства трудпереселенца старшего механика Мокеева, работавшего в Петрозаводском совхозе № 2 и являвшегося одним из лучших механиков в системе наркомата. Подобная просьба была обусловлена тем, что в совхозах «Харлу» (Ляскеля) и Импилахти не было не только механиков, но даже простых

---

⁹ АМВД РК, ф. 3, оп. 5, д. 15, л. 13; д. 17, л. 13.

¹⁰ Там же, д. 14, л. 333; оп. 7, д. 5, л. 21.

¹¹ Там же, оп. 7, д. 5, л. 34, 38–39.

машиноведов, способных подготовить трактора и хлебоуборочные машины к уборке урожая. Тем не менее в просьбе было отказано¹².

В июле того же года НКВД КФССР разрешил направить трудпоселенцев из Пудожского совхоза № 1 – бригадира по крупному рогатому скоту М. Ф. Величко и бригадира по свиноводству А. В. Дубровину – в Петрозаводск для сопровождения скота, который перебазировался из Пудожа в совхозы Сортавальского и Питкярантского районов¹³.

Значительное количество спецпоселенцев, «бывших кулаков», проживало и работало в столице республики – г. Петрозаводске. В 1945 г. на учете Петрозаводской спецкомендатуры состояло 347 человек, в том числе 255 работающих и 92 иждивенца. Наибольшее число «бывших кулаков» работали в Беломорско-Онежском пароходстве – 49 человек, Промстройтресте Наркомата строительных материалов – 26 человек, в подсобном хозяйстве Спецторга – 29, на лесокombинате в Петушках – 21, на предприятиях Промсовета КФССР – 15, в дорожно-эксплуатационном участке Ушосдора – 15, на газогенераторном заводе – 14, в совхозе № 1 (поселок совхоза) – 13, в коммунальном отделе горсовета и Стройтресте – 12, типографии им. Анохина – 7 человек и др.¹⁴

В условиях острой нехватки кадров в послевоенные годы многие из спецпоселенцев были выдвинуты на руководящие должности, среди них: мастер цеха газогенераторного завода К. Е. Кучернюк, начальник отдела заготовок предприятий Промсовета КФССР Реутов, зав. складом подсобного хозяйства Спецторга П. А. Ципылин, зав. гаражом треста Карелдрев Доминюк, а также работники Беломорско-Онежского пароходства: ст. механик И. Ф. Омельчак, мастер кузнечного цеха Г. К. Боровик, начальник лесоцеха П. И. Кондратьев, мастер по производству судов Н. А. Цыганков, зав. базой И. Лех, старший электрик В. К. Сепп.

По Летнереченской спецкомендатуре в январе 1945 г. около 50 спецпоселенцев работали на руководящих должностях. Отдельные спецпоселенцы выполняли нормы на 100–150 %, все «бывшие кулаки» участвовали в социалистическом соревновании¹⁵. В Прионежском районе КФССР в числе отличников лесной промышленности было 9 спецпереселенцев, получивших премии

---

¹² АМВД РК, ф. 3, оп. 9, д. 20, л. 36.

¹³ Там же, оп. 5, д. 14, л. 42.

¹⁴ Там же, оп. 9, д. 13, л. 96–99.

¹⁵ Там же, оп. 5, д. 4, л. 6.

и подарки. 8 спецпоселенцев-колхозников района выработали в 1945 г. от 400 до 500 трудодней¹⁶.

В то же время ряд районных органов НКВД негативно оценивал работу спецпоселенцев, «бывших кулаков». Так, в письме начальника Пудожского РО НКВД начальнику ОСП НКВД КФССР от 27 декабря 1944 г. сообщалось о том, что «...В совхозе № 1 переселенцы буквально разложились, массовое воровство (хищение хлебопродуктов и обдаивание коров у населения г. Пудожа) стали обыденным явлением. Переселенцы в этом совхозе все устроились на легкие работы, как-то: бригадирами, кладовщиками и в большинстве своем не занимаются физическим трудом, а когда дело доходит до уборки урожая, то совхоз обрабатывается мобилизованными гражданами г. Пудожа. Кроме того, я еще считаю ненормальным и такое положение, когда в советском хозяйстве один директор является вольнонаемным, а все остальное руководство и работа передоверена кулакам. Надо взять оттуда часть рабочих и перевести на лесозавод. А Наркомат совхозов пусть заранее позаботится о подыскании другой рабочей силы. В центре города держать большое количество спецпоселенцев я считаю нецелесообразно. В силу этого прошу Вас дать нам распоряжение о концентрации спецпоселенцев на Пудожском лесозаводе...»¹⁷.

Серьезной проблемой в организации труда и быта спецпоселенцев оставались мобилизации с постоянного места жительства для работы на других предприятиях. В директиве зам. народного комиссара внутренних дел СССР в НКВД КФССР (1944 г.) отмечалось: «Имеют место факты, когда органы НКВД по постановлениям местных советских органов проводят без санкции НКВД СССР мобилизацию спецпереселенцев на работу в промышленные предприятия, стройки и городские организации. Это приводит к тому, что трудоустроенные семьи спецпереселенцев, получившие жилые, приусадебные и земельные участки, засеявшие огороды, при их мобилизации все это теряют и попадают в крайне тяжелые условия. НКВД СССР категорически запрещает проводить какие бы то ни было мобилизации спецпереселенцев с их постоянного места жительства (расселения). Мобилизация спецпереселенцев может проводиться только по указанию и с разрешения НКВД СССР»¹⁸.

---

¹⁶ АМВД РК, ф. 3, оп. 7, д. 11, л. 8.

¹⁷ Там же, д. 14, л. 3.

¹⁸ Там же, д. 4, л. 89.

8 февраля 1945 г. в адрес ОСП НКВД КФССР вновь поступила директива начальника ОСП НКВД СССР, в которой указывалось на продолжавшиеся переброски хозорганизациями спецпоселенцев без ведома спецкомендатур с одного места работы на другое, из одного района в другой и даже переброски из пределов республики в другие области. Отделению спецпоселений НКВД республики было рекомендовано предложить администрации хозорганизаций вернуть всех переброшенных без разрешения НКВД КФССР спецпоселенцев к прежним местам работы и предупредить руководителей этих организаций, что в случае невыполнения этих требований спецпоселенцы будут из их системы вовсе сняты¹⁹.

Столь же трудноразрешимой проблемой являлся возврат на прежние места работы многих спецпоселенцев, «бывших кулаков», эвакуированных в годы войны в другие края, области и республики, а также районы Карелии. В письме и. о. директора Пиндушской судовой верфи Колесова в МВД республики от 6 ноября 1946 г. содержалась просьба о возвращении на предприятие эвакуированных в Пудожский район трудпоселенцев, работавших в пудожском совхозе № 2, и отмечалось, что руководство совхоза «вопреки существующим законоположениям и, в частности, даже вопреки решению Совнаркома СССР и ГОКО о возврате в систему Речфлота ранее работавших работников даже против их желания, не желает считаться с неоднократными требованиями и просьбами рабочих об отпуске их обратно на Пиндушскую судовую верфь и рабочих насильно задерживает»²⁰.

Проходивший более активно после окончания войны процесс освобождения из спецсылки «бывших кулаков» (участников войны и членов их семей, детей спецпоселенцев, достигших 16 лет и др.) вызвал беспокойство со стороны руководства предприятий, на которых работали спецпоселенцы. Получив документы на освобождение из спецсылки, «бывшие кулаки» требовали увольнения их с работы и разрешения выезда на родину или к избранному месту жительства. В связи с этим МВД КФССР разъяснило директорам предприятий, что освобождать от работы можно только тех спецпоселенцев, которые освобождены по инвалидности или выезжают на соединение с семьей, как лица, не имеющие средств существования. Остальные спецпоселенцы могли увольняться с работы

---

¹⁹ АМВД РК, ф. 3, оп. 9, д. 1, л. 10.

²⁰ Там же, оп. 7, д. 5, л. 82.

только на общих основаниях со всеми гражданами и несли равную ответственность за самовольный уход с работы²¹.

В Отдел спецпоселений МВД республики с мест стали поступать просьбы о закреплении за предприятиями спецпоселенцев-специалистов. В частности, администрация Управления Беломорско-Балтийского канала обосновывала свои требования следующим образом: «Личный состав Управления работников пути ББК в основном укомплектован из спецпоселенцев, часть которых освобождается, получает паспорта и собирается выехать на родину. На основании Указа Президиума Верховного Совета от 9 мая 1943 г. все работники водного транспорта считаются мобилизованными, поэтому считаем неправильным отпускать квалифицированных специалистов...»²². Таким образом, по существу получившие освобождение, «бывшие кулаки» оставались закрепленными за предприятиями.

Прибывшие на спецпоселение в Карело-Финскую ССР в 1946 г. «власовцы» были определены на работу, главным образом, в лесной и целлюлозно-бумажной промышленности республики. Эти отрасли промышленности были выделены как приоритетные в послевоенных планах развития народного хозяйства республики, именно они, в первую очередь, являлась сферой приложения сил спецконтингента.

В 1947 г. в лесной промышленности республики было заготовлено 4 млн кубометров леса. К 1950 г. объемы лесозаготовительных работ должны были достигнуть 11 млн кубометров (115 % к 1940 г.). Данный объем работ предстояло выполнить без участия такого крупного заготовителя, как ББК НКВД, который в 1940 г. заготовил 5,2 млн кубометров²³.

По состоянию на 1 апреля 1948 г. на территории Карело-Финской ССР имелось на специальном поселении спецпоселенцев-«власовцев» 4215 человек, в том числе мужчин 4195 и женщин 20 человек. Они работали на следующих предприятиях:

1) Министерство лесной промышленности КФССР – 1755 человек, из них:

- а) Маленгский мехлесопункт – 332 человека,
- б) Вирандозерский мехлесопункт – 502,
- в) Надвоицкий леспромхоз – 110,
- г) Пайский мехлесопункт – 242,

---

²¹ АМВД РК, ф. 3, оп. 9, д. 10, л. 8.

²² Там же, д. 10, л. 65.

²³ НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 2911, л. 3.

- д) Пяжневосельгский мехлесопункт – 201,
  - е) Деревянский мехлесопункт – 117,
  - ж) Соломенский лесозавод – 66,
  - з) Падозерский мехлесопункт – 92,
  - и) На разных мелких лесопунктах – 93.
- 2) Министерство целлюлозно-бумажной промышленности – 1294 человека, из них:
- а) Сегежский бум. комбинат – 268,
  - б) Кондопожский бум. комбинат – 1026.
- 3) Пудожский лесокombинат Ленинградского управления Главснаб-леса – 635 человек;
- 4) Министерство промышленности строительных материалов – 146;
- 5) Министерство речного флота – 103;
- 6) Министерство рыбной промышленности – 140;
- 7) УВСП № 241 «Северная точка» – 64;
- 8) В колхозах и совхозах – 44;
- 9) В доме инвалидов – 34²⁴.

В отчетах о работе спецпоселенцев неоднократно подчеркивалось, что основная масса «власовцев» добросовестно и честно относилась к труду. Так, по Маленгскому ЛПТ из 350 человек, занятых на заготовке и вывозке леса, 108 выполняли нормы на 100–110 % и 40 – свыше 110–150 %. На Вирандозерском ЛПТ из 700 спецпоселенцев, занятых на основных лесозаготовительных работах, 412 человек выполняли нормы выработки на 100–130 %. Из 140 человек, трудившихся на биржевых и подсобных работах, выполняли и перевыполняли установленные нормы 60 человек. На Деревянском ЛПТ из 217 человек, занятых на основных работах, выполняли нормы на 100 % и выше 135 человек. На Пайском мехлесопункте за хорошие показатели работы 8 спецпоселенцев-«власовцев» были награждены Почетными грамотами Союза леса и сплава и свыше 50 человек получили денежные премии и подарки²⁵.

По воспоминаниям бывшего спецпоселенца-«власовца» И. Е. Гурова, отношение администрации предприятий к прибывшим на спецпоселение людям было благожелательным. Иван Емельянович Гуров, 1911 г. рождения, был направлен на работу на Кондопожский целлюлозно-

---

²⁴ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 54, л. 26–27.

²⁵ Там же, д. 30, л. 82, 105.

бумажный комбинат в 1946 г. В 1947 г. к нему приехала семья (жена и две дочери), которая до войны проживала в Донбассе. Жена, Гурова Юлия Афанасьевна, стала работать учителем начальных классов в средней школе № 1 г. Кондопоги, а затем – зам. директора школы № 2. Иван Емельянович впоследствии был выдвинут на должность начальника по технике безопасности Кондопожского ЦБК, а позднее – директора ГПТУ № 15 г. Кондопоги, где также преподавал историю и обществоведение²⁶.

Остались жить в Кондопоге и бывшие спецпоселенцы-«власовцы» Иван Семенович Гарцуло, родом из Львовской области, трудившийся на Кондопожском комбинате, Виктор Андреевич Андреев, уроженец Чувашии, работавший плотником в тресте «Кондопожстрой», в лесном цехе Кондопожского ЦБК и на Кондопожском пегматитовом заводе, Павел Лаврентьевич Дубина, родом из Украины, работавший на ЦБК и пегматитовом заводе. Здесь они создали семьи, а их дети получили высшее образование.

Многие спецпоселенцы, работавшие в леспромхозах, на Кондопожском и Сегежском бумкомбинатах, стали специалистами – мастерами, приемщиками, бригадирами, механиками, электропильщиками. На Кондопожском бумкомбинате из 700 спецпоселенцев, занятых на основных строительных и монтажных работах, 430 человек установленные нормы выработки выполняли на 100–150 %, а бригады Строкесьян и Афанасьева – на 150–200 %. На Сегежском бумкомбинате из 340 человек, занятых на основных работах, 303 человека выполняли и перевыполняли установленные нормы выработки²⁷. В качестве поощрения за хорошую производительность труда администрация предприятий предоставляла передовикам лучшие жилищные условия, им в первую очередь выдавались обувь и одежда, выделялось дополнительное питание за счет подсобного хозяйства.

В то же время нередкими были случаи, когда по вине администрации, которая не заботилась о создании надлежащих условий труда, спецпоселенцы не могли выполнить установленные нормы. В докладной записке ОСП МВД КФССР в ОСП МВД СССР о хозяйственно-трудовом устройстве спецпоселенцев-«власовцев» за 4-й квартал 1946 г. отмечалось: «На ряде предприятий плохо организован труд рабочих. На участке Ухта

---

²⁶ Интервью с Иваном Емельяновичем Гуровым, 1911 г. р. Записала А. Т. Запезалова, г. Кондопога, 2008 г.

²⁷ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 30, л. 82, 107.

Маленгского ЛПТ спецпоселенцы, работающие на погрузке леса, ежедневно простаивают по 2 часа в ожидании платформ (вагонов под погрузку). Простой, который происходит по вине администрации лесопункта, рабочим не оплачивается. На участке № 1 того же мехлесопункта в течение декабря месяца 1946 г. спецпереселенцам, работающим на лесозаготовках, выдавались не точеные пилы и топоры, что отражалось на производительности труда и заработке спецпоселенцев. Аналогичные факты имеют место и на других лесоучастках...»²⁸.

Отмечались и случаи, когда администрация предприятий самовольно поднимала нормы или снижала расценки, не доводила их до сведения рабочих, не выдавала наряды на работы и расчетные книжки, поэтому отдельные спецпоселенцы вообще не знали сумму своего заработка. Многие спецпоселенцы не выполняли нормы выработки вследствие частых перебросок с одной работы на другую, отсутствия надлежащего питания, задержки заработной платы и т. д. Органам МВД приходилось оказывать давление на местных хозяйственных руководителей, чтобы пресечь тенденцию к дискриминации в оплате труда спецпоселенцев по сравнению со свободными рабочими и служащими. Конечно, руководство НКВД выполняло при этом и свою главную функцию — контроль за спецпереселенцами.

18 августа 1948 г. комендантом спецкомендатуры Сегежского РО МВД лейтенантом Н. И. Брагиным, мастером участка Попов Порог Л. А. Никольским и рабочим участка В. А. Виноградовым был составлен акт о невыходе спецпереселенцев на работу на сплаве. Из-за невыплаты зарплаты за вторую половину июля и за первую половину августа месяца не вышли на работу 14 августа 17 человек, 16 августа — 32 человека, а 17 и 18 августа из числа спецпоселенцев (51 человек) никто на работу не вышел. В результате была сорвана переброска спецпоселенцев на участок Табой-Порог. Акт о невыходе на работу на участке Попов Порог был направлен министром внутренних дел республики генерал-майором Серебряковым секретарю ЦК КП(б) КФССР Ю. Андропову с просьбой дать указания министру лесной промышленности КФССР о своевременной выплате зарплаты спецпоселенцам, работавшим на предприятиях лесной промышленности. Деньги рабочим были выплачены 17 сентября 1948 г.²⁹ Справедливости ради следует отметить, что подобные случаи задержки заработной

---

²⁸ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 30, л. 82.

²⁹ НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 2949, л. 61, 62.

платы имели место и в отношении добровольно переселившихся в республику людей, а также местных кадров рабочих.

В ряде случаев спецпоселенцам удавалось решить проблемы, связанные с дискриминацией их труда, благодаря обращению в народный суд. Так, в СМУ-1 г. Кондопоги многие спецпоселенцы использовались на подсобных работах, вследствие чего их заработная плата была не более 400–600 руб. в месяц. Имели место факты обчетов рабочих-спецпоселенцев. К примеру, бригада спецпоселенца Бибикова в составе 7 человек за август 1949 г. на грунтовых дорожных работах заработала 4780 руб. Работа была принята, и наряд закрыт, но после этого начальник второго участка СМУ уменьшил заработанную сумму на 560 руб. Бригада спецпоселенца Хачкинаева в составе 4 человек на кладке бутового фундамента заработала 1421 руб., но эта сумма также была уменьшена начальником участка на 779 руб. Эту сумму бригаде возместили только через народный суд³⁰.

Одной из сложных проблем, с которыми столкнулись хозяйственные организации, где работали спецпоселенцы, являлось трудоустройство инвалидов. Так, в письме начальника ОСП МВД КФССР в ОСП МВД СССР от 19 сентября 1946 г. содержалась просьба о направлении обратно на родину или передаче в дома инвалидов 60 спецпоселенцев-«власовцев», не способных к физическому труду и не имевших источников существования³¹. В соответствии с полученным из ОСП МВД СССР разъяснением начальникам районных отделений МВД КФССР предлагалось изыскать возможности трудоустроить «власовцев» инвалидов, не способных к физическому труду, в совхозах, колхозах, подсобных хозяйствах предприятий, инвалидных артелях, артелях промкооперации, а не способных к легкому труду направить в дом инвалидов, т. к. направлять к прежнему месту жительства до окончания срока спецссылки их было нельзя. При этом все они, независимо от места трудоустройства, должны были состоять на учете спецпоселений МВД³².

Новое поступление спецпоселенцев-«указников» в республику в 1948 г. пополнило кадры рабочих промышленности и сельского хозяйства. На 15 ноября 1948 г. «указники» и члены их семей были трудоустроены³³:

---

³⁰ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 303, л. 132–134.

³¹ Там же, ф. 3, оп. 12, д. 34, л. 33.

³² Там же, л. 55.

³³ Там же, оп. 12, д. 63, л. 213.

	«Указники»	Члены семей
В предприятиях Министерства лесной промышленности	910	146
В совхозах Министерства совхозов	183	16
В предприятиях Министерства промышленности строительных материалов	298	43
Инвалидных домах	5	—
Итого	1396	205

Среди прибывших в республику «указников» оказалось большое количество инвалидов 1-й, 2-й и 3-й группы, которые к работе в лесу не приступали и работать не могли. В Лоухском районе было выявлено инвалидов 1-й и 2-й группы 35 человек и 3-й группы – 67 человек. Все они были направлены на работу в совхозы Питкярантского, Пудожского и Олонецкого районов и 11 человек – в дом инвалидов³⁴.

В целом же, как явствует из справки Отдела спецпоселений МВД КФСР в МВД СССР о трудоустройстве инвалидов-«указников», в декабре 1948 г. инвалиды 3-й группы и лица с физическими недостатками, которые не могли работать в лесной промышленности (таковых насчитывалось 228 человек), были расселены в совхозы Питкярантского, Олонецкого и Пудожского районов, а 7 человек определены в дома инвалидов Пряжинского и Пудожского районов. В дома инвалидов были определены также 35 «власовцев». Всего трудоустроено на легкие работы и в дома инвалидов 270 спецпоселенцев³⁵.

В тресте «Сегежбумлес», где работали 489 спецпоселенцев-«указников», средний заработок при выполнении норм на работающего от 80 до 100 % составлял 450–600 руб. в месяц. В то же время 20 спецпоселенцев, выполнявшие нормы выработки на 150–200 %, зарабатывали по 1800–2500 руб. в месяц³⁶. Из числа спецпоселенцев-«указников» плохо работали всего 98 человек, из них в системе лесной промышленности 89. В республике не было ни одного случая привлечения «указников» к уголовной ответственности за отказ от работы. В то же время со стороны администрации ряда предприятий допускались факты произвола и злоупотребления служебным положением. В ходе проверки состояния трудоустройства и жилищно-бытовых условий «указников» органами МВД совместно с представителями Минлеспрома КФСР, проведенной в 1949 г. в Верхне-Выгском и Чупинском леспромхозах,

³⁴ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 63, л. 128.

³⁵ Там же, д. 61, л. 75.

³⁶ Там же, д. 68, л. 281–282.

было выявлено, что мастер Валдайского лесопункта Верхне-Выгского леспромхоза С. занимался вымогательством денег у спецпоселенцев, грубо обращался с рабочими вплоть до применения физических мер воздействия, а часть полученного для них семенного картофеля использовал для производства самогона. С. был снят с работы и привлечен к уголовной ответственности³⁷.

Крайний недостаток рабочей силы в республике нередко побуждал руководство предприятий закрывать глаза на те или иные нарушения трудовой дисциплины. В связи с этим руководство МВД республики указало директорам предприятий: «...в ряде районов спецпоселенцы-„указники“ совершают прогулы, которые в большинстве проходят безнаказанно, т. к. руководители предприятий не оформляют на них материалы и не возбуждают дел перед нарсудами о привлечении прогульщиков к уголовной ответственности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. ...Обязать всех руководителей предприятий и хозяйственных организаций, чтобы каждый случай прогула, допущенный спецпоселенцами-„указниками“ без уважительных причин, в течение 48 часов оформлялся соответствующими материалами с передачей в нарсуд»³⁸.

Освобождение в начале 1950-х гг. «власовцев», отбывших 6-летний срок спецпоселения, а также части «указников» поставило администрацию предприятий в трудное положение. Постановление Совета Министров СССР от 7 октября 1951 г. предписывало принять меры для закрепления на предприятиях лесной промышленности лиц, освобожденных от спецпоселения. В связи с этим распоряжением Совета Министров КФССР от 27 ноября 1951 г. министру лесной промышленности республики вменялось в обязанность принять меры к заключению с бывшими спецпоселенцами индивидуальных договоров, распространив на них все льготы и преимущества, установленные для рабочих и служащих отрасли, выдавать ссуды на строительство домов, приобретение скота и хозяйственного инвентаря в размере 5 тыс. руб. со сроком погашения в течение 7 лет, начиная со второго года получения ссуды, а также оказать лицам, освобожденным от спецпоселения и оставшимся на постоянной работе, необходимое содействие в перевозке к ним членов семей³⁹.

---

³⁷ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 76, л. 227.

³⁸ Там же, ф. 3, оп. 14, д. 6, л. 50.

³⁹ Там же, оп. 21, д. 13, л. 25.

В республике имели место попытки волевыми, административными мерами добиться сохранения рабочей силы из числа спецпоселенцев за предприятиями. Пример тому – транзитная телеграмма министра лесной промышленности республики И. М. Новикова начальникам трестов Севкареллес, Сегежлес и Медвежьегорсклес от 22 июля 1952 г., в которой говорилось: «В соответствии с указаниями МГБ республики рабочие спецконтингента, получающие паспорта, остаются в распоряжении директоров на правах кадровых рабочих. Примите это к неуклонному исполнению, запретив увольнение и выдачу расчетов». Однако спустя неделю министр был вынужден отменить свое распоряжение. Телеграмма от 30 июля 1952 г. гласила: «По вопросу использования рабочих спецконтингента разъясняю: после окончания срока все вопросы, связанные с дальнейшей работой и увольнением рабочих, разрешаются директором предприятия в соответствии с существующими законами. Обязываю принять меры к закреплению рабочих постоянного кадра путем разъяснительной работы, также заключения договоров»⁴⁰.

К сожалению, по архивным документам практически невозможно определить, какое же количество спецпоселенцев после своего освобождения осталось жить и работать в республике. Тем не менее совершенно очевидно, что в возрождение и развитие экономики республики в послевоенные годы вложена немалая доля их труда.

За годы первой послевоенной пятилетки в Карелии было восстановлено и пущено в эксплуатацию 208 промышленных предприятий. Вступили в строй домостроительный, металлообрабатывающий и судоремонтный заводы, завод строительных деталей в г. Петрозаводске, Пиндушская судоверфь, Кондопожский и Летнереченский кирпичный заводы, два первых в республике рыбконсервных завода в Петрозаводске и Беломорске и др. Уже в 1949 г. промышленные предприятия республики достигли довоенного уровня выпуска валовой продукции. За 1946–1950 гг. промышленное производство в Карелии увеличилось в 4,7 раза, в то время как по РСФСР – в 1,6 раза. К середине 1950-х гг. выпуск валовой промышленной продукции в республике превысил довоенный уровень почти в 2,5 раза⁴¹.

---

⁴⁰ АМВД РК, ф. 3, оп. 21, д. 13, л. 29, 30.

⁴¹ История экономики Карелии. Кн. 2. Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.). Петрозаводск, 2005. С. 123, 129.

Таким образом, рост производственных показателей в послевоенные годы в значительной степени основывался на высоких мобилизационных возможностях директивной экономики, далеко не исчерпанных резервах экстенсивного развития, а также широкое использование принудительного труда.

Распределение спецпоселенцев по отраслям народного хозяйства в республике существенно отличалось от их трудового использования в целом по стране, где наибольшее количество выселенцев и спецпоселенцев было сосредоточено в сельском хозяйстве. Основной сферой применения сил спецпоселенцев в Карелии являлись лесозаготовки, целлюлозно-бумажная промышленность, промышленность строительных материалов, речной транспорт. Форсированное развитие лесозаготовительной промышленности привело к возникновению сети лесных поселков, часть которых создавалась при непосредственном участии спецпоселенцев.

С помощью принудительного труда в послевоенные годы отчасти удалось решить проблему дефицита рабочей силы в республике, но насколько был эффективен труд спецпоселенцев? Многие из них работали производительно, являлись передовиками производства, и, несмотря на несправедливость своего выселения, готовы были приложить свои силы к восстановлению экономики страны. Но при этом нельзя забывать и тот факт, что в тяжелых условиях спецпоселения за хорошие показатели в труде спецпоселенцы имели определенные льготы, которые помогали выжить им и их семьям.

Естественно, что в целом многочисленные реальные «минусы» — прежде всего людские, политические, материальные и моральные потери от депортации — несоизмеримы с теми минимальными экономическими «плюсами», которые дал государству труд спецпереселенцев⁴².

---

⁴² Бердинских В. А. Спецпоселенцы: политическая ссылка народов Советской России. М., 2005. С. 39.

Глава 5

БЫТ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ И АДАПТАЦИЯ ИХ К УСЛОВИЯМ ЖИЗНИ В КАРЕЛИИ

Возвращение в республику с окончанием военных действий части реэвакуированных спецпоселенцев, «бывших кулаков», со всей остротой поставило вопросы обустройства их быта, снабжения продовольственными и промышленными товарами. Руководство регионов, заинтересованное в притоке квалифицированной рабочей силы, зачастую завывало возможности по приему и устройству переселенцев, и населенные пункты нередко оказывались неподготовленными к проживанию людей, особенно в зимних условиях. Задача обустройства быта спецпоселенцев и обеспечения их жильем возлагалась на местные партийные и советские органы, руководителей учреждений и предприятий, которые в условиях послевоенной разрухи не могли полностью справиться с этими проблемами.

Положение спецпереселенцев, прибывших в республику в порядке реэвакуации, оказалось тяжелым. Из общего числа 2362 спецпереселенцев, состоявших на учете на 1 июля 1944 г., использовались на работах в различных хозяйственных организациях и учреждениях 1745 человек (74 %), остальные 617 чел. находились на иждивении, в том числе детей 422 человека, инвалидов, содержащихся в инвалидном доме в Пудожском районе — 37 человек и на иждивении родственников по нетрудоспособности (старики и женщины с малыми детьми) — 158 человек¹. Высокой была смертность среди спецпереселенцев, превысившая в 1945 г. рождаемость более чем в 5 раз².

В докладной записке зам. начальника Тунгудского РО НКВД в Тунгудский райком партии и НКВД КФССР (январь 1945 г.) сообщалось о неработающих «бывших кулаках» в пос. Летний: «При коммендатуре в пос. Летний не работают спецпоселенцы в количестве 28 человек, а получают питание (по 300 гр. хлеба). Спецпоселенцы ездят по личным делам. 23—24 человека из них работать не могут по состоянию здоровья, они истощенные, раздетые. На протяжении 4-х месяцев нами поднимался вопрос перед райкомом и райсоветом об

---

¹ АМВД РК, ф. 3, оп. 5, д. 7, л. 51.

² Там же, ф. 4, оп. 1, д. 206, л. 2, 3, 7, 9, 11, 13, 16.

оказании им помощи в части снабжения карточками, столовой. В течение квартала умерли 10 спецпоселенцев. Они были лишены карточек на хлеб, хотя не было организовано районной врачебной комиссии»³.

Быт всех категорий спецпоселенцев долгое время оставался неустроенным и непросто проходил процесс их адаптации к суровым северным условиям. Некоторые преимущества в этом плане имели «бывшие кулаки». Как подчеркивалось в отчете о работе Отделения спецпоселений НКВД КФСР за 1-е полугодие 1944 г., «Абсолютное большинство спецпереселенцев настроены переехать на старые места расселения, т. к. многие из них имели собственные домики или квартиры, огороды и т. д., но с условиями жизни и работы на севере свыклись и стремящихся совершенно выехать из КФСР, за исключением отдельных лиц из семей военнослужащих не имеется»⁴. «Основная масса спецпоселенцев освоилась в местах поселения и примирилась с условиями данного времени, но все же часть из них, одиночки, имеют стремление выехать к семьям, семьи которых находятся в других областях»⁵.

С 1 сентября 1944 г. со спецпереселенцев контингента «бывшие кулаки» было прекращено удержание 5 % от заработной платы на расходы по их административному управлению и надзору (на основании постановления СНК СССР № 1147-340с от 24 августа 1944 г. «Об отмене процентных отчислений с заработков спецпереселенцев, установленных постановлением Совнаркома СССР от 1 июля 1931 г. № 130сс»). Отныне все налоги с их доходов стали взиматься как и с полноправных граждан⁶.

На протяжении послевоенных лет принимающие организации не изменили своего потребительского отношения к спецпоселенцам — будучи заинтересованы в привлечении рабочих кадров, они мало заботились об их условиях труда и оплате. Насаждавшееся свыше негативное отношение к «кулаку» делало произвол на местах распространенным явлением. Имели место факты, когда органы НКВД по постановлениям местных советских органов проводили без санкции НКВД СССР мобилизацию спецпоселенцев на работу в промышленные предприятия, стройки и городские организации. В результате семьи спецпоселенцев теряли земельные участки и попадали в тяжелое

---

³ НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 1727, л. 45–48.

⁴ АМВД РК, ф. 3, оп. 5, д. 7, л. 51.

⁵ Там же, оп. 4-а, д. 5, л. 50.

⁶ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 112.

положение. НКВД СССР категорически запретил проводить какие-либо мобилизации спецпоселенцев с их постоянного места расселения⁷. Встречались и случаи, когда хозяйственные органы отказывали спецпоселенцам-инвалидам в предоставлении им посильной работы (Вирандозерский лесопункт Беломорского района и др.).

Остро стояли проблемы дефицита жилья, продовольствия, одежды и обуви, недоступности медицинской помощи. В связи с этим характерными были следующие высказывания спецпереселенцев — «бывших кулаков»:

«Нам всегда говорили, что после окончания войны с Германией положение народа будет улучшаться. Вот окончилась война, а изменений в жизни нет никаких, продовольственное снабжение идет по старой норме, изменения в рабочем дне тоже нет...»⁸; «Немцы над нашим братом издевались и давали 300 гр. хлеба, а немцев здесь кормят 3 раза в день, хлеба дают 600 гр., да еще добавляют. Им очень хорошо, здесь они отработают 8 часов, да свободные»; «Раньше в такой холод хозяин не направил бы на работу, а сейчас насилие гонят, сейчас хорошо живется только тем, кто не работает. Немцам {военнопленным} и тем лучше нас живется, нам дают 500 гр. хлеба и ежедневно работать заставляют, а немцам 900 грамм»⁹. Спецпереселенцы в основном выражали надежду на скорое улучшение продовольственного и промтоварного снабжения, снятие с учета и возвращение на прежнее место жительства.

В сложных материально-бытовых условиях оказались прибывшие в республику спецпереселенцы — «власовцы» и «указники», большая часть которых была размещена в лесных поселках. В ряде мест жилищные и бытовые условия спецпоселенцев не отвечали даже минимальным санитарным нормам. Так, на Пайском механизированном лесопункте рабочие размещались в бараках по 30—40 человек. В пос. Пай они были обеспечены деревянными топчанами, а в пос. Мужало в 4-х общежитиях спецпоселенцы спали на сплошных нарах. В общежитиях было грязно, имелось большое количество клопов. Поскольку бани и прачечной в поселках не было, рабочие длительное время не мылись и большинство их завшивели. В бараках не было сушилок для верхней одежды и ее приходилось

---

⁷ АМВД РК, ф. 3, оп. 8, д. 9, л. 4.

⁸ Там же, ф. 3, оп. 12, д. 30, л. 105.

⁹ Там же, л. 128.

сушить на печах, ввиду чего в помещениях стоял тяжелый воздух. Бараки не были обеспечены двойными рамами, не хватало умывальников. Не все рабочие имели верхнюю теплую одежду и обувь. Поступившие на Пайский механизированный лесопункт в конце июля – начале августа 1946 г. 544 спецпереселенца-«власовца» получили всего 100 пар ботинок, в результате некоторые рабочие ходили на работу в тапочках, галошах. Такое положение вызывало недовольство рабочих. Спецпереселенец И. Г. Хоменко, проживавший в пос. Мужало, заявил: «Если не будут улучшены материально-бытовые условия, то буду бежать, лучше буду сидеть в тюрьме»¹⁰.

В пос. Нюда не было рабочей столовой, ввиду этого рабочие получали пищу сухим пайком и должны были готовить себе еду после работы. В столовых поселков Пай и Мужало было холодно, отсутствовал свет, недоставало табуреток и скамеек, поэтому часть рабочих принимала пищу стоя. На кухнях столовых водилось много тараканов, которые попадали в пищу. Чтобы получить завтрак или ужин, людям приходилось стоять в очереди свыше 2 часов и при этом отдавать в залог за тарелку головной убор. Хлеб по карточкам выдавался в столовой один раз в сутки. Контроль за закладкой продуктов в котел не осуществлялся, тем самым не исключалась возможность хищения продуктов. Санитарный контроль за приготовлением пищи со стороны медицинского персонала отсутствовал, проба пищи бралась от случая к случаю. В результате в Прионежское РО МВД, местные органы власти от спецпоселенцев поступало много жалоб на питание. В пос. Мужало и Нюда почти не бывал медицинский персонал, и рабочие даже за получением первой медицинской помощи вынуждены были ездить за 10–15 км в другие населенные пункты.

На Кондопожском бумкомбинате вместо положенной нормы хлеба 700 гр. в день спецпоселенцы-«власовцы» нередко получали 200–500 гр., а в отдельные дни совсем не получали хлеба. Горячую пищу большинству рабочих выдавали только в обед, а ужина и завтрака они не имели. Зарботки спецпоселенцев были настолько низкими, что многие из них вынуждены были продавать не только личное, но и государственное имущество (простыни, одеяла, комбинезоны и т. д.). Работа пищеблока была организована неудовлетворительно, и рабочим приходилось стоять в очереди по 3–4 часа. На вопросы рабочих-спецпоселенцев: «Почему так плохо кормят?» директор комбината

---

¹⁰ НА РК, ф. Р-2716, оп. 17, д. 4/24, л. 80, 87–88.

отвечал: «Как работаете, так и кормить буду». Обозленные рабочие отвечали ему: «Как кормишь, так и работать будем»¹¹.

1062 «власовца», работавших на Кондопожском бумкомбинате, были размещены во вновь выстроенных бараках комнатной системы из расчета по 8 человек в комнате, и до 250 человек — в бывшем складском помещении комбината, совершенно непригодном для жилья в зимних условиях. Жилые помещения были оборудованы железными кроватями и частично — деревянными топчанами, большинство комнат не имело предметов домашнего обихода.

Неудовлетворительные материально-бытовые условия жизни спецпоселенцев являлись одной из основных причин частых побегов «власовцев» с места работы и поселения. Имели место кражи и грабежи местного населения, взломы квартир, похищение овощей с огородов. Как подчеркивалось в информации Кондопожского РО МВД в Отдел спецпоселений МВД республики, и ЦККП(б) КФСР (август 1946 г.), «места общественного питания и общежитие превращаются в рынки, места спекуляции. Такое положение может привести к массовым невыходам рабочих на работу»¹².

19–31 октября 1946 г. начальником 3-го отделения и старшим оперуполномоченным ОСП МВД СССР было произведено обследование жилищно-бытовых условий спецпоселенцев-«власовцев» в Карело-Финской ССР. Проверка показала, что на Сегежском бумкомбинате спецпоселенцы (692 человека) были размещены в восьми-квартирных деревянных домах комнатной системы со всеми удобствами (центральное отопление, электрическое освещение, водопровод, канализация). Для каждой семьи были предоставлены отдельные комнаты, а одиночки размещены по 5–7 человек в каждой комнате. Все спецпоселенцы обеспечены отдельными деревянными кроватями, постельными принадлежностями, обувью и одеждой.

На ряде предприятий лесной и бумажной промышленности по-прежнему отмечались серьезные недостатки в организации быта спецпоселенцев. На Вирандозерском лесопункте в 1946 г. 437 спецпоселенцев-«власовцев» были размещены крайне скученно, постельными принадлежностями полностью не обеспечены, нательное и постельное белье из-за отсутствия мыла не стиралось, и спецпоселенцы ходили грязными и завшивленными. В ряде лесопунктов мужчины

---

¹¹ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 34, л. 90–91.

¹² Там же, д. 34, л. 90–91.

и женщины были размещены вместе, в общих бараках. В пос. Валдай Сегежского района во многих общежитиях не было шкафов, тумбочек и кладовок. Люди хранили свои личные вещи, продукты питания под койками, на столах, на окнах. В отдельных общежитиях не имелось сушилок для просушки одежды после работы в лесу, бачков для кипяченой воды, ведер.

По результатам проведенной проверки был принят ряд мер. Пайскому мехлесопункту со склада техноснаба Южкареллеса было отпущено для 544 спецпереселенцев и 200 кадровых рабочих: матрацев бумажных 580 шт., наволочек бумажных 600 шт., сапог резиновых 7 пар, брюк и фуфаяк ватных 175 комплектов, сапог кирзовых и резиновых 17 пар, ботинок 41 пара, фуфаяк и брюк 29 комплектов, простыней 10 шт., наволочек 10 шт., матрацев 2 шт., валенок 3 пары; через Ладвинский ОРС: ботинок рабочих 303 пары, сапог кирзовых и резиновых 78 пар, валенок 490 пар, фуфаяк и ватных брюк 384 комплекта, шуб 35 шт., одеял 550 шт., простыней 550, рукавиц 600 пар, шапокушанок 490 шт., белья нательного 365 пар. По распоряжению зам. министра лесной промышленности КФССР Пайскому МЛП выделено через Ладвинский ОРС 70 пар валенок большого размера¹³. В пос. Пай были достроены баня и дезокамера.

Однако не все недостатки были ликвидированы. В течение зимы 1947 г. на Пайском и Пяжьевосельгском мехлесопунктах рабочие спецпоселенцы по месяцу и более не получали положенные по норме сахар, табак, спички и мыло, и часть спецпоселенцев, не имея надежд на отоваривание карточек, продали их. В первом полугодии 1947 г. из-за отсутствия обуви и одежды было совершено прогулов: по Пяжьевосельгскому ЛПТ – 49, Деревянскому ЛПТ – 76, Пайскому – 34, Падозерскому – 28. На Пайском МЛПТ с наступлением весны не имели кожаной обуви свыше 100 человек. На Сегежском бумкомбинате «власовцы в зимний период времени обувью и одеждой были обеспечены только на 50 %»¹⁴.

В районные отделения милиции продолжали поступать жалобы спецпоселенцев о плохих условиях жизни. В докладной записке министра внутренних дел республики в ОСП МВД СССР отмечалось, что на участке отдельного военно-строительного управления МВД ст. Тегозеро спецпереселенцы с 1 по 12 ноября 1946 г. совершенно не

---

¹³ НА РК, ф. Р-2716, оп. 17, д. 4/24, л. 81, 82.

¹⁴ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 30, л. 110, 111.

получали хлеба, который заменялся овсяной крупой. Как результат, участились случаи невыхода на работу, имелись случаи заболевания дистрофией. Из 396 человек 96 — дистрофики¹⁵.

При проверке в марте 1947 г. Тунгудским РО МВД жалобы спецпереселенцев, работавших на кирпичном заводе пос. Сосновец, было установлено, что помещение, где проживали спецпереселенцы, находилось в крайне антисанитарном состоянии: побелка его не производилась, полы не мылись, имевшиеся печи находились в неисправном состоянии и при топке их рабочие вынуждены были уходить из помещения; в общежитиях не имелось посуды для питьевой воды. Выданные спецпоселенцам бумажные матрацы изорвались, простыней и наволочек им совсем не выдавалось; вместо одеял половине спецпоселенцев были выданы куски грязного брезента, который можно было использовать только на половики, а остальные рабочие спали без одеял на голых нарах; спецодежды и обуви не выдавалось, вследствие чего имели место случаи невыхода на работу. Столовая с 26 февраля была закрыта из-за отсутствия продуктов, и рабочие питались одним хлебом¹⁶.

Снабжение спецпоселенцев продуктами питания производилось на общих основаниях с остальным населением, этот вопрос входил в компетенцию местных советских и хозяйственных организаций. Спецпоселенцы выражали недовольство тем, что в леспромхозах не выдают зарплату, что в магазинах дорогие продукты питания. В ларьках ОРСа отсутствовали макаронные и крупяные изделия, сахар, хозяйственное мыло. Промышленными товарами «власовцы» снабжались согласно существовавшему законоположению, т. е. каждый из них имел возможность на сумму из 10 % своего заработка ежемесячно получать нужные промтовары¹⁷.

Зарплата, как правило, выдавалась несвоевременно и мелкими авансами — от 3 до 50 руб. В поселке совхоза «Восход» не было организовано общественное питание, в течение трех месяцев не производилась выплата зарплаты. Спецпоселенцы питались одними овощами, которые получали со склада совхоза в кредит¹⁸. В совхозе «Прибой» Питкярантского района зарплата задерживалась до 2-х месяцев, в

---

¹⁵ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 30, л. 85.

¹⁶ Там же, оп. 8, д. 7, л. 231.

¹⁷ Там же, оп. 12, д. 30, л. 112.

¹⁸ Там же, д. 64, л. 52.

силу чего люди не имели возможности купить продукты питания. По этой же причине на лесоучастке Ворожгора Сегежского района в феврале 1949 г. отказались выйти на работу 20 человек¹⁹.

При проверке состояния трудоустройства и жилищно-бытовых условий «указников», проведенной в 1949 г. органами МВД совместно с представителями Министерства лесной промышленности КФСР, был выявлен такой факт: семья спецпоселенца Данилы Крыса (Валдайский лесопункт), состоявшая из 4-х взрослых и 4-х малолетних детей, в течение 5 дней питалась только ягодами и грибами, не имея возможности покупать даже хлеб, в то время, когда Крысу причиталось получить зарплату в сумме 790 руб. за июль 1949 г.²⁰

В приказе министра лесной и бумажной промышленности СССР Г. М. Орлова от 1 марта 1949 г. отмечалось, что «отдельные руководители трестов и предприятий безответственно относятся к трудовому устройству спецпереселенцев и созданию для них нормальных жилищно-бытовых условий (тресты «Комипермлес», «Мотлотовбумлес», «Уралзападлес»)». Управляющие трестами и директора предприятий до сих пор не уяснили, что спецпереселенцы являются такими же рабочими, как и основной постоянный кадр, не проявляют должной заботы о бытовом и производственном устройстве спецпереселенцев и не привлекают виновных лиц в бездушном отношении к ним к строгой ответственности»²¹.

Следует отметить, что подобные недостатки в материально-бытовом устройстве были характерны не только для спецпоселенцев, но и для постоянных кадров, а также прибывших в республику по организованному набору и промышленному переселению рабочих. Это объяснялось как объективными, так и субъективными причинами. Среди них: отсутствие финансирования из центра на строительство жилья и решение хозяйственных проблем спецпереселенцев; отсутствие свободного жилищного фонда и невысокое качество имевшегося жилья; нищета карельских колхозов и неблагоприятные условия для ведения личного хозяйства (зона рискованного земледелия). К тому же огромные расходы, связанные с перевозкой спецпоселенцев, затраты на их содержание и обустройство легли на местное руководство, не обладавшее свободными материальными и финансовыми средствами.

---

¹⁹ АМВД РК, ф. 3, оп. 14, д. 8, л. 24.

²⁰ Там же, оп. 12, д. 76, л. 225.

²¹ НА РК, ф. Р-2716, оп. 17, д. 4/25, л. 67–70

Поэтому переселенцам приходилось полагаться в основном только на свои собственные силы и возможности. Говоря об условиях труда и быта, «власовец» Аксенов, работавший на строительстве одного из домов в Петрозаводске, отметил: «На спецпоселении нам живется плохо, чувствуешь, что сам себе не хозяин, куда хотят, туда и посылают, с нами не считаются, заработок низкий»²².

Послевоенные трудности в обеспечении продовольствием вынуждали правительство республики искать пути решения этой проблемы. Одним из них стало широкое развитие индивидуального и коллективного огородничества. Уже к маю 1945 г. в столице республики были организованы 181 коллективный огород и 2143 индивидуальных огорода, которым отвели 158 га земли на территории города и 40 га – за городом²³. К середине июня 1945 г. число личных огородов горожан увеличилось в 2,5 раза, а общая численность огородников превысила 12,5 тыс.²⁴

Развитие индивидуального и коллективного огородничества всемерно поощрялось и среди спецпоселенцев. Более того, оно выдвигалось как одна из первоочередных задач партийных и советских организаций. 13 февраля 1946 г. в адрес местных органов власти и МВД республики поступила директива народного комиссара внутренних дел СССР об обеспечении спецпоселенцев, расселенных на территории КФССР, земельными участками под индивидуальные и коллективные огороды и обеспечении их необходимым количеством семян. На местах была проведена соответствующая работа, и к началу апреля 1946 г. подавляющее большинство из числа расселенных 1738 семей (3321 человек) «бывших кулаков» в основном обеспечены земельными участками под индивидуальные огороды из расчета от 0,07 до 0,15 га и семенами для посева этих участков. Спецпоселенцев, не имевших земельных участков под огороды, осталось незначительное количество²⁵.

С прибытием на спецпоселение «власовцев» также встал вопрос о наделении их земельными участками и выделении семян для засева индивидуальных и коллективных огородов. В директиве министра внутренних дел КФССР Серебрякова начальнику Медвежьегорского РО МВД о развитии огородничества среди спецпоселенцев от 30 декабря

---

²² АМВД РК, ф. 3, оп. 20, д. 1, л. 54.

²³ Там же, оп. 24, д. 63, л. 91–92.

²⁴ Ленинское знамя. 1945. 22 июня.

²⁵ АМВД РК, ф. 3, оп. 9, д. 2, л. 20.

1946 г. предлагалось: «...2. Провести среди спецпоселенцев разъяснительную работу о необходимости посадки картофеля и других культур на выделенных им приусадебных участках и огородах. 3. Через партийно-советские органы обязать хозяйственные организации оказать спецпоселенцам необходимую помощь в своевременном засеве огородов, уходе за посевами, сборе и сохранности урожая. Для проведения этой работы необходимо привлечь через партийные и советские организации актив колхозов, совхозов и промпредприятий...»²⁶.

В худших условиях оказались прибывшие в республику в апреле 1948 г. спецпоселенцы-«указники», которые проживали на лесозаготовительных участках Сегежского, Ружозерского, Тунгудского и Лоухского районов в недостаточно подготовленных для жилья квартирах и общежитиях и не были обеспечены необходимым хозяйственным инвентарем. Более 600 спецпоселенцев-«указников», работавших в Чупинском, Ружозерском и Верхне-Выгском леспромхозах, не имели возможности обзавестись приусадебными участками, огородами и скотом, т. к. местность вокруг населенных пунктов представляла собой сплошные болота и камни²⁷. «Указники», работавшие в системе Министерства совхозов и Министерства промышленности строительных материалов, имели больше возможностей в обзаведении приусадебными участками, огородами и скотом, однако жилищные условия у многих из них были неудовлетворительными.

Так, 188 спецпереселенцев-«указников», занятых в совхозах «Прибой», «Прилив» и «Восход», были размещены в помещениях, непригодных для жилья в зимних условиях. Отопительные приборы оказались неисправными, отсутствовали умывальники, ведра для воды, пилы и топоры для заготовки дров, не было топчанов или коек и людям пришлось спать на полу. 30 % спецпоселенцев не имели верхней одежды и обуви, а приобрести ее на месте не было возможности. В результате из 203 спецпоселенцев трех совхозов сбежало 10 человек²⁸.

На большинстве лесозаготовительных участков не было организовано общественное питание, имели место перебои в снабжении хлебом. На участке Валдай, 116-й квартал и в пос. Петровский Ям отсутствовало медицинское обслуживание спецпоселенцев, в результате чего нуждающимся в медпомощи приходилось выезжать

---

²⁶ АМВД РК, ф. 3, оп. 8, д. 1, л. 27.

²⁷ Там же, оп. 12, д. 68, л. 279, 302.

²⁸ КГАНИ, ф. 8, оп. 19, д. 223, л. 68–69.

за 100 км в Сегежу и тратить на дорогу 50–60 руб.²⁹ В связи с этим в отчетах комендантов приводились следующие высказывания спецпоселенцев-«указников»:

«Вот больные спецпоселенцы прошли медкомиссию, а результатов она не дала в нашу пользу, сейчас надеяться не на что и нужно отсюда бежать»; «Жить здесь трудно, работа тяжелая, вот как получим зарплату, если ее дадут, то денег на дорогу хватит и будем отсюда бежать, лучше попасть в тюрьму, чем оставаться здесь».³⁰

23 августа 1948 г. вышел приказ министра лесной промышленности КФССР «О мероприятиях по закреплению на производстве рабочих-спецпоселенцев на лесозаготовительных предприятиях треста «Сегежбумлес» и треста «Севкареллес», в котором отмечались факты бездушного отношения к приему, размещению и производственному обучению рабочих со стороны управляющих трестами и директоров предприятий: отсутствие во многих общежитиях необходимого инвентаря, постельных принадлежностей, неподготовленность жилых помещений к зиме, систематическая задолженность по зарплате рабочим, неудовлетворительное медицинское и культурное обслуживание и т. д. В приказе подчеркивалось: «Закрепление на лесозаготовительных предприятиях рабочих, в данном случае – спецпоселенцев – имеет исключительно важное значение. Исходя из этого категорически требую от управляющих трестами и директоров предприятий коренным образом изменить отношение к этим рабочим и создать для них надлежащие бытовые и производственные условия»³¹.

Несмотря на эти указания, на местах имели место случаи незаконных действий по отношению к спецпоселенцам. Так, во время проверки спецкомендатуры № 1 Лоухского РО МВД в июне 1950 г. был выявлен факт незаконного выселения из квартиры в пос. Энгозеро спецпоселенца П. и его жены, не состоявшей на учете спецпоселения и работавшей вместе с мужем на одном производстве. Несмотря на наличие у них ордера на квартиру, комендант применил принудительное выселение из квартиры и арестовал П. с санкции начальника РО МВД в административном порядке на 5 суток. За противоправные действия комендант спецкомендатуры был понижен в должности³².

---

²⁹ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 54, л. 75.

³⁰ Там же, л. 79.

³¹ НА РК, ф. Р-2716, оп. 17, д. 4/25, л. 34–38.

³² АМВД РК, ф. 68, оп. 2, д. 221, л. 34.

По мнению историков, изучавших историю спецпоселений, период адаптации у депортированных составлял в среднем около 5 лет. За это время люди привыкали к климату, новому социуму, постепенно приобретали профессиональные навыки, необходимые для выживания в местах ссылки³³.

В начале 1950-х гг. материально-бытовые условия спецпоселенцев начали понемногу улучшаться. Большинство из них были обеспечены жильем и необходимым хозяйственным инвентарем. В г. Кондопоге, где содержалось 907 спецпоселенцев, имели приусадебные участки 267 человек, крупный рогатый скот – 13, мелкий скот – 110, жили в собственных домах – 22 человека. Обзаведение личным хозяйством было отмечено среди спецпоселенцев-«власовцев» в Беломорском, Сегежском, Пудожском и Прионежском районах³⁴. Всего по республике в январе 1950 г. было учтено спецпоселенцев-«власовцев», имевших собственные дома – 99 человек, огороды – 774 человека, крупный рогатый скот – 65 человек, мелкий скот (овец, коз, свиней) – 442 человека. Из числа спецпоселенцев-«указников» имели собственные дома 8 человек, приусадебные участки и огороды – 158 человек, приобрели крупный рогатый скот (коров) – 14 человек, мелкий скот (овцы, козы, свиньи) – 109 человек³⁵. На 31 декабря 1950 г. приусадебные участки и огороды имели уже 1580 спецпоселенцев, крупный рогатый скот – 117, мелкий – 1059 человек³⁶. На большинстве лесных участков имелись столовые, магазины, ларьки, медицинские пункты, бани и т. д.

Многие из спецпоселенцев обзавелись в республике семьями. На 31 марта 1950 г. было учтено 2430 семейных спецпоселенцев, из них до 80 %, в подавляющем большинстве – «власовцы», приобрели семьи на месте спецпоселения в КФССР³⁷. Часть спецпоселенцев высказывала желание остаться жить в Карелии. Так, «указник» Куценко говорил, что «здесь ему живется лучше, чем на Украине, и он доволен, что его выслали. Если бы его отпустили в отпуск, чтобы разделиться дома с хозяйством, то он бы в Карелии остался пожизненно». «Указница» Якушенко подчеркивала, что «ей здесь хорошо, только

---

³³ Зберовская Е. Л. Массовые репрессии 1930 – начала 1950-х гг. в Красноярском крае // Электронный ресурс: <http://www.mira1.ru/doc.php?id=990>

³⁴ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 68, л. 302.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, оп. 18, д. 1, л. 31.

³⁷ Там же, оп. 12, д. 101, л. 20–21.

одна беда – не выдают нормальную зарплату. Если бы, мол, меня освободили, я бы выехала в г. Петрозаводск и устроилась на работу там». Спецпоселенка Шеповалова говорила, что «ей здесь жить лучше, что она здесь вдоволь кушает, а дома того она не ела»³⁸. В заявлении спецпоселенца В. П. Грешило (февраль 1954 г.) содержалась просьба о разрешении выезда во время отпуска на родину, в с. Антоновка Ямпольского района Сумской области, для продажи дома и другого хозяйства, т. к. он решил остаться жить в Карелии, где обзавелся семьей и подсобным хозяйством. Выезд был разрешен МВД КФСР³⁹.

Дети спецпоселенцев наравне с детьми местных жителей учились в школе. По данным учета, в январе 1950 г. из общего числа детей спецпоселенцев – «указников» и «власовцев» (340 человек) не посещали школу только 12 человек в возрасте 14–15 лет (3,5 %), из них 1 – по болезни, 1 – молдаванин, не знающий русского языка, 1 – по нежеланию учиться, остальные 9 работали на производстве⁴⁰. В это же время по всей территории расселения спецпоселенцев в СССР было учтено 91 943 детей школьного возраста, не охваченных обязательным обучением (20 % к числу всех детей школьного возраста), из них детей спецпоселенцев – 30 289, детей народностей, выселенных из Северного Кавказа – 33 702, детей, выселенных из западных областей Украины «оуновцев» и бандпособников – 4761 и др. Такое количество детей, не посещавших начальных школ, объяснялось отсутствием зимней одежды и обуви, тяжелым материальным положением родителей, отсутствием школ в ряде мест расселения или отдаленностью школ от мест проживания⁴¹.

Хотя в начале 1950-х гг. в условиях жизни спецпоселенцев произошли некоторые позитивные изменения, оставались актуальными проблемы дефицита жилья, питания, промтоварного обеспечения, доступности образовательных и медицинских услуг.

Так, реализация права на охрану здоровья спецпоселенцев была ограничена возможностью добраться до нужных лечебных учреждений. В имевшихся больницах не было изоляторов для инфекционных больных, ощущался недостаток в медикаментах и перевязочном материале.

---

³⁸ АМВД РК, ф. 3, оп. 17, д. 2, л. 229–230.

³⁹ Там же, оп. 29, д. 6, л. 197.

⁴⁰ Там же, оп. 12, д. 98, л. 17.

⁴¹ 40–50-е годы: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД–МВД СССР) / Сост. Н. Ф. Бугай // История СССР. 1992. № 1. С. 141.

На многих лесоучастках не были организованы медпункты, не имелось аптек. Рабочие Валдайского лесопункта, к примеру, в случае заболевания вынуждены были идти в пос. Валдай, находившийся почти в 18 км от лесопункта.

В практике районных отделов социального обеспечения имели место случаи отказа в направлении спецпереселенцев на ВТЭК. Так, в директиве зам. наркома социального обеспечения КФСР заведующему Беломорским горсобесом, а также районным и городским собесам и начальнику ОТСП НКВД говорилось: «Согласно имеющимся у нас данным, Вы продолжаете отказывать в направлении на ВТЭК всех трудпоселенцев, несмотря на то, что они работают в наших советских предприятиях и учреждениях. Наркомат социального обеспечения вторично разъясняет Вам, что все трудпереселенцы, работающие на наших советских предприятиях и учреждениях, пользующиеся всеми видами обслуживания наравне с другими рабочими и служащими, имеют также право и пользоваться ВТЭКом и всеми видами гособеспечения. Примите к немедленному исполнению. Зам. наркома социального обеспечения КФСР Карпова»⁴².

В начале 1945 г. были ужесточены меры против спецпоселенцев, которые, ссылаясь на болезнь, не выходили на работу. В случае отсутствия справок от врача к ним применялись меры административного воздействия. По указанию Отделения спецпоселений СССР и КФСР, спецпоселенцев – инвалидов, совершенно не способных работать, через райсобес определяли в инвалидный дом или передавали их на иждивение родственникам, если последние проживали в нерезимной местности⁴³.

Голод в стране в 1946–1947 гг., послевоенные трудности в обеспечении продуктами питания привели к тому, что усилилась заболеваемость дистрофией, в том числе и среди спецпоселенцев. Как свидетельствуют данные о физическом состоянии «власовцев», работавших на предприятиях лесной и целлюлозно-бумажной промышленности, значительную долю среди них составляли дистрофики:

Справка о физическом состоянии и смертности спецпоселенцев «власовцев», работавших на предприятиях лесной и целлюлозно-бумажной промышленности по состоянию на 1 марта 1947 г.⁴⁴

---

⁴² АМВД РК, ф. 3, оп. 4-а, д. 30, л. 54.

⁴³ Там же, оп. 8, д. 9, л. 81–82.

⁴⁴ Там же, оп. 12, д. 34, л. 164–165.

Наименование предприятий	Всего спецпоселенцев	Из них инвалидов и больных дистрофией				Умерло с момента расселения
		инвалиды 2-й группы	инвалиды 3-й группы	дистрофики	всего больных инвалидов	
Сеgezский бумкомбинат	90	—	—	67	67	12
Кондопожский бумкомбинат	1110	5	25	58	88	24
Итого	1200	5	25	125	155	36
Предприятия Министерства лесной промышленности	2833	27	84	83	194	43

В августе 1947 г. управляющий Лесстройтрестом обратился в Минлеспром и МВД КФСР с просьбой об отправке хронически больных трудпоселенцев или выделении им фондов на питание, объясняя свою просьбу тем, что на ряде строительных участков Лесстройтреста: Деревянском, Пяжьевосельгском, Пайском, Вирандозерском и Маленгском имелось большое количество трудпоселенцев, не выходявших на работу по причине хронических заболеваний, причем некоторые из них не работали в течение нескольких месяцев. Лесстройтрест вынужден был расходовать на них лимит на продукты питания. «Прошу принять меры к отправке этих людей с указанных участков или выделить дополнительные фонды на их питание, — говорилось в письме, — ибо Лесстройтрест таких фондов не имеет и может обеспечивать только работающих людей, дающих продукцию, и что, в свою очередь, действует разлагающе на остальную массу рабочих»⁴⁵.

Особенно много нетрудоспособных спецпоселенцев оказалось среди «указников». Подобный факт объяснялся тем, что во время развернувшейся в 1948 г. кампании по выселению из колхозов страны лиц, не выработавших минимума трудодней, под эту категорию, в первую очередь, попали больные, инвалиды, многодетные матери. К декабрю 1948 г. 228 «указников» — инвалидов 3-й группы и лиц с физическими недостатками, не способных работать в лесной промышленности, были расселены в совхозы Питкярантского, Олонец-

⁴⁵ НА РК, ф. Р-2716, оп. 17, д 4/28, л. 127.

кого и Пудожского районов. 7 «указников» и 35 «власовцев» были определены в дома инвалидов Пряжинского и Пудожского районов⁴⁶.

Летом 1950 г. Министерством социального обеспечения КФСР в Сортавальском районе, на острове Валаам, был организован республиканский дом инвалидов, в который наряду с вольными гражданами завезены 60 спецпоселенцев из других ликвидированных инвалидных домов⁴⁷.

В связи с тем, что в отдельных районах отсутствовали надлежащие лечебные медицинские учреждения и кабинеты (хирургия, тубдиспансер, рентген и т. д.), заболевшие спецпоселенцы направлялись для лечения в г. Петрозаводск в сопровождении надзирателей, которым выписывались командировочные. Однако вследствие того, что районные отделения МГБ получали на расходы по командировкам небольшие суммы, начальники горрайорганов МГБ вынуждены были придерживать направление больных спецпоселенцев в Петрозаводск или просили разрешить их отправку на лечение без сопровождающего, что применялось редко из-за опасности побегов. Имели место и случаи прямого самоуправства со стороны администрации предприятий. Так, начальник лесоучастка Амбарная Чупинского леспромхоза в июне 1949 г. вытолкнул из лодки направлявшуюся в больницу спецпоселенку М., при этом заявив ей: «Подохни тут». Начальник лесоучастка был снят с работы⁴⁸.

Трудности с получением квалифицированной медицинской помощи являлись одной из причин высокой смертности среди «власовцев». С момента расселения до 1 октября 1948 г. умерло 517 «власовцев»⁴⁹.

С 1949 г., после ужесточения режима спецпоселения, резко сократились возможности выезда спецпоселенцев на лечение за пределы района расселения. Несмотря на то, что во многих населенных пунктах, где проживали спецпоселенцы, не было условий для оказания квалифицированной медицинской помощи и специалистов-врачей определенного профиля, направление спецпоселенцев на лечение без разрешения МВД республики категорически запрещалось. 2 марта 1950 г. начальникам РО МВД была направлена директива министра внутренних дел КФСР, в которой говорилось: «За последнее время ...участи-

---

⁴⁶ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 61, л. 75.

⁴⁷ Там же, д. 121, л. 45–46.

⁴⁸ Там же, д. 76, л. 225.

⁴⁹ Там же, д. 94, л. 8.

лись случаи направления из районов в г. Петрозаводск без разрешения МВД республики спецпоселенцев в лечебные учреждения и на консультации к врачам-специалистам. Еще раз предлагаю: прекратить направление в г. Петрозаводск и другие города республики спецпоселенцев на лечение без официального на то разрешения МВД КФССР. Разрешаю направлять с последующей письменной санкцией только тех спецпоселенцев, которым требуется неотложная медицинская помощь в экстренных случаях... Предупреждаю, что впредь (в случае) направления спецпоселенцев в г. Петрозаводск без разрешения МВД республики на виновных лиц буду налагать взыскания»⁵⁰.

Одним из важных направлений работы РО НКВД и спецкомендатур являлся контроль за политическими настроениями спецпоселенцев. До 1944 г. эта работа проводилась по линии НКГБ, а поселковые комендатуры и Отделение спецпоселений НКВД КФССР осуществляли лишь организационные административные функции. 27 февраля 1944 г. была введена в действие «Инструкция об агентурно-оперативной работе среди спецпоселенцев, обслуживаемых ОСП», возложившая на спецкомендатуры задачи по предупреждению побегов, выявлению антисоветских и уголовных элементов, изучению настроений спецпоселенцев⁵¹.

В донесениях комендантов спецкомендатур в Отделение спецпоселений НКВД республики в 1944–1945 гг. отмечалось:

«Политико-моральное состояние и настроения спецпоселенцев в основном следует считать удовлетворительными. Абсолютное большинство их выслано в КФССР в 1932–1933 гг. С условиями жизни и работы на севере свыклись, с самим фактом высылки также примирились и настроений к побегам или выезду обратно не высказывают за исключением отдельных случаев, когда некоторые поселенцы, уроженцы южных районов СССР, в частности, с Украины, в связи с успешным продвижением частей Красной Армии по Украине высказывают пожелание и подают заявления с просьбой возвратить их на родину с тем, чтобы вместе со всем народом принять участие в восстановлении разрушенного немецкими оккупантами хозяйства... Имеют место факты, когда спецпоселенцы, молодежь, имея право на освобождение по возрасту (к моменту высылки не было 16 лет), отказываются

---

⁵⁰ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 99, л. 8.

⁵¹ Белковец Л. Спецпоселение немцев в Западной Сибири (1941–1955 гг.). Электронный ресурс: <http://www.memo.ru/history/nem/index.htm>

подавать заявления об освобождении в целях того, чтобы уклониться от призыва в Красную Армию, женщины — с тем, чтобы избежать направления на оборонные работы, лесозаготовки и т. д.»;⁵²

«Плохих отзывов со стороны администрации как по работе, так и в других отношениях на спецпереселенцев в основном не имеется... Многие спецпереселенцы стремятся выехать на старые места ссылки, как в пос. Повенец, Пиндуши. Медгору. Наряду с этим имеются спецпереселенцы, которые стремятся получить документы и выехать домой, т. е. откуда они высланы. Имеются разговоры: «Неужели мы будем все время спецпереселенцами и все время придется жить в Карелии»⁵³;

«Политико-моральное состояние спецпереселенцев 50 % можно считать неплохое, остальные имеют недовольство, что они находятся в ссылке, что им здесь плохо, стремятся выехать на родину, но явных недовольств не высказывают».

В докладной записке коменданта Беломорской спецкомендатуры в ОСП НКВД КФССР от 1 июля 1944 г. говорилось: «За период 3-х месяцев работы я не слышал враждебных высказываний против мероприятий советской власти со стороны спецпереселенцев»⁵⁴.

В то же время для многих спецпереселенцев была характерна утрата перспективы, безразличие и усталость. Сохранение спецпоселений после победы СССР в войне вызвало разочарование в несбывшихся надеждах людей на освобождение, прямое недовольство советской властью. В докладной записке начальника Прионежского РО МВД начальнику ОСП МВД КФССР 5 апреля 1946 г. отмечалось: «Прионежский район был оккупирован в 1941 г. Политической активности среди поселенцев не отмечается, наоборот, из среды спецпереселенцев, находившихся в оккупации, многие проявляют антисоветские настроения»⁵⁵. Большинство спецпереселенцев, проживавших в Петрозаводске и в Прионежском районе, являлись активными посетителями церкви⁵⁶.

Недовольство спецпоселенцев своим положением проявлялось в следующих высказываниях:

---

⁵² АМВД РК, ф. 3, оп. 4-а, д. 5, л. 15.

⁵³ Там же, л. 94 об.

⁵⁴ Там же, л. 100.

⁵⁵ Там же, оп. 7, д. 11, л. 8.

⁵⁶ Там же, оп. 9, д. 4, л. 13.

«Немецких солдат домой отпускать скоро будут, а нас, спецпереселенцев, никуда не пускают, надоела такая жизнь, сам себе не хозяин, не живешь, а мучаешься. Вот в других государствах народ живет, всего у них достаточно, а у нас только работать заставляют и хлеба не дают»;

«Спецпереселенцы, якобы, пользуются всеми правами граждан СССР, а на самом деле живут хуже, чем заключенные. Заключенные хоть знают свой срок наказания, а мы не знаем и не дают нам права выезда даже в отпуск...»;

«Тяжелая жизнь, живем как невольники, лишены всяких прав. Жаль и детей, которые содержатся и воспитываются в детских садах и яслях, так что они ничего хорошего не видят. И после всего этого говорят о счастливой жизни в стране»;

«Раньше тоже высылали людей, они, как и в настоящее время были рабы, которые веками работали. Мы тоже находимся на положении рабов. Но в то время там рабам было лучше бежать, ибо искали их слабо».

Одна из спецпоселенок, высказывая недовольство проводимым праздником – Днем 8 Марта, 22 февраля 1946 г. заявила: «Советская власть освободила женщину от печки и прикрепила ее к пиле и топору, мучают бедных женщин на лесозаготовках и кричат, что дано право и свобода»⁵⁷.

Надежды на начало новой войны как средства избавления от спецпоселения занимают важное место среди высказываний спецпоселенцев:

«Война закончилась, но нам от этого не легче и хорошего ждать нечего. Вот будет скоро вторая война и по окончании этой войны Советской власти не будет, тогда нас, спецпереселенцев из поселения освободят и жить будем тогда хорошо...»;

«За что было воевать и бить немцев, если мы после войны попали в Карелию, мучиться в этих болотах. Скорее бы дождаться войны, а там знали бы как защищать советскую власть. Если войны не будет, то трудно будет нам, спецпоселенцам»⁵⁸.

Аналогичные высказывания звучат и спустя 4 года после окончания Великой Отечественной войны. В отчетном докладе МГБ КФССР о работе по спецпоселенцам и выселенцам за 4-й квартал 1950 г. отмечалось, что «за три месяца истекшего квартала пятью РО МГБ получено 155 донесений об антисоветских настроениях спецпо-

---

⁵⁷ АМВД РК, ф. 3, оп. 20, д. 1, л. 8.

⁵⁸ Там же, оп. 12, д. 68, л. 285.

селенцев-«власовцев». Антисоветские высказывания сводятся в основном к распространению вымышленных слухов о неминуемой войне СССР с Америкой и неизбежном поражении в этой войне СССР. Отмечены факты высказываний намерений перехода на сторону американцев в случае войны СССР с Америкой. Отдельными спецпоселенцами распространяются клеветнические измышления по адресу руководителей партии и Советского правительства...»⁵⁹.

Подобные настроения могли служить основанием для привлечения спецпереселенцев к уголовной ответственности. С августа 1944 г. по 1 января 1946 г. по «политическим мотивам» было арестовано 24 «бывших кулака», из них «за антисоветскую агитацию — 8, измену и предательство — 4, пособничество финским оккупантам — 10, шпионаж — 1, контрреволюционный саботаж — 1»⁶⁰. Недовольство существовавшим положением вызывало побег, различные нарушения законности со стороны спецпоселенцев. Наиболее часто их допускали «власовцы». Так, за второе полугодие 1946 г. за хулиганство и кражу были осуждены 53 «власовца»⁶¹.

Таким образом, в послевоенные годы сохранилось потребительское отношение к спецпереселенцам со стороны местных органов власти, руководителей хозяйственных организаций и предприятий. Серьезные недостатки в материально-бытовом устройстве спецпереселенцев, оплате их труда, организации торговли и медицинского обслуживания вызывали недовольство людей, выражавшееся в основном в антисоветских высказываниях и в побегах с мест поселения.

В начале 1950-х гг. материально-бытовые условия спецпоселенцев начали понемногу улучшаться. Большинство из них были обеспечены жильем и необходимым хозяйственным инвентарем, многие обзавелись семьями, личным хозяйством. Однако отсутствие свободы передвижения спецпереселенцев препятствовало реализации их прав в области образовательных и медицинских услуг, сохраняли свою актуальность проблемы дефицита жилья, питания, промтоварного обеспечения и др.

---

⁵⁹ АМВД РК, ф. 3, оп. 18, д. 1, л. 25.

⁶⁰ Там же, оп. 9, д. 3, л. 7.

⁶¹ Там же, д. 2, л. 74.

Глава 6

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ РЕЖИМА СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ И ПОСТЕПЕННАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

На протяжении военного и послевоенного периода происходило освобождение отдельных категорий спецпоселенцев. Сокращение их числа началось с контингента «бывшие кулаки» еще в предвоенный период. В разъяснении ОСП НКВД СССР начальнику отдела спецпоселений НКВД КФССР о порядке освобождения из спецпоселения спецпереселенцев – «бывших кулаков» от 14 августа 1944 г. подробно перечислялись лица данной категории, подлежащие освобождению:

«В связи с поступающими с мест вопросами о порядке освобождения из спецпоселения спецпереселенцев – бывших кулаков, – разъясняем:

Из числа спецпереселенцев – бывших кулаков, за исключением относящихся к национальностям воюющих с СССР государств (немцы, финны, румыны и др.) из спецпоселений освобождаются:

1. На основании циркуляра НКВД СССР № 138 от 19 июня 1941 г. – дети, достигшие 16-летнего возраста;
2. На основании приказа НКВД СССР № 002303 от 22 октября 1942 г. – находящиеся на службе в Красной Армии, их жены, дети;
3. На основании циркуляра НКВД СССР № 83 от 11 сентября 1936 г. – лица, высланные на спецпоселение на срок, после отбытия этого срока, если они по социальному прохождению происходят из трудящихся и их семьи не высланы в спецпоселки;
4. На основании приказа НКВД СССР № 0041 от 9 января 1941 г. – находящиеся в бегах, если прошли сроки давности, установленные для привлечения их к уголовной ответственности за побег или для водворения обратно на спецпоселение находящейся в бегах женщины, если она после побега из спецпоселения вышла замуж за лиц, не являющихся спецпереселенцами и занимающихся общественно полезным трудом;
5. В соответствии с приказом НКВД и Прокуратуры СССР № 00732/Пр/47 с от 5 июня 1941 г. в порядке исключения также могут освобождаться при отсутствии на них компрометирующих материалов:
  - а) награжденные правительственными наградами;
  - б) родители, имеющие детей, служащих в Красной Армии или инвалидов Отечественной войны;

- в) женщины, вышедшие замуж за лиц, не являющихся спецпереселенцами и занимающихся общественно полезным трудом;
- г) инвалиды и престарелые, не способные к труду и нуждающиеся в посторонней помощи, при отсутствии в спецпоселении родственников, которые могли бы взять их на свое иждивение.

Дела, оформляемые на освобождение спецпереселенцев, бывших кулаков, указанных в пунктах 4, 5-а, 5-б и 5-в настоящего разъяснения, представляются на рассмотрение Особого Совещания НКВД СССР; дела на освобождение спецпереселенцев, бывших кулаков, указанных в пунктах 1, 2, 3 и 5-г настоящего разъяснения, на рассмотрение Особого Совещания НКВД СССР не представляются и рассматриваются РКВД/УНКВД на месте в установленном порядке.

3. В делах на освобождение спецпереселенцев — бывших кулаков — должны быть следующие документы: основание к содержанию в спецпоселении; ходатайство об освобождении; документы, являющиеся основанием к освобождению (справка о награждении правительственной наградой, справка военкомата или воинской части о службе детей в Красной Армии, выписка органов ЗАГС о браке, справка врачебной комиссии об инвалидности); справки органов НКВД/НКГБ об отсутствии компрометирующих материалов; характеристика спецкомендатуры НКВД и постановление НКВД/УНКВД об освобождении.

В постановлении об освобождении должно быть указано, в каком составе была выселена семья этого спецпереселенца — бывшего кулака — и где находятся в данное время все члены его семьи.

Настоящее разъяснение и все перечисленные в нем директивы НКВД СССР относятся только к спецпереселенцам — бывшим кулакам и на других спецпереселенцев (ссылно-поселенцев из Молдавской и прибалтийских ССР, немцев, калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и переселенных из Крыма) — не распространяются»¹.

На основании директивы НКВД СССР от 25 мая 1944 г. с учета спецпоселений снимались дети спецпереселенцев «бывших кулаков» (за исключением относящихся к национальностям воюющих с СССР государств (немцы и др.), направленные в школы ФЗО и

---

¹ АМВД РК, ф. 3, оп. 4-а, д. 30, л. 17—17 об.

ремесленные училища. После окончания обучения они могли направляться для работы в любую часть Советского Союза².

С учетом перечисленных директив и постановлений НКВД СССР в военные и послевоенные годы проводилось освобождение определенных категорий спецпереселенцев — «бывших кулаков». Только со второго полугодия 1944 г. до конца 1946 г. в республике был освобожден и снят с учета спецпоселения 901 человек³. Так, на основании приказа НКВД СССР от 22 октября 1942 г. были освобождены вместе с женами и детьми 146 спецпереселенцев, призванных в армию в годы Великой Отечественной войны. Им выдали паспорта без внесения паспортных ограничений. Некоторые из освобожденных спецпереселенцев выехали на родину.

От спецпереселенцев, членов семей военнослужащих (родителей, сестер, братьев и т. д.), которые не попадали под действие приказа НКВД СССР от 22 октября 1942 г. (о снятии с учета трудссылки жен и детей спецпереселенцев, призванных в период Великой Отечественной войны в Красную Армию), поступала масса заявлений в адрес Советского правительства, Верховных Советов, НКВД СССР и НКВД КФССР об освобождении и снятии их с учета спецссылки. В связи с этим 28 июля 1944 г. начальником ОСП НКВД КФССР капитаном Добрыниным была направлена директива начальникам ряда РО НКВД о порядке рассмотрения заявлений спецпереселенцев об освобождении, где указывалось на необходимость объявить всем спецпереселенцам при очередной регистрации, что все заявления они должны подавать только в комендатуру при РО НКВД и что заявления, высланные непосредственно в Верховные Советы, СНК, прокуратуры, НКВД СССР и КФССР не рассматриваются и будут отправлены обратно⁴.

Как правило, на просьбы об освобождении в случаях, не предусмотренных директивами НКВД, заявители получали отказ. Вот лишь один характерный пример. В октябре 1944 г. в отдел трудпоселений НКВД КФССР поступило следующее заявление трудпоселенца А. Н. Васильева, надзорщика шлюза № 14 Сосновецкого мехучастка: «В настоящем прошу разобрать мою просьбу и снять с меня трудпосе-

---

² Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930—1954) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 133; АМВД РК, ф. 3, оп. 4-а, д. 30, л. 69.

³ Подсчитано по: АМВД РК, ф. 3, оп. 5, д. 7, л. 54—55, 61—62; оп. 9, д. 6, л. 4—5, 33, 49—50, 64—65; д. 12, л. 8—9, 12, 38—38 об., 60—60 об, 66.

⁴ Там же, ф. 3, оп. 4-а, д. 4, л. 94—95.

ление, зачислить меня в вольные и выдать мне документы на право выезда из Карело-Финской ССР. В Карело-Финскую ССР я попал в 1933 г. по переселению. Сам я родился в Челябинской области, Колхозный район, Масловский сельсовет, дер. Верхняя Устелапов. Мне в то время было всего 16 лет. Под высылку я попал с отцом. До переселения я дома с родителями не жил с 1930 г., работал на производстве. Сразу работал в Златоустовском механическом заводе до 1933 г., а в начале 1933 г. работал в Ташкенте при санатории. 5 октября 1933 г. я приехал в отпуск домой, а 9 октября родителей стали выселять. Дома я пожил всего 3 дня и вместе с родителями тоже выселили, за что, я, конечно, не знаю. Был я еще молодой, 16 лет, и за собой никакой вины не имел, а попал через родителей.

С 1933 по 1935 год я жил в Карелии на поселке Надханое, а в 1935 г. нас перевели работать на канал. Вместе с отцом были еще посланы мать и три моих брата. Мать моя померла в 1936 г., а отец помер в 1940 г. Когда началась война, братьев моих мобилизовали в армию. Один брат погиб без вести, один находится в Петсамской обл., а второй – в Архангельской обл. В 1937 г. я женился на вольнонаемной и до 1941 г. жили на канале, а с наступлением войны ввиду семейных обстоятельств из-за малолетних детей пришлось эвакуироваться в Красноярский край, где жили до августа 1944 г. В августе месяце нас снова реэвакуировали на ББканал, где проживаем и в настоящий момент.

Прошу начальника отдела трудспецпереселения по Карело-Финской ССР рассмотреть мою просьбу и удовлетворить ее, т. к. я на высылку попал не сам по себе и по своим причинам, а из-за родителей, высланных как кулаки, и по настоящий момент честно и добросовестно работаю. Надеюсь, что мою просьбу удовлетворите и зачислите меня в вольные и дадите мне разрешение на право получения документов и чтоб выехать из Карело-Финской ССР домой на родину.

К заявлению прилагаю две 30-коп. марки для ответа. Мой адрес: Карело-Финская ССР, Кировская ж.д., ст. Сосновец, шлюз 14. Васильеву Александру Николаевичу». На заявлении имелась резолюция: «К освобождению не подлежит»⁵.

Веской причиной для освобождения из спецсылки являлась инвалидность, но только в том случае, если у спецпоселенца-инвалида имелись родственники, готовые взять на себя заботу о нем. Постановлением ОСП НКВД КФССР от 11 ноября 1944 г. была освобождена

---

⁵ АМВД РК, ф. 3, оп. 5, д. 8, л. 92, 101.

из спецпоселения инвалид 2-й группы В. Я. Чалая, 1889 г. р., уроженка г. Волчанска Харьковской области УССР, которая была выслана в Карелию вместе с мужем в январе 1934 г. Муж ее умер в спецссылке в Пудожском районе 20 апреля 1944 г., а других родственников, проживавших в КФССР, не имелось. По ходатайству дочери, проживавшей в Курской области, В. Я. Чалая была снята с учета спецпереселения и передана на иждивение дочери⁶.

Поток заявлений спецпоселенцев об освобождении создавал органам НКВД огромную дополнительную работу. Примечателен тот факт, что еще в 1943 г. руководство НКВД Карело-Финской ССР обратилось в ГУЛАГ НКВД СССР с предложением о ликвидации трудссылки в КФССР. Начальник ГУЛАГа НКВД СССР в письме от 30 июня 1943 г. согласился с этим предложением и просил согласовать вопрос с СНК и ЦК КП(б) КФССР, а результат вместе с планом эвакуации спецпереселенцев выслать в ГУЛАГ НКВД СССР⁷. Однако начальник ОТСП НКВД КФССР Савельев 15 июня 1943 г. сообщил в ОТСП ГУЛАГа НКВД СССР, что «ЦК КП(б) и СНК КФССР не согласны на ликвидацию трудовой ссылки в КФССР по следующим мотивам: из числа трудпоселенцев на территории КФССР работает по обслуживанию водного транспорта трассы ББканала имени т. Сталина 380 чел., из них большая часть специалисты: капитаны, пом. капитанов, механики, пом. механиков пароходов, мотористы, рулевые, шкипера и т. д.

Кроме того, в ряде организаций оборонного значения – лесокombинатах, промкомбинатах, госстройтресте и т. д. работают разные специалисты из числа трудпоселенцев: слесаря, токари, механики, техники, печники, плотники и проч., в основном мужская квалифицированная сила, которую при всем желании в условиях прифронтовой полосы заменить не предоставляется возможности, и снятие из этих организаций трудпоселенческой рабочей силы ставит под угрозу срыв выполнения заказов фронта.

Исходя из вышеизложенного, разрешить вопрос ликвидации трудссылки в КФ ССР на месте невозможно, а поэтому необходимо согласовать это мероприятие в СНК Союза ССР и дать одновременное указание в СНК, ЦК КП(б) Карело-Финской ССР и руководству НКВД республики или же оставить трудссылку на территории

---

⁶ АМВД РК, ф. 3, оп. 4-а, д. 17, л. 391.

⁷ Там же, д. 16, л. 29.

КФССР»⁸. Учитывая недостаток рабочей силы в республике, НКВД СССР удовлетворил ходатайство СНК и ЦК КП(б) КФССР об оставлении трудовой ссылки в Карело-Финской ССР. Более того, спецссылка в последующие годы пополнилась новыми контингентами спецпоселенцев.

Массовое освобождение спецпереселенцев – «бывших кулаков» началось в послевоенный период. Так, за 1944 г. был освобожден 91 человек, за 2-е полугодие 1945 г. – 233 человека, за первое полугодие 1946 г. освобождено 269⁹.

Среди спецпереселенцев – «бывших кулаков» было немало награжденных правительством и хозяйственными наркоматами за хорошие производственные показатели в работе в период Отечественной войны:

Спецпереселенцев, «бывших кулаков», награжденных А) медалью «За трудовую доблесть» 11 человек

Б) медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» 29 человек

В) медалью «За доблестный труд в Отечественную войну» 18 человек

Г) грамотами Президиума Верховного Совета КФССР 5 человек

Д) ценными подарками Наркомречфлота 2 человека

Е) значком «Отличник Наркомречфлота» 2 человека

Ж) Матери медалями материнства 6 человек

Всего 75 человек

Кроме того, представлено к награде хозяйственными организациями:

А) медалью «За доблестный труд в Отечественную войну» 82 человека

Б) медалью «За оборону Заполярья» 1 человек

В) медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» 5 человек

Г) Почетными грамотами Наркомречфлота СССР 4 человека

5. Снято с учета спецссылки как имеющих правительственные награды 3 человека (Шуварин, Шапилов, Гриненко)¹⁰.

Только по Министерству речного флота правительственными наградами и наградами Министерства было награждено 40 работников Беломорско-Онежского пароходства¹¹.

---

⁸ АМВД РК, ф. 3, оп. 4-а, л. 16, л. 36.

⁹ Там же, оп. 5, д. 7, л. 55, 61; оп. 9, д. 10, л. 2–2 об., л. 61, 62–62 об., 67.

¹⁰ Там же, ф. 3, оп. 9, д. 2, л. 11–12.

¹¹ Там же, д. 3, л. 18–20.

20 марта 1947 г. Секретарь ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянов обратился с ходатайством на имя зам. Председателя Совета Министров СССР Л. П. Берия об освобождении спецпереселенцев — «бывших кулаков». В нем говорилось: «На территории Карело-Финской ССР проживает 2077 семей, 4114 человек спецпереселенцев бывших кулаков. За время Отечественной войны значительное большинство из указанных спецпереселенцев принимали активное участие в работе по строительству оборонных сооружений и на предприятиях промышленности, выполнявших оборонные задания. За добросовестное отношение к труду в период борьбы с фашистской Германией до 500 человек спецпереселенцев награждены правительственными наградами Союза ССР. Дети спецпереселенцев призывного возраста были переданы в Красную Армию, где участвовали на фронтах Отечественной войны. В настоящее время многие спецпереселенцы являются стахановцами и передовиками производства.

Учитывая, что спецпереселенцы, бывшие кулаки, за время Отечественной войны и в настоящее время показали себя положительно, прошу Вас поставить вопрос в Совете Министров Союза ССР об отмене особого режима в спецпоселках, находящихся на территории Карело-Финской ССР и об освобождении из спецпоселения спецпереселенцев бывших кулаков»¹².

С аналогичными ходатайствами о полном освобождении «бывших кулаков» из спецпоселения обратились в Совет Министров СССР местные органы власти ряда областей, краев и республик, обосновывая свои просьбы теми фактами, что большинство «бывших кулаков» являлись пожилыми и престарелыми людьми, смирились со своим положением, положительно проявили себя во время войны, не агитируют против советской власти и больше не представляют социальной опасности. На основании этих ходатайств Совет Министров СССР за период с августа 1946 по январь 1947 г. принял 14 специальных постановлений, по которым в 28 областях, краях и республиках спецпоселенцы контингента «бывшие кулаки» были почти полностью (за исключением немцев, калмыков, чеченцев и лиц некоторых других национальностей) сняты со спецучета¹³.

В Карело-Финской ССР это произошло раньше, чем в ряде других регионов страны, где окончательно ограничения по спецпоселению

---

¹² АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 34, л. 174; КГАНИ, ф. 8, оп. 18, д. 286, л. 1.

¹³ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960... С. 145–146.

«бывших кулаков» были сняты постановлением Совета Министров СССР от 13 августа 1954 г. На основании постановления Совета Министров СССР от 7 мая 1947 г. и приказа МВД-МГБ СССР от 16 мая 1947 г. все спецпоселенцы, «бывшие кулаки», расселенные на территории КФССР, были освобождены из спецпоселения. Освобожденные спецпоселенцы получили паспорта без ограничений на общих основаниях. Таким образом, контингент спецпоселенцы – «бывшие кулаки» на территории республики перестал существовать. Всего на 1 июля 1947 г. было снято с учета и освобождено 2068 семей (3812 человек). Временно оставались на спецпоселении 195 человек, из них находились в местах лишения свободы 159 человек, в командировке или в водном плавании 36 человек¹⁴.

Снятие с учета спецпоселения, однако, не давало реальной свободы, и предприятия, хозяйственные организации могли на вполне «законных» основаниях не отпускать работников. По имевшимся в МВД КФССР данным, почти все бывшие спецпоселенцы остались в республике. Государство, таким образом, избавлялось от расходов по управлению «кулацкими» поселками, не теряя при этом рабочую силу. 14 мая 1954 г. вышло указание МВД СССР о снятии с учета спецпоселений лиц немецкой национальности – бывших кулаков, выселенных в период сплошной коллективизации сельского хозяйства¹⁵.

Несмотря на крупномасштабное освобождение спецпоселенцев контингента «бывшие кулаки», общая численность спецпоселенцев в стране во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. не только не уменьшилась, но из года в год неуклонно росла. Количество направленных в места спецпоселений значительно превосходило количество освобождаемых.

Освобождение спецпоселенцев-«указников» имело свою специфику. Из прибывших в апреле 1948 г. в республику 1852 человек и 533 членов их семей, уже по состоянию на 1 июля 1948 г. было освобождено 10 человек¹⁶. В октябре 1948 г. в результате проверки жалоб «указников» на неправильное применение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. многие исполкомы областных советов депутатов трудящихся Украины пересмотрели свои решения по выселению и признали его «незаконным» (в смысле

---

¹⁴ АМВД РК, ф. 3, оп. 9, д. 3, л. 29–30.

¹⁵ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960... С. 231.

¹⁶ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 54, л. 116.

соответствия положениям постановления Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г.). Вот характерный пример:

Решение исполкома облсовета депутатов трудящихся Винницкой области 7 октября 1948 г. по результатам проверки жалоб на неправильное применение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г.:

«Рассмотрев материалы проверки на месте жалоб о неправильном применении Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР и представленные документы, — исполком областного совета депутатов трудящихся решил:

1. Принимая во внимание, что гражданка Марущак Анна Ефремовна является инвалидом труда 2-й группы, как установлено проверкой, и что в связи с болезнью не могла выработать установленного минимума трудодней, — общественный приговор членов колхоза им. Ленина с. Червоного Джулинского района и решение исполкома облсовета депутатов трудящихся от 29 марта 1948 г. за № 606 о выселении гр-ки Марущак А. Е. за пределы Украинской ССР — отменить.

2. Учитывая, что гр-н Бурлака Ефим Антонович на протяжении с сентября месяца 1945 г. до апреля 1948 г. занимался трудовой деятельностью на производстве, а обвинения в паразитическом образе жизни, воровстве и спекуляции при проверке не подтвердились, — общественный приговор граждан с. Голубовка Калиновского района и решение исполкома облсовета депутатов трудящихся от 26 апреля 1948 г. № 993 о выселении за пределы Украинской ССР гр-на Бурлака Е. А. — отменить.

3. Учитывая, что гр-н Петров Григорий Петрович, как установлено проверкой, членом колхоза не состоял, а все время работал на производстве и числился как инвалид труда, что подтверждено документами, остальные же обвинения при проверке не подтверждены, общественный приговор членов колхоза имени Калинина села Дмитрашевка Песчанского района и решение исполкома облсовета депутатов трудящихся № 982 от 26 апреля 1948 г. о выселении за пределы Украинской ССР гр-на Петрова Г. П. — отменить.

4. Учитывая, что гр-н Легойда Александр Романович работал по найму в совхозе «Павчишино» и агентом райуполминзага, в связи с чем и выработал в колхозе только 69,6 трудодня за 1947 г. и что остальные обвинения, предъявленные ему в спекуляции и ведении паразитического образа жизни при проверке не подтвердились, — общественный приговор членов колхоза «8 березня» села Б. Мочулка

Тепликского района и решение исполкома облсовета депутатов трудящихся от 27 марта 1948 г. за № 602 о выселении за пределы Украинской ССР гр-на Легойда А. Р. — отменить.

5. Принимая во внимание, что гр-ка Глыбишина Прасковья Максимовна, как установлено проверкой, членом колхоза не состояла и, будучи инвалидом 2-й группы, работать физически в колхозе не могла, а также и то, что предъявленные ей обвинения в воровстве и спекуляции не подтвердились, — общественный приговор членов колхоза им. Сталина села Пчельня Тепликского района и решение исполкома облсовета депутатов трудящихся от 27 марта 1948 г. за № 602 о выселении за пределы Украинской ССР гр-ки Глыбишиной П. М. — отменить.

6. Принимая во внимание, что гр-ка Теплова Александра Петровна, как установлено проверкой, не выработала минимума трудодней в связи с болезнью и наличием малолетних детей, а также, что числилась семьей служащего и льготами колхозника не пользовалась, — общественный приговор членов колхоза им. Чкалова села Сл. Чернятинская Жмеринского района и решение исполкома облсовета депутатов трудящихся от 27 марта 1948 г. за № 595 о выселении за пределы Украинской ССР гр-ки Тепловой А. П. — отменить.

Настоящее решение направить для использования Отделу спецпоселений МВД СССР и начальнику управления МВД по Винницкой области.

*Председатель исполкома облсовета депутатов трудящихся /Г. Дементьев/
Секретарь исполкома облсовета депутатов трудящихся /З. Смоляр/
Верно: зам. начальника 6-го отделения ОСП МВД СССР Грачев
Заверено 19 ноября 1948 г.»¹⁷*

17 декабря 1948 г. в адрес 13 районных отделений милиции республики поступила директива зам. министра внутренних дел КФСР, в которой говорилось: «Некоторые РО МВД принимают заявления от спецпоселенцев «указников» о пересмотре общественных приговоров по инвалидности, подвергая этих лиц медосмотру, и заявления вместе с заключениями медкомиссии направляют по месту вынесения решения областным советом депутатов трудящихся. Предлагаю прекратить прием заявлений от поселенцев «указников» и направление их на медкомиссию, а также прекратить посылку заявлений поселенцев и

---

¹⁷ АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 61, л. 83–84.

решений медкомиссий в областные советы депутатов трудящихся с целью пересмотра вынесенных ранее решений»¹⁸.

Тем не менее к декабрю 1949 г. из спецпоселков Карелии по решениям исполкомов областных советов Украины было освобождено и возвращено к прежним местам жительства 52 «указника»¹⁹. В дальнейшем число высланных по Указу резко сократилось, а поток возвращенных по ходатайству колхозных собраний увеличился.

Уже в 1948–49 гг. перед работниками спецкомендатур и РО МВД встал вопрос: должны ли выдаваться проездные документы освобождаемым из спецпоселения «указникам», выезжающим к месту их прежнего жительства? В разъяснении ОСП МВД СССР по этому вопросу от 21 июля 1949 г. указывалось, что в случае отсутствия у спецпоселенцев средств на проезд до места прежнего жительства, органам МВД разрешалось обеспечивать их средствами на проезд²⁰.

Нередкими были случаи, когда спецпоселенцы-«указники» подавали заявления к себе на родину о принятии их членами колхоза для того, чтобы досрочно освободиться со спецпоселения. По данным заявления общее собрание колхозников удовлетворяло их просьбу и ходатайствовало перед райсоветом и облисполкомом о досрочном освобождении со спецпоселения. Однако спецпоселенцы, получив паспорта, уезжали в другие регионы по своему усмотрению, а некоторые оставались на месте или переходили на работу в другой леспромхоз республики. Таким образом, досрочно освобожденные спецпоселенцы-«указники» «обманывали общие собрания колхозников и советские органы власти». В связи с этим в письме начальника Ругозерского РО МВД в МВД КФССР от 18 марта 1954 г. содержалась просьба о выдаче спецпоселенцам взамен паспортов справок и отношений РО МВД с разрешением выезда в колхоз²¹.

По отношению к спецпоселенцам-«власовцам» репрессивная система сработала неожиданно мягко (конечно, если рассматривать репрессии в сравнительном аспекте). Часть «власовцев» была освобождена раньше назначенного 6-летнего срока. Так, к октябрю 1948 г. было освобождено 162 «власовца», по национальности молдаван,

---

¹⁸ АМВД РК, ф. 3, оп. 14, д. 6, л. 90.

¹⁹ Там же, оп. 12, д. 68, л. 279.

²⁰ Там же, д. 66, л. 303.

²¹ Там же, оп. 29, д. 3, л. 98.

согласно приказу МВД СССР № 00257 от 8 марта 1948 г. (остались на спецпоселении 134 человека, служивших в румынской полиции и жандармерии)²².

До 20 августа 1949 г. по постановлению МВД-УМВД и облисполкомов было освобождено 142 «власовца»²³. Вот один из примеров:

«Постановление начальника следственного отделения ОББ УМВД Витебской области об освобождении из спецпоселения спецпоселенца Гореликова Степана Архиповича, 1885 года рождения. — 4 октября 1948 г. — утверждено начальником УМВД Витебской области и прокурором Витебской области.

Управлением МВД Витебской области за службу в немецких формированиях на основании директивы МВД СССР № 97 от 20.04.45 г. 26 июля 1946 г. был выслан из пределов Белорусской ССР сроком на 6 лет. Основанием к выселению Гореликова послужил допрос, который показал, что он, оставаясь проживать на оккупированной немцами территории в г. Орша, осенью 1943 г. поступил на службу к немцам в систему райполиции и служил до весны 1944 г. Находясь на спецпоселении, Гореликов прислал жалобу на имя Управления МВД о том, что его перевели на спецпоселение неправильно и что он работал плотником и оружия не имел. При отступлении немецких войск с ними не выезжал. Произведенным повторным расследованием подтвердилось, что он работал в полиции плотником, конюхом, а затем охранником по охране моста через р. Днепр, на территорию Германии не отступал, что подтвердилось показаниями свидетелей — освободить из спецпоселения»²⁴.

По состоянию на 1 ноября 1951 г. на учете в МГБ КФСР состояло 2990 спецпоселенцев-«власовцев»²⁵. 10 ноября 1951 г. начальникам РО МГБ была направлена директива пом. министра госбезопасности КФСР, в которой говорилось: «В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 7 октября 1951 г. бывшие военнослужащие и военнообязанные Красной Армии, попавшие в плен к немцам и служившие в немецкой армии, в специальных немецких формированиях, «власовцы» и полицейские, направленные на спецпоселение сроком на 6 лет, по истечении срока подлежат освобождению от спецпоселения

---

²² АМВД РК, ф. 3, оп. 12, д. 37, л. 101.

²³ Там же, д. 76, л. 217

²⁴ Там же, д. 66, л. 284—285.

²⁵ Там же, оп. 20, д. 1, л. 112—113.

с запрещением проживания им в Москве, Ленинграде, Киеве, в запретных зонах, пограничной полосе и других режимных местностях, а также в Литовской, Латвийской, Эстонской, Молдавской ССР и в западных областях Украинской и Белорусской ССР.

Освобождение от спецпоселения будет производиться органами МГБ по истечении срока пребывания на спецпоселении (6 лет), исчисляя его со дня фактического направления на спецпоселение. Каждому освобождаемому из спецпоселения будет выдан паспорт с отметкой в нем указанных ограничений...

Одновременно с проведением работы по объявлению спецпоселенцам-«власовцам» постановления правительства об освобождении их от спецпоселения через имеющуюся агентуру изучать настроение и реагирование спецпоселенцев на указанное решение. При этом необходимо интересоваться следующими вопросами:

- как относятся спецпоселенцы к постановлению правительства об их освобождении по истечении срока
- факты, характеризующие желание или нежелание оставаться на жительство в районах КФССР после освобождения от спецпоселения
- антисоветские и провокационные высказывания спецпоселенцев об освобождении
- другие настроения, представляющие интерес для информации МГБ СССР»²⁶.

В докладной записке ОСП МГБ КФССР начальнику 9-го управления МГБ СССР от 9 января 1952 г. о настроениях спецпоселенцев-«власовцев» в связи с объявлением им решения правительства об освобождении из спецпоселения сообщалось: «Абсолютное большинство спецпоселенцев-„власовцев“ в беседах между собой...высказывают здоровые настроения: „До сих пор нам было неясно, будем мы освобождены из спецпоселения или нет, но сейчас, когда нам объявили, что есть решение правительства о нашем освобождении по окончании срока, то и настроение стало совершенно другое. Теперь есть надежда, что мы будем освобождены“. „После освобождения я никуда не поеду из Сегежи, буду работать на бумкомбинате. Здесь меня все знают и живется мне неплохо“».

Некоторые спецпоселенцы высказывают антисоветские настроения, распространяют провокационные измышления и отдельные из них высказывают нежелание возвращаться на родину из-за боязни

---

²⁶ АМВД РК, ф. 3, оп. 19, д. 3, л. 94–95.

быть привлеченными к уголовной ответственности за предательскую деятельность в прошлом: «Домой на прежнее место жительства я не поеду, уеду куда-либо в другое место, потому что приедешь домой и вместо 6 лет, которые уже отбыл, могут дать полных 25 лет тюрьмы. Только лишь поэтому я не собираюсь ехать на родину». Проживавший в Сегеже спецпоселенец М. сказал: «После освобождения я заберу свою жену и детей и уеду поближе к своим родным местам. Домой я не поеду, потому что весь народ в районе и особенно в селе злой и меня будут там тормозить за мои прошлые дела».

Проживавший в Пудожском районе «власовец» С. в кругу спецпоселенцев о предстоящем освобождении говорил: «Рано еще радоваться, пока нам срок кончится, многих еще заберут. Вместо освобождения не исключена возможность попасть под конвой. Каждого из нас будут разбирать по косточкам». Здесь же «власовец» Р. заявил: «Нас не освободят, все это только разговоры и нам придется жить в лесу долго. Вот весной 1952 г. будет война СССР с Америкой, тогда придут и будут истинными освободителями американцы»²⁷.

В 1952–1953 гг. подавляющее большинство «власовцев» освобождаются из спецпоселений. Однако остальные по принципу принадлежности к депортированным народам зачислялись на вечное поселение. В соответствии с постановлением Совета Министров № 3857-1763сс от 7 октября 1951 г. и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1951 г. спецпоселенцы-«власовцы» из числа лиц немецкой, калмыцкой, чеченской, ингушской, балкарской, карачаевской, греческой национальностей и крымских татар – уроженцев и жителей республик, краев и областей, откуда ранее производилось выселение, были переведены на спецпоселение навечно²⁸.

Характерно, что это мероприятие тщательно готовилось: власть боялась беспорядков. С указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1951 г. спецпоселенцев-«власовцев» ознакомили только 1 марта 1952 г., т. е. незадолго до истечения 6-летнего срока ссылки. В этот день одновременно во всех местах поселений «власовцев», подлежащих зачислению на вечное поселение по национальному признаку, вызывали в спецкомендатуры, где каждому под расписку было объявлено решение правительства. По сведениям из комендатур,

---

²⁷ АМВД РК, ф. 3, оп. 20, д. 1, л. 1, 2, 4.

²⁸ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 135.

эксцессов не было, преобладающее большинство оставленных на вечное поселение высказывало намерение вызвать к себе семьи и остаться работать на прежних местах. Логика решения вопроса о переводе на вечное поселение представителей депортированных народов, подлежащих освобождению как «власовцы», понятна: уравнивать их с ранее сосланными соплеменниками²⁹.

В Карело-Финской ССР было переведено на спецпоселение навечно 153 «власовца» в том числе: немцев — 148 человек, калмыков — 2, балкарцев — 1, карачаевцев — 1, из Крыма — 1. Причем 2/3 из них фактически были переведены на вечное поселение как репатрианты, родственники которых находились на вечном поселении в соответствии с директивой НКВД СССР от 11 октября 1945 г. (предусматривавшей взятие на учет спецпоселения всех репатриированных советских граждан немецкой национальности³⁰). Попавшие в категорию «выселенных навечно» проживали в 10 районах республики и работали в большинстве своем на предприятиях Министерства лесной и целлюлозно-бумажной промышленности. Из числа спецпоселенцев, оставленных на спецпоселение навечно, 24 человека были направлены на соединение с родственниками в другие области³¹. В середине марта 1953 г. на территории республики на вечном поселении находились 219 человек, в том числе: выселенцев-немцев — 213, ссыльных — 5, ссыльно-поселенцев — 1³².

Сообщая в органы МГБ о реакции «выселенных навечно», коменданты спецкомендатур приводили следующие высказывания: «Сделали очень просто, дали расписаться на бланке и сказали, что если сбежишь, то 20 лет каторжных работ. Копил деньги на дорогу, а сейчас все буду пропивать, теперь я настоящий заключенный», «Мы немцы по национальности и провинились перед государством, за это нас перевели на вечное поселение. Я против этого ничего не имею, но удив-

---

²⁹ Суслов А. Б. Правовой статус спецпоселенцев на Урале в 30-х — начале 50-х гг. // Известия Уральского гос. ун-та. 2004. № 29. С. 118–130 // Электронный ресурс: <http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0029>

³⁰ АМВД РК, ф. 3, оп. 21, д. 2, л. 143–144.

³¹ Там же, оп. 20, д. 1, л. 211; оп. 21, д. 33, л. 271

³² Там же, оп. 23, д. 8, л. 236. Увеличение числа выселенных навечно произошло за счет возвращения из мест заключения, а также прибытия в республику спецпоселенцев из других областей и республик. С 1 ноября 1951 г. по 1 сентября 1952 г. прибыло в республику из мест заключения по отбытию срока 76 спецпоселенцев-«власовцев». За 1952 г. в республику поступил 381 спецпоселенец — АМВД РК, ф. 3, оп. 20, д. 1, л. 112, 194.

ляюсь, зачем же переводят на вечное поселение наших детей, они же ни в чем не виноваты, а им хотят с малых лет заковать им волю»³³.

Остальная часть «власовцев» подлежала освобождению по истечении 6-летнего срока спецпоселения. До 1 января 1953 г. было освобождено 2898 человек³⁴. Освобождаемым со спецпоселения были выданы паспорта и объявлено под расписку, что им запрещается проживать в Москве, Ленинграде, Киеве, Прибалтике, Молдавии, западных областях Украины и Белоруссии, запретной зоне пограничной полосы и др.

Постановления об освобождении со спецпоселения выносились на каждого «власовца» в отдельности на основании документов, находившихся в лично-учетном деле: постановления о переводе его на положение спецпоселенца сроком на 6 лет, фильтрационных материалов (протоколов допроса проходившего по делу лица и свидетелей, материалов спецпроверки, автобиографических данных, агентурных материалов и т. д.), материалов спецпроверки за время нахождения на спецпоселении, справок сельских советов, подтверждавших местожительство освобождаемого до 1941 г. и других.

При освобождении спецпоселенцев-«власовцев» возникла такая же ситуация, как и при освобождении «бывших кулаков». В письме начальника Пудожского РО МВД капитана Волобуева в Совет Министров СССР от 8 августа 1953 г. сообщалось: «После их освобождения некоторые спецпоселенцы хотели уволиться с работы и уехать на родину, но руководители предприятий, леспромхозов и других организаций, где они работали, с работы их не освободили и заключили с ними годовые договоры. В настоящее время по истечении этих договоров часть этого контингента лиц упорно добиваются увольнения с работы, но руководители леспромхозов, как в 1952 г. после освобождения из спецпоселения, так же и сейчас, не освобождают их с работы, заявляя им, что они являются кадровыми рабочими леспромхозов и увольнению не подлежат.

Ввиду того, что дирекция леспромхозов не увольняет их с работы, они, как в 1952 г., после снятия с них спецпоселения, так и в настоящее время по окончании договоров обращаются в МВД за разъяснением и оказанием им помощи в увольнении. Прошу разъяснить нам:

---

³³ АМВД РК, ф. 3, оп. 21, д. 33, л. 279.

³⁴ Там же, оп. 20, д. 1, л. 208.

Имеют ли они право на увольнение, можно ли их считать кадровыми рабочими лесной промышленности, имеет ли право дирекция леспромхоза не увольнять их с работы и правильно ли заключены с ними годовые договоры после того, как они были освобождены со спецпоселения и после отказа уволить их.

По этому вопросу у нас имеются неясности и разные толкования. А для ответа на их жалобы и заявления мы должны иметь правильную ориентацию. Неясность у нас возникает потому, что они — бывшие спецпоселенцы, отбывали срок наказания 6 лет, по вольному найму они в леспромхозы не поступали, а их привезли в Пудожский район в принудительном порядке как спецпоселенцев и органами МВД были трудоустроены. Рабочих договоров они никаких не заключали на работу в лесную промышленность»³⁵.

В ответе начальника отдела «П» МВД СССР подполковника В. Алидина зам. министра внутренних дел КФССР полковнику Ф. И. Петрову 27 августа 1953 г. по поводу письма начальника Пудожского РО МВД содержалось следующее разъяснение: «В соответствии с постановлением ГОКО № 9871 от 18 августа 1945 г. на спецпоселение сроком на 6 лет переводились лица, служившие в немецких воинских формированиях, полицейские и др., которые закреплялись на работу в определенных отраслях промышленности. В целях закрепления таких лиц в постоянные кадры промышленности после их освобождения из спецпоселения Совет Министров СССР постановлением № 3857-1763 сс от 7.10.51 г. предоставил право администрации хозорганизаций и промышленных предприятий заключать с ними договора. В связи с этим освобождение таких лиц от работы в хозорганизациях после снятия их с учета спецпоселения решается администрацией предприятий и в компетенцию органов МВД эти вопросы не входят»³⁶. Таким образом, предприятия и хозяйственные организации получили неограниченные права по удержанию на работе освобожденных спецпоселенцев-«власовцев».

По состоянию на 1 апреля 1954 г. на учете спецпоселения в КФССР оставалось 915 человек, из них: 672 «указника», 75 «власовцев» и 168 спецпоселенцев-немцев и ссыльнопоселенцев. Они были расселены в 12 районах республики и в г. Петрозаводске³⁷. Большая часть спецпо-

---

³⁵ АМВД РК, ф. 3, оп. 23, д. 1, л. 191.

³⁶ Там же, л. 190.

³⁷ Там же, оп. 25, д. 2, л. 62.

селенцев работала на предприятиях лесной, бумажной промышленности и в строительных организациях республики.

Нормализация общественно-политической жизни в стране в середине 1950-х гг., попытки отхода от военно-мобилизационного типа развития производства и осуществления реформ управления народным хозяйством привели к осознанию нецелесообразности системы спецпоселения как регулятора социальных отношений и механизма трудоустройства. Инициаторами ликвидации режима спецпоселения выступили органы МВД, стремившиеся снять с себя решение экономических и социальных проблем спецпереселенцев, расселенных дисперсно на обширных пространствах СССР и вследствие чего трудно контролируемых³⁸.

Первым актом либерализации режима стала масштабная амнистия после смерти Сталина, однако Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. практически не коснулся спецпоселенцев. По замыслу Л. П. Берии в течение 1953–1955 гг. предполагалось освободить всех спецпоселенцев, но в связи с его арестом в 1953 г. этого не произошло. Процесс ликвидации спецпоселенчества в стране начался в середине 1954 г. и в основном завершился к началу 1960-х гг. Подавляющее количество спецпоселенцев были освобождены с середины 1954 до конца 1956 г., но без права возвращения в места, откуда они были выселены.

Как справедливо полагает В. Н. Земсков, период массового освобождения спецпоселенцев отнюдь не являлся отрицанием предшествующих, а «был их логическим продолжением. Считалось, что люди в достаточной степени „обжились“ и „перевоспитались“ в местах высылки, и дальнейшее применение к ним ограничений по спецпоселению „не вызывается необходимостью“. Государство предпринимало все усилия к тому, чтобы депортированные „добровольно“ остались жить в местах высылки и после их освобождения из спецпоселения»³⁹.

По Постановлению Совета Министров СССР от 10 марта 1955 г. «О выдаче спецпоселенцам паспортов» были сняты правовые ограничения в свободе передвижения и выборе места жительства в пределах регионов обязательного поселения. 9 мая 1955 г. постановлением Президиума ЦК КПСС «О снятии ограничений по спецпоселению

---

³⁸ Шадт А. Правовое положение депортированных и режим спецпоселения // Электронный ресурс: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/sibirica/Data/Shadt/>

³⁹ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003. С. 283.

с членов КПСС, кандидатов КПСС и членов их семей» с режима спецпоселения были сняты все семьи коммунистов.

По постановлению Совета Министров СССР от 24 ноября 1955 г. «О снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев» были освобождены: участники Великой Отечественной войны, награжденные орденами и медалями СССР, женщины, вступившие в брак с местными жителями, женщины, выселенные по семейному отношению и впоследствии расторгнувшие брак с выселенными, одинокие инвалиды и лица, страдавшие неизлечимым недугом, не способные самостоятельно обеспечить свое существование, члены семей погибших на фронтах Великой Отечественной войны, преподаватели учебных заведений⁴⁰.

17 сентября 1955 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». По этому указу контингент «власовцы» перестал существовать, а лица, входившие ранее в этот контингент и оставленные на спецпоселении по национальному признаку, были отнесены к другим категориям спецпоселенцев – к немцам, северокавказцам и т. д. Впоследствии многие офицеры, находившиеся в период с 1946 по 1955 гг. на спецпоселении как «власовцы», были реабилитированы по постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 июня 1956 г. «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей». Им восстановили воинские звания и пенсии, вернули награды.

По Указу Президента Российской Федерации от 24 января 1995 г., «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период» бывшие военнопленные получили статус участника Великой Отечественной войны. На них в полном объеме был распространен Федеральный Закон «О ветеранах», принятый Государственной Думой 16 декабря 1994 г. Эти положения, однако, не относились к той части «власовцев», которые в годы войны служили в полицейских частях и воинских немецких формированиях и в силу этого не

---

⁴⁰ Земсков В. Н. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954–1960 гг.) // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 10.

подлежали амнистии согласно Закону Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий»⁴¹.

В 1954–1960 гг. были сняты ограничения в правовом положении со значительного количества граждан разных национальностей, ранее сосланных на спецпоселение внесудебным порядком (калмыков, чеченцев, ингушей, немцев, греков, болгар, армян и др.). Первым депортированным народом, освобожденным со спецпоселения, были российские немцы, что напрямую связано с визитом канцлера ФРГ К. Аденауэра в СССР в сентябре 1955 г. 8 декабря 1955 г. вышло Постановление ЦК КПСС «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении», а 13 декабря 1955 г. — одноименный Указ Президиума Верховного Совета СССР. С немцев были сняты ограничения по спецпоселению (учет и административный надзор), что, однако, не влекло за собой возвращение имущества, конфискованного при выселении, и не давало немцам права возвращаться в места, откуда они были выселены. Основной причиной принятия постановления, очевидно, следует считать стремление власти снять социальную напряженность, нормализовать социально-правовые отношения в государстве, что было связано с заменой доктрины классового врага внутри государства на врага внешнего⁴².

Режим спецпоселения был ликвидирован, но политическая реабилитация немцев произошла только в 1964 г., а ограничения в выборе места жительства были сняты лишь в 1972 г.⁴³ 14 ноября 1989 г. Верховный Совет СССР принял декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». В соответствии с этим документом все депортированные народы получили право вернуться на прежние места жительства⁴⁴. Окончательная реабилитация немцев и признание их репрессированным народом были утверждены только Законом РСФСР от 26 апреля 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов».

---

⁴¹ Раманичев Н. М. Власов и другие // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 311.

⁴² Шадт А. А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 2000 // Электронный ресурс: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/sibirica/Data/Shadt/?html=sh42.htm&mi=izdaniya&id=1500>

⁴³ Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 163.

⁴⁴ Там же. С. 273.

Различные категории депортированных литовцев, латышей, эстонцев освобождались со спецпоселения поэтапно. Большинство из них вернулись на родину по инициативе правительств Литвы, Латвии и Эстонии. Однако многим из них были предписаны места проживания, которые, как правило, не совпадали с местом жительства до депортации. К началу 1958 г. на спецпоселении в КФССР осталось всего 6 спецпоселенцев – выселенных из Литвы в 1940–1941 гг., а в отчетах МВД СССР по спецпоселенцам на 1 января 1959 г. Карельская АССР уже не значилась⁴⁵. В то же время в целом по стране на спецпоселении еще оставалось почти 50 тыс. спецпоселенцев⁴⁶.

Большое значение имело принятие в 1950-е гг. комплекса различных нормативно-правовых актов, направленных на улучшение социального положения реабилитированных лиц. К таким документам относятся:

«О порядке расчетов по возмещению реабилитированным гражданам стоимости изъятого у них имущества» (разъяснение (письмо) Минфина СССР от 12 ноября 1956 г.), «О некоторых вопросах пенсионного обеспечения реабилитированных» (Разъяснения Госкомитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы от 14 августа 1957 г.), «О гражданах, необоснованно сосланных или высланных в административном порядке» (постановление Совета Министров Союза ССР от 17 июля 1959 г. № 830-370) и др. Этими нормативно-правовыми документами закладывалась частично основа и для разработки последующих нормативных актов, которые принимались в 1990-е гг., на новом этапе реабилитации репрессированных граждан, жертв политических репрессий⁴⁷.

В то же время до 1990-х гг. меры по реабилитации граждан носили несколько усеченный характер. К этому времени, по имеющимся приблизительным данным, было реабилитировано 807 288 российских граждан разных национальностей. Рамки реабилитации удалось расширить только после принятия Закона РФ «О реабилитации репрессированных народов», принятого 26 апреля 1991 г.

---

⁴⁵ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003. С. 264, 275–276.

⁴⁶ Там же. С. 274.

⁴⁷ Бугай Н. Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века): Книга-мониторинг. М., 2006. С. 136.

Какие же категории граждан относились к реабилитированным по политическим репрессиям? Они были классифицированы в сводках МВД России. В числе их следующие группы граждан: кулаки и члены семей (318 502 – 46,9 %); лица, репрессированные по национальному признаку (321900 – 47,4 %); военнослужащие, попавшие в плен к немцам, служившие в немецких формированиях, «власовцы», полицаи, изменники Родины (4 070 – 0,6 %); лица, репрессированные по религиозным признакам (истинно-православные христиане, иеговисты и другие – 846 – 0,1 %); другие категории репрессированных граждан⁴⁸.

Таким образом, на протяжении послевоенного периода происходило освобождение отдельных категорий спецпоселенцев, в первую очередь, «бывших кулаков». В КФССР освобождение этой категории спецпереселенцев произошло раньше, чем в ряде других регионов страны. Свою специфику имело освобождение спецпоселенцев-«указников», часть из которых в силу признания «неправильности их высылки» местными органами власти Украины была вскоре возвращена в родные места. Спецпоселенцы-«власовцы» были в подавляющем большинстве освобождены по истечении 6-летнего срока спецпоселения, однако часть из них оставлена на спецпоселении по национальному признаку.

Постепенное освобождение различных категорий спецпоселенцев выдвинуло во главу угла задачу сохранения этих кадров в республике. Снятие с учета спецпоселения, однако, не давало реальной свободы в выборе места жительства и работы. К тому же многие из спецпоселенцев обзавелись в республике семьями и хозяйством и остались здесь жить.

---

⁴⁸ Бугай Н. Ф. Реабилитация репрессированных граждан России... С. 165.

РАЗДЕЛ 2

ЛАГЕРЯ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР (КОНЕЦ 1944–1949 гг.)

Глава 1

ОРГАНИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ЛАГЕРЕЙ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В КРАЕ

После Великой Отечественной войны в Советском Союзе сложилась разветвленная система лагерей для военнопленных и интернированных, располагавшихся более чем в 50 областях, краях и республиках СССР и включавших свыше 4 млн человек, представителей более 30 национальностей. Организованный вывоз военнопленных в производственные лагеря Советского Союза завершился к ноябрю 1945 г. В 1946 г. военнопленные и интернированные содержались в 267 лагерях с 2112 лагерными отделениями, в 392 рабочих батальонах и 178 специальных госпиталях, расположенных практически во всех союзных республиках¹.

Одним из регионов, где размещались иностранные военнопленные, была Карело-Финская ССР. В отличие от ряда тыловых областей и республик, где труд военнопленных применялся уже во время войны, лагеря военнопленных в КФСР были организованы только после окончательного освобождения территории республики (1 сентября 1944 г.), около 2/3 которой было оккупировано в годы войны финскими войсками.

Организация приемных пунктов и лагерей, прием и эвакуация военнопленных, их содержание, трудовое использование, проведение в лагерях политической работы возлагались на Управление НКВД (с марта 1946 г. – МВД) СССР по делам военнопленных и интернированных, созданное в сентябре 1939 г. В целях улучшения руководства

---

¹ Военнопленные в СССР, 1939–1956: Док. и материалы / Сост. М. М. Загорюлько и др. Под ред. М. М. Загорюлько. М., 2000. С. 34.

работой лагерей приказом наркома внутренних дел от 11 января 1945 г. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР (УПВИ) было реорганизовано в Главное управление НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ НКВД СССР). В феврале 1945 г. составе ГУПВИ было организовано два управления: Управление по делам военнопленных и Управление по делам интернированных и мобилизованных².

На местах в составе НКВД республик, краев и областей создавались отделы или отделения (в зависимости от количества лагерей и находившихся в них военнопленных) по делам военнопленных и интернированных. Подобный отдел в составе НКВД Карело-Финской ССР был создан и приступил к работе с начала марта 1945 г. Штат отдела вместо положенных 25 человек первоначально насчитывал 15 человек³. Таким образом, в основу управления подразделениями ГУПВИ был положен принцип территориальности, что позволяло более гибко реагировать на ситуацию в лагерях⁴.

Статус, задачи, структура и обязанности аппарата новых подразделений НКВД были определены во «Временном положении об Управлении (отделе, отделении) НКВД союзных и автономных республик и УНКВД краев и областей по делам о военнопленных и интернированных», введенном в действие приказом НКВД СССР от 27 февраля 1945 г.⁵ На эти отделы возложено полное руководство всей административно-хозяйственной, оперативной и политической работой в лагерях и спецгоспиталях для военнопленных. Перед ними были поставлены следующие задачи: создание новых лагерей, лагерных отделений и спецгоспиталей для военнопленных и интернированных (на основании приказов НКВД СССР); организация режима и охраны в лагерях и спецгоспиталях и обеспечение строгой воинской дисциплины среди контингента; размещение и материальное обеспечение военнопленных; организация при лагерях подсобных хозяйств и подсобных производств; трудовое использование бывших солдат вермахта; обеспечение нормального физического состояния военнопленных и интернированных, организация санитарной службы, лечебного

---

² Военнопленные в СССР, 1939–1956... С. 33–34.

³ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 223, л. 124 об.

⁴ Кузьминых А. Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). Вологда, 2005. С. 49.

⁵ Военнопленные в СССР, 1939–1956... С. 33.

дела, профилактических и противоэпидемических мероприятий; персональный и статистический учет пленных и своевременное представление в ГУПВИ НКВД СССР установленной отчетности; укомплектование кадров и обеспечение высокого политико-морального состояния сотрудников лагерных подразделений; боевая, служебная и политическая подготовка личного состава; оперативно-чекистская и антифашистская работа в лагерях; организация железнодорожных перевозок военнопленных и интернированных⁶.

Распределение военнопленных по союзным республикам и экономическим районам производилось советским правительством с учетом уровня их хозяйственного развития, обеспеченности кадрами, а также степени разрушений, полученных в военные годы. Так, доля военнопленных в общей численности рабочих и служащих в СССР в 1946 г. составляла 6,3 %, а в Эстонской ССР – 24,6 %, Латвийской – 23,5 %, Литовской – 17,8 %, Карело-Финской – 15,4 %, Белорусской – 12,7 %⁷.

Решить острую проблему кадров в Карелии призвана была организация 4-х лагерей военнопленных: в районе Сегежи (№ 212), Петрозаводска (№ 120), Питкяранты (№ 166) и Пудожя (№ 447), а также лагеря для интернированных немцев – № 517 в Падозеро.

Образование лагерей для военнопленных и интернированных в Карело-Финской ССР обуславливалось рядом причин. Во-первых, положение с рабочими кадрами в строительстве и промышленности республики, особенно лесозаготовительной, было крайне тяжелым. В телеграмме Наркомлеса Карело-Финской ССР в Союзнаркомлес 28 июня 1945 г. говорилось: «Выделенных {по} вашему приказу военнопленных 6000 поступления нет, предназначенных {к} получению {по} постановлению НР 872 от 24 апреля заключенных также нет. Обеспеченность предприятий рабочей силой – 4 % {к} плану, вследствие этого лесозаготовки {и} вывозка прекратились, капитальное строительство не производится, рейдовые работы {под} угрозой срыва. {Во} избежание полного срыва всех работ прошу Вашей практической помощи {в} быстрейшем направлении военнопленных {и} заключенных»⁸.

---

⁶ Кузьминых А. Л. Лагеря и спецгоспитали для иностранных военнопленных и интернированных // Органы внутренних дел и исправительно-трудовые учреждения Вологодской области (1937–1953 гг.): неизвестные страницы истории: Исторические очерки: В 2 ч. Ч. 1. Вологда, 2009. С. 158.

⁷ Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР. 1939–1956 гг. Волгоград, 2001. С. 4.

⁸ НА РК, ф. Р-2716, оп. 17, д. 45/499, л. 9.

Во-вторых, к началу 1940-х гг. в республике имелся значительный опыт по организации лагерей для заключенных. Здесь возникли одни из первых печально известных лагерей — СЛОН, Белбалтлаг, Сороклаг и др. Созданный в 1931 г. на базе Соловецкого лагеря Беломорско-Балтийский исправительно-трудовой лагерь (ББЛАГ) к началу 1939 г. насчитывал 86 567 заключенных, размещавшихся в 139 лагерных пунктах и отдельных трудовых колоннах. В состав комбината входил 21 трудпоселок, где проживали около 28 тыс. раскулаченных крестьян. Принадлежавшая комбинату территория простиралась на тысячи километров и включала все предприятия Приладожья и Заонежья до Мончетундры и Териберки на Кольском полуострове. Комбинат имел отлаженную систему производственной деятельности, охранных мер и медицинского обслуживания заключенных. Отличительной особенностью лагерей военнопленных в Карело-Финской ССР являлось то, что они фактически заменили лагерь ГУЛАГа, основной контингент которых был эвакуирован в другие лагерь страны в годы Великой Отечественной войны⁹.

Структура лагерей для военнопленных включала лагерные управления и лагерные отделения, подчинявшиеся управлениям. Типовой штат лагеря для военнопленных вместимостью до 10 тыс. человек предусматривал 134 штатные единицы. Помимо руководства лагеря (начальник лагеря, его заместитель и помощник, комиссар, 3 дежурных коменданта), в штате имелись канцелярия (12 человек), 6 отделений: особое (9 человек), политическое (7 человек), учетно-распределительное (13 человек), снабжения (19 человек), финансовое (5 человек) и санитарное (7 человек) — и 2 команды: пожарная (9 человек) и внутренней охраны (46 человек)¹⁰.

Основное пополнение лагерей республики произошло во втором квартале 1945 г. Если на начало этого квартала в лагерях для иностранных военнопленных находилось 2113 военнопленных, то на конец квартала — 18 300 человек, в том числе в лагере № 120 — 7 757 человек, № 166 — 1 998, № 212 — 8 309 и в спецгоспитале № 4870 — 236 человек¹¹. В целом по решению ГОКО от 4 июня 1945 г. республике было выделено 27 700 военнопленных, из них 6 тыс. — на восстановление городского хозяйства¹².

---

⁹ Карелия. Энциклопедия. В 3 томах. Т. 1. А-Й. Петрозаводск, 2007. С. 282, 283.

¹⁰ Военнопленные в СССР, 1939–1956... С. 924.

¹¹ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 209, л. 15.

¹² НА РК, ф. Р-1394, оп. 7, д. 255, л. 162.

С 19 ноября 1944 г. в г. Сегеже начало функционировать управление лагеря № 212, насчитывавшего 2080 военнопленных, преимущественно немцев и венгров. В январе 1946 г. в лагерь входило 13 лагерных отделений, где содержались 12 080 человек. Лагерные отделения располагались в следующих местах: г. Сегежа, Полга, Верогуба, Падааны, Петровский Ям, Колежма, Вирандозеро, г. Беломорск, г. Кемь, ст. Летний, ст. Маленга, ст. Шпаловая (по другим документам – Пезега), ст. Кочкома.

Контингент восьми лагерных отделений работал в лесу на заготовке древесины, четырех – в бумажной и местной промышленности и одно лагерное отделение обслуживало подсобное хозяйство лагеря¹³. Военнопленные трудились в Сегежском бумкомбинате, в леспромхозах Сегежского лесотреста, на цементном и кирпичном заводах, стройучастке, лесозаводе и других предприятиях.

На 1 февраля 1947 г. в лагере содержалось 7358 военнопленных, из них по национальности: немцев – 5813, австрийцев – 451, венгров – 1094. По званиям: полковники – 4, подполковники – 4, майоры – 38, младший офицерский состав – 147, младший командный состав – 1522, рядовой состав – 5627, гражданские – 16. Из числа содержащихся в лагере военнопленных в январе 1947 г. было выявлено 198 специалистов, имевших инженерно-техническое образование, из них: строителей – 19, механиков – 11, электриков – 9, химиков – 8 и др.¹⁴

На 1 января 1948 г. в лагере осталось 3904 военнопленных¹⁵. В октябре 1948 г. по распоряжению зам. министра внутренних дел КФССР оставшийся для работ на Сегежском ЦБК контингент военнопленных в г. Сегеже был переведен в подкомандировку от 1-го отделения лагеря № 120 МВД¹⁶.

Лагерь военнопленных № 120 в столице республики был организован в соответствии с приказом Л. Берия от 18 сентября 1944 г. и рассчитан на 5 тыс. человек для работы по восстановлению городского хозяйства. Лагерь, насчитывавший первоначально 479 военнопленных, начал функционировать в ноябре 1944 г., а был ликвидирован в августе 1949 г. На 1 августа 1945 г. в лагере содержалось уже более

---

¹³ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 209, л. 64; д. 214, л. 197; д. 223, л. 124 об.

¹⁴ Там же, ф. 19, оп. 13, д. 14, л. 1, 4, 174 об., 175.

¹⁵ Там же, л. 174 об.

¹⁶ Там же, ф. 17, оп. 14, д. 5, л. 18.

11 тыс. человек¹⁷, но до конца года наблюдалась большая текучесть контингента. В выступлении зам. начальника управления лагеря № 120 майора Яновского на совещании о работе лагерей для военнопленных, состоявшемся 27–28 мая 1946 г. в МВД КФССР, отмечалось, что через лагерь прошло 17 тыс. военнопленных, лишь с ноября 1945 г. контингент стабилизировался¹⁸.

В январе 1946 г. в лагерь № 120 входили 15 лагерных отделений, военнопленные шести из них работали на заготовке древесины в системе Наркомлеса, восьми – на восстановлении г. Петрозаводска и промышленности республики, одно лагерное отделение обслуживало подсобное хозяйство лагеря¹⁹. В январе 1947 г. в лагере содержалось 8455 военнопленных, из них в самом крупном первом лагерном отделении «Кукковка» – 3128 человек, в лагерном отделении «Северная точка» – 1872 человека. По национальному признаку военнопленные распределялись следующим образом: немцы – 6985, венгры – 848, австрийцы – 415, румыны – 133, поляки – 42, чехи – 16, голландцы – 6, прочие – 10. По воинским званиям: полковники – 1, подполковники – 19, майоры – 30, капитаны – 14, старшие лейтенанты – 3, лейтенанты – 25, младшие лейтенанты – 1, младший командный состав – 1756, рядовой состав – 6610²⁰.

Состав военнопленных лагеря постоянно менялся в связи с репатриацией их на родину и переброской в другие лагеря (Донбасс, Клин и др.). На 1 января 1948 г. в лагере насчитывалось 6452 человека, а количество лагерных отделений сократилось до 7. Управление лагеря находилось в пос. Кукковка. Лагерь включал отделения № 1 – «Кукковка», № 2 – пос. Соломенное, № 3 – Сулажгорский кирпичный завод, № 4 – «Северная точка», № 5 – «Харлу», № 6 – «Суоярви», № 7 – «Кондопога» (первоначально в лагерь входили также отделения в Медвежьегорске, д. Шак-наволок на Сямозере, на Оленьем острове, в Пяжиевой Сельге и др.). Спецгоспиталь № 5879 для военнопленных лагеря располагался в урочище «Древлянка».

В связи с ликвидацией ряда лагерных отделений в лагерях для военнопленных в республике контингент этих отделений перемещался в лагерь № 120. За 1948 г. из других лагерей МВД в лагерь № 120

---

¹⁷ НА РК, ф. Р-1394, оп. 3, д. 1185, л. 95.

¹⁸ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 214, л. 149.

¹⁹ Там же, д. 209, л. 64.

²⁰ Там же, ф. 16, оп. 3, д. 19, л. 112–113.

прибыло 4574 военнопленных, в том числе из расформированных лагерей № 166 и 212 – 2139 человек. Убыло в другие лагеря и в порядке репатриации на родину 5703 человека. Таким образом, на 1 января 1949 г. в лагере осталось 5323 человека, из них по национальности: немцы – 5165, австрийцы – 155, венгры – 2, чехи – 1²¹.

8 июня 1945 г. был издан приказ НКВД СССР об организации лагеря № 166 на 2 тыс. человек²². Управление лагеря находилось в г. Питкяранте. При лагере имелось 5 отделений: в пос. Ляскеля, пос. Харлу, г. Суоярви, г. Питкяранте и пос. Койвуселькя. Военнопленные четырех лагерных отделений работали в комбинатах бумажной промышленности, и одно отделение обслуживало подсобное хозяйство лагеря²³. Связь управления лагеря с лагерными отделениями в пос. Ляскеля, пос. Харлу и г. Суоярви в зимний период поддерживалась только по железной дороге.

В мае 1947 г. в лагере № 166 содержалось 2233 военнопленных, из них по национальности: немцев 1714, австрийцев 117, венгров 402. По чинам, занимаемым в бывшей германской армии: офицеров 49, младшего командного состава – 459 и рядовых – 1725 человек²⁴.

В середине февраля 1946 г. в трех лагерях КФ ССР находились 25 748 иностранных военнопленных, или 1,9 % их общего числа в СССР. Эта цифра была значительно выше, чем в ряде других регионов Европейского Севера: в Архангельской области – 4790, Вологодской области – 22 775, Мурманской области – 5925, Коми АССР – 442²⁵.

Четвертый лагерь для военнопленных № 447 (в районе Пудожа), организованный на основании постановления СНК СССР от 11 ноября 1945 г., был передан в ведение МВД КФСР от УМВД по Ленинградской области 28 февраля 1946 г. (в количестве 3004 военнопленных)²⁶.

По воспоминаниям одного из начальников лагерных отделений Пудожского лагеря, военнопленные были доставлены поездом из Ленинграда в Петрозаводск, а далее – на барже через Онежское озеро, затем по реке Водле в место расположения лагеря. Несмотря на холодную осеннюю погоду, одеты они были по-летнему: френчи,

---

²¹ АМВД РК, ф. 16, оп. 6, д. 8, л. 48.

²² По другим данным – 25 апреля 1945 г. Там же, ф. 18, оп. 4, д. 1, л. 25.

²³ Там же, ф. 40, оп. 1, д. 209, л. 64.

²⁴ Там же, ф. 16, оп. 3, д. 20, л. 40.

²⁵ Военнопленные в СССР. 1939–1956... С. 653.

²⁶ АМВД РК, ф. 20, оп. 6, д. 2, л. 74; ф. 40, оп. 1, д. 226, л. 4.

пилотки, большинство без шинелей. Большая часть военнопленных была захвачена в плен в последние дни войны при разгроме курляндской группировки противника. В лагерь самолетом было доставлено обмундирование, в том числе ватники, офицеры получили полушубки²⁷. Физическое состояние контингента лагеря было крайне тяжелым: из 3004 военнопленных половину составляли дистрофики, лазаретные больные, инвалиды и некоммунистические²⁸.

Управление лагеря располагалось в г. Пудоже. Первоначально лагерь включал 4 лагерных отделения: Новостеклянное (1200 человек), Бочилово (1200 человек), Подпорожье (800 человек) и Пудож (400 человек)²⁹. Позднее сформировались новые лагерные отделения – Черная Речка, Шалица, Колово, Поршта, «8-й квартал», «9-й квартал». Лагерные отделения располагались на расстоянии от 4 до 50 км от Пудожа.

Ближайшая станция железной дороги – Медвежьегорск – находилась от г. Пудожа в 240 км. Имевшаяся до г. Медвежьегорска грунтовая проселочная дорога зимой становилась недоступной из-за заносов и глубокого снега. Ближайшая водная пристань – Шала, находилась в 35 км от г. Пудожа. Связь с лагерными отделениями была затруднена. Проселочно-грунтовые дороги в заболоченных местах были покрыты гатью, летом из-за отсутствия мостов и паромов через р. Водду использование автотранспорта было ограничено, а зимой из-за глубокого снега дороги становились труднопроходимыми.

Основным назначением лагеря являлась заготовка деловой древесины для г. Ленинграда. На 1 января 1947 г. в лагере содержались 1967 военнопленных, в том числе 1617 немцев, 264 венгра и 86 австрийцев. Подавляющую часть военнопленных составляли рядовые солдаты и младший командный состав. По чинам в июне 1947 г. военнопленные Пудожского лагеря (1779 человек) распределялись следующим образом: офицерский состав – 59 человек, младший командный состав – 485, рядовой состав – 1235³⁰.

Одновременно с лагерями для военнопленных, помимо существовавшего спецгоспиталя № 4870, формируются 2 спецгоспиталя –

---

²⁷ Интервью с Г. Д., 1920 г. р. Записала Л. И. Вавулинская. 2010 г. (Фамилия не указана по просьбе автора воспоминаний).

²⁸ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 226, л. 4.

²⁹ Там же, ф. 20, оп. 18, д. 12, л. 1.

³⁰ Там же, ф. 16, оп. 3, д. 20, л. 405.

в Петрозаводске (№ 5879) и Кеми (№ 1755). Состав военнопленных в лагерях республики постоянно менялся. За четвертый квартал 1945 г. в КФССР прибыло 5392 военнопленных, а убыло 3837, из них отправлено на родину 2755 человек³¹. В лагерь № 212 за 1945 г. поступило 6 этапов военнопленных в количестве 14 846 человек, а было отправлено из лагеря 7 этапов (3967 человек). За это время в лагере умерло 853 человека³². За 2-й квартал 1946 г. прибыло в лагеря республики из других областей 27 военнопленных, убыло 1797³³. В начале 4-го квартала 1947 г. из республики была отправлена 1000 военнопленных 1-й и 2-й групп для работы в угольной промышленности³⁴. В третьем квартале 1948 г. на Вытегорстрой МВД СССР отправлены из лагерей КФССР 683 военнопленных³⁵. Учитывая постоянное движение военнопленных, сложно определить их точное количество на территории республики. Сохранившиеся источники позволяют привести количественный состав военнопленных только на определенные даты.

На 1 февраля 1947 г. в четырех лагерях республики содержались 19 711 военнопленных, в том числе по чинам, занимаемым в бывших вражеских армиях: офицерского состава — 398 человек, младшего комсостава — 5530 и рядового состава — 13783 человека; по национальности: немцев — 15 784 человека, румын — 132, австрийцев — 1042, венгров — 2631 и прочих — 73 человека. На 1 января 1948 г. в лагерях и спецгоспиталях на территории КФССР состояло на учете 12 289 иностранных военнопленных³⁶.

Стремясь добиться рентабельности лагерей для военнопленных, МВД СССР постоянно осуществляло структурные преобразования, ликвидируя низкорентабельные подразделения. В 1946 г. в целях экономии средств и сокращения личного состава лагерей была организована работа по ликвидации малочисленных лагерных отделений. Право на существование получили лаготделения численностью не менее 500 человек и лагеря — не менее 2000 человек. Если предприятию было необходимо использовать на работах менее 500 человек, то данное подразделение оформлялось в виде подкомандировки за счет

---

³¹ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 209, л. 64.

³² Там же, д. 214, л. 197.

³³ Там же, д. 226, л. 30.

³⁴ Там же, д. 265, л. 39.

³⁵ Там же, д. 271, л. 193.

³⁶ Там же, ф. 40, оп. 1, д. 271, л. 57.

штатов, из которого это подразделение выделялось. За 1946 г. в целом по стране было ликвидировано 740 различных мелких подкомандировок и 378 лагерных отделений как малочисленных и нерентабельных. Еще 69 управлений лагерей и 127 лагерных отделений были ликвидированы в процессе укрупнения лагерей. Причинами закрытия лагерей в это время являлись также отсутствие нормальных условий для размещения контингента, окончание работ, отказ предприятия от дальнейшего трудового использования пленных, освобождение помещений для размещения заключенных. К марту 1947 г. число производственных лагерей в стране сократилось до 196³⁷.

Аналогичный процесс происходил в республике. Закрывались малочисленные или неблагополучные по уровню жилищно-бытовых условий лагерные подразделения. Ускорению этого процесса способствовала проходившая с 1946 г. поэтапная репатриация военнопленных на родину.

Таким образом, в силу достаточной географической удаленности Карело-Финской ССР от центральных районов страны и накопленного здесь в 1920–1930-е гг. опыта по функционированию исправительно-трудовых лагерей, в послевоенные годы республика вновь стала местом расположения значительных контингентов принудительного труда: на этот раз – иностранных военнопленных. На территории Карело-Финской ССР располагались 4 лагеря для иностранных военнопленных, одной из отличительных особенностей которых стало то, что они фактически заменили собой лагеря ГУЛАГа, контингент которых был в годы войны эвакуирован в другие лагеря страны. Привлечение труда военнопленных в промышленность и строительство призвано было компенсировать острый недостаток рабочей силы в республике.

---

³⁷ Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР. 1939–1956 гг. Волгоград, 2001. С. 214.

Глава 2

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ И РЕЖИМ ЛАГЕРНОЙ ЖИЗНИ

В содержании иностранных военнопленных в СССР имелись свои особенности. Правовой статус военнопленных определялся нормами международного и внутреннего права. К началу Второй мировой войны главным международно-правовым документом о военнопленных являлась Женевская конвенция 1929 г. «Об обращении с военнопленными». Хотя СССР не ратифицировал Женевскую конвенцию, ее положения нашли отражение в директивных документах, регламентирующих содержание военнопленных и не противоречивших нормам международного права. 1 июля 1941 г. СНК СССР утвердил «Положение о военнопленных», в котором были определены условия содержания военнопленных и их правовое положение, трудовое устройство, уголовная и дисциплинарная ответственность за неисполнение приказаний. Положение гарантировало военнопленным жизнь и безопасность, нормальное питание и медицинскую помощь. Запрещалось жестокое обращение с ними, применение принуждения для получения от них каких-либо сведений. За военнопленными сохранялись право носить военную форму, знаки различия¹, награды, личные вещи и ценности, но запрещалось хранение и ношение оружия. В основном Положение было выдержано в духе международных соглашений о военнопленных.

Однако имелись и существенные отличия от Женевской конвенции 1929 г. В «Положении о военнопленных» отсутствовала статья, предусматривавшая раздельное содержание людей разных рас и национальностей, не были четко прописаны нормы питания военнопленных. Если Конвенция устанавливала пищевой рацион военнопленного по качеству пищи и его количеству на уровне рациона собственных войск, находящихся на казарменном положении, то Положение давало право определять нормы питания Управлению НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных. Самым серьезным отличием

---

¹ 2 ноября 1945 г. НКВД СССР в соответствии с указанием правительства издал приказ № 0268 «О лишении права ношения знаков различия и знаков отличия военнопленных германской армии» — См.: Военнопленные в СССР, 1939–1956... С. 46.

Положения от Женевской конвенции было отсутствие пунктов о контроле за содержанием военнопленных со стороны Международного Красного Креста и стран-покровительниц из числа сохранивших нейтралитет. Различны были и подходы к использованию труда унтер-офицеров. По Конвенции их разрешалось привлекать к труду лишь по надзору за работающими, а по Положению — ко всем работам вместе с рядовыми².

Как правило, военнопленные содержались в специальных режимных лагерях, сроки их заключения были в основном стереотипными — 25 лет лишения свободы, т. е. должны были заканчиваться в 1970-е гг. Наказание в плену отбывали только солдаты, служившие в карательных частях. К последним относились части «СС», «СД», а также спецслужбы гестапо, абвер и др. Список этих частей был утвержден Чрезвычайной государственной комиссией (ЧГК) СССР³.

7 августа 1941 г. НКВД СССР утвердил Инструкцию о порядке содержания военнопленных в лагерях УПВИ. По сравнению с Инструкцией 1939 г. в ней впервые появились пункты, обязывающие пленных рядового и младшего начальствующего состава работать⁴. Офицеры и приравненные к ним лица могли привлекаться к труду только с их согласия. На работающих военнопленных были распространены постановления об охране труда и рабочем времени, применяемые в данной местности к советским рабочим, занятым в той же отрасли.

Одним из основных принципов лагерной системы ГУПВИ была изоляция военнопленных. Она осуществлялась, во-первых, в целях предотвращения побегов военнопленных, во-вторых, для предотвращения утечки и распространения негативной по отношению к СССР информации⁵. Требования режима предусматривали создание условий для исправительно-трудового воздействия на заключенных. В соответствии с инструкциями осуществлялись подъем военнопленных и отбой, вывод на работы, питание, утренняя и вечерняя поверки, свободное время и т. д.

---

² Военнопленные в СССР, 1939–1956... С. 66–68, 1012–1027.

³ Смыкалин А. С. Правовой статус и особенности содержания немецких военнопленных в СССР в 1942–1956 гг.: По материалам Свердловской области // Правоведение. 2001. № 1. С. 209–216.

⁴ Военнопленные в СССР, 1939–1956... С. 163–168.

⁵ Кузьминых А. Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны... С. 91.

Конвоирование на работу производилось составом конвойных войск НКВД, а в отделениях, не принятых под охрану конвойными войсками, — вахтерским составом. Массовое поступление военнопленных привело к тому, что конвойных войск стало не хватать. С августа 1944 г. конвой для охраны военнопленных в пути на работу и на производстве стал назначаться из расчета 1 конвой на 25 человек (до этого времени конвой назначался из расчета один конвой на 15 человек). Охрана рабочей группы менее 20 человек поручалась вахтерскому наряду. Для соблюдения обязательного требования выделения на охрану не менее двух конвоиров начальники лагерей должны были формировать большие группы работающих. Поскольку условия производства часто не позволяли использовать военнопленных группами численностью более 10 человек, то приказом НКВД СССР от 27 июня 1945 г. в таких случаях они посылались на работу без конвоя⁶.

В лагерном отделении Кутижма в декабре 1945 г. из-за отсутствия конвоя военнопленные выводились на работы под ответственность безоружных мастеров, по 60 человек на одного мастера⁷. Из-за нехватки конвойных войск имели место случаи невывода военнопленных на работу. Только в марте 1946 г. по 4 лагерям республики не были выведены на работу 2875 военнопленных. Для обеспечения полного вывода военнопленных на работы и охрану лагерных зон дополнительно требовалось 250–270 бойцов⁸. По состоянию на 1 июля 1947 г. не были приняты под охрану 391 конвойным полком лагерные отделения № 13 лагеря № 120, № 5 лагеря № 166, № 12 и 15 лагеря № 212, в которых содержалось 712 военнопленных⁹.

Из-за хронической нехватки конвойных войск и вахтерского состава получила широкое распространение практика расконвоирования военнопленных и создания команд самообороны из состава военнопленных, которые использовались в качестве патрулей внутри лагерных зон в ночное время. В первую очередь, расконвоированию подлежали лица, используемые на командных и производственных должностях, а также представители антифашистского актива. Они использовались в основном на работах в пищеблоках, лазаретах, банях, прачечных, парикмахерских, портновских и сапожных мастерских

---

⁶ Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР... С. 126–127, 193.

⁷ НА РК, ф. Р-1394, оп. 7, д. 40/293, л. 81.

⁸ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 228, л. 40, 44.

⁹ Там же, д. 265, л. 14–15.

при Управлении лагерей. Расконвоированные выпускались из зоны лагерного отделения по пропускам, в которых указывался маршрут их движения, объект работы, время выхода из зоны лагеря и возвращения обратно. При этом, как правило, расконвоированные военнопленные не предпринимали попыток к бегству.

В 1947 г. в среднем за квартал на работу хозяйственных органов выводилось военнопленных: охраняемых 391 полком — 11 461 человек, военизированной охраной хозорганов и вахтерским составом — 2 155 человек и 496 военнопленных были расконвоированы. В первом квартале 1948 г. по лагерям республики выводились на работы 407 расконвоированных военнопленных и под охраной хозоргана — 920 человек¹⁰.

Одной из сложных проблем организации лагерной жизни являлась проблема комплектования лагерей кадрами. Во втором квартале 1945 г. из положенных по штатному расписанию лагерям 524 единиц было укомплектовано 287, или 55 %. Должности медперсонала были укомплектованы лишь на 31 %, персонала по трудоустройству — на 57 %, переводчиков — на 13 %, оперативно-чекистских работников — на 47 %. На все лагеря имелось только 2 переводчика¹¹. В первом квартале 1946 г. положение с обеспечением лагерей кадрами несколько улучшилось, однако из положенных по штату 1311 единиц имелось 899, что составляло комплект в 412 человек, или 31,4 %¹². В докладной записке министра внутренних дел КФССР генерал-майора Серебрякова заместителю начальника ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенанту Кобулову от 24 марта 1947 г. отмечалось, что в четырех лагерях и двух спецгоспиталях республики имелось 876 человек личного состава, из них 308 офицеров, 79 сержантов, 177 рядовых и 31 — прочих. На 1 января 1948 г. из положенных по штату лагерей 797 единиц было заполнено 641, комплект составил 156 единиц, или 19,6 %¹³.

Укомплектование лагерей производилось за счет местного населения, демобилизованных из Советской Армии и войск МВД, а также спецконтингента, проходившего фильтрацию в проверочно-фильтрационных лагерях МВД. Имели место случаи, когда в результате недостаточной проверки на работу в лагеря принимались лица, осужденные

---

¹⁰ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 265, л. 14–15; д. 271, л. 61.

¹¹ Там же, д. 209, л. 17.

¹² Там же, д. 226, л. 9.

¹³ Там же, ф. 35, оп. 1, д. 176, л. 91.

за различные должностные и бытовые преступления. Так, в лагере № 120 в марте 1947 г. работали 9 осужденных, в лагере № 166 — 7, в лагере № 212 — 21 и в лагере № 447 — 3 человека¹⁴. Наиболее трудно проходило комплектование должностей врачей и среднего медицинского персонала, оперативного состава, счетных работников и переводчиков.

Основной единицей лагерного комплекса являлись лагерные отделения, которые организовывались поблизости от производственных участков. Система содержания военнопленных была аналогична структуре воинских подразделений. Военнопленные объединялись в отделения, взводы, роты, батальоны. Среди них было организовано самоуправление, имелись свои бригадиры, старшие барачков. Администрация лагеря назначала коменданта из числа военнопленных, от которого по воспоминаниям одного из начальников лагерных отделений Пудожского лагеря, нередко пленным доставалось больше, чем от администрации лагеря¹⁵.

Начальник лагерного отделения «Кукковка» лагеря № 120 Б. А. Сулов вспоминал: «По закону военнопленные не являются преступниками, и я никогда не считал их таковыми. Лагерь не стал для них тюрьмой. Конечно, была охрана, и на работу их выводили под конвоем, но в целом режим оставался достаточно свободным. Я никогда не возражал против того, чтобы отпустить желающих в город, но сами пленные предпочитали проводить свой досуг в лагере...»¹⁶.

Для обеспечения охраны военнопленных вокруг лагерной зоны создавалась сеть инженерных сооружений в виде забора из колючей проволоки или частотола и смотровых вышек. В докладной записке начальника лагеря № 212 в НКВД КФССР 8 января 1945 г. отмечалось: «Лагерь охраняется 9-й ротой 225 полка конвойных войск НКВД в количестве 70 человек, что явно недостаточно для вывода военнопленных на работу. Вахтерский состав (27 человек) полностью не обеспечен вооружением — всего 16 комплектов вооружения из положенных 32 для отделений охраны и режима). За отчетный период из лагеря был один побег, бежавшие задержаны через 3 часа. Зона лагеря ограждена в 2 ряда столбов 2,5 м высотой и около 20 нитей проволоки, сделано 6 вышек для постов с телефонной связью и электросигнализацией. Ограждение зоны освещается прожекторами

---

¹⁴ АМВД РК, ф. 16, оп. 3, д. 19, л. 19.

¹⁵ Интервью с Г. Д. *, 1920 г. р. Записала Л. И. Вавулинская. 2010 г.

¹⁶ Спектор Т. Блюз военнопленных // Петрозаводск. 1999. 2 июля.

и электроламповыми установками через каждые 130 м. Налажен пропускной режим в зону и из зоны. Проверка военнопленных проводится ежедневно два раза — утром и вечером»¹⁷.

В Пудожском лагере № 447, где в начале 1946 г. насчитывалось 3299 военнопленных, ряд лагерных отделений не охранялся конвойными гарнизонами. Из-за отсутствия колючей проволоки лагерные зоны были обнесены частоколом. Конвойные войска насчитывали в это время всего 120 человек. Однако ввиду удаленности Пудожского лагеря от населенных пунктов, основных магистралей и железных дорог за 1945–1946 гг. только один побег был ликвидирован не своими оперативными группами и не в своем районе¹⁸.

Во время проверки лагерных отделений Новостеклянное, 8-й квартал и Шалица лагеря № 447 было установлено, что «военнопленные имели свободный выход из зон лагерных отделений без конвоя и без учета, и болтались в рабочих поселках и деревнях». Карцеры для их содержания не были оборудованы. Обыск военнопленных при впуске и выпуске из зоны не производился. Военнопленные не были сформированы в подразделения — отделение, взвод, рота и батальон. Внутренний наряд из числа военнопленных не назначался. Зоны, вышки и проходные будки имелись не во всех лагерных отделениях, сигнализация на постах отсутствовала, не было внутренней связи часовых на постах с дежурными. По лагерю было расконвоировано 123 человека, которые использовались на работах в мастерских, пищеблоках, лазаретах, банях, прачечных¹⁹.

Вопросам организации охраны военнопленных уделялось много внимания. Так, в приказе по управлению лагеря № 120 от 29 марта 1947 г. отмечалось, что большое количество военнопленных выводилось на объекты работ мелкими группами, что исключало возможность полного обеспечения конвоем. В то же время охрана со стороны хозяйственных органов не являлась достаточно надежной. С прибытием на объекты военнопленные делились на мелкие группы и работали без охраны (лагерные отделения № 1 и 10). Не все объекты работ имели ограждения, чем предоставлялась возможность общения военнопленных с гражданским населением. Пропускной режим в лаготделениях соблюдался не полностью, вывод из зоны на работы и прием с работы производились

---

¹⁷ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 217, л. 102–104.

¹⁸ Там же, ф. 20, оп. 6, д. 2, л. 74, 152.

¹⁹ Там же, л. 74–76; оп. 18, д. 12, л. 41–42.

не по бригадным спискам, а по счету, отсутствовали опознавательные знаки на одежде военнопленных. Кроме того, имелся ряд грубейших нарушений на объектах работ: самовольный уход конвоя с поста, отпуск военнопленных с объекта работ по их просьбе, дробление военнопленных на мелкие группы и передача их под наблюдение мастеров и бригадиров, избиение военнопленных. В результате плохой охраны в первом квартале с объекта работ лаготделений № 1 и 4 имелось два случая побегов, бежало 3 человека.

Приказом запрещалось начальникам лагерных отделений и начальникам гарнизонов, отвечавших за охрану военнопленных, выводить военнопленных на вновь открывающиеся объекты без предварительного осмотра и приема под охрану. Предусматривалось использовать военнопленных на работах группами не меньше 30 человек и потребовать от хозяйственных органов надлежащего оборудования объектов с целью недопущения общения военнопленных с окружающим населением. Старшим конвоя вменялось в обязанность проводить проверку наличия военнопленных на производстве не реже трех раз в день путем пересчета (не выстраивая военнопленных), через переводчиков, бригадиров и командиров рот.

Вывод военнопленных на работы и прием с работы должен был производиться только по бригадным спискам с поверхностным обыском военнопленных. Обязательными были объявлены ежедневные посписочные утренние и вечерние проверки военнопленных с выстраиванием на улице. В срок до 10 апреля 1947 г. надлежало обновить надписи опознавательных знаков «В/П» на левом рукаве выше локтя по трафарету черной несмываемой краской непосредственно на одежде. Без наличия этих знаков ни один военнопленный не мог быть выпущен из зоны. Начальникам лаготделений указывалось на необходимость оживить работу баз содействия, как на объектах работ, так и в населенных пунктах, а там, где их не было — создать²⁰.

В приказе по управлению лагеря военнопленных № 120 о мероприятиях по усилению охраны и режима содержания военнопленных от 23 июля 1947 г. вновь указывалось на недостатки в охране военнопленных, на «ослабление политической и чекистской бдительности». Ряд военнопленных из лагерной обслуги (кладовщики, повара, бригадиры, портные, сапожники и т. д.), не будучи расконвоированными, пользовались свободным выходом из зон лагерных

---

²⁰ АМВД РК, ф. 17, оп. 13, д. 5, л. 4–5 об.

отделений № 1, 2, 4, 13. В ряде лаготделений (№ 7, 14) военнопленные приготавливали пищу для офицерского состава, использовались в качестве сторожей для охраны складских помещений. Работники управления лагеря и лаготделений допускали в присутствии военнопленных служебные разговоры, а подчас использовали их посыльными для передачи разного рода приказаний и распоряжений.

Приказом по управлению лагеря начальникам лаготделений вменялось в обязанность снять и не допускать военнопленных к охране материальных ценностей и приготовления пищи для сотрудников лагерных отделений. При этом характерен дифференцированный подход к режиму содержания военнопленных разных национальностей. Во всех лаготделениях, где содержались военнопленные немецкой национальности, предусматривалось установить строгий режим содержания и пропускной режим, как в лагерях пограничной полосы. В тех же лаготделениях, где содержались венгры, румыны и австрийцы, предполагался облегченный режим содержания, допускались в отдельных случаях вывод военнопленных на работу под охраной одного конвоира и самоохраной по принципу круговой поруки²¹.

Комментируя приведенный документ, следует отметить, что на пленных распространялись иные, чем в условиях военных действий, законы, регулирующие их жизнь в лагерях для военнопленных, причем как международные, так и законы страны-победительницы. Очевидно, что эти законы были жестче в отношении тех, кто непосредственно воевал против страны-победительницы, чем тех, кто использовался в качестве рабочей силы, в частности, в числе трудармейцев. Например, венгры и румыны, выступившие на стороне гитлеровской Германии, нередко были мобилизованы в качестве трудармейцев. Поэтому они могли рассчитывать на более щадящий режим в лагерях для военнопленных, чем немцы, австрийцы, которые в качестве воинов противостояли Советской армии²².

Еще в 1944 г. по ходатайству депутата Верховного Совета СССР Г. Димитрова (с 1948 г. – генерального секретаря ЦК Болгарской

---

²¹ АМВД РК, ф. 17, оп. 13, д. 4, л. 10–11.

²² Коротчаев В. И. Проблема выживания военнопленных в советских лагерях на примере лагеря № 211, 1944–1948 гг. // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 4. С. 11.

Коммунистической партии) в целях повышения эффективности антифашистской пропаганды во всех лагерях для военнопленных началось отделение австрийцев, румын и венгров от немцев и концентрация их в отдельных лагерях и лагерных отделениях²³. Во многом это объяснялось результатом действий советской пропаганды, которая, как и пропаганда других стран, стремилась в годы войны придать образу «врага» более определенный этнический характер, ассоциирующийся преимущественно с немцами²⁴. В соответствии с директивой МВД СССР № 118 от 12 июня 1947 г. военнопленные венгры, румыны и австрийцы были сконцентрированы в специальных лагерных отделениях: в лагере № 120 – в лагерных отделениях № 7 и 10, в лагере № 166 – в лагерных отделениях № 1 и 5, в лагере № 212 – в лагерном отделении № 9, в лагере 447 – в лагерном отделении № 5²⁵. Концентрация военнопленных румын, венгров и австрийцев в отдельных лагерях и лагерных отделениях, завершившаяся в 1947 г., сопровождалась некоторым улучшением материально-бытового положения и культурного обслуживания военнопленных названных национальностей.

В целях улучшения охраны военнопленных в соответствии с приказом МВД СССР от 26 июня 1947 г. в 11 лагерных отделениях лагерей для иностранных военнопленных в республике с 1 июля 1947 г. были введены должности зам. начальника лаготделения по охране и режиму²⁶. Несмотря на принимаемые меры, имели место побегі военнопленных, хотя они, как свидетельствуют архивные документы, были довольно редким явлением лагерной жизни. Одной из главных причин незначительного числа побегов военнопленных, в отличие от спецпоселенцев, являлся языковой барьер между пленными и местным населением. Подготовка побега значительно затруднялась и тем, что оперативный отдел вел учет лиц, выражавших «побеговые настроения». К розыску бежавших пленных и предотвращению побегов привлекались бригады содействия, созданные в прилегающих к лагерям населенных пунктах, железнодорожных станциях, пристанях. За полгода (с 1 августа 1946 г. по 15 февраля 1947 г.) из Пудожского лагеря № 447 бежали всего 3 военнопленных, которые были

---

²³ Военнопленные в СССР... С. 38, 187; АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 265, л. 15.

²⁴ Кринко Е. Ф. Образы противника в массовом сознании советского общества в 1941–1945 годах // Российская история. 2010. № 5. С. 85.

²⁵ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 265, л. 15.

²⁶ Там же, ф. 68, оп. 2, д. 161, л. 43.

задержаны и водворены в лагерь. За это же время было предотвращено 9 случаев готовившихся побегов. За второй квартал 1946 г. по лагерям республики имелось 19 случаев побегов с общей численностью 41 человек, за третий квартал — 16 случаев групповых побегов (31 человек). За 1947 г. из лагерей было совершено 10 побегов, бежало 13 военнопленных, все они задержаны. За это же время было предотвращено с помощью агентуры 14 побегов²⁷.

Примечательно, что беглецы в случае поимки не привлекались к уголовной ответственности, а получали дисциплинарные взыскания согласно Дисциплинарному уставу Красной Армии. Как правило, нарушители лагерного режима направлялись в штрафные роты с особым режимом содержания на срок от одного до трех месяцев. Иногда бегство военнопленных заканчивалось трагически.

В штрафные подразделения военнопленные направлялись также за расхищение лагерного имущества, кражи, симуляцию, дезорганизацию производства. Для содержащихся в штрафных подразделениях рабочий день устанавливался не менее 12 часов с обязательным выполнением нормы выработки. Их посылали на более трудные участки работ. К примеру, 5 августа 1947 г. приказом о наложении дисциплинарных взысканий на военнопленных по лагерю № 447 два человека за самовольный уход с работы и хищение гороха и картофеля из подсобного хозяйства лагеря были определены в штрафную роту сроком на один месяц каждый и два человека за систематическое невыполнение производственных норм, нарушение трудовой дисциплины — в штрафную роту сроком на два месяца каждый²⁸.

Анализ документов позволяет говорить о том, что наиболее типичными нарушениями режима в лагерях являлись отказ от работы, хищения и кражи лагерного имущества, хранение запрещенных предметов. Так, по Пудожскому лагерю за 3-й квартал 1946 г. имелись следующие нарушения режима со стороны военнопленных: нарушения дисциплины — 6 случаев, симуляция от работы — 10, порча вещевого имущества — 1, нарушение режима хранения неположенных предметов — 12 случаев. За эти нарушения на военнопленных наложено 90 суток ареста²⁹.

---

²⁷ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 226, л. 30, 37.

²⁸ Там же, ф. 20, оп. 18, д. 5, л. 1.

²⁹ Там же, оп. 6, д. 2, л. 111, 113.

В 1948 г. по лагерям военнопленных сократилось количество нарушений, что видно из таблицы.³⁰

Характер проступков	1-й квартал Кол-во проступков	2-й квартал Кол-во проступков	3-й квартал Кол-во проступков	4-й квартал Кол-во проступков
1. кража личных вещей и лагерного имущества	65	21	36	9
2. невыполнение распоряжений администрации лагеря	36	45	20	4
3. побеги	7	2	5	—
4. прочие нарушения	46	55	30	28
5. подвергнуто аресту	100	117	85	27

За общеуголовные преступления военнопленные привлекались к ответственности как по союзному законодательству, так и по уголовным кодексам союзных республик. В третьем квартале 1947 г. за отказ от работы, саботаж и хищение лагерного имущества были преданы суду Военного трибунала 17 военнопленных, из них осуждено к разным срокам наказания 6 человек³¹.

Одним из профилактических мероприятий по поддержанию режима в лагерях для военнопленных являлись регулярные обыски по изъятию запрещенных предметов (ножей, топоров, рабочего инструмента), которые могли служить средством нападения и подготовки побега. Изымалась также запрещенная корреспонденция, не прошедшие проверку письма и т. д. Так, разработанный в декабре 1946 г. план мероприятий по проведению обысков у военнопленных лагеря № 120 предусматривал проведение обысков по лагерным отделениям 1–2 раза в месяц и внепланово. Изъятию подлежали: все запрещенные к хранению вещи, ценности, предметы отравляющих веществ, яды, опий, морфий и др., ордена, медали, погоны, личные документы и переписка, представляющая оперативный интерес. На все изъятые предметы и вещи требовалось составлять опись с указанием, что и у кого изъято. Эту опись вместе с изъянными вещами и предметами следовало представлять в оперативный отдел лагеря. Начальник отдела охраны и режима обязан был докладывать о выполнении плана и результатах обысков по каждому лаготделению начальнику лагеря,

³⁰ АМВД РК, ф. 20, оп. 6, д. 2, л. 111, 113.

³¹ Там же, ф. 40, оп. 1, д. 265, л. 28.

а оперотдел управления лагеря доносить о результатах обыска специальным сообщением в МВД КФССР ежемесячно.

Особое внимание уделялось строгому учету военнопленных. На каждого военнопленного заполнялась регистрационная карточка в трех экземплярах, один из которых направлялся в центральную картотеку, другой — оставался в лагере, а третий экземпляр карточки вместе с учетным отделом следовал за военнопленным при перемещении его из лагеря в лагерь. В учетном деле и в карточке должны были отражаться все места пребывания военнопленного, сведения о дате его репатриации или смерти и месте захоронения. В учетное дело также подшивались медицинские документы из спецгоспиталей, если военнопленный направлялся на лечение.

Внутренний распорядок лагерей был подчинен интересам трудоустройства и сохранения физического состояния военнопленных. В выступлении министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова на совещании министров внутренних дел республик и начальников краевых и областных управлений МВД 20–22 марта 1946 г. подчеркивалось: «Внутренний распорядок имеет большое значение для сохранения физического состояния военнопленных. В некоторых лагерях военнопленных поднимают рано утром, на поверке долго держат, приходится тратить много времени на получение пищи и т. д. Такой порядок нужно изменить... Если военнопленному надо на работу идти к 8 часам, то не надо его поднимать в 5 часов, пусть он дольше лежит, ведь вы знаете, что чем больше человек лежит, тем меньше ему надо есть. Внутренний распорядок пересмотрите по всем лагерям ваших областей, упростите его и подчините его этим задачам»³².

В силу внешнеполитических соображений военнопленные в меньшей степени, чем советские заключенные, испытывали произвол лагерного начальства. Однако имели место и случаи притеснения военнопленных, жестокого обращения с ними со стороны лагерной администрации. Так, начальник лагерного отделения Шалица систематически избивал военнопленных, выводил больных в лес на работу, что послужило поводом для группового побега из зоны в декабре 1945 г. Начальник лагерного отделения был отстранен от занимаемой должности с понижением в должности и подвергнут административному взысканию — 10 суток ареста с вычетом 50 % из зарплаты³³. Со стороны

---

³² Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы... С. 70.

³³ АМВД РК, ф. 20, оп. 18, д. 12, л. 25.

лично состава гарнизона, расположенного в Питкяранте, имели место случаи избиения военнопленных. Кроме того, конвоиры принуждали военнопленных обменивать новое обмундирование на старое³⁴. Были зафиксированы и случаи физического воздействия на военнопленных со стороны работников предприятий, использовавших их труд. Подобные инциденты каждый раз тщательно разбирались и принимались меры по наказанию виновных.

Нередкими были случаи злоупотребления служебным положением со стороны должностных лиц, использовавших военнопленных для своих личных целей (пошив одежды и обуви, работа по дому и в огороде и т. п.). В то же время лагерная администрация оказывала доверие отдельным военнопленным, привлекая их к выполнению определенных хозяйственных работ, а иногда даже устраивала совместные вечера отдыха. Как следует из приказа по Управлению лагеря № 447 от 14 мая 1946 г., в феврале 1946 г. начальник лагерного отделения «9-й квартал» капитан Т. устраивал танцевальные вечера для личного состава лаготделения, на которых присутствовали военнопленные. Работники лагерного отделения Г. и Б. танцевали с военнопленными. Кроме того, военнопленный на одном из вечеров исполнял на немецком языке песенку «Мариянка». Капитан Т. был предупрежден о недопущении подобных случаев в дальнейшем. Работнице лаготделения Б. за недостаточно серьезное отношение к взаимоотношениям с военнопленными наложено дисциплинарное взыскание — выговор³⁵.

В приказе начальника управления лагеря № 120 Макарова от 23 октября 1946 г. «О повышении дисциплины среди военнопленных по лагерным отделениям управления лагеря» отмечались случаи, когда военнопленные не приветствовали офицерский состав и работников управления лагеря и не вставали по стойке «смирно», клиенты, посещавшие лагерные мастерские, здоровались с мастерами-военнопленными за руку и др.

В целях устранения подобных недостатков выдвигались требования:

1. Повысить дисциплину среди военнопленных и требовательность к ним со стороны офицерского состава в строгом соответствии с дисциплинарным уставом Вооруженных Сил СССР...

---

³⁴ АМВД РК, ф. 18, оп. 4, д. 1, л. 100.

³⁵ Там же, ф. 20, оп. 18, д. 11, л. 24.

3. Повести решительную борьбу с лицами, допускающими бесконтрольность в охране военнопленных, ненужную доверчивость и панибратство с военнопленными.

4. Прекратить практику рукопожатий с военнопленными и обращение по имени и отчеству.

5. Требовать от всех военнопленных беспрекословного выполнения указаний и распоряжений, исходящих от работников лаготделений...

7. Не оставлять ни одного случая без наказания нарушителей дисциплины и внутреннего режима в лаготделениях...³⁶.

В приказе начальника управления лагеря № 120 МВД КФССР от 12 февраля 1948 г. вновь подчеркивалось, что «Руководящий состав лагерных отделений не предъявляет должной требовательности к командирам подразделений военнопленных, передоверили руководство рабочими бригадами самим военнопленным, а внутренний распорядок, быт и содержание возложен на комендантов из числа военнопленных, которые в большинстве своем работают бесконтрольно...»³⁷.

В апреле 1948 г. МВД СССР выпустило директиву, в которой указывалось: «Сейчас необходимо освободиться от таких лиц, которые потеряли грань между военнопленными и собой, и решительно бороться за то, чтобы в обращении с военнопленными не было бы панибратства и фамильярности, приятельских отношений». Сотрудников, которые длительное время работали в одном лагерном отделении, предписывалось перебросить в другие лагерные подразделения, чтобы разрушить сложившиеся с военнопленными связи³⁸.

Общение с пленными рассматривалось как преступная связь со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако, вопреки этому, случались романы военнопленных с медицинскими и хозяйственными работниками лагерей. В случае обнаружения подобных фактов по ним проводились расследования и принимались соответствующие меры.

Таким образом, правовой статус военнопленных, в сравнении с другими категориями принудительного труда, в большей степени

---

³⁶ АМВД РК, ф. 17, оп. 11, д. 8, л. 227–228.

³⁷ Там же, д. 17, л. 39–40.

³⁸ Кузьминых А. Л. Военнопленные и северяне: становление диалога (1939–1949 гг.) // Отечественная история. 2005. № 2. С. 124.

определялся законодательными актами и международными правовыми нормами и в меньшей степени — ведомственными инструкциями. Политическая составляющая играла немалую роль в формировании режима в лагерях для иностранных военнопленных: доказывая всему миру преимущества социалистического строя, Советский Союз прилагал усилия для обеспечения содержания военнопленных в духе международных соглашений. В силу удаленности многих лагерных отделений от населенных пунктов и основных железнодорожных магистралей, наличия в республике преимущественно некрупных предприятий, разбросанности объектов строительства и невозможности организовать необходимую охрану режим лагерной жизни здесь был относительно более мягким, значительное число военнопленных было расконвоировано, многие военнопленные трудились вместе с вольнонаемными рабочими только под присмотром мастеров и бригадиров.

Глава 3

ТРУД ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ И СТРОЙКАХ КАРЕЛИИ

В соответствии с основными принципами советской политики в отношении бывших военнослужащих вражеских армий они рассматривались как значительный источник рабочей силы, восполнявшей острейший дефицит кадров на промышленных предприятиях и стройках. Основные принципы использования труда иностранных военнопленных были определены еще в годы войны: Директива о порядке трудового использования военнопленных, интернированных и спецконтингентов и Типовой договор УПВИ НКВД СССР (6 апреля 1943 г.), распоряжение НКВД СССР № 142 от 18 апреля 1944 г. о порядке использования на работах военнопленных различных категорий трудоспособности, Циркуляр НКВД СССР № 204 от 31 июля 1944 г. о дальнейшем улучшении организации трудового использования военнопленных, Инструкция о порядке планирования, учета и расчетов по труду военнопленных, используемых на предприятиях и строительствах НКВД СССР, утвержденная 26 сентября 1944 г. и др.¹

В соответствии с физическим состоянием военнопленные подразделялись на 4 категории трудоспособности, введенные еще во время Великой Отечественной войны директивой УПВИ НКВД СССР от 17 июля 1942 г. «О подразделении военнопленных на группы в зависимости от их физического состояния». К первой группе были отнесены все военнопленные, практически здоровые, годные для выполнения тяжелых физических работ; во вторую группу зачислялись военнопленные, ограниченно годные к тяжелой физической работе (которые имели временное расстройство здоровья, неопасные хронические заболевания, несущественные физические недостатки); в третью группу вошли военнопленные, годные только для выполнения легких физических работ, имеющие серьезные хронические заболевания или физические недостатки; в четвертую — военнопленные-инвалиды с тяжелыми хроническими заболеваниями или физическими недостатками, которые, как правило, были

---

¹ Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 565–568, 580–581, 587–588, 589–591.

неспособны работать или чей труд иногда можно было использовать в мастерских лагерей².

Директива о порядке трудового использования военнопленных, интернированных и спецконтингентов (6 апреля 1943 г.) определяла порядок открытия лагерей производственного назначения и обязывала руководство лагерей обеспечить правильную организацию труда и расстановку военнопленных в соответствии с их физическим состоянием и профессиональными навыками. В зависимости от физического состояния людей устанавливалась продолжительность рабочего дня, которая не должна была превышать 8 часов. Пленным полагались 4 выходных дня в месяц, ежедневный непрерывный ночной отдых не менее 8 часов. На самом деле, это положение не всегда выполнялось. На тех предприятиях, где рабочий день советских рабочих был длиннее, для военнопленных устанавливалась такая же продолжительность работы. На летний период времени после войны, как правило, устанавливался 10-часовой рабочий день. Не выполняющих нормы выработки военнопленных разрешалось оставлять на 1–2 часа трудиться после окончания основного рабочего дня³.

Взаимоотношения между лагерями, с одной стороны, стройками и предприятиями, использующими труд военнопленных — с другой, оформлялись в соответствии с типовым договором УПВИ. Хозяйственные органы обязаны были оплачивать за работы лагерю строго по единым нормам выработки и расценкам за фактически выполненный объем работ. Одновременно лагеря для военнопленных оплачивали хозоргану все услуги по коммунально-бытовому обслуживанию, кроме оплаты оборудованных помещений и их ремонта, которые хозорган предоставлял бесплатно и ремонтировал за свой счет⁴. Для покрытия расходов лагеря по содержанию контингента, его охраны, медобслуживания, других административно-хозяйственных расходов предприятие должно было на всю сумму заработной платы военнопленных производить процентные начисления в размере 35 % (для организаций системы НКВД — 25 %), которые перечислялись на счет лагеря одновременно с основными суммами за выполненные работы. При невыполнении хозорганом своих обязательств лагерь имел право снять военнопленных с работ, предупредив об этом руководство предприятия за 2 недели.

---

² Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 548.

³ Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг. С. 99, 132.

⁴ Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 565–568.

Утвержденная 26 сентября 1944 г. Инструкция о порядке планирования, учета и расчетов по труду военнопленных, используемых на предприятиях и строительствах НКВД СССР, отделяла контингенты военнопленных и интернированных от заключенных и подчеркивала, что они не входят в списочный состав лагерей НКВД для заключенных⁵.

Привлечение иностранных военнопленных к труду было плановым и централизованным: решения принимались правительством, а их реализация осуществлялась через Управление НКВД СССР по делам военнопленных. УПВИ НКВД СССР по согласованию с Плановым отделом НКВД СССР и соответствующими отраслевыми главками, управлениями ежеквартально устанавливало для каждого лагеря военнопленных плановые лимиты по трудоустройству военнопленных, а хозяйственный орган определял средний уровень дневной заработной платы⁶.

Хотя применение труда иностранных военнопленных началось уже в ходе Великой Отечественной войны, в это время оно не играло существенной роли в экономике страны. К концу 1944 г. уже около 400 тысяч пленных выделялись предприятиям и стройкам более 30 наркоматов, однако эффективность их труда оставалась низкой. В 1944 г. за счет заработной платы работающих расходы государства, затраченные на содержание военнопленных в СССР, были покрыты только на 25,6 %⁷.

С окончанием войны труд военнопленных стал применяться в более широких масштабах. К 1946 г. на работу в важнейшие отрасли народного хозяйства СССР было направлено свыше 1800 тыс. военнопленных, большая их часть работала в строительстве, в топливно-энергетической, оборонной, металлургической и машиностроительной промышленности, на производстве строительных материалов, включая и лесную промышленность. В общем балансе рабочей силы ведущих хозяйственных министерств военнопленные занимали значительное место: на строительстве в министерстве целлюлозно-бумажной промышленности – 27,2 % общего количества рабочих, по Министерству промышленности строительных материалов – 24,1 %, Министерству электростанций – 16,8 %⁸.

Выступая на совещании министров внутренних дел республик и начальников краевых и областных управлений МВД 20–22 марта

---

⁵ Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 589–591.

⁶ Там же. С. 589–591.

⁷ Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг.... С. 87–88, 130–131.

⁸ Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 48, 916.

1946 г., министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов подчеркнул: «Дело с военнопленными щекотливое, и правительство с нас за их состояние строго спрашивает... Правильная организация режима содержания и трудоустройства военнопленных приносит большую экономическую пользу нашему государству. Если лагерь работает нормально, физическое состояние военнопленных не ослабляется, смертности и заболеваний нет, все военнопленные работают и выполняют нормы, тем самым государству возмещается не только стоимость их содержания, но и создаются большие материальные ценности. Это для нашего государства очень существенно... Правильным использованием военнопленных мы будем создавать и строить нашу социалистическую экономику...»⁹.

Одной из главных задач, стоявших перед руководством лагерей для военнопленных на протяжении всего периода их существования, являлась задача максимального покрытия расходов по их содержанию. Циркуляром НКВД СССР о дальнейшем улучшении организации трудового использования военнопленных от 31 июля 1944 г. предусматривалось сокращение до минимума числа военнопленных, занятых на обслуживании лагерей и внутрилагерных производственных работах, и использование не менее 80 % трудоспособных на оплачиваемых работах в народном хозяйстве страны. Начальники лагерей были предупреждены о персональной ответственности за выполнение установленных квартальных планов по трудовому использованию военнопленных. Для всех лагерей с 1 августа были установлены квартальные плановые задания по выходам пленных на производство, по выработке на 1 человеко-день, по количеству отработанных человеко-дней и по валовой сумме выработки¹⁰.

В апреле 1945 г. в целях повышения качества работы и укрепления дисциплины была реорганизована существовавшая до этого внутренняя организация в лагерях в виде рабочих бригад, старших барачков и т. п. Военнопленные организуются в отделения, взводы, роты и батальоны, приспособленные к интересам производства. Формирование отделений производилось по национальному признаку¹¹.

Применение труда военнопленных осуществлялось на основании Положения НКВД СССР о трудовом использовании военнопленных от 29 сентября 1945 г., определившем порядок распределения военнопленных по работам, режим рабочего времени, организацию труда,

---

⁹ Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 41–44.

¹⁰ Там же. С. 587–588.

¹¹ Там же. С. 598–599; 957.

меры поощрения и наказания, взаимоотношения между лагерем и хозорганом на контрагентских договорных работах, в том числе порядок расстановки рабочей силы и производства работ, меры по поднятию производительности труда, соблюдению техники безопасности, учету выполненных работ и т. п.¹²

На первых порах ситуация с трудовым использованием военнопленных была крайне сложной из-за физического состояния контингента, недостаточной готовности лагерей, трудностей с обеспечением их продовольствием и обмундированием, акклиматизацией военнопленных. В лагере № 212 в декабре 1944 г. на работу выходило 50–60 % военнопленных. В некоторых бригадах военнопленных, работавших на Сегежском бумкомбинате, производительность труда была крайне низкой – 13 % от плановой. С работавшими на станках военнопленными не проводился инструктаж по технике безопасности, в связи с чем только в декабре 1944 г. произошло 4 случая производственных травм, причем два из них – со смертельным исходом¹³. В ряде случаев ослабленный контингент из оздоровительной команды выводился на продолжительные, свыше 10 часов работы, после чего до 50 % в тяжелом состоянии были направлены в лазарет¹⁴.

Как вспоминал первый секретарь ЦК Компартии республики Г. Н. Куприянов в неопубликованной рукописи «Народное хозяйство республики после окончания войны», «по нашей просьбе нам прислали 3 тыс. немцев-военнопленных. Правда, они работали очень плохо – едва ли делали 1/5 часть нормы наших строительных работ»¹⁵.

В докладной записке в ЦК КП(б) и СНК КФССР уполномоченного ЦК КП(б) КФССР по лесозаготовкам Яковлева, осуществившего в декабре 1945 г. проверку работы Деревянского механизированного лесопункта треста «Южкареллес», отмечалось: «Исключительно плохо обстоит дело с выводом военнопленных немцев. На основные работы в лес из 340 выходит всего 60–70 немцев и на вспомогательные работы – до 100 человек. Как на основных, так и на вспомогательных работах военнопленные работают преступно медленно, давая на подвозке древесины с расстояния 400 м 1,5–2 ф.м. на коне-день, тогда как с этого же расстояния основные кадровые рабочие вывозят 7, 10, 15 ф.м. на

---

¹² Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 45, 628–641.

¹³ НА РК, ф. П-613, оп. 3, д. 84, л. 6.

¹⁴ АМВД РК, ф. 68, оп. 2, д. 148, л. 7.

¹⁵ НА РК, ф. Р-3435, оп. 2, д. 241, л. 9 об.

лошадь ежедневно, перевыполняя производственные нормы... Организация труда на заготовке леса не налажена. Комплектование бригад, смешанных с военнопленными, снижает производительность труда, т. к. бригадира-женщину немцы не слушают и под предлогом болезни работают отвратительно, а охранники никаких мер не принимают. В результате ни одна бригада не выполняет ежедневных норм»¹⁶.

Аналогичным было положение с трудовым использованием военнопленных на других лесопунктах республики. В докладной записке инструктора отдела по торговле ЦК КП(б) КФССР секретарю ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянову (декабрь 1945 г.) сообщалось, что «на ст. Пай (отделение лагеря № 120) контингент сильно истощен. Из 416 человек на производстве работает только 170, остальные находятся на излечении, из них в лазарете — 55 и в ОК — 142. В течение месяца от болезней и истощения умерло 8 человек, имеется обмороженных 30 человек... Военнопленные имеют только кожаную обувь, она в основном малого размера и сильно поношенная, нет теплых портянок, рукавицами обеспечен не весь контингент... Перечисленные выше недостатки в обеспечении военнопленных продовольственным снабжением и обмундированием не могут не влиять на производительность труда. Если к этому добавить еще плохую организацию труда военнопленных, то получится, что до 50 % контингента в указанных л/о почти никакой пользы государству не приносят...»¹⁷.

8 декабря 1945 г. в Пайском леспромхозе работало только 170 военнопленных из 416, или 40 %. В Кутижме 7 декабря 1945 г. из-за мороза (18–20 градусов) из 295 человек на работе никто не был¹⁸. В январе 1946 г. из общего числа военнопленных (3889 человек), находившихся на лесозаготовительных работах Наркомата лесной промышленности республики, на работу выходило 50 %, а в первой декаде февраля — 32 % их списочного состава. При этом средняя выработка дневных норм составляла 30 % от плановой, а по отношению ко всему списочному составу военнопленных — 15 %. Средняя производительность одного военнопленного по Строительному управлению при Совете Министров республики в первом полугодии 1946 г. составляла 71 %¹⁹.

---

¹⁶ КГАНИ, ф. 8, оп. 65, д. 16, л. 1–2.

¹⁷ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 221, л. 88–89.

¹⁸ Там же.

¹⁹ НА РК, ф. Р-2717, оп. 4, д. 21/204, л. 87, 95; ф. П-8, оп. 1, д. 1850, л. 36; КГАНИ, ф. 8, оп. 65, д. 16, л. 1–2.

Осенью 1945 г. НКВД СССР приняло меры по сохранению физического состояния военнопленных. Директивами НКВД СССР от 13 сентября и 28 сентября 1945 г. содержащихся в оздоровительных командах военнопленных рекомендовалось не выводить на работу в предприятия хозоргана. Для военнопленных 3-й группы трудоспособности был установлен особый порядок трудоустройства и питания: продолжительность рабочего дня не более 4–6 часов; использование только на легких физических работах в качестве лагхозобслуги, а также на подсобных производственных работах хозоргана со снижением норм выработки на 50 %; питание при выполнении заниженных норм выработки предлагалось выдавать как за выполнение 100 % нормы. Для военнопленных 1-й и 2-й групп трудоспособности был установлен 8-часовой рабочий день (за исключением тех предприятий, где для рабочих временно был установлен 9- и 10-часовой рабочий день). Военнопленных 1-й и 2-й групп трудоспособности, не выполнявших установленных норм выработки, разрешалось оставлять на сверхурочных работах не больше чем на 2 часа²⁰.

В феврале – марте 1946 г. в связи с перекомиссованием военнопленных на предмет их трудоспособности и прекращением выхода на работу военнопленных, отнесенных к третьей группе, произошло значительное уменьшение трудового фонда лагерей. Так, на Вирандозерском лесопункте из 850 выходили на работу до 325 человек, на Маленгском лесопункте – из 750 до 340, на Колежемском – из 750 до 350 человек. Всего по тресту «Севкареллес» из 2350 военнопленных выходили на работу только 1015 человек, или 43 % списочного состава²¹.

Осенью 1947 г. Министерством внутренних дел СССР вновь принимаются меры по сохранению трудового фонда лагерей. Директивой МВД СССР от 18 сентября 1947 г. об устранении недочетов в трудовом использовании военнопленных запрещалось увеличение продолжительности рабочего дня для военнопленных 1-й и 2-й групп трудоспособности более 8 часов, а для военнопленных, не выполняющих установленных норм выработки, выполнение сверхурочных работ продолжительностью более часа. Директива МВД СССР обязывала министров внутренних дел республик, начальников УМВД по краям и областям обеспечить регулярное предоставление всем работающим военнопленным 4 выходных дней в месяц. Военнопленных, имевших

---

²⁰ Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 623, 626.

²¹ НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 1891, л. 1.

высокие производственные показатели, но начинающих ослабевать, предлагалось направлять в комнаты отдыха, увеличив количество мест в них до 4–5 % от числа работающих военнопленных, со сроком пребывания до 14 дней²².

Крайне слабое физическое состояние военнопленных вынуждало правительство и Наркомат внутренних дел СССР идти на снижение установленных производственных норм. Так, Главснаблесом при СНК СССР и НКВД СССР зимой 1945/1946 г. было разрешено применить временное снижение норм выработки на заготовке, подвозке и вывозке древесины. В приказе по Управлению лагеря № 447 от 25 декабря 1945 г. в связи с этим предусматривалось «введение с 25 декабря 1945 г. пониженных норм выработки с постепенным повышением и доведением до полного наполнения норм всем контингентом военнопленных к 15 февраля 1946 г.»²³

На многих предприятиях имели место серьезные недостатки в организации труда военнопленных, что объяснялось как объективными трудностями послевоенного периода, так и неумением ряда руководителей хозяйственных организаций наладить производство. Проблема усугублялась разбросанностью военнопленных по многочисленным объектам. Так, лагерь № 120 в августе 1945 г. поставлял рабочую силу 53 хозяйственным организациям²⁴. В письме Совнаркома Карело-Финской ССР Петрозаводскому горсовету, Стройуправлению и ряду наркоматов республики от 18 сентября 1945 г. отмечалось: «Несмотря на неоднократные решения СНК и ЦК КП(б) Карело-Финской ССР и указания НКВД СССР о создании хозяйственными организациями нормальных производственных условий для военнопленных и соблюдении договорных обязательств, последние до сего времени не выполняются (отсутствие спецодежды – рукавиц, фартуков, наколенников и т. д., отсутствие кипяченой воды на местах работ, доброкачественного инструмента, помещений для укрытия от атмосферных условий и др.), вследствие чего выбытие из строя рабочей силы не уменьшается, а увеличивается. По этой же причине на ряде объектов работ при ухудшившихся атмосферных условиях производительность труда военнопленных продолжает падать. Созданное положение объективно ставит руководителей хозяйственных

---

²² Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 702–703.

²³ АМВД РК, ф. 20, оп. 18, д. 12, л. 59.

²⁴ Там же, л. 23 об.

организаций в роль пособников срыва в выполнении планов восстановительных и хозяйственных работ. Учитывая изложенное, а также наступление осенне-зимнего периода, осложняющего создание нормальных условий для работы военнопленных, Совет Народных Комиссаров КФССР требует от Вас немедленного и полного выполнения упомянутых постановлений СНК и ЦК КП(б) КФССР, договорных условий с Управлением лагеря и принятия решительных мер к улучшению условий труда военнопленных. Совнарком Карело-Финской ССР предупреждает, что при непринятии мер Вы будете привлечены к строгой ответственности...»²⁵.

В декабре 1945 г. работники планово-производственного отделения Управления лагеря № 447 обследовали ряд лагерных отделений и выявили серьезные недостатки в организации труда военнопленных. В ряде лаготделений не было учета выведенной на работы хозоргана рабочей силы, а наряд-задания составлялись в конце месяца по памяти, все работы оплачивались не по нормам, а временно по одной цене — 6 руб. за 1 человеко-день (Новостеклянное). Отсутствовал ежедневный индивидуальный учет производительности труда. Много простоев случалось из-за отсутствия инструмента, переходов на место работы на расстояние свыше 3 км, нерационального использования рабочей силы. Из-за отсутствия подъемного приспособления при разгрузке баржи люди часто проваливались под лед, они не были обеспечены резиновыми сапогами, хотя у хозоргана они имелись. Отмечались случаи вывода военнопленных на работу без рукавиц, в результате по отделению «Черная Речка» 18 декабря было зафиксировано 18 новых случаев обморожений, по отделению «Бочилово» 21 декабря — 21 случай. Начальники отделений не занимались организацией горячего питания на месте работ, и контингент по 10—11 часов находился в лесу без пищи²⁶.

Труд военнопленных во многих лагерях применялся без учета их физического состояния. Так, в лагерном отделении «9-й квартал» лагеря № 447 военнопленные, отнесенные по своему физическому состоянию к третьей категории, работали в карьере на строительстве дороги. До места работы и обратно они добирались пешком, проходя до 10 километров. Не будучи способными выполнять нормы выработки, военнопленные не получали положенную норму питания. В лагерном отделении «Бочилово» военнопленные, несмотря на насту-

---

²⁵ НА РК, ф. Р-1394, оп. 7, д. 40/293, л. 115.

²⁶ АМВД РК, ф. 20, оп. 18, д. 12, л. 17—18.

пившие морозы, доставлялись к месту работ по железной дороге на открытых платформах на расстояние до 15 км и часто находились вне лагеря от 12 до 14 часов. В ряде лагерных отделений военнопленные, не выполнявшие норм выработки, оставались на работу еще на 2–3 часа, допускались случаи вывода на лесозаготовительные работы военнопленных 3-й категории.

Многие военнопленные лагеря № 120 высказывали нарекания на плохую организацию труда, распределения и использования рабочей силы на строительных объектах по восстановлению г. Петрозаводска. Так, 1 июня 1946 г. в Петрозаводской дорожно-строительной конторе 76 военнопленных простояли 6 часов из-за несвоевременной подачи баржи к месту разгрузки. В связи с сокращением объемов работ, отсутствием строительных материалов и инструментов во 2-й и 3-й строительных конторах г. Петрозаводска рабочие команды в течение дня вынуждены были простаивать 50 % рабочего времени, что привело к резкому снижению норм выработки и лишило военнопленных возможности получения полной нормы питания. В первом лагерном отделении 60 % военнопленных, используемых непосредственно на производственных работах, получали по 400 граммов хлеба в день. Даже специалисты не выработывали полной нормы. В результате настроение основной массы военнопленных было упадническим²⁷.

Прораб Пудожской районной стройконторы М. П. Агеев так оценивал работу военнопленных: «По утрам ко мне приводили под конвоем 50 пленных. Они всегда были в форме вермахта. Бригадиром у них был полковник Крейс, других я не знал. Жили они в транспортном городке. Там их было больше. Работали они и в леспромхозе, чистили берега. Жилось им, наверное, не хуже, чем нашим людям. А ведь в Пудоже было голодно. И они, пленные, таскали с огородов картошку и доили чужих коз. Это были крепкие, здоровые мужчины. Они не знали, когда их освободят, и трудились без охоты. „Если бы мы знали, — говорили они, — когда нас освободят, то построили бы клуб за год“»²⁸.

При использовании труда военнопленных на ряде объектов Карело-Финской ССР были предприняты попытки изолировать их от других рабочих, в том числе заключенных. Так, в январе 1945 г. по требованию Отдела исправительно-трудовых колоний на Сегежском целлюлозно-бумажном комбинате было снято с работы 200 рабочих

---

²⁷ АМВД РК, ф. 17, оп. 6, д. 7, л. 2.

²⁸ Смирнов В. Пудож далекий и близкий. Издательство газеты «Диалог», 1994. С. 40.

вследствие невозможности допущения совместной работы этого контингента с прибывшими военнопленными. В результате комбинат был остановлен и сорвана поставка тары важнейшим оборонным наркоматам. Наркомат бумажной промышленности вынужден был обратиться с просьбой в ЦК КП(б) республики и к руководству комбината о немедленном возвращении рабочих на предприятие.

Из-за незначительных объемов производства и невозможности организовать необходимую охрану на большинстве предприятий и во всех строительных конторах республики военнопленные трудились совместно с вольнонаемными рабочими, в смешанных бригадах, причем военнопленным поручались наиболее трудоемкие и низкооплачиваемые работы. Так, на Кондопожском комбинате военнопленных использовали на разгрузке вагонов, причем вместо трех человек ставили 10–15, норма же за разгрузку вагона была небольшой, и, соответственно, заработок военнопленных очень низкий, зато комбинат получал премии за досрочную разгрузку вагонов²⁹. Нередко военнопленные работали только под присмотром мастеров и бригадиров, а специалисты-военнопленные использовались как технические руководители на стройках.

Военнопленные, работавшие на предприятиях Наркомлеса КФСР, были организованы в постоянные бригады по 4–6 человек. В качестве бригадиров в каждую бригаду выделялся вольнонаемный рабочий (кадровый или привлеченный из колхоза), хорошо знавший свое дело. Бригады закреплялись за определенными видами работы, перевод бригад с одного вида работ на другие допускался только как исключение, с разрешения директора и начальника лагпункта с учетом целесообразности для производственных целей. При этом не допускалось изменение состава бригад, за исключением случаев болезни³⁰.

На первом этапе формирования лагерей военнопленных руководящие партийные и советские органы республики попытались взять на себя ведущую роль в организации их трудового использования. Ответом на такие действия явилась директива зам. наркома внутренних дел СССР в Совнарком, ЦК КП(б) и НКВД Карело-Финской ССР от 27 октября 1945 г. Она гласила: «В соответствии с постановлением Совнаркома Союза ССР от 1.06.41 г. и последующими решениями Государственного Комитета Обороны прием, содержание, размещение и распределение военнопленных по стройкам и предприятиям Союза

---

²⁹ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 210, л. 20 об.

³⁰ Там же, ф. 68, оп. 2, д. 148, л. 299–300.

возложено на НКВД СССР. Произведенной на месте представителем НКВД СССР проверкой распределения контингентов военнопленных по хозорганам установлено, что распределение военнопленных, содержащихся в лагерях НКВД КФССР, производится, минуя органы НКВД, по решениям СНК КФССР и ЦК КП(б) — не в соответствии с постановлениями ГОКО и указаниями НКВД СССР. Это можно объяснить только как игнорирование директивных указаний центра. Напоминаю, что распределение военнопленных производится центром по согласованности с союзно-республиканскими наркоматами, исходя из их ресурсов и возможностей баланса рабочей силы в целом по Союзу, выделенных им решением правительства. В связи с этим предлагается всякое перераспределение контингентов из военнопленных между хозорганами производить в каждом отдельном случае с санкции НКВД СССР»³¹.

Таким образом, Министерство внутренних дел СССР практически сосредоточило в своих руках все рычаги управления трудовым использованием военнопленных. При этом возросла и ответственность МВД за эффективное использование военнопленных, так как согласно постановлению Совета Министров СССР № 1518 от 9 июля 1946 г. «средства, получаемые МВД СССР от использования труда военнопленных, должны были обращаться на покрытие расходов по содержанию военнопленных». Тем самым было отменено установленное постановлением ГКО № 8921сс от 4 июля 1945 г. бюджетное финансирование лагерей военнопленных и они переведены на самоокупаемость³². С февраля 1946 г. труд становится обязательным и для военнопленных офицеров бывшей германской армии до капитана включительно³³.

Повседневные отношения МВД с другими советскими ведомствами — потребителями рабочей силы — нередко сопровождались конфликтными ситуациями. В условиях острой нехватки рабочей силы в республике хозяйственные органы пытались решить свои проблемы за счет привлечения военнопленных. В феврале 1946 г. управляющий трестом «Севкареллес» обратился в ЦК КП(б) и Наркомат лесной промышленности республики с просьбой о выводе военнопленных

---

³¹ НА РК, ф. Р-1394, оп. 7, д. 35/255, л. 277.

³² Колеров М. Военнопленные в системе принудительного труда в СССР (1945–1950) // Отечественные записки. 2003. № 3. Электронный ресурс: <http://www.strana-oz.ru/?numid=12&article=552#s14>

³³ Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 962.

3-й категории на время стахановского месячника на основные или вспомогательные работы в лесу хотя бы на 5–6 часов в сутки, мотивируя это тем, что «за месяц физическое состояние военнопленных не ухудшится, а польза будет ощутимая». В ноябре 1947 г. управляющий Промстройтрестом при Совете Министров КФССР обратился в ЦК КП(б) и Совет Министров республики с просьбой о выделении дополнительно 360 военнопленных для выполнения строительной программы четвертого квартала 1947 г. При этом подчеркивалось, что нужны военнопленные 1-й и 2-й категорий, так как «выводимая в последнее время лагерями военнопленных слабосильная рабочая сила, работающая по 4–6 часов, не дает никакой производительности и является ненужным балластом для строительства, приводящим к удорожанию стоимости строительных работ...»³⁴.

На ряде предприятий, использовавших труд военнопленных, вошло в систему занижение процентов выработки спецконтингента. Так, на Питкярантском бумажном комбинате ежедневно работали 14 бригад в составе 315–320 человек, которые в среднем выработывали от 101 до 120 % нормы, что давало право на получение ими дополнительного питания. Однако по указанию врио директора предприятия при исчислении заработка военнопленных данные по выработке были снижены на 10–40 % на основании якобы того факта, что «немцы тихо вообще работают, мы много за них уплатили денег, а работы не видно, чего их жалеть»³⁵. Имелись факты, когда военнопленным вообще не начислялись деньги за выполненную работу.

Нередкими были случаи несвоевременных расчетов хозяйственных организаций с лагерями военнопленных. Начальникам лагерей приходилось обращаться за помощью в партийные органы республики, министерства с требованием соблюдения порядка использования рабочей силы лагерей. Так, 26 декабря 1946 г. начальник управления лагеря № 166 МВД и начальник финчасти лагеря обратились с просьбой к министру целлюлозно-бумажной промышленности СССР о срочном перечислении целлюлозно-бумажным заводам Ляскеля, Харлу, Суоярви и Питкяранта 1 млн 414 тыс. руб. для погашения дебиторской задолженности³⁶.

---

³⁴ НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 2762, л. 36–36 об.

³⁵ АМВД РК, ф. 16, оп. 1, д. 11, л. 157 об.

³⁶ Там же, ф. 18, оп. 4, д. 1, л. 109.

Имело место и применение управлениями лагерей таких санкций, как снятие военнопленных с объектов работ тех организаций, которые своевременно не рассчитывались за предоставленную им рабочую силу. В октябре 1947 г. лагерем № 120 были отозваны военнопленные, работавшие на заводе стройдеталей, который задолжал лагерю 619 485 руб. и на объектах 3-й строительной конторы Петрозаводска, задолжавшей лагерю 468 641 руб.³⁷

Зачастую хозяйственные органы давали заявки на количество военнопленных без учета достаточного фронта работы. Так, лагерное отделение № 3 лагеря № 120 вывело на работу 50 военнопленных, в то время как по объему работы требовалось только 25; на объекте «Северная гостиница» излишек составлял 40 военнопленных, на строительстве 16-квартирного дома – 25 человек. В связи с этим приказом начальника лагеря № 120 от 7 сентября 1948 г. была назначена комиссия по выявлению перенасыщенности объектов Стройуправления рабочей силой из военнопленных³⁸.

Имели место и факты злоупотреблений со стороны администрации лагерей – получение денег за работу военнопленных с хозорганов наличными, что способствовало растратам и незаконному использованию государственных средств, присвоение премиальных денег, предназначенных военнопленным за перевыполнение норм выработки на производстве.

Лагеря для военнопленных в республике работали нерентабельно. В докладе начальника лагеря № 447 министру внутренних дел КФССР от 23 мая 1946 г. приводились такие показатели:

Затраты по содержанию лагеря

А) Содержание управления лагеря и лагерных отделений
747 298 руб.

Б) содержание военнопленных 2 867 978

В том числе вещевое имущество 727 266

В) списано порченных овощей 121 022 руб.

Оплачено пени по просроченным счетам поставщиков
47 183 руб.

Всего по активу 6 277 643 руб.

Заработано военнопленными у хозоргана – 755 002 руб...

Рентабельность лагеря

---

³⁷ НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 2770, л. 45.

³⁸ АМВД РК, ф. 17, оп. 11, д. 17, л. 205.

С 1 января по 1 мая 1946 г. поступило валовой суммы заработка военнопленных — 755 002 руб., расходы на содержание лагеря 3 439 453 руб., что составляет к покрытию расходов 21,9 %³⁹.

В приказе министра внутренних дел КФССР о мерах улучшения финансового состояния лагерей военнопленных от 11 мая 1946 г. отмечалось: «Финансовое состояние лагерей военнопленных находится в неудовлетворительном состоянии. Дебиторская задолженность из месяца в месяц растет, и на 1 апреля 1946 г. достигла 8 млн руб... Материалы о недостачах и хищениях, переданные в оперативно-чекистские отделы лагерей, не расследуются в течение нескольких месяцев... В лагере № 120 договора на поставку рабочей силы с рядом организаций не заключены до сего времени...»⁴⁰.

В целях повышения эффективности работы военнопленных в лагерях применялась своеобразная система стимулирования труда. В первую очередь, использовалось дифференцированное питание в зависимости от выполнения военнопленными норм выработки (положенную норму питания получал лишь тот, кто выполнял или перевыполнял план), а также вознаграждение, полагавшееся за хорошую работу. Приказом НКВД СССР от 19 мая 1945 г. предусматривалось увеличение нормы хлеба от 100 до 200 гр. в день при выполнении и перевыполнении нормы выработки в пределах от 50 до 100–110 %, а для перевыполнявших нормы выработки более чем на 110 % выдавалось дополнительно 50 гр. крупы, 25 гр. мяса, 25 гр. рыбы и 10 гр. жиров⁴¹.

Заинтересованные в повышении производительности труда военнопленных хозяйственные организации применяли дополнительные меры по поощрению хорошо трудившихся. В приказе по Управлению лагеря № 447 от 25 декабря 1945 г. перевыполнявшим нормы выработки военнопленным предусматривалось выдавать второе горячее блюдо за счет Пудожского лесокомбината и дополнительное питание из продовольственного снабжения лагеря. Помимо этого, лицам, которые систематически ежедневно выполняли норму выработки (по заготовке древесины — свыше 3-х км), до 15 февраля 1946 г. за каждые 6 дней выполнения этих норм в воскресенье предполагалась выдача 100 гр. водки за счет лесокомбината⁴². За лучшие

---

³⁹ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 214, л. 195, 196.

⁴⁰ Там же, ф. 68, оп. 1, д. 154, л. 128–129.

⁴¹ НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 1458, л. 73.

⁴² АМВД РК, ф. 20, оп. 18, д. 12, л. 19–20 об.

показатели по выполнению и перевыполнению норм по заготовке и вывозке древесины военнопленным также выдавалось от 100 до 150 граммов табака. Так, приказом начальника Пудожского лесокombината и начальника управления лагеря военнопленных № 447 от 14 февраля 1946 г. таким способом было поощрено 42 человека⁴³. Тех, кто добивался выполнения на валке, раскряжевке и подвозке древесины до 2–3 норм, руководство лагеря № 447 переводило на бесконвойный режим.

В соответствии с распоряжением МВД СССР № 794 от 11 декабря 1947 г. о дополнительной выдаче хлеба военнопленным, занятым на тяжелых работах, предусматривалась выдача 100 гр. хлеба в день дополнительно к основной норме, при выполнении установленных норм выработки от 70 до 100 %, и 200 гр. хлеба в день при выполнении установленных норм выработки на 100 % и выше за счет добавления в хлеб соевой муки⁴⁴.

Применение на практике мер поощрения военнопленных за хорошую работу, однако, существенно отличалось от требований, содержащихся в принятых МВД СССР постановлениях. Как свидетельствуют архивные документы, довольно часто дополнительные продукты или не выдавались лучше работавшим военнопленным или поступали в общий котел. Чтобы наладить порядок в этом деле, приказом по Управлению лагеря № 447 от 25 декабря 1945 г. мастерам предписывалось производить выдачу талонов на вторые горячие блюда путем непосредственного вручения талона на месте работы каждому выполнившему норму. При выдаче талонов мастер составлял пофамильный список, в котором военнопленные расписывались при получении талона. Начальники лаготделений ежедневно должны были составлять списки лиц, получивших талоны, и на следующий день обеспечить получение дополнительного питания⁴⁵.

Кроме дифференцированного питания в целях стимулирования труда военнопленных практиковалось месячное денежное вознаграждение, при этом показательно, что военнопленные получали зарплату по тем же расценкам и нормам, что и местные жители, занятые в аналогичной отрасли, однако ее размер не мог превышать 200 руб. в месяц. Для высококвалифицированных специалистов и занятых на

---

⁴³ АМВД РК, ф. 20, оп. 18, д. 12, л. 59.

⁴⁴ Там же, ф. 17, оп. 11, д. 17, л. 4.

⁴⁵ Там же, ф. 20, оп. 18, д. 12, л. 19–20 об.

административно-технических должностях денежное вознаграждение исчислялось из расчета 50 % от соответствующего оклада по советской тарифной сетке, но не свыше 500 руб.⁴⁶

В связи с увеличением стоимости содержания военнопленных с 16 сентября 1946 г. выдача денежного вознаграждения военнопленным устанавливается уже от суммы заработка не 200 руб., а свыше 400 руб. в месяц, а с 21 апреля 1948 г. — от суммы заработка свыше 456 руб. в месяц. При этом запрещалось производить расходы и доплаты на содержание военнопленных за счет средств лагерей, в том числе и за счет дотации из бюджета, сверх утвержденных норм довольствия⁴⁷. Каждому военнопленному разрешалось иметь на руках не более 150 руб. наличных денег, остальные суммы начислялись на их лицевые счета, фактически пополняя фонд государства и являясь дополнительным источником финансирования в качестве беспроцентного кредита. Для военнопленных второй и третьей групп трудоспособности денежное вознаграждение выплачивалось только при выполнении ими полной государственной нормы, установленной для рабочих данного предприятия. Снижение норм с учетом физического состояния работающего, как это делалось при выдаче хлеба, в расчет не принималось⁴⁸.

В лагерях практиковалась также выдача денежных премий за достижение высоких производственных показателей. Например, в лагере № 120 за четвертый квартал 1948 г. 100 военнопленных получили денежные премии. Так, военнопленный седьмого лагерного отделения Туллер Эрих Август, по социальному положению рабочий, по профессии штукатур, благодаря умелой организации труда в своей бригаде добился того, что бригада выполняла нормы в среднем на 150–170 %. Туллер являлся членом антифашистского комитета, систематически обучал военнопленных профессии штукатура. За 1948 г. под его руководством 16 молодых военнопленных получили профессии штукатура и маляра. За добросовестную работу Туллер был премирован 150 руб.⁴⁹

Действенными методами стимуляции производственной инициативы военнопленных являлись предоставление передовикам

---

⁴⁶ Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг. С. 175.

⁴⁷ Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 673, 715.

⁴⁸ Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг. С. 180–181; Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 380–385; 630–632.

⁴⁹ АМВД РК, ф. 17, оп. 14, д. 5, л. 13.

лучшего размещения и вещевого снабжения, дополнительная выдача почтовых карточек для переписки с семьями и др. Хорошо работавшим военнопленным обещали вернуться на родину в числе первых. Вот характерный пример: Приказ начальника управления лагеря военнопленных № 120 подполковника Макарова от 18 июня 1947 г. «О досрочной отправке на родину военнопленных немцев Зингельман и Клаппер»:

«На основании директивы зам. министра внутренних дел СССР генерал-полковника тов. Чернышова за № 102 от 29 мая 1947 г. об индивидуальной отправке на родину военнопленных немцев из числа лучших производственников — приказываю:

1. Военнопленных немцев Зингельман Вильгельм Генрих, 1923 г. р., и Клаппер Карл Макс, 1922 г. р. — за честное и добросовестное отношение к порученной работе на производстве — выполнение существующих производственных норм выработки от 126 до 150 %, с хорошим качеством работы, за то, что они своим трудом искупили долю своей вины перед советским народом, как участники войны против Советского Союза, причинившей народам неисчислимы разрушения, а также за активное участие в антифашистской работе — отправить на родину досрочно...Указанных военнопленных отправить на родину с первым же эшеленом № 98400. Приказ объявить всему контингенту военнопленных лагеря»⁵⁰.

Однако на практике эта форма стимулирования труда военнопленных оказалась крайне противоречивой, поскольку первыми, как правило, подлежали репатриации ослабленные и больные военнопленные, а не те, кто выполнял и перевыполнял производственные нормы.

Вместе с мерами поощрения для хорошо работающих военнопленных были утверждены и меры взыскания для не выполняющих производственные нормы. К военнопленным могли быть применены такие меры, как объявление выговора перед строем, оставление на сверхурочной работе (не свыше двух часов), назначение на более тяжелые виды работ, лишение дополнительного питания, перевод в худшие общежития, выдача в последнюю очередь вещевого довольствия, арест на срок до 15–20 суток с содержанием на гауптвахте в нерабочее время, направление в штрафные подразделения сроком до трех месяцев, лишение права переписки (до двух месяцев); передача дел в суды военных трибуналов.

---

⁵⁰ АМВД РК, ф. 17, оп. 11, д. 10, л. 178.

В 1947 г. военнопленные по-прежнему составляли значительную часть рабочей силы в республике. К примеру, по плану на 1947 г. распределение рабочей силы в Олонецком леспромхозе было следующим: 975 колхозников, 676 постоянных рабочих и 1200 военнопленных⁵¹.

Военнопленные работали на Кемском и Беломорском лесозаводах, Пиндушской судовой верфи, Петрозаводском деревообрабатывающем комбинате, Сегежском домостроительном комбинате, Кондопожском ЦБК, картонных фабриках в Харлу и Суоярви, Сулажгорском кирпичном заводе и других предприятиях республики. В середине 1947 г. на предприятиях треста «Карелдрев» работали 2664 постоянных рабочих и 521 военнопленный (16 % к общему числу работавших)⁵². На Бочилловской узкоколейной железной дороге пленные работали в качестве кондукторов, помощников машинистов паровоза. В Пудоже в районной поликлинике трудился немец, врач-зуботехник.

Одной из важных сфер приложения сил военнопленных являлась лесозаготовительная промышленность. Не случайно после окончания Великой Отечественной войны в эту отрасль страны дополнительно к имевшимся 7000 человек было выделено еще 50 000 военнопленных⁵³. Создание лагеря № 447 главной своей целью имело обеспечение рабочей силой Пудожского лесокombината Ленгорлеса и удовлетворение потребностей г. Ленинграда в древесине. Размещенные на территории КФССР военнопленные работали на лесозаготовках и в других районах республики.

В строительных организациях республики в начале 1947 г. военнопленные и заключенные составляли более 2/3 от общего числа работавших⁵⁴. В центре города Кондопоги пленные возвели около десяти компактных двухэтажных каменных домов⁵⁵.

В Петрозаводске военнопленные работали на многих промышленных объектах, участвовали в восстановлении и строительстве авторемонтного и газогенераторного заводов, Онежского тракторного завода, металлургии, судостроительного завода. На многих предприятиях Петрозаводска военнопленные составляли основную часть рабочей силы. В начале 1947 г. на судостроительном заводе № 789 70 % постоянных

---

⁵¹ КГАНИ, ф. 8, оп. 49, д. 12, л. 112; д. 19, л. 20.

⁵² НА РК, ф. Р-2716, оп. 5, д. 21/169, л. 12.

⁵³ Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 603–604; Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг. С. 163.

⁵⁴ НА РК, ф. Р-2717, оп. 4, д. 21/204, л. 87, 95; ф. П-8, оп. 1, д. 1850, л. 36.

⁵⁵ Лаптев А. Пленные в Кондопоге // Новая Кондопога. 2004. 18 февраля. С. 13.

рабочих являлись военнопленными, на металлзаводе — 54 %, газогенераторном заводе — 42 %, Сулажгорском кирпичном заводе — 80 %⁵⁶.

Иностранцы военнопленные участвовали в восстановлении и строительстве зданий гостиницы «Северная», Совета Министров республики, универсама «Детский мир», гастронома на углу улиц Герцена и Гоголя, почтамта, Дома партийного просвещения, физиолечебницы на ул. Куйбышева, государственного университета, жилых домов. Особенно запомнилась жителям столицы республики работа военнопленных по замощению шоссе 1 Мая. Яков Наумович Бравый, работавший в то время прокурором республики, рассказывал: «Я жил в районе Товарной станции. В то время в Петрозаводске почти не было общественного транспорта, только два 16-местных автобуса. Я ходил пешком, в том числе на обед, проходил мимо немцев, которые мостили Первомайский проспект малиновым кварцитом. Я замечал, какие немцы изможденные и как они аккуратно, пунктуально работали. Они мостили дорогу полукружиями, а не рядами, как было принято у нас...»⁵⁷.

О масштабах и условиях применения труда военнопленных свидетельствует докладная записка администрации лагеря № 120 (апрель 1948 г.):

«...Объекты работ: 1. При Строительном управлении при Совете Министров КФССР работает 1300 военнопленных — на строительстве жилфонда и служебных зданий, культурно-просветительных, административно-хозяйственных и торговых организаций. Работают вместе с вольнонаемными, ограждение — неудовлетворительное.

2. При Промышленно-строительном тресте при Совете Министров — 570 человек — по строительству и монтажу предприятий местной промышленности и жилфонда. Ограждение — в удовлетворительном состоянии. Военнопленные в большинстве своем работают обособленно от вольнонаемных рабочих, за исключением лесозавода.

3. Министерство промышленности строительных материалов — работа производится по монтажу предприятий министерства. Объекты расположены в Сулажгоре и в Соломенном, куда выводится 510 человек, работают совместно с вольнонаемными рабочими, ограждение — в удовлетворительном состоянии.

4. Министерство автомобильного транспорта (авторемонтный и газогенераторный заводы). Работа эксплуатационная, среднесуточ-

⁵⁶ НА РК, ф. П-1230, оп. 26, д. 3, л. 62; ф. Р-1394, оп. 3, д. 1185, л. 91.

⁵⁷ Интервью с Яковом Наумовичем Бравым, 1918 г. р. Записала Л. И. Вавулинская. 2009 г.

ный вывод — 50 человек, ограждение — хорошее, осуществляется пропускной режим через контрольные ворота, однако не изолированы от вольнонаемных рабочих.

5. Горсовет — объекты работ по восстановлению и строительству жилфонда и предприятий коммунального хозяйства города. Среднесуточный вывод — 550 человек, ограждение отсутствует.

6. Соломенский лесозавод Министерства лесной промышленности — эксплуатационная работа, среднесуточный вывод — 45 человек. Объект изолирован, осуществляется пропускной режим через контрольные ворота, работают совместно с вольнонаемными.

7. Завод № 789 Министерства судостроительной промышленности СССР — на эксплуатационных и строительно-монтажных работах в Петрозаводске, среднесуточный вывод — 530 человек. Ограждение хорошее, осуществляется пропускной режим через контрольные ворота, работают совместно с вольнонаемными.

8. Управление военно-строительных работ № 241 Министерства строительства военно-морских предприятий СССР — строительно-монтажные работы в Петрозаводске. Вывод — 320 человек. Ограждение удовлетворительное, но работают совместно с вольнонаемными.

9. Индустрой-3 стройпредприятий тяжелой индустрии Министерства СССР — строительно-монтажные работы по возведению завода домостроения в Петрозаводске. Среднесуточный вывод — 110 человек, работают обособленно от вольнонаемных рабочих.

10. Кондопожский бумкомбинат Министерства целлюлозно-бумажной промышленности СССР — строительные работы по жилфонду и эксплуатационные работы на комбинате. В среднем выводится 200 человек. Объект огражден, но работают совместно с вольнонаемными.

11. Стройотдел МВД КФССР в 18 км по Вытегорскому шоссе от г. Петрозаводска. Работает 200 человек, обособленно от других рабочих.

12. Стройотдел МГБ СССР в г. Петрозаводске — 181 человек на строительных работах, объект изолирован, работают обособленно от других рабочих⁵⁸.

Но рабочих кадров в строительстве по-прежнему остро не хватало. В 1947 г. из-за недостатка рабочей силы находилось под угрозой срыва выполнение производственных планов Промстройтреста, где на стройках работала только 1/3 необходимого количества рабочих. В Строительном управлении республики не доставало 750 военнопленных и 270

---

⁵⁸ АМВД РК, ф. 17, оп. 3, д. 7, л. 40–40 об.

заклученных, из-за этого были временно законсервированы работы на ряде объектов (кинотеатр «Победа», государственный университет и др.)⁵⁹.

Уже в конце войны руководство ГУПВИ НКВД СССР обратило особое внимание лагерных работников на необходимость использовать военнопленных на работах по имеющимся у них гражданским специальностям. Было рекомендовано взять на учет всех специалистов, которые еще не были учтены, и решить вопрос об их использовании по назначению с руководителями предприятий, улучшить бытовые условия для специалистов. В случае невозможности использовать труд выявленных специалистов по назначению начальники лагерей должны были решить вопрос об их переводе в другие лагеря⁶⁰.

При распределении квалифицированного состава военнопленных между хозяйственными организациями Петрозаводска приоритет был отдан строительной отрасли. Так, на совещании в Совнарком республики 26–27 апреля 1945 г. по вопросу об использовании военнопленных на работах в г. Петрозаводске 354 рабочих и инженера из 580 планировалось передать Строительному управлению. При этом предполагалось остальных квалифицированных строительных рабочих по мере их выявления среди военнопленных направлять исключительно на объекты Строительного управления. Исполкому Петрозаводского горсовета, Стройуправлению, хозяйственным организациям указывалось на необходимость использовать специалистов-военнопленных – инженеров и техников – по специальности в качестве технических руководителей на стройках и определить для них более льготные режимные условия и условия снабжения – размещение в комнатах без нар, предоставление необходимой мебели и постельных принадлежностей, возможности заниматься в общежитиях в вечернее время и т. д.⁶¹

Выступая на совещании инженерно-строительных работников Стройуправления 4 сентября 1945 г., зам. председателя Совнаркома республики В. К. Саккеус подчеркнул: «Решающей силой являются военнопленные. Совнарком принял решение, чтобы им создавались условия, которые у нас неблагополучные. Мы должны создать такие условия военнопленным, чтобы поднять производительность труда и использовать знания, которые они имеют»⁶².

---

⁵⁹ НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 507, л. 34–35.

⁶⁰ Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 45.

⁶¹ НА РК, ф. Р-1394, оп. 3, д. 1185, л. 38; ф. П-8, оп. 1, д. 1736, л. 1–3.

⁶² Там же, ф. Р-1394, оп. 3, д. 1185, л. 103 об.

Однако военнопленные часто использовались не по специальности. Так, в лагерном отделении № 3 лагеря № 120 20 % специалистов работали в 1948 г. чернорабочими. На практике использование иностранных военнопленных на руководящих должностях нередко оказалось сопряжено с обострением их отношений с вольнонаемными рабочими. Так, 2 сентября 1948 г. на площадке строительства архитектурного техникума рабочий 1-й стройконторы, выпускник школы ФЗО, по специальности каменщик, Д. Ф. Карпин обозвал военнопленного инженера Т. Д. Хилл «фашистом», за что последний ударил Карпина дважды по лицу. В процессе расследования инцидента было установлено, что Карпин систематически игнорировал указания инженера Хилл по работе и оскорблял военнопленных — инженера Хилл и бригадира Каров, что вызвало недовольство со стороны военнопленных⁶³. Имели место и случаи неподчинения военнопленных указаниям руководства местных предприятий, отказа от работы.

Многие военнопленные любыми путями стремились попасть в госпиталь или в оздоровительную команду. Это было одним из способов избавиться от тяжелого физического труда, а также получить положенное больным улучшенное питание. Распространенными способами отказа военнопленных от работы были членовредительство, сознательное истощение своего организма путем недоедания, чрезмерного употребления соли и табака, использования в пищу испорченных продуктов, а также самовольный уход с работы. Против военнопленных, которые с целью уклониться от работы умышленно наносили себе повреждения и увечья, принимались жесткие меры. Директива МВД СССР № 242 от 15/16 октября 1946 г. о мерах борьбы с членовредительством и симуляцией среди военнопленных предписывала руководству лагерей принять меры к усилению санитарного надзора за военнопленными, симулирующими заболевания, и при установлении фактов членовредительства оформлять материалы для передачи в оперативные отделы (отделения) для расследования. Санитарным отделам (отделениям) было предложено систематически контролировать работу врачей из военнопленных, выявляя среди них пособников членовредителей и симулянтов. Всех установленных злостных членовредителей и симулянтов предавать суду военных трибуналов⁶⁴.

---

⁶³ АМВД РК, ф. 17, оп. 7, д. 11, л. 253

⁶⁴ Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 674–675.

В декабре 1946 г. было заведено уголовное дело на военнопленного бывшей германской армии Гильберт Артура Освальда, содержавшегося в 4-м лагерном отделении лагеря № 120. Следствие показало, что обвиняемый с 23 октября по 18 декабря 1946 г. систематически недоедал положенную норму, обменивая ее на табак. Кроме того, он сознательно обморозил конечности с тем, чтобы попасть в оздоровительную команду и уехать на родину⁶⁵.

Находившийся в оздоровительной команде военнопленный Госпоровский (лагерь № 120) в беседе с военнопленными заявил: «Сейчас я нахожусь в оздоровительной команде и живу лучше военнопленных 1-й – 2-й группы. Я получаю 670 гр. хлеба и не работаю, а те, которые работают, получают меньше. Думаю, что скоро больных отправят на родину, советую тебе употреблять больше соли и ты тогда обязательно попадешь в оздоровительную команду».

Содержавшийся в лагере № 212 военнопленный Бачо Иштван в беседе с военнопленными сказал: «Мы получаем мизерный паек, а заставляют работать. Работающие в лесу получают на 100 гр. больше, чем те, которые находятся в оздоровительной команде. Я думаю, что лучше находиться в зоне, чем в лесу, а пути к этому известны – табак, соль».

Военнопленный бывшей немецкой армии Кес Юзеф Ламберт (лагерь № 447) систематически в больших дозах принимал соль. «Я не хочу изматывать силы и оставить свое здоровье русским, – заявил он. – Для меня, что ни будет, но знаю одно, что все средства хороши, лишь бы скорее уехать на родину»⁶⁶.

Военным трибуналом войск МВД КФССР 17 января 1947 г. к двум годам и 6 месяцам лишения свободы был приговорен военнопленный бывшей немецкой армии Штраубе Карл Эрнст, содержавшийся в лагерном отделении № 9 в г. Сегеже. В целях уклонения от тяжелой физической работы и быстреего возвращения на родину он употреблял табак в сухом виде, а также в растворе с кофе, чем искусственно вызывал повышение температуры и получал неоднократное освобождение от работы. К трем годам лишения свободы был осужден 25 января 1947 г. военнопленный Фляйшхакер Отто Пауль из лагерного отделения № 9, который систематически употреблял в больших дозах соль, чем вызвал отек ног⁶⁷. Некоторые военнопленные употребляли в пищу картофельные очистки.

---

⁶⁵ АМВД РК, ф. 16, оп. 8, д. 10, л. 12–12 об.

⁶⁶ Там же, д. 20, л. 57 об., 58.

⁶⁷ Там же, оп. 3, д. 20, л. 300 об.

Случаи членовредительства, употребления большого количества соли, табака, воды, разных отбросов с целью уклониться от работы особенно усилились с началом репатриации больных и ослабленных военнопленных на родину. Так, в обвинительном заключении по делу военнопленного Кюхлер Франца говорилось: «В оперативный отдел лагеря военнопленных № 166 в июне 1947 г. поступили материалы об умышленном ухудшении своего здоровья военнопленным Кюхлер Францем. Произведенным следствием установлено, что военнопленный Кюхлер, прибыв в лагерное отделение Ляскеля, в августе 1945 г. в целях уклонения от работы и быстрее возвращения в Германию занялся умышленным ухудшением своего физического состояния. В результате чего 17 декабря 1946 г. медицинской комиссией был признан нетрудоспособным, переведен в оздоровительную команду, где пробыл до 18 мая 1947 г., пребывая в оздоровительной команде, продолжал ухудшать свое здоровье, доводя себя до состояния дистрофика. Умышленное ослабление своего здоровья Кюхлер производил путем обмена своего хлеба на табак (всего им было обменено хлеба на табак около 2 кг). Кроме этого, употреблял в пищу излишнее количество соли, рыбные отбросы и трансформаторное масло, после чего пил много воды, и у него появились отеки. Виновным себя не признал. Подлежит суду Военного трибунала»⁶⁸.

Поскольку в лагерях имели место случаи воровства и продажи своего пайка хлеба военнопленными, в лагере № 212 вернувшиеся с работы бригады за получением пищи ходили только строем, из столовой не выпускали с запасом хлеба⁶⁹.

К числу наиболее характерных случаев членовредительства относились повреждения топором рук и ног. Так, в лагерном отделении «Вергуба» (лагерь № 212) в марте 1947 г. военнопленный немец Фиерк Отто, 1915 г. рождения, проводивший среди пленных агитацию за отказ от работы, умышленно ударом топора порубил себе в двух местах левую ногу, за что был осужден Военным трибуналом МВД КФССР на 4 года лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовом лагере. На следствии Фиерк показал: «...Не желая больше оставаться в плену, имея намерение быстрее попасть на родину, я имеющимся у меня топором нанес себе удар по наружной стороне стопы левой ноги, удар был легким и неудачным, тогда я поставил левую ногу на лежащее полено и нанес вторично удар по этой же ноге,

---

⁶⁸ АМВД РК, ф. 18, оп. 1, д. 31, т. 1, л. 272.

⁶⁹ Там же, ф. 19, оп. 13, д. 14, л. 78–82.

тут же почувствовал боль и закричал». Далее он показал: «Я вел разговор среди военнопленных, что лучший способ освободиться из плена — это порубить себе ногу. Эти разговоры я вел лишь потому, что я воспитывался в духе ненависти к русским. Я думал, что военнопленные со мной согласятся и перестанут работать»⁷⁰.

В осуществлении подобных намерений военнопленным нередко оказывали помощь немецкие врачи, использовавшиеся на работе в спецгоспиталях и оздоровительных командах в силу острой нехватки местного медицинского персонала. Так, работавший в лагере № 212 в качестве врача немецкий военнопленный Тампа Золтан заявил: «Военнопленные должны меньше работать, иначе они не попадут на родину, а умрут в плену». Одному из военнопленных он заявил: «Ты болеешь потому, что много работаешь, тебя от работы освободить не буду, лучше освобожу от работы тех, которые достойно ведут себя здесь». Врач Тампа был снят с работы⁷¹.

Нередкими были случаи самовольного ухода с работы. За самовольный уход с работы 20 мая 1949 г. военнопленный Фос Петер Томас (Каменный Бор, пос. Петушки) был водворен в штрафную роту сроком на 2 месяца с лишением права переписки на этот срок. Такое же наказание понес военнопленный Хампель Курт Райнгольд за самовольный уход со строительства административного здания МВД республики.

В целях борьбы с членовредительством и саботажем на производстве была усилена профилактическая работа, в том числе среди медицинских работников лагерных отделений. К этой работе широко привлекался антифашистский актив лагерей. Однако факты членовредительства продолжали иметь место среди военнопленных, о чем свидетельствовали неоднократно принимаемые МВД СССР директивы по данному вопросу: директива МВД СССР № 50 от 11 марта 1947 г. об усилении борьбы с членовредительством и симуляцией среди военнопленных и интернированных, распоряжение МВД СССР № 236 от 22 апреля 1947 г. об улучшении работы врачебно-трудовых комиссий лагерей МВД для военнопленных и др.⁷² В лагере № 212 только за первый квартал 1947 г. за членовредительство к уголовной ответственности было привлечено 15 пленных, к административной ответственности — 2 человека. В 1947 г.

---

⁷⁰ АМВД РК, ф. 16, оп. 3, д. 20, л. 63, 302.

⁷¹ Там же, л. 58.

⁷² Военнопленные в СССР 1939—1956: Документы и материалы... С. 680—681, 685—686.

по лагерю № 212 было возбуждено 11 следственных дел в связи с членовредительством и саботажем на производстве. 7 военнопленных были осуждены на разные сроки наказаний, 4 следственных дела были прекращены по причине смерти обвиняемых⁷³.

Многие военнопленные крайне негативно относились к своим соотечественникам, которые выполняли и перевыполняли плановые задания. Военнопленный Янке (лагерь № 447) заявил: «Много еще идиотов, которые перевыполняют нормы, и через них мы не можем поехать домой». Военнопленный лейтенант Богач говорил: «Эти люди – виновники того, что мы здесь находимся в Карелии. Если бы все пленные не выполняли нормы, то уже были бы дома». Военнопленный Хааг Вили поддержал его: «Если бы мы жили дружно, то русские не могли бы заставить нас работать. Есть военнопленные, которые перевыполняют нормы, но они не понимают, что этим самым отнимают хлеб у тех, кто недовыполняет (нормы). Нам положено 600 граммов хлеба в день, и мы их получим, если прижмем тех, кто перевыполняет нормы, чтобы они не работали больше других. Только тогда мы избавимся от русского – „давай, давай.“»⁷⁴.

Встречались и случаи вредительства на производстве. Так, 18 февраля 1947 г. было возбуждено уголовное дело на военнопленного немца Кенерс Хайнрих Иозефа. Находясь на работе в размольном цехе Сегежского целлюлозно-бумажного комбината, Кенерс зашел на бумажную фабрику, порубил суконное полотно 2-й бумажной машины и извлек две щетки. Тем самым он вывел из строя 1-ю бумажную на 30 минут, а вторую – на 3 часа и нанес государству убыток на сумму 757 руб. 32 коп.⁷⁵

В апреле 1947 г. суду Военного трибунала был предан военнопленный немец Райниг Манфريد Отто, 1928 г. рождения, служивший в дивизии «Адольф Гитлер», который умышленно занимался порчей и выводом из строя импортного оборудования. Работавший на раскупорке ящиков с прибывшим на целлюлозный завод «Питкьяранта» импортным оборудованием, Райниг снимал со станков отдельные детали и паспортные трафареты, изготовленные на пластинках из алюминия и нержавеющей стали, отсутствие которых задерживало установку станков и их использование, так как других документов, кроме трафаретов, о мощности

---

⁷³ АМВД РК, ф. 16, оп. 3, д. 20, л. 63, 300.

⁷⁴ Там же, л. 414.

⁷⁵ Там же, л. 301 об.

станков на заводе не было. На допросе Райнинг пытался свести свои действия к хищению отдельных деталей с целью изготовления из них портсигаров и других вещей для обмена их на продукты у рабочих завода. Однако, будучи уличенным в лживости своих показаний, он признался, что являлся членом организации «Гитлерюгенд» и неоднократно получал от руководства установки и инструктаж о необходимости заниматься вредительской деятельностью в случае попадания в плен к русским. Райнинг был осужден к лишению свободы сроком на 3 года⁷⁶.

Для предупреждения саботажа на производстве во все основные бригады, работавшие на Питкярантском целлюлозном заводе, была введена агентура из числа военнопленных специалистов. В плане мероприятий по борьбе с диверсией и вредительством по лагерю № 212 от 25 июня 1947 г. предусматривалось закрепить постоянный состав бригад военнопленных в наиболее важных цехах Сегежского целлюлозно-бумажного комбината, усилить контроль за ними со стороны русских вольнонаемных рабочих и переводить военнопленных из одной бригады в другую только с разрешения администрации лагеря.

В 1946–1947 гг. производственные показатели лагерей для военнопленных в целом по стране стали улучшаться. Этому способствовали осуществленные меры по оздоровлению военнопленных, завершению обустройства лагерей, улучшению организации труда спецконтингента, а также отправка на родину больных и ослабленных военнопленных. Степень самокупаемости лагерей в целом по стране составила в 1946 г. 93,5 % против 76,5 % в 1945 г. В 1949 г. большинство их стали рентабельными⁷⁷.

С улучшением физического состояния военнопленных и репатриацией ослабленных и больных на родину увеличился их выход на работу. В середине 1946 г. в лагере № 120 среднесписочный состав контингента военнопленных составлял 8809 человек, а трудовой фонд — 7064 человека. Выработка на человека в день составила 11руб. 13 коп. при плане 11 руб., а производительность труда — 93,5 % от плановой⁷⁸. В лагере для военнопленных № 447 в марте 1947 г. на оплачиваемые работы выводилось 680 человек, а в мае — 1404 человека (88 % к трудовому фонду)⁷⁹.

---

⁷⁶ АМВД РК, ф. 18, оп. 1, д. 31, т. 1, л. 114–114 об.

⁷⁷ ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2005. С. 260.

⁷⁸ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 226, л. 33.

⁷⁹ Там же, ф. 16, оп. 3, д. 20, л. 346, 406.

В докладе начальника ОПВИ МВД республики капитана Кукушкина министру внутренних дел генерал-майору Серебрякову о работе отдела по делам военнопленных и интернированных за четвертый квартал 1946 г. отмечалось: «Все лагеря имели в отчетном квартале среднесписочное количество военнопленных 19 725 человек. Трудовой фонд составил 18 678 человек, или 102,1 % к плану. Выведено на оплачиваемые работы хозорганов 16 046 человек, или 85,3 % к трудовому фонду и 81,2 % к списочному составу. На лагерной обслуге и внутрилагерном производстве было использовано 1740 человек против 2620 по плану. Имелось временно освобожденных 868 человек, или 4,1 % трудового фонда. Отработано у хозорганов 1 232 200 человеко-дней, или 97,4 % к плану, производительность труда – 106,6 %. Нормы выработки выполнили 11 094 человек, что составляет 69,1 % к общему количеству работающих военнопленных. Дневной заработок составил 15 руб. 62 коп., или 100 % к плану. Лагеря № 120 и 166 план по всем показателям перевыполнили и дали доход государству: лагерь № 120 – 479,3 тыс. руб., № 166 – 64 тыс. руб.»⁸⁰

Среднесписочное число военнопленных по лагерям за 1 квартал 1948 г. составило 11 534 человека, в том числе трудовой фонд – 9 517 человек, оздоровительная команда – 1497, больные и инвалиды – 362, антифашисты и неработающие офицеры – 158 человек⁸¹. В лагерной обслуге и на внутрилагерном производстве было занято 960 человек, или 8,3 % к списочному составу. Выведено на контрагентские работы 7407 человек (64,2 % к списочному составу и 84,8 % к плану). Нормы выработки выполнили 4404 человека, или 59,4 % к общему числу работающих. Средний дневной заработок составлял 16 руб. 59 коп. при плане 15 руб. 50 коп. Для сравнения: средняя дневная зарплата рабочих по Министерству лесной и бумажной промышленности республики составила в 1947 г. – 22,5 руб., в 1948 г. – 23,6 руб.⁸²

В итоге хозяйственной деятельности за первый квартал 1948 г. лагерь № 166 дал доход государству 215,4 тыс. руб., лагеря № 120 и 212 дали убыток, первый – 1 872,9 тыс. руб., второй – 823,4 тыс. руб.⁸³

---

⁸⁰ АМВД РК ф. 40, оп. 1, д. 227, л. 164–166.

⁸¹ Там же, д. 265, л. 55.

⁸² НА РК, ф. Р-1411, оп. 4, д. 783, л. 50.

⁸³ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 265, л. 55.

На снижении рентабельности лагерей отразились: повышение стоимости содержания одного военнопленного в связи с изменением цен на продовольствие и вещдоловствие, значительное число больных и находящихся в ОК (по лагерю № 120 к этой категории военнопленных было отнесено 11,3 % к списочному составу, а по лагерю № 212 — 27 %), снижение норм выработки в зимних условиях и др. Заработок на одного работающего военнопленного в лагере № 120 составил 345 руб. в месяц, на списочный состав — 233 руб., а расход на списочный состав — 332 руб. в месяц. По лагерю № 212 — соответственно: заработок на одного работающего — 407 руб. в месяц, на списочный состав — 225 руб., а расход на списочный состав — 295 руб. в месяц⁸⁴. Таким образом, доход от использования труда военнопленных не покрывал фактические расходы на их содержание.

Во втором полугодии 1948 г. лагеря для военнопленных получили значительные накопления. В лагере № 120 производительность труда повысилась со 107,6 % в третьем квартале до 114,7 % в четвертом квартале 1948 г. Среднемесячный заработок одного военнопленного составил соответственно 378 руб. и 489 руб. В третьем квартале лагерь дал прибыль государству 1 434 180 руб., а в четвертом квартале — 1 714 492 руб. На 1 января 1949 г. лагерь имел накопления в сумме 983 975 руб.⁸⁵

В 1948—1949 гг. в республике в массовом порядке осуществлялась репатриация иностранных военнопленных на родину. В связи с этим встал вопрос о замене их другой рабочей силой. Этот процесс организовывался таким образом, чтобы он не отразился на нормальной работе предприятий или ходе строительства. Он проходил по графикам замены военнопленных другой рабочей силой, согласованным ГУПВИ МВД СССР в Госплане СССР с каждым министерством и ведомством. Предприятия постепенно заменяли иностранных военнопленных вольнонаемными рабочими и заключенными. В частности, постановление Совета Министров КФССР и ЦК КП (б) республики от 17 марта 1948 г. «О распределении спецконтингента, занятого на строительстве и в предприятиях г. Петрозаводска» предусматривало замену военнопленных на стройках и предприятиях Промстройтреста спецконтингентом УИТЛК, а на остальных предприятиях Петрозаводска — вольнонаемным составом⁸⁶.

---

⁸⁴ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 265, л. 55; д. 271, л. 60.

⁸⁵ КГАНИ, ф. 8, оп. 65, д. 16, л. 17.

⁸⁶ НА РК, ф. Р-1394, оп. 7, д. 53/1380, л. 13—15.

Таким образом, с помощью принудительного труда в послевоенные годы отчасти удалось решить проблему дефицита рабочей силы в республике. По целому ряду причин трудно определить конкретный вклад спецконтингента в развитие экономики страны и региона: на многих предприятиях наряду с вольнонаемными рабочими трудились военнопленные, спецпоселенцы и заключенные, что практически исключает возможность определения доли трудового участия каждой из названных категорий спецконтингента; они работали, как правило, на самых тяжелых и низкооплачиваемых участках производства; нередкими были случаи приписок или, наоборот, занижения объема выработанной военнопленными продукции со стороны администрации предприятий в целях снижения стоимости труда, который они оплачивали его собственнику – МВД. На ряде предприятий неудовлетворительной была организация труда военнопленных.

Как справедливо отмечает уральский историк А. Б. Суслов, можно сделать вывод, что проблема на макроуровне не решается. Не обойтись без исследований на микроуровне, без сравнения эффективности производства каких-либо конкретных видов продукции, которое осуществлялось в сходных территориальных, климатических, производственных и т. п. условиях⁸⁷.

Тем не менее анализ архивных документов свидетельствует о том, что применение принудительного труда играло существенную роль в экономическом возрождении Карелии. Об этом говорит тот факт, что силами «спецконтингента» МВД (в том числе и военнопленных) в 1946–1947 гг. из общего объема капитальных работ, предусмотренных пятилетним планом республики, было выполнено 40 % работ⁸⁸. Уже в 1949 г. промышленные предприятия республики достигли довоенного уровня выпуска валовой продукции.

---

⁸⁷ Суслов А. Б. Принудительный труд на Урале (конец 1920-х – начало 1950-х гг.): эффективность и производительность // ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2005. С. 264.

⁸⁸ КГАНИ, ф. 8, оп. 19, д. 202, л. 2.

Глава 4

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА В ЛАГЕРЯХ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ. ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРЕПИСКИ И ЦЕНЗУРА

С первых дней пребывания иностранных военнопленных в лагерях органами внутренних дел была организована широкая политическая работа с ними, проводившаяся под руководством Отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) и Главного политического управления Вооруженных Сил СССР. Ее целью было разъяснение преимуществ советского строя перед капиталистическим, перевоспитание военнопленных и превращение их в сторонников Советского Союза, обеспечение добросовестного отношения к труду в лагерях, а также подготовка антифашистских кадров, которые можно было бы использовать по возвращении их на родину в борьбе против фашизма в послевоенное время. О значении, придававшемся разворачиванию политической работы среди иностранных военнопленных, свидетельствует тот факт, что по решению ЦК ВКП(б) от 26 июня 1946 г. и в соответствии с приказом МВД СССР от 19 октября 1946 г. при ГУПВИ был создан политический отдел, на который возложено руководство политической работой среди военнопленных, учебно-воспитательной работой в антифашистских школах и курсах, издание газет для военнопленных¹.

Одновременно политотделы создавались на республиканском и областном уровне, а также при управлениях лагерей военнопленных. В Карело-Финской ССР подобный отдел был создан по приказу министра внутренних дел КФСР от 5 ноября 1946 г. В лагерях для военнопленных № 120 и 212 вводились должности зам. начальника управления лагеря по политчасти, старшего инструктора по оргполитработе и старшего инструктора по агитации и пропаганде, а в лагерях для военнопленных № 166 и 447 — должности зам. начальника управления лагеря по политчасти и старшего инструктора по оргполитработе. Кроме того, в лагерных отделениях № 1, 4, 8 и 12 лагеря № 120, в лагерных отделениях № 2, 9 и 12 лагеря № 212 и в лагерном отделении № 3 лагеря № 447 были введены должности зам. начальников лагерных отделений по политчасти².

¹ Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 37, 133.

² АМВД РК, ф. 68, оп. 1, д. 154, л. 258.

Важной составной частью политической работы являлась антифашистская работа. При политотделе ГУПВИ был организован отдел по антифашистской работе среди военнопленных, руководство же этой работой в лагерях возложено на оперативные отделения, а в НКВД-УНКВД — на оперативные отделы, при которых имелись группы и отделения по антифашистской работе³. В штаты политотделов лагерей для военнопленных были введены инструкторы по антифашистской работе, а в лагерях и лагерных отделениях назначались функционеры антифашистской работы из состава военнопленных — руководитель антифашистского комитета, старший пропагандист и руководитель художественной самодеятельности. В январе 1948 г. институт назначенных антифашистских функционеров из числа антифашистского актива заменяется в лагерных отделениях выборными антифашистскими комитетами, члены которых избирались тайным голосованием военнопленных⁴.

В политической работе с военнопленными применялись разные формы и методы: политкружки, лекции, собрания, митинги, индивидуальные и групповые беседы. При этом активно использовались газеты, журналы, политическая и художественная литература. В лагерях работали клубы, библиотеки, антифашистские комнаты, радиоузлы, кружки художественной самодеятельности, осуществлялся показ советских кинофильмов.

По решению директивных органов для иностранных военнопленных, содержащихся в лагерях НКВД, рабочих батальонах и спецгоспиталях в СССР, издавались газеты на немецком, венгерском и румынском языках, а также бюллетень для военнопленных австрийцев. Кроме того, для военнопленных немцев выписывались из советской зоны оккупации Германии экземпляры семи различных газет и журналов. По баракам были организованы читки газет на немецком языке. Их проводили специально выделенные для этой цели чтецы. В январе 1949 г. в лагерных отделениях республики таких чтецов насчитывалось 302 человека⁵. Они знакомили военнопленных с наиболее важными статьями из газеты «Nachrichten» («Нахрихтен»), издававшейся Политотделом ГУПВИ для военнопленных СССР, газеты «Der tägliche Rundschau» («Теглихе Рундшау») — органа военной админист-

---

³ Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 38.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ КГАНИ, ф. 8, оп. 65, д. 16, л. 25.

рации советской зоны оккупации Германии, газеты «Neues Deutschland» («Нойес Дойчланд») – органа Социалистической единой партии Германии, газеты «Die Tribüne» («Трибуна») – органа свободных немецких профсоюзов и др.

В декабре 1947 г. в соответствии с разъяснением Политотдела ГУПВИ МВД СССР военнопленным, владевшим русским языком, было разрешено читать периодическую печать и книги, находившиеся в общедоступном использовании населением СССР⁶.

При Политотделе лагерей республики действовала лекторская пропагандистская группа, состоявшая из 10 антифашистов, окончивших политкурсы при Политотделе. С лекциями и докладами на международные темы выступали также наиболее подготовленные офицеры лагерей и функционеры. За один только 4-й квартал 1948 г. в лагерях республики было прочитано 120 лекций⁷.

В лагерных отделениях 2–3 раза в месяц выпускались стенные газеты, были организованы газетные витрины. В стенгазетах популяризировался опыт лучших бригад и производственников, руководителей политкружков и агитаторов, критиковались лодыри и симулянты. Широкое распространение получили тематические фотомонтажи по материалам советских и немецких журналов.

Военнопленные привлекались для выступлений по радио, для выпуска информационно-пропагандистских материалов. В директиве министра внутренних дел КФССР начальнику оперативного отдела лагеря МВД для военнопленных № 120 от 19 сентября 1946 г. «Об организации антифашистской работы в лагере» указывалось на необходимость организовать сбор писем-приветствий военнопленных немецкой, австрийской, румынской и венгерской национальностей, которые зарекомендовали себя положительно на антифашистской и производственной работе, для публикации их в газетах, издаваемых оккупационными частями Красной Армии за границей: «Der tägliche Rundschau» («Теглихе Рундшау»), «Österreichische Zeitung» («Эстеррейхише Цайтунг»), «Új szó» («Уй со») и др. Письма предлагалось пересылать в МВД КФССР с обязательным приложением перевода на русский язык, указанием установочных данных военнопленных и адреса их последнего места жительства⁸. Местными органами МВД

⁶ АМВД РК, ф. 19, оп. 14, д. 8, л. 1.

⁷ КГАНИ, ф. 8, оп. 65, д. 16, л. 25.

⁸ АМВД РК, ф. 17, оп. 3, д. 7, л. 73.

была проведена работа по сбору писем и приветствий военнопленных для передачи по радио их родственникам, а также статей в газеты, издаваемые Главным политическим управлением Вооруженных Сил СССР для населения Германии, Австрии, Венгрии и Румынии.

Примером может служить письмо военнопленного Нефф Ганса «Мои политубеждения» (14 декабря 1946 г.):

«Я, военнопленный Нефф Ганс, 1925 г. р., был три месяца членом „Союза гитлеровской молодежи“. С 1933 г. я служил в армии. Мой отец членом НСРПГ* не был. Когда началась война с Советским Союзом, я был 14-ти лет и мало еще понимал в политике. Когда в 1943 г. я был призван в армию, я увидел, как построено наше государство. Будучи учеником, я, не думая ни о чем, воспринимал сообщения по радио и в газетах, но когда стал старше, я увидел, как работала наша пропаганда. Я понял, что нападение на Польшу было не только подлым нападением, но и чисто завоевательной политикой гитлеровского режима по отношению к России. Мы задавали себе вопрос, как может Германия вести войну против большой России, которая состоит в тесном сотрудничестве с Америкой и Англией, тогда как мы ни разу не убедились в «справедливом деле», которое нам всегда внушали...

Так я должен был быть солдатом с сознанием, что я помогу в каком-нибудь большом преступлении. Теперь в плену я уже увидел и читал, какими способами действовали особые команды Гитлера. Я слышал о переживаниях русских людей, о разграбленной советской земле, о зверствах СС в лагерях. Удовлетворение было в решениях Нюрнбергского процесса. Но я знаю, что еще много людей, находящихся среди нас в плену или в Германии, участвовали в этих зверствах. Разыскать и разоблачить этих людей — будет всегда стоять моей задачей. Я познакомился с русским народом, ценю его и его государство. Если Германия будет опять государством, то это все только благодаря русскому народу и его правительству»⁹.

В докладной записке врио старшего инструктора по антифашистской работе управления лагеря военнопленных № 120 С. Д. Громова начальнику оперативного отдела лагеря о политико-воспитательной и культурно-просветительной работе среди военнопленных за август 1946 г. подчеркивалось: «Вся политико-воспитательная работа среди военнопленных

---

* НСРПГ — Национал-социалистическая рабочая партия Германии. В 1919–1945 гг. — фашистская партия, возглавлявшаяся (с 1921 г.) Гитлером.

⁹ АМВД РК, ф. 19, оп. 6, д. 3, л. 32–32 об.

в августе проходила под углом мобилизации военнопленных на выполнение внутреннего распорядка, на уплотнение трудового дня, поднятие производительности труда и качества выполняемой работы, на улучшение культурно-бытовых условий жизни военнопленных... В результате всей проводимой работы у военнопленных заметно повысилось моральное настроение, повысилась вера в правильность проводимой политики Советского Союза. Очень часто военнопленные говорят, что [то, что] говорит Геббельс о Советском Союзе, все — неправда...»¹⁰.

О разнообразии антифашистской работы, проводимой в лагерях военнопленных, свидетельствует докладная записка начальника отдела лагеря № 166 министру внутренних дел КФСР за 4-й квартал 1947 г. В ней отмечалось: «Всего при управлении лагеря № 166 антифашистов 220 человек, из них: в немецкой группе — 178 человек, в венгерской группе — 42, участвующих в самодеятельных кружках — музыкальных, драматических и в хоровых — 135 человек...

Каждая производственная бригада укомплектована антифашистским влиянием, для чего к каждой бригаде прикреплены антифашисты, большинство бригадиров укомплектованы из антифашистов. За этот период проведено производственных совещаний с бригадирами и антифашистским активом — 8 по вопросам: «О трудовом соревновании военнопленных и о выполнении месячных производственных заданий», «О дисциплине на производстве, о сохранении здоровья военнопленных на осенне-зимний период».

Проведено бесед, лекций и докладов с военнопленными — 40 на темы: «Земельная реформа в советской оккупационной зоне в Германии», «Черчилль бряцает оружием», «Россия в подготовке демократической Германии», «О 29-й годовщине Октябрьской социалистической революции», «Что такое фашизм», «Что такое демократия», «О происходящих демократических выборах в Германии» и др.

Военнопленными на родину по радио и через газеты послано 10 воззваний. Кроме того, среди военнопленных немецкой и венгерской группы проводились литературные вечера самодеятельности с разбором произведения Пушкина «Девушка-крестьянка», венгерская демократическая постановка пьесы «Сын народа», немецкая пьеса «Слесарь Ханс». Каждая пьеса, постановки и доклады охватывали от 200 до 300 человек военнопленных... Немецкая и венгерская антифашистские группы ежемесячно выпускали по три номера стенных газет, где освещали вопросы

---

¹⁰ АМВД РК, ф. 16, оп. 3, д. 20, л. 49–50.

трудового соревнования, о порядке и дисциплине в быту и производстве, показывали опыт работы лучших бригадиров и бригад.

За 4-й квартал во всех лаготделениях организованы антифашистские группы, с которыми проведены инструктивные совещания по вопросам о работе антифашистского актива.

Зона лагерей и общежитий военнопленными оборудована лозунгами, плакатами, портретами вождей Коммунистической партии. Среди военнопленных систематически проводятся читки и беседы по газетным материалам.

Проведение антифашистской работы в значительной мере способствовало перевыполнению производственно-финансового плана за 3-й и 4-й кварталы. Бригады, укомплектованные антифашистами, перевыполняли нормы от 100 до 200 %. Бригадир З... (фамилия неразборчива) активный антифашист, в ноябре месяце дал заработок до 3600 руб.»¹¹.

Повышение производительности труда являлось важным направлением политической работы в лагерях для иностранных военнопленных. Антифашистские комитеты под руководством работников политотделов лагерей регулярно проводили беседы, общие собрания военнопленных и собрания бригадиров, на которых обсуждались производственные вопросы. Только в 4-м квартале 1948 г. в лагерном отделении № 1 лагеря № 120 было проведено 146 таких бесед. По предложению антифашистского комитета лагерного отделения № 3 лагеря № 120 два бригадира из числа военнопленных за плохую работу были сняты с должности. На заседании комитета также была обсуждена работа трех военнопленных, которые систематически отлынивали от труда и не выполняли норм выработки. По инициативе членов антифашистских комитетов практиковалось поощрение лучших производственников путем организации для них концертов по заявкам, культпоходов в кино, оборудования лучших мест в столовых и др.¹²

Однако, по мнению управления лагерей и руководства МВД республики, политическая работа еще слабо увязывалась с производственным процессом, а антифашистский актив не нацеливал военнопленных на выполнение и перевыполнение производственных норм, увеличение производительности труда. Выступая на оперативном совещании в МВД КФССР 16 ноября 1948 г., начальник лагерного отделения «Харлу» капитан Иванов отметил: «Антифашистский актив пользуется

---

¹¹ АМВД РК, ф. 18, оп. 1, д. 27, л. 7–10.

¹² КГАНИ, ф. 8, оп. 65, д. 16, л. 27.

у нас большими привилегиями, нужно этот актив проверять. Так, у нас в лаготделении в антифашистском активе был военнопленный Эгер, работал неплохо, пока был в самом лаготделении (художник), когда же его послали на производство, то дошел почти до саботажа. Я сам снял его с актива и направил в бригаду, где его заставят работать»¹³.

Проблема перевоспитания оказалась чрезвычайно трудной как для военнопленных, так и для политработников лагерей. Прежде всего из-за незнания политработниками иностранных языков, а военнопленными – русского языка, особенно в период ввоза и обустройства последних в советских лагерях. Во-вторых, из-за стремления в сравнительно короткое время превратить военнопленных в марксистов, главным образом посредством политического просвещения. Посредниками в этом деле стали командиры рот, антифашисты, антифашистские активисты из самих военнопленных¹⁴.

Организация политической работы в лагерях военнопленных в значительной степени осложнялась нехваткой переводчиков. В апреле 1945 г. по лагерям республики, в которые был завезен контингент военнопленных, переводчиков имелось лишь 2 из 15 необходимых по штату¹⁵. В связи с этим нарком внутренних дел КФССР Никитин обратился в УПВИ НКВД СССР с просьбой о срочной отправке в Карелию переводчиков с немецкого на русский язык, так как их отсутствие «не давало возможности вести работу оперчеккистского обслуживания военнопленных в лагерях»¹⁶.

Однако и спустя полтора—два года эта проблема оставалась достаточно острой. Так, в лагере № 120 укомплектованность переводчиками немецкого языка в январе 1947 г. составляла 50 %, а переводчиков-румын и венгров было незначительное количество¹⁷. В лагере № 212 в начале 1948 г. насчитывалось 4 переводчика немецкого языка, но не было ни одного переводчика венгерского языка¹⁸.

Развертывание политической работы среди военнопленных требовало от политотделов лагерей организации специальной подготовки

---

¹³ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 272, л. 178–179.

¹⁴ Коротаев В. И. Проблема социалистического перевоспитания военнопленных в 1944–1948 годах на примере лагеря № 211 // Вестник Поморского ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 1. С. 18–19.

¹⁵ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 223, л. 136.

¹⁶ Там же, д. 217, л. 37.

¹⁷ Там же, ф. 17, оп. 7, д. 20, л. 16.

¹⁸ АМВД РК, ф. 19, оп. 13, д. 14, л. 177.

и обучения антифашистского актива. Для этой цели в 1947 г. при 32 политотделах крупных лагерей страны были созданы постоянно действующие трехмесячные антифашистские курсы. Непосредственно в лагерях при политотделах функционировали свыше 6 тыс. антифашистских кружков, в которых занимались 213 602 военнопленных¹⁹.

С января 1948 г. трехмесячные антифашистские курсы на 50 человек с отрывом от производства действовали при политотделе лагерей для военнопленных МВД КФССР. Курсанты питались по улучшенной норме и получали по 50 руб. в месяц. Преподавателями и ассистентами курсов являлись наиболее политически подготовленные антифашисты. Они были освобождены от работы и получали по 100 руб. в месяц. В 1948 г. курсы закончили 200 человек, которые были направлены в лагерные отделения в качестве пропагандистов, руководителей антифашистских комитетов, политкружков, кружков самодеятельности, редакторов стенных газет, беседчиков.

Одномесечные антифашистские курсы с отрывом от производства проводились при лагерных отделениях. Тематические планы курсов включали такие разделы, как «СССР — страна социализма», «Борьба за демократическую миролюбивую Германию», «Вопросы международной политики», «Вопросы практической работы» и др.²⁰

Приказом министра внутренних дел КФССР от 21 января 1949 г. при первом и четвертом лагерных отделениях 120 лагеря были организованы постоянно действующие месячные политкурсы с отрывом от производства на 20 человек из числа низовых кадров агитаторов и пропагандистов этих лаготделений. Отбор на курсы производился по социальному признаку, в основном из рабочих и крестьян. Тематический план курсов включал 240 часов²¹.

Привлечение антифашистского актива к проведению политической работы в лагерях для иностранных военнопленных существенно расширяло возможности массовой пропаганды благодаря тому, что она велась на родном для военнопленных языке. В то же время трудно было ожидать от людей, воспитанных в совершенно иных социально-экономических и культурных условиях и находившихся в условиях неволи, объективного восприятия советской действительности, а тем более коммунистической убежденности.

---

¹⁹ Военнопленные в СССР 1939–1956... С. 317.

²⁰ АМВД РК, ф. 17, оп. 25, д. 4, л. 2–5.

²¹ Там же, ф. 68, оп. 2, д. 204, л. 27.

В конце 1946 г. в лагере № 120 антифашистский актив составлял примерно 3 % от общего числа военнопленных (235 человек из 8459), в лагере № 166 — почти 10 % (220 человек из 2214), из них в немецкой группе — 178 и в венгерской группе — 42 человека²².

Думается, что реальное количество антифашистов в действительности было гораздо меньшим. Если отдельные военнопленные сознательно участвовали в антифашистской работе, то часть из них вступила в ряды антифашистского актива по причине предоставления им определенных льгот и преимуществ. На основании директивы МВД СССР № 112 от 7 июня 1947 г. и указаний Политотдела МВД КФССР от 31 июля 1947 г. военнопленные функционеры по антифашистской работе, организаторы культурно-массовой работы и пропагандисты, назначенные из числа военнопленных, были освобождены от физической работы, они содержались расконвоированными, питались по полной норме, как занятые на производстве и получали ежемесячно по 100 руб.²³ В связи с этим характерно такое высказывание одного из военнопленных лагеря № 120: «Я долго был антифашистом, но это лишь потому, что получал побольше питания и не использовался на работе. Я знаю, что значит антифашист, это продажные люди для русских. В новой Германии мы не будем антифашистами. Они все оттуда должны исчезнуть». Другой военнопленный, Кох Герберт, заявил: «Я был на антифашистских курсах, но то, что я там изучил и слышал — Советскому Союзу никакой пользы не будет, т. к. они хотят отравить меня их идеологией»²⁴.

Выступая на совещании в МВД КФССР 27–28 мая 1946 г. по вопросу о работе лагерей для военнопленных, министр МВД республики генерал-майор Б. П. Серебряков подчеркнул: «За военнопленными, привлеченными к антифашистской работе, надо усилить контроль, т. к. при его отсутствии эта работа доверенными военнопленными может быть превращена в свою противоположность»²⁵. Нередкими были случаи, когда военнопленные-антифашисты не оправдывали доверия администрации лагерей, выступая на стороне военнопленных. Так, был освобожден от обязанностей руководителя антифашистского актива лагерного отделения № 4 лагеря № 120 военнопленный Курт Локхов в связи с тем, что

---

²² АМВД РК, ф. 17, оп. 6, д. 7, л. 7.

²³ Там же, оп. 14, д. 5, л. 6; оп. 13, д. 4, л. 17.

²⁴ Там же, оп. 7, д. 20, л. 142.

²⁵ Там же, ф. 40, оп. 1, д. 214, л. 167.

«несмотря на неоднократные предупреждения со стороны руководства лаготделения, не вел борьбы за укрепление дисциплины и порядка среди военнопленных, а, наоборот, защищал их и попал под влияние самых отсталых элементов, предпринимал попытки саботировать выполнение приказаний командования лаготделения»²⁶.

Осознавая тот факт, что часть военнопленных числилась в рядах антифашистского актива формально, руководство Министерства внутренних дел приняло ряд мер по улучшению антифашистской работы среди военнопленных. В соответствии с распоряжением министра внутренних дел СССР от 30 декабря 1946 г. «Об упорядочении и активизации антифашистской работы среди военнопленных» в лагерях были созданы комиссии, которым поручалось проверить военнопленных, занимавших все командные и административно-хозяйственные должности во внутренней службе лагерей; сменить тех военнопленных, которым антифашистский актив не выражал доверия, а также проверить имевшиеся кадры антифашистских работников и заменить не соответствовавших своей должности. Начальникам управлений лагерей предписывалось «немедленно снимать с командных и административно-хозяйственных должностей военнопленных, проявляющих профашистские взгляды и настроения и производить назначение военнопленных на командные и административно-хозяйственные должности только по представлению начальников отделений по охране и режиму и после тщательной проверки этих лиц политработниками и оперативным отделом». Кроме того, предполагалось заменить в 20-дневный срок всех хозяйственных работников лагерей и лагерных отделений, направив их на физические работы в другие лаготделения, а на хозяйственные должности выдвинуть «действительно антифашистов или лояльно проявивших себя военнопленных», создав для них лучшие материально-бытовые условия размещения и содержания, «обеспечить их правовое положение, ибо они должны чувствовать поддержку лагерной администрации всегда и во всем»²⁷.

В ходе проверок состояния антифашистской работы в лагерях для военнопленных в республике были выявлены факты, когда административно-хозяйственные должности занимали военнопленные, выражавшие профашистские взгляды или не являвшиеся

---

²⁶ АМВД РК, ф. 17, оп. 11, д. 17, л. 18.

²⁷ Там же, ф. 68, оп. 2, д. 161, л. 4–5.

антифашистами. Так, в лагерном отделении № 1 лагеря № 120 из 8 командиров батальонов антифашистами являлись только 3, из 5 шоферов – 2, из 37 рабочих кухни – 7²⁸.

Важным стимулом вовлечения бывших военнослужащих вермахта в ряды антифашистов являлась первоочередная репатриация на родину наравне с больными самых лояльных к советскому строю военнопленных. Уже в 1946 г. в число репатриированных были включены первые большие партии военнопленных-антифашистов. В дальнейшем их отправка на родину проводилась, как правило, по решениям ЦК ВКП(б) по персональным спискам²⁹.

Как свидетельствуют выявленные в архивохранилищах Республики Карелия документы, при формировании каждого эшелона в сопроводительных документах, направляемых в лагеря репатриации, обязательно указывалось количество демократически настроенных военнопленных, число антифашистов и передовиков производства. Так, в мае 1948 г. из лагеря № 120 было репатриировано на родину 2015 военнопленных немцев, в основном больных и ослабленных. Среди отправленных на родину были 100 антифашистов и 22 лучших производственников. В числе отправленных 13 июня 1948 г. из лагеря № 212 1600 военнопленных немцев 92 человека являлись антифашистами-активистами, 9 – лучшими производственниками³⁰. Приказы о досрочной отправке на родину военнопленных-антифашистов и лучших производственников объявлялись всему контингенту военнопленных лагеря.

Несмотря на различия во взглядах, военнопленные активно участвовали в политической жизни лагеря. Особенно их волновали международная обстановка, судьба послевоенной Германии и события на родине. Осуществление денежной реформы и отмена карточной системы в Советском Союзе в конце 1947 г., значительные успехи страны в восстановлении разрушенной экономики благоприятно отразились на настроении военнопленных. Они надеялись на завершение репатриации в 1948 г.

В своей информации о политических настроениях военнопленных лагеря № 120 сообщалось: «В связи с предстоящей репатриацией особенно волнующим моментом среди военнопленных является будущность Германии, то есть, каков будет мирный договор между СССР и

---

²⁸ АМВД РК, ф. 17, оп. 11, д. 17, л. 25.

²⁹ Военнопленные в СССР 1939–1956... С. 55.

³⁰ АМВД РК, ф. 19, оп. 14, д. 11, л. 11.

Германией. Большая часть военнопленных верит в возможность дружеских отношений между СССР и Германией и высказывается оптимистически по этому вопросу. Другая часть военнопленных, особенно молодого возраста, не верит советской власти, заявляя: „Русские уже очень много рассказывали и обещали военнопленным. Но своего слова не сдержали“. Их поддерживают и другие военнопленные молодого возраста»³¹.

Аналогичными были настроения военнопленных, содержащихся в лагере № 447. Капитан Шмиц-Демант выразил свое мнение так: «В данное время на военнопленных сильно действует моральный фактор в отношении переживаний в лагере. Сейчас, когда известен срок отправки домой, многие военнопленные думают и говорят, что надо уберечь силы для того, чтобы пережить в плену до отправки домой. Сейчас военнопленные не особо верят русским о том, что те, которые хорошо работают военнопленные, в первую очередь поедут домой. Потому, что в прошлом году говорили тоже так, но в действительности были отправлены домой ОК (оздоровительная команда) и дистрофики»³².

Среди военнопленных, особенно рядовых солдат, было немало тех, кто осуждал войну Германии против СССР. К примеру, в октябре 1945 г. в наркомат внутренних дел республики поступило заявление начальника Стройуправления о якобы готовящемся восстании в лагере № 120. При проверке выяснилось, что от агентуры не поступало сообщений о подготовке восстания, но военнопленные были действительно недовольны пленными — немецкими офицерами, считая их виновниками войны и инициаторами создания штрафных рот в лагере³³. Военнопленный Хельмут Зесле из лагерного отделения № 7 написал жене: «Наше наказание очень велико и незаслуженно. Неужели думают, что мы должны расплачиваться за главных преступников, надеемся, придет час, когда наши подогнутые колени могут опять отдохнуть»³⁴.

По воспоминаниям А. Д. Вересова, 1931 г. рождения, работавшего в послевоенные годы на судостроительном заводе № 789 (впоследствии — завод «Авангард»), ему приходилось общаться по работе с пленным немцем Куртом (или Карлом) Шмидтом из Гамбурга.

---

³¹ АМВД РК, ф. 16, оп. 3, д. 20, л. 360.

³² Там же, л. 406.

³³ Там же, ф. 16, оп. 2, д. 13, л. 23.

³⁴ Там же, ф. 17, оп. 7, д. 20, л. 80.

И его поразило то, что когда пленных отправляли домой, Курт поделился своими сомнениями: вернуться ли ему на родину или поехать на учебу на полугодовые курсы антифашистов под Москвой³⁵.

Многие военнопленные положительно отзывались об условиях содержания их в плену в Советском Союзе, признавали заботу о них со стороны советского правительства. Военнопленный венгр Поор Король, рабочий по социальному происхождению, обращаясь к присутствовавшим в комнате отдыха военнопленным, заявил: «Мы никогда не забудем дружелюбного отношения советского народа к венгерскому народу и к нам, благодарим русских за хорошее содержание нас в лагере. По приезду домой мы будем выкорчевывать остатки фашистских элементов из своей демократической Венгрии. Мы знаем, что Советское правительство и советский народ желают мира и дружбы народов всех стран»³⁶. Осознавая миролюбивый характер политики Советского Союза, некоторые пленные призывали своих сограждан «работать лучше и помочь советскому народу восстановить разрушенное войной народное хозяйство».

Содержавшийся в лагере для военнопленных № 212 Фарина Фриц Йоган писал жене: «Ты можешь не заботиться обо мне. Питания достаточно. Хлеба получаем около 1 кг ежедневно. О больных здесь заботятся лучше, чем в немецкой армии. Имеем теплую одежду, так что мороза не боимся. Я прошу тебя, скажи всю правду о России. Не придерживайся нацистской идеологии, а поддерживай единое социалистическое государство в мире, борьба которого есть наша борьба». Военнопленный Больчкен Имре сообщал своему другу: «Я в плену узнал много хорошего и полезного. Не верь плохой пропаганде против России. Все, что они говорят о России – это неправда». Военнопленный Бода Петер писал в письме на родину: «Русские врачи и сестры лечат больных очень хорошо. Лучшего лечения и дома не получишь...»³⁷. Военнопленный Хубер Михаэль признавал: «Русские много дали своему народу посредством революции, так как каждый русский человек может быть тем, кем хочет, а не только те, у которых отец имеет много денег»³⁸.

---

³⁵ Воспоминания А. Д. Вересова. 22 января 2013 г. Из личного архива Л. И. Вавулинской.

³⁶ АМВД РК, ф. 16, оп. 3, д. 20, л. 71.

³⁷ Там же, ф. 19, оп. 14, д. 8, л. 9–10.

³⁸ Там же, ф. 17, оп. 7, д. 20, л. 131.

Несомненно и то, что среди военнопленных оставалось немало приверженцев фашистской идеологии. По мнению западногерманского ученого А. Леманна, большая часть бывших военнослужащих вермахта, вернувшихся из советских лагерей, сохранила традиционные предубеждения. Основными причинами консервирования стереотипов являлись сильное влияние нацистской пропаганды, языковой барьер и немногочисленные контакты с гражданским населением³⁹.

Военнопленный капитан Юнак Рудольф Карл в кругу офицеров высказался так: «Восстановление в Германии прусского милитаризма необходимо, ибо это является жизненной необходимостью Германии». Военнопленный Штрафельд Фриц Иоган, 1917 г. рождения, заявил: «Я с удовольствием пошел бы снова на войну, лишь бы только рассчитаться с русскими за все и всех их уничтожить». Другой военнопленный рассуждал: «Какую пользу принесет здесь саботаж? Только если малую организованность военнопленных. Это тоже неплохо. Много важнее другой вопрос: «Как нам сохранить веру у наших людей? Правда, я и этим не могу быть недовольным. Я бываю в каждом бараке и вижу там солдат и их настроения. Антифашиста Шнайдерата они недолюбливают. Да к тому же для тебя не секрет: я — фашист, а имею влияние на работу антифашистов через военнопленного Кунце. Я ему даю указания, что делать, а он — Шнайдерату... Будем ждать, пока вернемся домой. Тогда еще будет достаточно времени для удара. Время работает для нас, мы работаем для времени»⁴⁰. Юнак Рудольф Карл, 1899 г. р., убеждал своих соплеменников: «Мы в руках победителей. Мы лично в руках грязного, некультурного народа победителя. Все это горе нужно выдержать. Когда-то и мы приедем домой. Тогда испытания, взятые здесь, будут иметь еще большую цену в борьбе против большевизма. Ибо только борьба против этой системы человеческого рабства должна быть нашим лозунгом. Для этого и нужно подготовиться, подготовиться уже здесь, в плену»⁴¹.

Оперативно-чекистские отделы с помощью антифашистского актива выявляли среди военнопленных военных преступников, участников зверств, бывших работников разведки и контрразведки, шпионов,

---

³⁹ Кретинин С. В., Медведев С. А. Формирование образа Советской России у немецких военнопленных Второй мировой войны // Историк и его время. Памяти профессора В. Б. Конасова: сб. статей. Вологда, 2010. С. 274.

⁴⁰ АМВД РК, ф. 16, оп. 3, д. 20, л. 326–327.

⁴¹ Там же, ф. 18, оп. 1, д. 27, л. 35–36.

диверсантов, жандармов и полицейских, саботажников, лиц, склонных к побегу. В лагерях военнопленных в республике имели место попытки организовать сопротивление путем создания подпольных антисоветских групп, однако их деятельность редко встречала массовую поддержку среди других пленных и, как правило, пресекалась оперативными отделами лагерей. Профилактические мероприятия особенно активизировались при переводах военнопленных из одного лагеря в другой, а также накануне советских праздников, поскольку в это время ожидался всплеск антисоветских выступлений.

Важную роль в политической работе с пленными играла организация переписки. Лагерные власти использовали ее как мощное средство повышения морального настроения, а, следовательно, и трудового энтузиазма военнопленных. Во время войны переписка военнопленных, содержащихся в лагерях НКВД, в широком масштабе не была организована, она становится регулярной лишь после окончания войны⁴². Приказом НКВД СССР от 13 июля 1945 г. была утверждена «Инструкция о порядке переписки военнопленных немцев, австрийцев, румын и венгров с их семьями, проживающими в Германии, Австрии, Румынии и Венгрии». Для осуществления переписки вводились специальные почтовые карточки. Их пересылка осуществлялась бесплатно. Сначала допускались письма до 25 слов, а в качестве обратного адреса фигурировал почтовый ящик А-120 в Москве. Постепенно переписка налаживалась, и количество слов не регламентировалось столь жестко.

Пленным разрешалось отправлять не более одной открытки в месяц. В качестве меры поощрения военнопленных, перевыполняющих нормы выработки, а также по оперативным соображениям начальники управлений лагерей имели право разрешить отправку еще одного письма. За систематическое нарушение лагерного режима и другие проступки военнопленные могли лишиться права переписки с их семьями на срок от 1 до 3 месяцев.

Во избежание распространения сведений, наносивших ущерб репутации СССР, в соответствии с Директивой НКВД СССР от 5 сентября 1945 г. осуществлялся цензорский просмотр входящей и исходящей корреспонденции, проводившийся сотрудниками оперативно-чекистских отделений лагерей. Приказом МВД СССР от 9 декабря 1946 г. эта обязанность была возложена также на инструкторский состав по антифашистской работе политотделов и политаппаратов

---

⁴² Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 934.

управлений лагерей⁴³. Письма пленных пропускались цензурой, если в них содержалась позитивная информация о жизни в СССР. Конфискации подлежали письма антисоветского и профашистского содержания, а также почтовые отправления, содержавшие сведения о количестве военнопленных в лагере, о конкретных лицах из числа военнопленных и лагерного начальства, об умерших за время пребывания в плену, о режиме и условиях содержания военнопленных, месте дислокации лагеря и предприятия, на котором работал пленный, о характере выполняемой военнопленными работы и т. п. Военнопленным, в свою очередь, не передавались письма их родственников, с критикой в адрес СССР, с различными советами по уклонению от работы. Закрытые письма, почтовые открытки не установленного образца, а также фотокарточки, поступавшие из-за границы, разрешалось вручать военнопленным после соответствующей проверки с учетом их поведения в лагере⁴⁴.

В октябре 1945 г. приказом зам. наркома внутренних дел КФССР был организован пункт военной цензуры над почтовыми отправлениями военнопленных лагерей № 120, 166, 212 и спецгоспиталя № 4870 при ОПВИ НКВД КФССР⁴⁵. В каждом лагерном отделении и в управлении лагеря в соответствии с приказом МВД СССР о мероприятиях по улучшению дела переписки военнопленных со своими семьями от 13 сентября 1946 г. выделялся сотрудник, ответственный за своевременное обеспечение военнопленных бланками почтовых открыток, вручение писем, поступающих с родины, и отправку писем военнопленных на родину. Сбором писем и раздачей их военнопленным занимались бригадиры и командиры батальонов. Особое внимание обращалось на сокращение срока и улучшение цензурирования писем военнопленных. Проверку корреспонденции, поступавшей из-за границы, следовало производить в течение 48 часов с момента ее получения из почтового ведомства и вручать военнопленным не позднее, чем на второй день после проверки цензурой. В случае недостаточного количества цензоров разрешалось привлекать для цензурирования писем переводчиков из числа военнопленных. Выемку корреспонденции из почтовых ящиков, установленных в зонах лагерей и лагерных отделений, предусматривалось производить ежедневно

---

⁴³ Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 932.

⁴⁴ АМВД РК, ф. 17, оп. 6, д. 7, л. 65.

⁴⁵ Там же, ф. 68, оп. 2, д. 151, л. 22.

в 12 часов дня, проверять цензурой и сдавать в почтовое ведомство в течение 48 часов. Цензорские пункты обязаны были ежемесячно сообщать в оперативное отделение ОПВИ МВД КФССР сведения о количестве прошедших через пункт почтовых отправлений и о количестве изъятых отправлений вследствие нарушения инструкции⁴⁶.

В целях улучшения почтовой переписки военнопленных немцев, австрийцев, венгров и румын с их семьями приказом министра внутренних дел КФССР от 21 сентября 1946 г. пункты военной цензуры были организованы во всех лагерях для военнопленных, находившихся на территории КФССР. В большинстве лагерных отделений были организованы специальные комнаты для заполнения почтовых карточек, налажен строгий контроль за их расходом. В соответствии с директивами и инструкциями открытки заполнялись только чернилами, а не карандашом, запрещалось разрезать их на две части и т. д. Для оказания помощи неграмотным или больным военнопленным в заполнении почтовых карточек выделялись специальные лица из антифашистского актива⁴⁷.

Однако в организации переписки военнопленных с их семьями было немало недостатков. Во многих лагерных отделениях не были вывешены образцы заполнения почтовых бланков, не имелось почтовых ящиков. В редких случаях практиковалась выдача военнопленным по две почтовых карточки в месяц в качестве поощрения за хорошую работу. В лагере № 447 не были созданы необходимые условия для работы цензорского пункта, и цензор трудился в одной комнате вместе с работниками оперативно-чекистского отдела, не имея отдельного стола и ящика для хранения корреспонденции. Нередко письма заполнялись с нарушением инструкции, в частности карточки продолжительное время не возвращались для посылки по адресу. В директиве НКВД КФССР начальнику оперативно-чекистского отдела управления лагеря № 120 (21 февраля 1946 г.) отмечалось, что в адрес лагеря в конце ноября – начале декабря 1945 г. было выслано 5 тыс. почтовых карточек для раздачи их военнопленным, однако на 15 февраля 1946 г. возвращено для проверки военной цензурой и отправки адресатам лишь 2135⁴⁸.

---

⁴⁶ Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 278–279; АМВД РК, ф. 68, оп. 1, д. 155, л. 120–121.

⁴⁷ АМВД РК, ф. 18, оп. 4, д. 1, л. 83.

⁴⁸ Там же, ф. 17, оп. 3, д. 17, л. 12.

Улучшение организации переписки военнопленных с родственниками рассматривалось как важный фактор повышения производительности их труда. В директиве начальника управления лагеря военнопленных № 120 подполковника Макарова всем начальникам лагерных отделений 5 мая 1946 г. подчеркивалось, что хорошо организованная переписка военнопленных с семьями содействует улучшению их настроения и лучшему выполнению ими норм выработки. В связи с этим предлагалось:

«1. Всем начальникам лаготделений обеспечить регулярную выдачу почтовых открыток военнопленным с расчетом того, чтобы каждый из них мог послать семье письмо раз в месяц.

2. Стимулировать хорошо выполняющих нормы выработки выдачей дополнительных почтовых открыток.

3. Разъяснять военнопленным содержание писем и порядок заполнения их.

4. Обеспечить организацию помещения для заполнения писем, где должны быть чернила, т. к. письма пишутся только чернилами.

5. Все полученные ранее почтовые карточки заполненными выслать в управление лагеря не позднее 20 мая 1946 г.

6. В дальнейшем своевременно возвращать получаемые карточки для отправки в адрес»⁴⁹.

В результате мероприятий, осуществленных Министерством внутренних дел, улучшился обмен письмами между военнопленными и их семьями. К концу мая 1946 г. из отдела по делам военнопленных и интернированных (ОПВИ) МВД КФССР в лагерь № 120 в разные сроки поступило 14 250 штук почтовых карточек, из них выслано в ОПВИ МВД 13550 заполненных карточек. За период с марта 1946 по 25 мая 1946 г. военнопленные получили от родственников 1220 писем, что заметно повлияло на их настроения. Не получавшие продолжительное время ответов на свои письма, военнопленные не верили, что их письма отсылаются родственникам, и даже вели разговоры о том, что их семей нет в живых. Получение почтовых карточек, как отмечалось в докладной записке начальника отдела лагеря в МВД КФССР, отразилось на улучшении дисциплины и производственных показателей военнопленных⁵⁰.

---

⁴⁹ АМВД РК, ф. 17, оп. 3, д. 17, л. 31.

⁵⁰ Там же, оп. 6, д. 7, л. 13.

В лагере № 447 проверкой входящей и исходящей личной переписки военнопленных немцев занимались 3 переводчика немецкого языка, в лагере № 212 — 4 переводчика, имевшиеся в наличии оперативного отдела. Хуже обстояло дело с переводчиками венгерского языка, так как никто из сотрудников оперативного отдела его не знал, между тем в лагере содержалось 639 военнопленных венгров. Проверку личной корреспонденции проводил военнопленный венгр Лепард Пауль Пауль, владевший венгерским, немецким, румынским и русским языками. В связи с тем, что как в республике, так и в целом по стране ситуация с переводчиками венгерского и румынского языков была чрезвычайно сложной, в 1946 г. при объекте ГУПВИ МВД СССР № 40 (г. Красногорск Московской области) был создан цензорский пункт для проверки входящей и исходящей корреспонденции военнопленных венгров и румын. Почтовые карточки, заполненные военнопленными румынами и венграми, содержащимися в лагерях республики, направлялись для проверки в Красногорск. Через этот пункт проходила и вся корреспонденция, поступающая в адрес военнопленных названных национальностей от их родственников⁵¹.

Правильной организации регулярной переписки иностранных военнопленных со своими родственниками придавалось важное политическое значение, особенно в связи с подготовкой к выборам в органы местного самоуправления в советской зоне оккупации Германии в сентябре 1946 г. Поскольку подавляющее большинство немецких избирателей в это время составляли женщины, то организация переписки военнопленных с семьями должна была оказать существенное влияние на исход голосования. Военнопленные в своих письмах призывали родственников и знакомых голосовать за кандидатов, выдвинутых Социалистической единой партией Германии, высказывалась за расширение и укрепление демократических преобразований. Так, военнопленный лагеря № 120 Вилли Крюгер написал своей дочери: «Трудись для единой демократической Германии. Борись и работай за дело и цель Социалистической единой партии Германии. Только на этом пути мы можем достигнуть мирной жизни и счастливого будущего». Зако Герт написал своей жене Зако Рут: «Я больше чем счастлив. Твои письма всегда полны внутренней безопасности, что меня успокаивает и чем я горжусь. Полностью твоего мнения. Только хозяйственное и политическое единство Германии — гарантия для дальнейшего существования

---

⁵¹ АМВД РК, ф. 17, оп. 3, д. 7, л. 44.

Германии. Работай в том же духе...»⁵². Военнопленный лагеря № 120 Херберт Лоренц писал своему другу: «Борись за единство Германии. Мы, военнопленные, принимаем большое участие в политическом развитии родины. Мы хотим возвратиться в демократическую родину». В письме военнопленного Хенчет Вильгельм Якова говорилось: «Нам ясно, что мы скоро вернемся домой. Должны построить новую Германию, которая нам всем будет мирным приютом. Прежде всего никогда не должно быть больше войны»⁵³.

Контроль за перепиской военнопленных постоянно находился в поле внимания органов внутренних дел, дополняясь новыми инструкциями и указаниями. Директивой МВД СССР от 6 ноября 1946 г. предписывалось усилить контроль за перепиской военнопленных в связи с участвовавшими случаями посылки писем военнопленными через почтовые ящики Министерства связи СССР, минуя цензурские пункты лагерей МВД, а также передачи писем через посредников. Распоряжением МВД СССР от 17 мая 1947 г. вводился строгий контроль за вручением военнопленным бланков почтовых открыток для переписки с их родственниками (не более 1–2 почтовых карточек в месяц под контролем оперативных органов лагерей)⁵⁴.

Об объеме работы цензурских пунктов говорят, к примеру, следующие цифры. Только через цензуру лагеря МВД № 166 за период с 1 по 31 декабря 1946 г. прошла для отправки на родину от военнопленных лагеря 2791 карточка, из них 522 на венгерском и румынском языках, отправленные для цензуры по спецпути в г. Красногорск. Из карточек на немецком языке в количестве 2271 шт. после проверки оказалось 67 конфискованных по следующим причинам: адресованные в Польшу, Югославию, Чехословакию и другие государства, не разрешенные приказом МВД СССР № 00834 – 1945 г. и написанные черным карандашом неразборчиво. На немецком языке были проверены военной цензурой 2204 карточки, которые были направлены в 8-ю экспедицию Мосглавпочтамта для дальнейшей отправки в Германию 2044 шт. и в Австрию 160 шт. За этот же период прибыло в лагерь 3168 карточек и писем, из них 40 – из Венгрии, 53 – из Румынии, 117 – из Австрии и 2956 – из Германии. При проверке цензурой были конфискованы 39 карточек и писем

---

⁵² АМВД РК, ф. 17, оп. 6, д. 7, л. 48 об. – 49.

⁵³ Там же, ф. 19, оп. 14, д. 11, л. 22.

⁵⁴ Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 937.

из Германии вследствие антисоветского характера (советы военнопленным при освобождении из лагеря не ехать в зону оккупации русскими и др.)⁵⁵.

Предметом особого внимания цензурных органов лагерей являлись закрытые письма и другая корреспонденция, поступавшая из-за границы с нарушением приказа МВД СССР и Министерства связи СССР от 1 апреля 1947 г. В ответ на запрос МВД КФСР по поводу подобной корреспонденции начальник ОУ ГУПВИ МВД СССР в августе 1947 г. сообщил, что: «1. Переписка закрытыми письмами является нарушением инструкции, объявленной приказом МВД СССР № 00834 от 13.07.1945 г., поэтому вручение закрытых писем адресатам (военнопленным) производится в случаях, представляющих оперативный интерес. 2. Изъятые и конфискованные по причине нарушения порядка переписки письма военнопленных подлежат уничтожению на месте (в лагерях) после изъятия валюты и оформления актом, в котором указывать по странам количество уничтоженных писем и перечислить обнаруженную валюту (один экземпляр акта высылать в оперативный отдел ОПВИ МВД КФСР). 3. Вложенную в письма иностранную валюту и купоны международного почтового бюро в г. Берн – Швейцария надлежит сдавать на хранение в ФИНО лагеря. 4. Моспочтамт согласно приказу МВД СССР № 00834 с 1 августа с. г. закрытые письма для военнопленных в лагеря направлять не будет.

Предупреждаю, что уничтожение (сожжение) изъятых, конфискованной и др. корреспонденции производится в отопительных приборах в закрытых помещениях, только оперативным составом отдела лагеря, без привлечения к этому других сотрудников лагеря и, тем более, военнопленных»⁵⁶.

В соответствии с разъяснениями ОУ ГУПВИ МВД СССР 10 октября 1947 г. в лагере № 120 было по акту уничтожено 26 тыс. закрытых писем, поступивших в течение 1945 – августа 1947 г. из оккупационной зоны Германии в адрес лагеря и находившихся на хранении в оперативном отделе⁵⁷.

15 июня 1948 г. в соответствии с актом комиссии лагеря № 212 были уничтожены путем сожжения входящие открытки для военнопленных с родины неустановленного образца в количестве 2 тыс. штук и

---

⁵⁵ АМВД РК, ф. 18, оп. 1, д. 27, л. 1–2.

⁵⁶ Там же, ф. 17, оп. 6, д. 7, л. 80.

⁵⁷ Там же, л. 81.

исходящие закрытые письма от военнопленных на родину в количестве 2200 штук, которые были возвращены в лагерь почтой в 1948 г. как не подлежащие отправке⁵⁸.

Согласно указанию ГУПВИ МВД СССР от 20 мая 1948 г. военнопленным и интернированным немцам, австрийцам, венграм и румынам было разрешено помимо установленных открыток посылать родным в Германию, Австрию, Венгрию и Румынию один раз в квартал закрытое письмо, а также получать закрытые письма из-за границы. Исходящие и входящие закрытые письма должны тщательно цензурироваться⁵⁹.

До 1947 г. военнопленным, содержащимся в лагерях МВД, не разрешалось получать из-за границы продовольственные посылки и денежные переводы от своих родственников, иностранных представительств и других организаций⁶⁰. Летом 1947 г. военнопленным была предоставлена возможность получать денежные переводы, а в январе 1948 г. — посылки из-за границы от своих родственников после соответствующего оформления приема и просмотра содержимого посылок. При этом посылки в адрес военнопленных не облагались никакими сборами⁶¹. В декабре 1947 г. в соответствии с разъяснением Политотдела ГУПВИ МВД СССР военнопленным — лучшим производственникам разрешили посылать на родину хорошо оформленные фотокарточки за счет средств самих военнопленных⁶².

Одним из важных направлений цензурной деятельности в лагерях являлось выявление военнопленных, не имевших переписки с родственниками. Подразумевалось, что этот факт мог свидетельствовать о сокрытии ими преступных действий. К выявлению таких военнопленных были привлечены, помимо органов цензуры, агентура и члены антифашистских групп. В 1947 г. в лагере № 212 было выявлено 305 человек, не установивших связь с родственниками. Им были розданы специальные почтовые розыскные открытки, которые направлялись в бюро по розыску пропавших без вести немцев в г. Берлин. В результате значительная часть военнопленных смогла наладить переписку с родственниками. К 1 января 1948 г. в лагере оставалось 42

---

⁵⁸ АМВД РК, ф. 19, оп. 14, д. 8, л. 31.

⁵⁹ Там же, оп. 14, д. 8, л. 30.

⁶⁰ Там же, ф. 17, оп. 6, д. 7, л. 51.

⁶¹ Военнопленные в СССР... С. 934; АМВД РК, ф. 17, оп. 6, д. 7, л. 86.

⁶² АМВД РК, ф. 19, оп. 14, д. 8, л. 1.

человека, не имевших связи с родственниками, из них по национальности 38 немцев и 4 венгра. В лагере № 447 в 1947 г. было выявлено 129 военнопленных, не имевших переписки с родственниками⁶³.

Сотрудники оперативных отделов лагерей регулярно докладывали ОПВИ МВД КФССР о состоянии переписки военнопленных с родственниками, проживавшими за границей, приводили характерные высказывания. Так, в докладной записке начальника отдела лагеря № 120 (март 1947 г.) содержались следующие выдержки из писем, полученных военнопленными от родственников и отправленных ими из лагеря:

«Отправитель Кайзер Лютц пишет военнопленному Биндер Эрнст из американской зоны: „...Нас радует, что ты здоров, но жаль, ты также голодаешь. Весь мир голодает. В Германии также голод и становится все хуже...В городе люди получили 1 центнер картофеля на человека, а когда он закончится, то не знаю, что будет...“».

«Военнопленному Михаэль Кренннер пишет Креннер Элизабет (английская зона): „...Сегодня мы получили письмо от твоего товарища по лагерю Ханс Райк Хайминген. Он извещает нас подробно о твоей жизни на дальнем севере. Мы очень обрадованы и сейчас даже спокойны за то, что содержание там хорошее...“»⁶⁴.

«Отправитель Фогель Эльза пишет военнопленному Бергенер из английской оккупационной зоны: „Нужно собрать всех нацистов и обменять их на военнопленных. Это в меньшей мере было бы для них кара, когда их заставили бы собственноручно участвовать в восстановлении, но, к сожалению, за все должны расхлебываться бедные пленные, а нацисты ходят здесь на свободе...“».

«Военнопленный нашего лагеря Клем пишет жене Клем Резерл в Баварию: „Обо мне не беспокойся, живу хорошо, большая часть зимы уже прошла, мы снабжены хорошей одеждой. Имею свободный выход. Культурное обслуживание поставлено хорошо. Есть библиотека, радио, лагерная капелла — квартет“».

«Военнопленный нашего лагеря Хассе Эрвин пишет своей жене Ирене — г. Берлин: „Зиму, благодаря хорошей обеспеченности со стороны русских, я перенес хорошо“»⁶⁵.

---

⁶³ АМВД РК, ф. 16, оп. 3, д. 20, л. 140, 199.

⁶⁴ Там же, ф. 17, оп. 3, д. 7, л. 39, 40.

⁶⁵ Там же, оп. 6, д. 7, л. 48 об.—49.

В связи с увеличением случаев членовредительства и симуляции со стороны военнопленных с целью добиться скорейшей отправки на родину особое внимание цензоры обращали на письма родственников военнопленных, в которых содержались разные советы по освобождению из плена. Так, например, военнопленному Эрику Моор написал знакомый Хайнц Ройлфинг: «Я 24 августа из русского плена освобожден (полубольной) и уж 31 августа был здесь. Надеюсь, что такое счастье и тебя скоро захватит»⁶⁶. Военнопленному Реттинг Франц его друг Вильгельм Альберт сообщал из Берлина: «Мне лично живется хорошо. Меня как больного отпустили. У меня была водянка и дистрофия». Жена написала военнопленному Теодор Вандель: «Ты пишешь, что ты здоров, это хорошо, но было бы лучше, если бы ты болел, может быть, тебя бы скорее отпустили». В письме военнопленному Альберт Даприх содержались такие слова: «Если ты еще до сих пор находишься в первой группе, то ты не вернешься в этом году домой, что очень нежелательно». Военнопленному Иозеф Камперс его мать давала такой совет: «Дорогой Иозеф! Не грусти. Делай себя слабым. Тогда скорей приедешь»⁶⁷.

В соответствии с планом мероприятий оперативного отдела лагеря МВД № 120 по усилению борьбы с членовредителями и симулянтами среди военнопленных (на апрель 1947 г.) предусматривалось улучшить работу по цензурированию всех писем, поступавших из Германии, не допуская проникновения в лагерь писем родственников, «в которых содержатся разные советы по членовредительству». «Политконтролю и цензуре предлагалось своевременно реагировать на имевшиеся в письмах советы и докладывать о каждом таком случае начальнику 1-го отделения оперативного отдела лагеря немедленно»⁶⁸.

Жестко пресекались и попытки отправки военнопленными писем, минуя цензорский пункт. В январе 1947 г. три военнопленных лагеря № 120 опустили письма в почтовый ящик в Петрозаводске, но письма вернулись в лагерь, т.к. на них не было штампа «проверено военной цензурой». Нарушившие инструкцию военнопленные были наказаны, и этот случай обсужден со всеми военнопленными⁶⁹.

---

⁶⁶ АМВД РК, ф. 18, оп. 1, д. 27, л. 147.

⁶⁷ Там же, л. 387–388.

⁶⁸ Там же, ф. 17, оп. 6, д. 7, л. 11.

⁶⁹ Там же, д. 7, л. 16.

В директиве МВД СССР министрам внутренних дел республик, начальникам УМВД по краям и областям о мероприятиях по пресечению нелегальной переписки военнопленных от 26 марта 1947 г. указывалось на факты проникновения из-за границы писем и иностранных газет антисоветского содержания, а также направления военнопленным писем явно отрицательного характера и предписывалось пресекать факты посылки писем военнопленных через почтовые ящики Министерства связи, минуя цензорские пункты лагерей⁷⁰.

Особо тщательный контроль осуществлялся за военнопленными, отбывавшими на родину, с тем, чтобы они не могли передать письма семьям оставшихся в лагере военнопленных. Так, во время обыска 150 военнопленных немцев, направлявшихся из лагеря № 447 в лагерь № 120 для последующей отправки на родину, были изъяты: 1 дневник, 1 воинская книжка, 19 писем с разными условными знаками, 181 адрес для передачи родственникам и знакомым в Германии. При этом, как отмечалось в спецсообщении о результатах обыска военнопленных, подготовка к отправке их на родину проводилась конспиративно, однако адреса и записи уже были заранее подготовлены. Из отобранных при обыске записей наиболее характерными являлись следующие: «Еще несколько счастливых уезжают домой, но эти люди в ужасном состоянии, до которого я еще не дошел. Дорогая жена, мы переживаем большие трудности. Мой товарищ расскажет тебе подробности»; «Сейчас отправляются только больные, но мы тоже надеемся скоро вырваться из этого ужасного ада»; «Передаю письмо с товарищем. Работаю в Карелии на разделке дров. Живу плохо. Надеюсь скоро вернуться домой»⁷¹.

При подготовке к отправке на родину военнопленных венгров, румын и немцев румынского подданства из лагеря № 120 в конце июня – начале июля 1948 г. во время обысков было изъято около 60 писем и открыток, написанных на родину оставшимися в лагере военнопленными. При проверке выяснилось, что они не представляли оперативного интереса⁷².

В целом объем работы по проверке корреспонденции военнопленных был значительным. В течение 1947 г. цензурой оперативно-чекистского отдела лагеря № 166 было проверено 36772 входящих, и 24016

---

⁷⁰ Военнопленные в СССР... С. 301.

⁷¹ АМВД РК, ф.16, оп. 3, д. 20, л. 362.

⁷² Там же, оп. 5, д. 20, т. 2, л. 500.

исходящих писем и открыток⁷³. Из лагеря № 120 в 1947 г. было отправлено в Германию 73321 почтовая открытка, из них конфискована 171, в Австрию — 4659, в Венгрию — 7591, в Румынию — 1193. За то же время военнопленные получили 182871 писем из Германии, 5647 — из Австрии, 6767 — из Венгрии. Из 195448 писем, полученных в адрес военнопленных, им было вручено 195285. 163 письма не были допущены цензурой⁷⁴.

В 1947 г. в лагерь № 212 поступило 74 503 письма, в том числе 59021 — из Германии, 11619 — из Венгрии, 3863 — из Австрии. Из них было проверено и вручено военнопленным 71768 писем, конфисковано 2735 писем. За то же время написано военнопленными 66047 писем, в том числе 53018 — в Германию, 3851 — в Австрию и 9178 — в Венгрию. Из числа подготовленных писем было проверено и отправлено из лагеря 64725 писем, конфисковано 1322 письма⁷⁵.

Таким образом, наряду с решением идеологических задач в послевоенные годы важное место занимало формирование у военнопленных ответственности за причиненный стране ущерб и на этой основе добросовестного отношения к труду. Существенными составляющими политической работы являлись развертывание антифашистского движения, выявление среди военнопленных военных преступников, участников зверств, шпионов, диверсантов и полицейских. Особое место в стабилизации послевоенной международной обстановки повышении морального настроения, а, следовательно, и трудового энтузиазма военнопленных играла организация переписки военнопленных со своими родственниками. Цензорский контроль над перепиской преследовал цели не только предотвратить распространение фашистской идеологии, но и создать у мировой общественности позитивное отношение к Советскому Союзу.

Степень эффективности проведенной политической воспитательной работы в лагерях КФССР оценить достаточно сложно, однако нельзя согласиться с точкой зрения Ж. Я. Крутых о том, что «политическая работа и „перевоспитание“ военнопленных в послевоенные годы в КФССР являлись достаточно формальной процедурой»⁷⁶.

---

⁷³ АМВД РК, ф. 16, оп. 3, д. 19, л. 106.

⁷⁴ Там же, л. 147.

⁷⁵ Там же, л. 70.

⁷⁶ Крутых Ж. Я. Иностранцы военнопленные в Карелии в 1941–1949 гг. // Филологические и исторические исследования в высшей школе. Сб. науч. ст. историко-филологического факультета. Вып. 2. Петрозаводск, 2007. С. 130.

Этим вопросам уделялось особое внимание на протяжении всего периода существования лагерей для военнопленных.

Германский историк Андреас Хильгер отмечает, что «...итог работы с военнопленными был отрицательным, даже прошедшие политучебу антифашисты зачастую предпочитали не возвращаться в советскую зону/ГДР...»⁷⁷. Признавая справедливость данного замечания, следует все же отметить, что, хотя отношение основной массы иностранных военнопленных к политической пропаганде было в целом нейтральным и далеко не все из них могли адекватно воспринимать экономическую и политическую ситуацию в Советском Союзе, многие военнопленные изменили свое отношение к Стране Советов в лучшую сторону, а часть из них сознательно участвовала в антифашистской работе.

---

⁷⁷ Хильгер А. Немецкие военнопленные и их опыт соприкосновения со сталинизмом // Сталин и немцы: Новые исследования / Под ред. Ю. Царуски. М., 2009. С. 174.

Глава 5

УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ

Политический и международный резонанс проблемы военнопленных вынуждал советское руководство идти на улучшение содержания бывших вражеских солдат. Тем самым Советский Союз демонстрировал всему миру преимущества социалистической системы. И хотя страна испытывала острую нужду в предметах первой необходимости, в жилье, продуктах питания, правительству СССР, исходя из общепринятых норм международного гуманитарного права, пришлось решать ряд проблем по жилищно-бытовому устройству иностранных военнопленных.

По сравнению с другими несвободными контингентами уровень питания и благоустройства быта военнопленных оказался немного выше, а лагерный режим — либеральнее. В отличие от советских военнопленных в нацистских лагерях, бывшие солдаты и офицеры вермахта проживали в обустроенных бараках, получали пусть и скромное, но регулярное продовольственно-вещевое и санитарно-медицинское обеспечение, имели право переписки. С одной стороны, это способствовало поддержанию благопристойного имиджа СССР на международной арене. С другой стороны, в военнопленных, которым в большинстве своем предстояло вернуться на родину, советское руководство видело возможных агентов влияния (а иногда и прямую агентуру спецслужб), которые вели бы просоветскую деятельность¹.

В продовольственном отношении иностранные военнопленные приравнивались к военнослужащим тыловых частей Красной Армии, однако нормы питания на протяжении послевоенного периода не оставались неизменными и неоднократно пересматривались в зависимости от экономической ситуации в стране.

В 1944–1945 гг. руководством НКВД СССР был принят ряд мер по улучшению условий содержания военнопленных, их питанию, медицинскому обслуживанию. 18 января 1944 г. выходит распоряжение НКВД СССР «О дополнительном питании военнопленных», касав-

---

¹ Суслов А. Б. Системный элемент советского общества конца 20-х – начала 50-х гг.: спецконтингент // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 133.

шееся тех, кто выполнял нормы выработки. 11 мая во все лагеря военнопленных была отправлена телеграмма за подписью начальника УПВИ НКВД СССР с требованием максимально улучшить питание военнопленных, выдавать горячее питание не менее трех раз в сутки и не допускать длительных перерывов в приеме пищи. Приказом НКВД СССР от 18 октября 1944 г. были введены новые нормы питания. В соответствии с приказом основная норма питания увеличилась по сахару и жирам на 7 г, и картофелю — на 100 г. В целом калорийность основного пайка военнопленного увеличилась до 2000 кал. Для работающих и выполняющих нормы военнопленных было введено дополнительно одно второе горячее блюдо, которое включало 50 г мясных и рыбных продуктов, 50 г крупы и 10 г жиров. Калорийность дополнительного блюда составляла 272 кал.²

В мае 1945 г. рацион питания военнопленных был вновь увеличен: по основной норме на 524 кал., а для занятых на тяжелых работах — на 775 кал. Выполняющие и перевыполняющие производственные нормы военнопленные получали к этому дополнительное питание (583 кал.). Нормы снабжения на одного человека в день согласно приказу НКВД СССР от 19 мая 1945 г. были установлены следующие:

А) основная норма:

хлеб — 0,6 кг	соль — 30 г
Крупа-макароны — 100 г	мука на подболтку — 10 г
Мясо — 30 г	картофель и овощи — 920 г
Рыба — 100 г	табак — 5 г
Жиры — 30 г	мыло (в месяц) — 300 г
Сахар — 17 г	

Б) Для военнопленных, работающих на физически тяжелых работах (рубка леса, строительные работы и др.), основная норма продовольственного снабжения по жирам, сахару и картофелю увеличивалась на 25 % независимо от выполнения нормы выработки;

В) для выполняющих и перевыполняющих нормы выработки в пределах от 50 до 100–110 % норма хлеба увеличивалась от 100 до 200 г в день;

Г) для перевыполняющих нормы выработки свыше 110 % выдавалось еще дополнительно на день: крупы — 50 г, мяса — 25 г, рыбы — 25 г, жиров — 10 г³.

² Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР. 1939—1956 гг. Волгоград, 2001. С. 116.

³ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 221, л. 81.

Установленные нормы снабжения были снижены приказом начальника ОУВС НКВД КФССР Карело-Финского округа от 30 октября 1945 г.: по рыбе — на 30 г и жирам — на 10 г в день. Сокращенное количество рыбы заменено 70 г хлеба, а жиров — 30 г соевой муки. В целом средний суточный рацион военнопленного до осени 1946 г. составлял 3200 калорий, в то время как рацион заключенного в тюрьме (до направления его в лагерь на работы) — 1500 (до 1941 г. — 2 000)⁴.

Военнопленный лагеря № 120 Гейнрих Граф вспоминал: «Если меня даже ночью разбудить, я вам тут же скажу наш лагерный рацион. Утром 400 граммов хлеба и $\frac{3}{4}$ литра супа. Обед на стройке — каша или картошка с рыбой, чай. Вечером — 200 граммов хлеба, 70 граммов рыбы. На день давали — 17 граммов сахара, 5 граммов табака. Если перевыполняешь норму, добавляют 300 граммов хлеба. Голодно было только первые полгода. А потом ничего, привыкли»⁵.

Однако установленные нормы питания не всегда полностью доходили до военнопленных, что было связано с рядом причин: хищение продуктов обслуживающим персоналом и самими военнопленными, перебои в снабжении отдельными продуктами питания.

В докладной записке по результатам проверки состояния питания в лагере военнопленных № 120, проведенной в декабре 1945 г. инструктором отдела торговли ЦК КП (б), отмечалось: «Предусмотренное приказом НКВД СССР от 19 мая 1945 г. увеличение на 25 % основной нормы продовольственного снабжения по жирам, сахару, картофелю и овощам военнопленным, занятым на физически тяжелых работах (рубка леса, строительные работы и т. п.), независимо от выполнения ими нормы, на день проверки не применялось (за исключением Деревянки, где стали выдавать дополнительные продукты с 1 декабря). Для военнопленных, выполнявших и перевыполнявших нормы выработки (таковых было по 20—40 человек ежедневно по лагерному отделению), дополнительное продовольствие отдельно не отпускалось, а выдавалось в общий котел, то есть на весь контингент лагеря. В отдельных случаях этой категории выдавалась дополнительная порция супа и только в том случае, если он оставался после общей раздачи.

---

⁴ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 221, л. 82; Колеров М. Военнопленные в системе принудительного труда в СССР (1945–1950) // Отечественные записки. 2003. № 3: Электронный ресурс: <http://www.strana-oz.ru/?numid=12&article=552#s14>

⁵ Гордиенко А. Гейнрих Граф: «Я делал доброе дело». Как работали немецкие военнопленные в П. // Петрозаводск. 1995. 7 июля.

В лагерных отделениях в Деревянке и на ст. Пай продукты на этот вид питания регулярно не отпускались даже в общий котел, в результате в Деревянском лагерном отделении в ноябре «сэкономили» (недодали) до 70 кг мясных консервов, а на ст. Пай в октябре по отчетным данным военнопленным недодано: хлеба — 612,5 кг, овощей — 122 кг, масла растительного — 43,6 кг, сахара — 33,6 кг, томатов — 122,6 кг, соли — 79,5 кг, чая суррогатного — 18,4 кг.

В л/о Деревянка лагеря № 120, где содержалось 345 военнопленных, в пищеблоке до конца ноября 1945 г. работали мадьяры, которые при раздаче давали немцам суп весьма жидкий — сверху, а мадьярам — густой, снизу, в результате немцы имели сильный упадок сил. С 1 декабря 1945 г. эта ненормальность устранена.

На день проверки в трех лагерных отделениях не было жиров и рыбы. Эти продукты заменялись мукой и консервами. По отчетным данным лагеря только в октябре 1945 г. военнопленным было недодано 2941 л молока, 200 кг картофельной муки, 503,7 кг сахара, 452,6 кг чая, 434 кг сухофруктов и т. д. В отдельные дни военнопленные получали по 550–600 г хлеба вместо положенных по основной и дополнительной нормам 720 г. В некоторых лагерных отделениях по 10–20 дней не выдавали тех или иных продуктов, а в конце месяца выдавали двойную норму или не выдавали их совсем. Так, по Соломенскому лагерному отделению за 15 дней ноября на 280 человек было недополучено и недодано 385 кг рыбы. Здесь же в сентябре взамен крупы и подболточной муки выдавалась мука с плесенью, непригодная к употреблению. В результате число больных и дистрофиков увеличилось до 68 человек⁶. В Деревянке и Кутижме питание было двухразовым, в Паю — трехразовым. Днем подвоз пищи на производство или ее приготовление не производились. Утром завтрак был в 7 часов, а обед — в 6 часов вечера. Таким образом, перерыв в приеме пищи днем составлял 11 часов.

По лагерю № 120 в феврале—марте 1946 г. из-за отсутствия продуктов на складе ОУВС округа было недодано продуктов: рыбы — 36 т 451 кг, сала — 9 т 476 кг, масла коровьего — 422 кг, масла растительного — 1 т 725 кг, мяса свежего — 32 т 700 кг, овощей свежих — 504 т 143 кг. Указанные продукты заменялись ржаной мукой и консервами. Кроме того, не были получены некоторые другие продукты — томаты, сухофрукты, картофельная мука. Вследствие отсутствия достаточного количества муки на складе в период с 8 по 15 марта 1946 г. по лагерным

---

⁶ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 221, л. 81, 85, 87.

отделениям № 1, 4 и 7 хлеба выдавалось только 50 % дневной нормы, что было компенсировано во второй половине марта 1946 г. Это вызвало увеличение числа больных дистрофией и ослабленных: если в январе 1946 г. их было 1670, то в феврале — 3030 человек»⁷.

В некоторых лагерных отделениях военнопленные не получали даже полноценной нормы хлеба. Так, в двух лагерных отделениях лагеря № 166 военнопленные с 16 по 24 февраля 1946 г. получили только по 200 г хлеба, а в одном лагерном отделении хлеб не выдавался совсем, лишь один мучной суп. Военнопленные этих лагерных отделений на работу не выводились⁸.

Подобная ситуация была характерна для лагерей военнопленных в других регионах страны. Многие побывавшие в советском плену немецкие военнопленные понимали, что население советской страны само голодало и испытывало лишения. Как вспоминает Г. Шиппманн, побывавший в рязанском плену: «Голод был главенствующим мучением лагерной жизни. Не плен сам по себе, не колючая проволока, не работа, не теснота, не жара или холод были тем, от чего мы больше всего страдали. Это был голод. Было слишком мало хлеба, слишком мало жира, очень мало мяса и белка, очень жидкие супы и слишком мало картофеля. А то немногое, что мы получали, отличалось непревзойденной монотонностью и однообразием... Конечно, причиной плохого продовольственного снабжения нас, заключенных, не была простая жажда мести или стремление к уничтожению со стороны Красной Армии. Существенным образом плохое питание военнопленных объяснялось тем, что сожженный и разрушенный войной Советский Союз не был в состоянии обеспечить в достаточной степени пропитанием даже свое собственное население, не говоря уже о нас, пленных»⁹.

Действительно, в это время страдали от недоедания и плохого качества пищи не только военнопленные, но и местное население, поэтому было бы некорректно акцентировать особое внимание на заболеваемости и смертности военнопленных, игнорируя аналогичную ситуацию среди местного населения¹⁰. Под г. Сортавалой Карело-

---

⁷ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 214, л. 180.

⁸ Там же, д. 226, л. 5.

⁹ Шиппманн Г. Мой путь в рязанский плен // Электронный ресурс: <http://www.hrgo.org/editions/karta/nr1/p1en.htm>

¹⁰ Коротаяв В. И. Проблема выживания военнопленных в советских лагерях на примере лагеря № 211, 1944–1948 гг. // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 4. С. 14.

Финской ССР в 1944 г. был открыт стационар для дистрофиков, а во многих отдаленных населенных пунктах в течение длительного времени не было в продаже даже основных видов продуктов. Зимой-весной 1944 г. на лесозаготовках частыми были случаи истощения рабочих, особенно прибывших из Красной Армии бойцов, которые в силу ранений, контузии и слабого физического состояния, как правило, не могли использоваться на основных работах в лесу и поэтому не получали дополнительного питания. На Вирандозерском лесопункте в течение зимы умерло 84 человека, из них вследствие дистрофии — 73 человека¹¹. Из 134 бывших бойцов Красной Армии, работавших в Чупинском леспромхозе и в основном получавших в день по 500 г хлеба, суп и кашу, умерло от истощения 15 человек, были освобождены от работы военной медицинской комиссией 51¹². Правительство республики, учитывая такое серьезное положение на лесозаготовках, открыло 3 госпиталя на 325 коек, на крупных предприятиях организовало двухнедельные базы отдыха на 300 мест и расширило стационары больничного типа. По ходатайству правительства республики лесорубам была увеличена норма хлеба до 800 г¹³. В целом же даже в первом послевоенном году 7 % населения республики болело дистрофией¹⁴.

В местных архивах Карелии сохранились лишь единичные документы, характеризующие нормы питания военнопленных и вольнонаемных рабочих. На примере одного из таких документов, выявленного нами, видно, что нормы питания военнопленных, занятых на тяжелых физических работах, не столь существенно отличались от норм снабжения рабочих предприятий Наркомлеса КФССР, а по некоторым позициям даже превышали их. Так, в конце 1945 г. нормы питания в день составляли соответственно: 720 г хлеба и 1 кг; 100 г макарон и крупы и 83 г крупы; 30 г мяса, 70 г рыбы и 73 г мяса, рыбы; 25 г жиров и 20 г жиров; 21 г сахара и 25 г сахара¹⁵.

Некоторые представители лагерной администрации, учитывая тяжелое положение военнопленных в Карелии, нарушали установленные нормы питания и выдавали им дополнительные продукты. Так, в июне 1946 г. в лагерном отделении Поршта Пудожского лагеря по указанию

---

¹¹ НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 1133, л. 22.

¹² Там же, л. 9.

¹³ Там же, л. 16–17.

¹⁴ Там же, ф. Р-2796, оп. 3, д. 5/39, л. 92.

¹⁵ Там же, ф. Р-6199, оп. 4, 8, д. 80/2, л. 22–23.

начальника лаготделения ст. лейтенанта Абрамова военнопленным были выданы сверх положенной нормы по дополнительному питанию следующие продукты: хлеб — 27 кг 300 г; жир — 1 кг 184 г; сахар — 1 кг 146 г; крупа — 12 кг 554 г. Учитывая, что выдача продуктов была произведена не из корыстных целей, наказание ограничилось взысканием с начальника лаготделения стоимости продуктов в одинарном размере¹⁶.

В выступлении председателя комиссии МВД КФССР по лагерю № 212 на совещании о работе лагерей для военнопленных, состоявшемся 27–28 мая 1946 г. в МВД КФССР, отмечалось, что «в лагере наблюдается антигосударственная практика перерасхода продовольствия. Перерасход продуктов идет по мастерской, в которой нет плана, и поэтому многим военнопленным, работающим в ней, выводится процент выполнения нормы выше 100, и, следовательно, эти военнопленные получают дополнительный паек, а таких по лагерю наберется 300 человек. В лагере имеется 140–150 человек дистрофиков и 400 прочих больных, которых по снабжению включили в число дистрофиков. Военнопленных третьей группы на работу не выводили и ставили на положение ОК, что привело к дополнительной выдаче продовольствия. Начальники САНО перестраховывают себя и держат в группе ОК военнопленных, которые уже подходят ко 2-й группе...»¹⁷.

В качестве дополнительного источника питания военнопленных широко использовался сбор дикорастущих витаминосителей, рекомендованный распоряжением НКВД СССР от 21 июля 1945 г. Приказом начальника лагеря № 120 от 28 августа 1946 г. для сбора ягод и грибов предлагалось использовать всю свободную рабочую силу. Начальнику оздоровительного отделения поручалось организовать команду по сбору грибов и ягод из военнопленных, установив лимит для каждого военнопленного — 4 кг ягод или 10 кг грибов за 4 часа сбора. Все собранные грибы и ягоды надлежало ежедневно сдавать в ПФС (продовольственное и фуражное снабжение) Управления лагеря по накладной. На каждого военнопленного разрешалось вне плана расходовать 50 г ягод и 50 г грибов¹⁸. В условиях жестких норм питания сбор дикорастущей зелени продолжался практически до завершения репатриации военнопленных.

Осень 1946 г. для военнопленных была связана с резким ухудшением условий их содержания. В связи с засухой, неурожаем и голодом

---

¹⁶ АМВД РК, ф. 20, оп. 18, д. 11, л. 29 об.

¹⁷ Там же, ф. 40, оп. 1, д. 214, л. 147.

¹⁸ Там же, ф. 17, оп. 1, д. 10, л. 51.

в ряде районов страны, в 1946 г. были отменены выдача дополнительных горячих блюд военнопленным, выполняющим нормы выработки, и все виды дополнительного питания (за исключением увеличенной на 25 % нормы сахара). Все военнопленные были переведены на основную норму питания (кроме военнопленных, занятых на подземных работах), и суточный рацион военнопленного снизился с 3200 кал. до 2368 кал.¹⁹ Однако основную норму питания могли получить не все военнопленные. Система питания, различных надбавок жестко увязывалась с выполнением военнопленными производственных норм. Только те из здоровых пленных, которые выполняли установленные нормы, могли рассчитывать на удовлетворительное питание. В приказе МВД СССР № 450 от 15 ноября 1946 г. подчеркивалось: «Для стимулирования повышения производительности труда военнопленных хлеб, крупы, картофель и овощи выдавать в зависимости от выполнения норм выработки». Для выполняющих нормы до 80 % предписывалось выдавать 400 г хлеба и 650 г картофеля и овощей, от 80 до 100 % – 500 г и 800 г, от 100 до 125 % – 600 г и 900 г, свыше 125 % – 700 г и 1000 г соответственно²⁰.

Такое значительное и резкое снижение уровня и качества питания, которое фактически находилось теперь на грани физиологического минимума человека, не могло не отразиться на состоянии военнопленных. К тому же по распоряжению МВД СССР от 11 октября 1946 г. выплата денежного вознаграждения военнопленным стала производиться от сумм заработка, превышающих 400 руб. в месяц (до этого – свыше 200 руб.). Это объяснялось повышением стоимости содержания военнопленных. Доля военнопленных, получавших вознаграждение, резко уменьшилась. Теперь мало кто из военнопленных мог позволить себе приобрести дополнительные продукты в ларьке при лагере²¹.

Постоянное чувство голода было одной из главных тем в письмах военнопленных на родину:

«Жизнь слишком тяжела, если в эту зиму я не приеду домой, то я лучше покончу свою голодную жизнь, так как вечно голоден. Год за годом все суровее, хотя и ничего преступного не сделал»;

«Питание плохое. Серый картофельный или из отрубей суп с привкусом рыбы и 600 гр. хлеба. Целый день чувствуешь голод. Никто

---

¹⁹ Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 39; АМВД РК, ф. 18, оп. 4, д. 1, л. 85.

²⁰ Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 39.

²¹ Там же. С. 48.

не верит, что пишут в газетах. Только продажные люди, которые выполняют работу в лагере, кушают дополнительно несколько раз. Острый голод. О равенстве не приходится говорить. Только работай и работай... Кто не выполняет свою норму работы, тот работает вечером в лагере или идет в карцер или в штрафную роту»;

«Мы приговорены к голоду и работе. Общей массе военнопленных живется в плену не так хорошо, как об этом пишут газеты. Хорошо живут только некоторые – небольшое исключение»;

«Неизвестность освобождения, голод, работа с утра до вечера, тоска по родине – все это черпает последние силы»;

«...Единственное, что мы имеем в достаточной мере – это голод»²².

Ухудшение продовольственного снабжения военнопленных усугублялось хищениями продовольствия, перебоями в снабжении, неполноценными заменами одних продуктов другими. В заключении старшего следователя лагеря НКВД № 166 по делу систематической недодачи продовольствия военнопленным лагерного отделения «Ляскеля» отмечалось: «...С 6 по 16 декабря 1945 г. для военнопленных лагерного отделения «Ляскеля» в силу преступно-халатного отношения к служебным обязанностям со стороны зав. пекарней, он же зав. столовой, гр-на П. было недодано военнопленным 1070 кг хлеба и 28 банок мясных консервов (из расчета положенной гарантийной нормы). По договоренности П. с зав. продскладом лагерного отделения «Ляскеля» Л. накладные на выдачу хлеба и других продуктов питания оформлялись как на полностью выданные продукты.

В октябре с. г. для военнопленных было получено дополнительное питание за перевыполнение норм выработки, из которых 20 кг сала, шпик и 10 кг растительного масла по обоюдной договоренности зав. продскладом Л. и пом. начальника лагерного отделения по снабжению лейтенанта К. эти жиры по документам были списаны как положенные в котел для военнопленных, а фактически были оставлены на складе – незаконный резерв в количестве 30 кг. Как показала кладовщица Л., эти жиры в количестве 30 кг она по приказанию лейтенанта К. выдала взаимобразно для ОРСа бумфабрики Ляскеля, которые до сего времени обратно из ОРСа не получены.

С 16 ноября по 19 декабря с. г. военнопленным, работающим на тяжелых работах и перевыполняющим нормы выработки, недодано 1909 кг хлеба, якобы из-за отсутствия муки на складе лаготделения.

---

²² АМВД РК, ф. 17, оп. 7, д. 9, л. 80, 104, 127–129.

С 12 ноября по 1 декабря с. г. для мытья военнопленных была оформлена выдача 20 кг мыла. Фактически же оно в декабре было обнаружено на складе лаготделения. В результате военнопленные мылись без мыла, что привело к массовой вшивости и кожным заболеваниям. Военнопленным систематически не добавались продукты питания...

В результате перечисленных фактов военнопленные в лагерном отделении «Ляскеля» не получали положенную им норму хлеба, жиры, овощи, мылись без мыла. Стирка белья была недоброкачественная, от чего в лаготделении увеличилось число больных дистрофией и авитаминозом со 100 % вшивостью, а соответственно – сокращение трудового фонда, невыход на работу по болезни и смертность»²³.

25 января 1947 г. министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов направил начальникам политотделов лагерей МВД для военнопленных закрытое письмо «О борьбе с хищениями и разбазариванием продовольствия в лагерях МВД для военнопленных». Теперь к этой работе были привлечены не только оперативные, но и партийные работники лагерей²⁴. В результате проведенных в лагерях республики проверок было выявлено, что материальный ущерб, нанесенный им хищениями и растратами материально ответственных лиц, составил в 1946 г. и первом квартале 1947 г. 454 227 руб.²⁵

В приказе министра внутренних дел КФСР «О результатах ревизии денежных операций лагерей и лагерных отделений для военнопленных» говорилось: «Ревизией денежных операций, произведенных в соответствии с распоряжением МВД СССР от 1 февраля 1947 г. за № 50 в лагерях и л/о для военнопленных, установлено:

1. По лагерю № 120 недостача, присвоение денежных средств и подлоги на рб.=4559-56, не взыскано с сотрудников лагеря за отпущенные им материальные ценности (продовольствие, дрова и др.), а также за услуги мастерских рб.= 14.203.50. Не предъявлено счетов организациям и отдельным лицам за выполненные военнопленными работы на рб.=26.375-57.

2. По лагерю № 166. Присвоение должностными лицами денежных средств, полученных за работу военнопленных рб.=3013-86. Использование контингентов военнопленных на работах для личных

---

²³ АМВД РК, ф. 18, оп. 1, д. 35, л. 20–21.

²⁴ Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 39.

²⁵ АМВД РК, ф. 16, оп. 3, д. 19, л. 18.

нужд руководящего состава лагеря без оплаты на рб.=13.939-52, из них для нужд начальника управления лагеря полковника С. 8.682-87.

3. По лагерю № 212. Присвоение должностными лицами денежных средств, полученных за услуги мастерских в сумме рб.=18.490-00 и рб.=12.658-94 средств премвознаграждения военнопленных, присвоенных путем подделок подписей военнопленных или неполной выдачи причитающихся им сумм.

4. Во всех лагерях для военнопленных имели место случаи получения денег за работу военнопленных с хозорганов наличными, что способствовало растратам и незаконному использованию государственных средств...»²⁶.

В конце 1947 г. в соответствии с приказом МВД СССР от 11 декабря были установлены новые нормы продовольственного снабжения военнопленных, занятых на тяжелых физических работах. Им было разрешено увеличить выдачу хлеба на 100–200 г в сутки в зависимости от выполнения норм выработки. Ослабленные военнопленные стали питаться по основной норме с получением увеличенной на 25 % нормы сахара. Приказом была отменена дифференцированная выдача хлеба, картофеля, овощей и круп. Поощрение военнопленных за хорошую работу продуктами питания теперь разрешалось только за счет непланового фонда, в том числе фондов предприятий, а также продажи продуктов через ларьки и буфеты в закрытых зонах лагерей. Дополнительное питание было предусмотрено лишь для тех военнопленных, которые были заняты на подземных работах и на строительстве шахт в угольной, сланцевой и горнорудной промышленности. Практически по нормам этого приказа контингент военнопленных, включая осужденных, питался вплоть до окончания пребывания в СССР²⁷.

Нередко случалось, что военнопленные, получая гарантированное питание, обеспечивались продуктами лучше, чем советские граждане, особенно проживавшие в сельской местности. По воспоминаниям одного из работников Пудожского лагеря, кормили военнопленных лучше, чем вольнонаемных работников, которые получали паек по карточкам. Продукты доставлялись из Пудожа на лодке без перебоев, зимой через озеро ходили машины. Хлеб пекли в лагере. Администрация

---

²⁶ АМВД РК, ф. 68, оп. 2, л. 159, л. 149–149 об.

²⁷ Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы...С. 40; Сидоров С. Г. Организация питания военнопленных в СССР в 1941–1955 гг. // Электронный ресурс: Режим доступа: http://ef.1939-1945.net/010_captives_01.shtml.

лагеря разрешала военнопленным собирать с охраной ягоды и грибы. Один раз в неделю военнопленные ходили в баню²⁸.

В связи с недостаточным питанием нередкими были случаи краж военнопленными домашнего имущества граждан. Так, 31 октября 1948 г. Военный трибунал КФССР рассмотрел дело по обвинению военнопленного Е., который в октябре 1948 г. совершил побег из лагеря военнопленных и, скрываясь в Петрозаводске, занимался кражами у местного населения. Вечером 28 октября 1948 г. из чердачного помещения д. № 14 по Советской набережной он совершил кражу 3 простыней, 2 наволочек, 2 пар нательного белья, детских платьев и других предметов, а в конце октября по ул. Урицкого со двора д. № 15/10 украл полупальто. Кражи он совершал с целью продажи краденых вещей для своих надобностей. Военнопленный Е. был приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей²⁹.

В послевоенные годы все большее значение для улучшения питания военнопленных, выполняющих производственные нормы, играло денежное вознаграждение. Чтобы военнопленные могли приобретать на заработанные деньги продукты дополнительного питания, в лагерях была создана специальная торговая сеть в виде ларьков и буфетов, в которых продавались различные сельскохозяйственные продукты, молочные, кондитерские и табачные изделия. К концу плена некоторые военнопленные накопили денежные средства, позволявшие не только покупать необходимые дополнительные продукты питания и вещи для личного обихода в ларьках лагерей, но и покупать продукты и вещи на дорогу и домой перед репатриацией.

При поступлении военнопленных в республику возникли серьезные трудности с благоустройством жилых помещений. Большая часть военнопленных размещалась на площадях тех предприятий, которые использовали их труд. Последние же чаще всего не располагали необходимым жильем. По существующим правилам завоз военнопленных должен был осуществляться после поступления сигнала о приеме помещений от начальника лагеря. На практике же это не соблюдалось. Нередко начальники вновь созданных лагерей неправильно информировали ГУПВИ о готовности к приему военнопленных, в результате в 1945 г. норма жилой площади в размере 2 кв. м, предусмотренная нормативными

---

²⁸ Интервью с Г. Д.*, 1920 г. р. Записала Л. И. Вавулинская. 2010 г. (*По просьбе интервьюируемого не указаны фамилия, имя, отчество).

²⁹ АМВД РК, ф. 16, оп. 1, д. 21, л. 4.

документами для военнопленных, не выдерживалась и составляла в целом по стране 1,2 кв. м³⁰. Все жилые бараки, как правило, были оборудованы сплошными двух- и трехъярусными нарами. Около 85 % лагерных отделений не имели полного комплекта лагерных помещений: отсутствовали столовые, бани, прачечные, дезинфекционные камеры, сушилки, необходимые хозяйственные помещения. Кухни, хлебопекарни и лазареты в большинстве случаев были маломощными.

Большинство лесопунктов, многие предприятия и строительные организации республики, куда в основном поступали военнопленные, первоначально оказались не готовыми к их приему. В значительной степени это объяснялось объективными причинами: плохим состоянием лесных дорог, удаленностью лагерных пунктов друг от друга, отсутствием транспорта для завоза продовольствия и др. Многие из лагерных подразделений вынуждены были решать жилищную проблему собственными силами, привлекая к строительству барачков военнопленных. В ряде лагерных отделений военнопленные размещались в бревенчатых бараках, построенных в период 1934–1938 гг. Беломорско-Балтийским комбинатом и Сороклагом для размещения заключенных. Имевшиеся сплошные двухъярусные нары были переделаны на нары вагонного типа.

На закрытом собрании партийной организации Управления лагеря НКВД № 212, состоявшемся 3–4 января 1945 г., говорилось о том, что руководство лагеря и Сегежского ЦБК дало телеграмму о готовности лагеря к приему военнопленных, в то время как фактически он не был оборудован и не созданы нормальные бытовые условия, что привело к потере физически здорового контингента. «С каждым днем, — говорилось в одном из выступлений, — растет число освобожденных от работы, а это может привести к тому, что вообще некому будет работать»³¹. В других выступлениях отмечалось, что лагерь не был обеспечен дровами, не налажено водоснабжение, не доставало посуды, не было уборных. В приказе НКВД КФСР от 5 февраля 1945 г. «О состоянии лагеря № 212» отмечалось: «Произведенной проверкой состояния лагеря № 212 заместителем наркома внутренних дел тов. Петровым установлено, что...лагерь находится в чрезвычайно тяжелом состоянии...коридоры не освещаются, сушилок нет и одежда сушится в общежитиях,

---

³⁰ Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 34.

³¹ НА РК, ф. П-613, оп. 20, д. 84, л. 1 об.

постельных принадлежностей нет...Пища раздается не индивидуально, а побригадно, в общей посуде, столовой нет...По состоянию на 1 февраля с. г. 70 % всего состава военнопленных больны и находятся в лазарете, в ОК и числе освобожденных от работы...На внешние работы выводятся только 20 (в тексте неразборчиво, или 25 %. Примеч. автора) ...Более 50 % рабочих вырабатывают ниже 50 % нормы...»³².

В середине 1946 г. в лагере № 120 вместо установленных 2 кв. м на 1 человека приходилось 1,1 кв. м при трехъярусном размещении, не доставало бань, прачечных, дезокамер и санитарно-лечебных помещений. В лагерных отделениях № 1 и 6 вместо установленных 3 раз в месяц мылись 1 раз. Из-за отсутствия водопровода и транспорта доставка воды в лагерные отделения № 1, 2, 6 и 8 производилась самими военнопленными на расстояние от 300 до 600 метров. В общежитиях не было сушилок, баков с питьевой водой, не доставало скамеек, столов, табуреток³³. В лагерных отделениях № 1 «Кукковка» и № 2 «Соломенное» не было продовольственного склада, овощехранилища, столовой для военнопленных, бани-прачечной.

Каждый лагерь имел свой паспорт с подробным описанием хозяйственно-бытовых и жилищных построек всех лагерных отделений и схемой их расположения. К примеру, в паспорте Питкярантского лагеря № 166 (декабрь 1945 г.) говорилось: «...Лазарет при управлении лагеря размещен в 2 деревянных двухэтажных зданиях. Верхний этаж для зимних условий не приспособлен, поэтому 90 коек размещены на первых этажах...Банями, дезокамерами и прачечными лаготделения обеспечены с пропускной способностью от 2 до 5 дней. Баня при Ляскеля к зимним условиям неприспособлена, ожидается пуск в эксплуатацию бани бумкомбината на 40–50 человек в час.

Каждое лагерное отделение имеет оборудованную кухню, оборудованных столовых нет, каждый военнопленный имеет котелок и кружку.

Снабжение продфуражом идет из баз ОУВС НКВД Петрозаводск. Расстояние от лагеря по ж.д. — 320 км. Собственная пекарня есть только при лагерном отделении Харлу с суточной пропускной способностью до 600 кг, остальные лагерные отделения обеспечиваются через хлебопекарни Наркомпищепрома, расстояние которых до лагерных отделений — от 500 м до 1 км. Доставка муки и хлеба производится силами военнопленных.

---

³² АМВД РК, ф. 68, оп. 2, д. 151, л. 2–3.

³³ НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 1850, л. 35–38.

Военнопленные обеспечены на зимний период теплым обмундированием: телогрейками, ватными шароварами, шапками — на 100 %, валенками, рукавицами — на 50 %, теплого белья совершенно нет. Имеются сапожная мастерская (до 40 пар ремонта в сутки), портновская (вручную, часто отсутствует пошивочный материал).

Имеется кузница из расчета на 5 человек, автомашин — 5, но из-за отсутствия запчастей их состояние неудовлетворительное. Имеется 15 лошадей, из них рабочих — 10, состояние плохое, коров — 17 с плохой упитанностью, простуженных...»³⁴.

В паспорте лагеря № 447 МВД КФСР (1 января 1946 г.) отмечалось: «В лагерных отделениях дома были рубленые из бревен, барачного типа, рамы почти везде (за исключением лазаретов) — одинарные, остекленные на 50 %; старые, оставшиеся от Беломорско-Балтийского комбината, кирпичные печи требовали перекладки. Цоколя жилых зданий были разрушены, полы перекошены и требовали переборки, стены неоштукатурены. В большинстве лагерных помещений не было сушилок, в столовых и бараках не хватало столов и скамеек, почти во всех лагерных отделениях отсутствовали умывальники, бачки для кипяченой воды. На одного военнопленного приходилось в среднем 2,2 кв. м жилой площади.

В двух лагерных отделениях отсутствовало ограждение. В трех лагерных отделениях — Новостеклянное, Бочилово и Подпорожье — освещение было электрическим, в остальных — керосиновые коптилки.

Дежурные пожарной охраны были выделены из числа военнопленных. Дрова заготавливались самими военнопленными, при этом лесозаготовительные участки находились на расстоянии от 1 до 5 км от лагеря. Дрова доставлялись в лагерь гужевым транспортом, а зимой — санным путем...

Во всех лагерных отделениях имелись бани, кроме Пудожа, где военнопленные пользовались городской баней. В 8 лагерных отделениях имелись прачечные, но они не были обеспечены необходимым инвентарем. Оборудованные котлами и ведрами пищеблока имелись во всех отделениях лагеря. Кроме того, имелись 4 походных и 3 переносных кухни для приготовления пищи на месте работ в лесу.

Столовые, за исключением лагерных отделений в Пудоже и Черной Речке, не были оборудованы инвентарем, посудой. Военнопленные питались из котелков, изготовленных из консервных банок, непосредственно в жилых помещениях. База снабжения лагеря — склады ОУВС

---

³⁴ АМВД РК, ф. 18, оп. 4, д. 1, л. 26–27.

НКВД Карело-Финского округа — находилась в Петрозаводске. Продовольствие доставлялось в основном водным путем, а зимой — санным, по Онежскому озеру на расстоянии 150–160 км, но из-за снежных заносов оно было крайне затруднительно. Центральные склады лагеря находились на расстоянии 15–60 км от лагерных отделений, куда продовольствие доставлялось гужевым транспортом. Во время распутицы весной и осенью связь с некоторыми лагерными отделениями прекращалась, в связи с этим создавался запас продуктов на срок от 10 дней до 2 месяцев.

При 4-х лагерных отделениях имелись хлебопекарни, способные изготовить 3.000 кг хлеба в сутки, остальные лагерные отделения получали хлеб из местного сельпо или хлебопекарен ОРСа хозяйственного органа. В снабжении хлебом перебоев не было.

Обеспеченность военнопленных основным вещевым имуществом составляла: шинелями и куртками — на 100 %, ватными шароварами — на 68 %, валенками — на 38 %, зимними портянками — на 63 %, теплым бельем — на 60 %, зимними головными уборами — на 76 %, кожаной обувью — на 75 %. Обмундирование военнопленных было ветхим и требовало ремонта.

В каждом лагерном отделении и при управлении лагеря были оборудованы сапожные и портновские мастерские, однако не хватало починочного материала. В мастерских работали 33 портных и 32 сапожника. Лагерь не имел своего обозного хозяйства, автотранспорта и для перевозок продовольствия использовал транспорт хозяйственных органов»³⁵.

В 1946 г. Пудожский лагерь № 447 был отнесен МВД СССР к числу «неблагополучных лагерей». Больные и ослабленные составляли 60 % от всего состава военнопленных лагеря. Из 587 заболевших 323 человека страдали дистрофией, 107 имели обморожения, 46 болели пневмонией и т. д., вследствие чего за ноябрь умерло 153 человека, за декабрь — 295, из них от дистрофии — 281 и от воспаления легких — 47. Как отмечалось в докладной записке по результатам проверки лагеря, причинами такой ситуации были следующие: «..1. Общежития не утеплены, дров нет, температура не выше 8 градусов. 2. Большинство военнопленных спят на голых нарах. 3. Умывальники и питьевые бачки отсутствуют. 4. Пищевблоки не оборудованы. 5. В 4-х лаготделениях нет дезкамер. Бани холодные. Санобработка систематически срывается. Белье без смены — шивость от 50 до 100 %...»³⁶.

³⁵ АМВД РК, ф. 16, оп. 8, д. 15, л. 4–5, 7–9.

³⁶ Военнопленные в СССР 1939–1956 гг.: Документы и материалы... С. 244–245.

К концу 1946 г. уже почти во всех лагерных отделениях республики имелись бани, дезокамеры, прачечные, пищеблоки, столовые. В лагерях работали мастерские по изготовлению предметов хозяйственного обихода, кухонной посуды, инвентаря и инструментов.

Для пополнения продовольственных ресурсов в 1945–1946 гг. были созданы подсобные хозяйства при лагерях для военнопленных. Лагерю № 120 плановым отделом СНК КФССР было отведено 90 га земли, в том числе 30 га сенокосных угодий на расстоянии 70–75 км от лагеря. Лагерю № 212 из-за отсутствия земельной площади был передан в распоряжение участок подсобного хозяйства НКВД КФССР на ст. Кочкома. Однако лагеря не были обеспечены семенным материалом, не имелось сельхозинвентаря, мало было тягловой силы (от Наркомлеса были получены всего 10 лошадей)³⁷. Кроме того, военнопленным приходилось осваивать под пашню болота и кустарники, что вызывало большие затраты, в результате во втором квартале 1945 г. вместо запланированных лагерю № 120 194 га было засеяно 59 га; лагерем № 212 вместо 146 га засеяно 19 га.³⁸ В мае 1946 г. в подсобном хозяйстве лагеря № 120 посевная площадь под картофелем, овсом, турнепсом, капустой, огурцами, луком, редисом, морковью, укропом составила 110 га. На 23 мая было вспахано всего 37 га, из которых 20 засеяно овсом. В хозяйстве содержался скот — 32 лошади, 30 коров, 15 голов молодняка. В подсобном хозяйстве лагеря № 166 в это время работали 320 военнопленных, охраняемых 3 вахтерами³⁹.

Сформированной из числа пленных бригадой в подсобном сельском хозяйстве при Управлении Пудожского лагеря руководил Эрих Эртман, которому был установлен оклад в сумме 410 руб. (на уровне среднемесячной зарплаты местных специалистов). В состав бригады входили полеводы Фанда Балаш, Ганс Майер, Фриц Кислер, Фриц Бовар — с окладом по 280 руб., свиляр Мигай Селаш, рабочие ремонтных мастерских Иштван Гусар и Фриц Фикус — с окладом по 300 руб.⁴⁰

Несмотря на скудные сведения, сохранившиеся в местных архивах по вопросу о подсобных хозяйствах лагерей для военнопленных, можно заключить, что они не играли столь существенной роли в обеспечении

---

³⁷ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 223, л. 127.

³⁸ Там же, д. 209, л. 16.

³⁹ Там же, д. 214, л. 148, 181.

⁴⁰ Нилов Е. Г. Лагерь № 447 // Север. 1995. № 4–5. С. 140.

военнопленных продовольствием, как, например, в лагерях Вологодской области, где к концу 1940-х гг. они представляли собой развитые земледельческие и животноводческие хозяйства⁴¹. Приказом министра внутренних дел КФССР от 26 февраля 1948 г. в соответствии с распоряжением ГУВС МВД СССР от 18 февраля 1948 г. подсобные хозяйства лагерей МВД для военнопленных были переданы в Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД КФССР⁴².

Постепенно решались в лагерях задачи организации вещевого обеспечения военнопленных. Зимой им выдавали полушубки, телогрейки, шапки-ушанки, ватные штаны, валенки, рукавицы. Для ремонта обмундирования и обуви в каждом лагере организовывались мастерские. Хотя они не приносили существенного дохода, но играли важную роль в организации ремонта обуви и одежды пленных. В мастерских трудились военнопленные, которые по состоянию здоровья не выводились на контр-агентские работы. В качестве починочного материала использовалось пришедшее в негодность трофейное, а также войсковое имущество, не пригодное для ремонта одежды красноармейцев. Необходимые инструменты для мастерских изготовлялись на месте, а если это было невозможным, отпускались с окружных складов. Постельные принадлежности из числа бывших в употреблении полагались только для госпитализированных больных. Они отпускались лагерям из расчета на 10 % численности контингента по норме: 1 одеяло, 2 простыни, одна нижняя и две верхние подушечные наволочки, 1 тюфячная наволочка⁴³.

В октябре 1944 г. были пересмотрены нормы обеспечения военнопленных вещевым имуществом. В целях повышения производительности труда с 1944 г. контингенту лагерей УПВИ стали выдавать по 2 полотенца и 2 пары обуви. Норма вещей хозяйственного обихода была установлена приказом НКВД СССР от 7 апреля 1943 г. и в последующем не менялась. Каждому бывшему солдату противника полагались 1 столовая металлическая или деревянная ложка, 1 жестяная или гончарная кружка, 1 нож, 1 вилка. На 10 человек выдавался 1 бачок для пищи или кастрюля, 1 деревянная разливная ложка. Для офицеров дополнительно выдавалось 1 порционная металлическая, деревянная или гончарная миска⁴⁴.

---

⁴¹ Кузьминых А. Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны... С. 111–112.

⁴² АМВД РК, ф. 68, оп. 2, д. 197, л. 37.

⁴³ Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР, 1939—1956 гг. Волгоград, 2001. С. 123, 135.

⁴⁴ Там же. С. 123–124, 136; Военнопленные в СССР... С. 356–358.

Традиционно дважды в год в лагерях производилась замена обмундирования. С наступлением осенне-зимнего периода вместо летней одежды выдавалась зимняя форма. С приходом весны теплые вещи у военнопленных изымались, ремонтировались и готовились к следующему сезону. Во время весенней распутицы особенно тяжелым было положение с непромокаемой обувью. В целях сохранения кожаной и кирзовой обуви в теплое время года в лагерях осуществлялось производство летней суррогатированной обуви. По мере ее изготовления кожаная и кирзовая обувь собиралась, ремонтировалась в мастерских и осенью вновь выдавалась пленным. Суррогатированная обувь производилась самими военнопленными из имеющегося в наличии сырья и промышленных отходов — веревки, шпагата, пеньки, пакли. Обувь на деревянной подошве имела верх из парусины, холста, старых кожаных изделий. Из утильного ватного обмундирования, не годного к реставрации, изготавливались простеганные ватные чулки или получулки-носки на завязках, к которым пришивалась подошва. В летнее время изготавливались босоножки в виде деревянной подошвы с ремешками и тапочки, верх которых шился из сукна и парусины, а низ — из кирзы, резины или двух—трех слоев утилизованного сукна. НКВД рассылало в лагеря инструкции, подробно разъясняющие, как изготовить обувь, подошвы и т. п.⁴⁵

Особые трудности вызывало обеспечение военнопленных в зимнее время. Приказ НКВД № 10 от 27 января 1945 г. и директива НКВД № 294 от 20 декабря 1946 г. « О трудовом использовании военнопленных в зимнее время » разрешали выход на наружные работы в зимний период только пленным, обеспеченным теплым обмундированием. На местах работ надлежало оборудовать специальные обогревалки. За грубые нарушения этих предписаний должностные лица привлекались к уголовной или административной ответственности⁴⁶.

Зимой 1945 г. недостаточная обеспеченность теплой обувью и рукавицами вызвала большое количество обморожений (до 500 случаев) в лагере № 212, так как валенки были получены только в январе—феврале 1946 г. К началу зимы в лагере было только 1000 пар валенок, выручило то, что силами военнопленных было пошито 3000 пар бурок⁴⁷.

---

⁴⁵ Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР... 1939—1956 гг. С. 153—154; АМВД РК, ф. 17, оп. 11, д. 8, л. 4, 87.

⁴⁶ Кузьминых А. Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере... С. 73.

⁴⁷ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 214, л. 142, 200.

Директива НКВД СССР № 57 от 7 марта 1946 г. запрещала выводить на работу в период весенней распутицы военнопленных, не обеспеченных непромокаемой обувью, и предписывала руководству лагерей принять срочные меры к ремонту обуви⁴⁸.

Нередкими были случаи, когда лагерям поставлялось ветхое, негодное обмундирование и обувь, в результате чего они несли большие убытки. Так, в докладе министру внутренних дел о состоянии лагеря военнопленных № 212 от 25 мая 1946 г. говорилось: «ОУВС занимается „выколачиванием“ средств из лагерей, высылая лагерям высшие сорта табака, утильное, совершенно негодное обмундирование и обувь, которое ставится в цену как годное или требующее ремонта, а, фактически, еще не будучи в пользовании, списывается как утиль, в результате чего лагерь терпит большие убытки, например, по счету за отпущенное продовольствие в январе—феврале на сумму 1.300 тыс. руб. — 567 тыс. руб. стоили табак и папиросы.

Из оплаченных ОУВС в 1945 и 1946 гг. за вещевое довольствие 2.079 000 руб. — 1 162 340 руб. уплатили за совершенно негодное к употреблению обмундирование и обувь 4-й категории (утиль), в том числе никогда не используемые, негодные и ненужные лагерю —

Пилотки — 2 тыс. штук по 3 руб. 90 коп. на сумму 7 800 руб.;

Портянки 4-й категории 17 тыс. пар по 1 руб. 80 коп. — 30 685 руб.;

Перчатки 10 тыс. пар по 3 руб. 11 коп. — 311 000 руб.;

Шапки-ушанки 4 480 шт. по 10 руб. 01 коп. — 44 844 руб.;

То же — 2 739 шт. по 4 руб. 64 коп. — 12 708 руб.;

Гимнастерки 5 тыс. шт. по 6 руб. 59 коп. — 32 950 руб.

Всего на сумму 159 987 руб.

Кроме того, полученные предметы, как-то: ботинки б/у — 800 пар по 60 руб. на сумму 48 000 руб.; ботинки 4-й категории — 4 000 по 16 руб. 25 коп. на сумму 65 000 руб.; шаровары ватные 8 726 по 12 руб. 90 коп. на сумму 110 061 руб.; шаровары х/б 4 000 по 12 руб. 90 коп. — на сумму 41 175 руб.; шинели 4 категории — 1 500 по 26 руб. 75 коп. на сумму 40 125 руб.; полушубки, требующие капитального ремонта — 3 200 по 94 руб. 80 коп. на сумму 303 360 руб. и т. д. Всего на сумму 1 002 353 руб. — не могли быть использованы лагерем по назначению, а обращены в переделку и как ремонтный материал, причем большинство из этих предметов (шинели, шаровары и др.) уже активированы.

---

⁴⁸ Военнопленные в СССР 1939—1956: Документы и материалы... С. 656—657.

За 1945 и 1946 гг. лагерь истратил на приобретение вещдвольтствия свыше 2 079 000 руб., что составляет 276 руб. на каждого военнопленного, не считая прибывшего с ними обмундирования, а годной к носке одежды и обуви почти нет. И военнопленные ходят рваные и босые... При попытке представителей лагеря отказаться от ненужного лагерю и негодного к носке обмундирования или принять его как утиль по весу, ОУВС все же принуждает принимать эти предметы, угрожая в противном случае ничего не давать. Необходимо указать ОУВС о том, чтобы отпуск вещдвольтствия производился по заявке лагеря в зависимости от его потребности и с составлением акта о качестве и стоимости отпускаемых предметов»⁴⁹.

Нередкими были случаи невыхода военнопленных на работу по причине отсутствия одежды и обуви. Так, по лагерю № 120 в феврале-марте 1946 г. ежедневно не выходили на работу по этой причине 5 человек, по лагерю № 166 – 79, лагерю № 212 – 16 и лагерю № 447 – 65 человек⁵⁰.

В ряде случаев закрывались те лагерные отделения, где были неудовлетворительными бытовые условия и нерентабельной сама их деятельность. Так, в первом квартале 1948 г. было закрыто лаготделение № 6 лагеря № 120 в Лахте⁵¹.

Постепенно жилищно-бытовые условия военнопленных улучшались. К началу 1947 г. в 12 лагерных отделениях лагеря № 212 приходилось по 2 кв. м жилой площади на человека, в 5 лагерных отделениях лагеря № 166 – по 2,2 кв. м, в 5 лагерных отделениях лагеря № 447 – по 2,4 кв. м. В лагере № 120, включавшем 10 лагерных отделений, в связи с переуплотненностью (подготовленная к зиме площадь составляла 1,42 кв. м на каждого военнопленного) хозяйственные организации осуществляли строительство 5 домов с жилой площадью до 4000 кв. м.⁵² Все жилые помещения были оборудованы двухъярусными нарами вагонного типа. Военнопленные обеспечены постельными принадлежностями (матрац, подушка), а часть из них имела одеяла. Санитарная обработка военнопленных производилась три раза в месяц со сменой белья. В марте 1948 г. средняя норма жилплощади на одного военнопленного в республике составила 2,23 кв. м, в то время как на одного заключенного в системе УИТЛК – 1, 6 кв. м.⁵³

---

⁴⁹ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 214, л. 208–209.

⁵⁰ Там же, л. 154.

⁵¹ Там же, д. 271, л. 57.

⁵² Там же, д. 227, л. 164–165.

⁵³ Там же, д. 265, л. 36, 39.

В лагерном отделении «Северная точка» лагеря № 120 в 1949 г. имелась хорошо оборудованная столовая, осуществлялось трехразовое питание военнопленных. Столовая была полностью обеспечена посудой и весами. Столово-кухонный инвентарь в большинстве случаев был изготовлен силами военнопленных. Регулярно осуществлялся санитарный контроль за пищеблоком, завтрак и ужин выдавались по баракам, а обед подвозился к месту работы⁵⁴.

По свидетельству коменданта управления Пудожского лагеря В. А. Бондаренко, немцы серьезно относились к благоустройству мест проживания. В «Комендантском» они из кусков труб, утиля и резиновых шлангов смастерили водопровод (невиданная по тем временам в Пудоже штука), установили в колодце водозабор и подали воду в хлебопекарню, на медпункт, на вахту и в другие точки. В Бочилово пешеходные дорожки содержались в идеальном порядке, и однажды случайно оброненная обгоревшая спичка стала предметом замечания немецкого командира стрелку ВОХР (как говорили у нас в Каршево – выстыдил так, что из-под пяток краска выступила)⁵⁵.

Налаживание быта способствовало повышению заинтересованности военнопленных в организации свободного времени. Д. Евсева, работавшая после войны в Петрозаводске, в Управлении мер и весов, вспоминала: «Мы проезжали мимо лагеря в выходные теплые солнечные дни. У пленных тоже был выходной. Через забор было хорошо видно, что делалось на его территории. Почти что все его обитатели были на улице. Кто-то просто загорал, кто-то играл в волейбол, кто-то играл в вынесенный на улицу бильярд...Отмене карточной системы в середине декабря 47-го года пленные радовались не меньше, чем наши люди. У них теперь появилась возможность покупать дополнительно еду. В первый день свободной торговли и немцы явились в находившиеся вблизи от их места работы магазины. У них водились наши советские деньги. Многие из них старались подзаработать деньги: изготавливали и продавали населению сделанные самими всякие поделки. Например, девчонки покупали у немцев самодельные кольца. В мае 46 года, демобилизовавшись, мой отец затеял строить дом на Перевалке. Фронтовикам на строительство жилья давали льготные ссуды и бесплатный лес. Некоторые столярные изделия для дома отец купил у пленного немца. У него же купил самодельную раму для картины.

---

⁵⁴ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 305, л. 4–9.

⁵⁵ Нилов Е. Г. Лагерь № 447... С. 144.

Рама была очень искусно сделана, с красивой лепкой, со вкусом покрашена. А нашему соседу три немца, конечно, не безвозмездно, помогали строить дом. Этот дом и сейчас стоит на Перевалке. На некоторых предприятиях немцам за работу платили какие-то деньги. В лагерь после работы немцы возвращались с покупками. Кто нес под мышкой буханку хлеба, кто белый батон, кто какой-нибудь кулечек или сверточек. Кто не имел возможности подзаработать, припрасивал у населения деньги или еду. (Во время карточной системы немцы знали, что у населения лишнего нет, и не просили)»⁵⁶.

В лагерных отделениях были организованы кружки самодеятельности, которые в свободное от работы время ставили всевозможные постановки. В конце 1947 г. в различных самодеятельных кружках в лагере № 166 участвовали 135 человек. Ежемесячно в лагере проводился конкурс по шахматам и шашкам, в которых участвовало до 75 военнопленных. Конкурсы проходили с большим интересом⁵⁷.

В лагерях проводились смотры художественной самодеятельности военнопленных. В приказе начальника управления лагеря № 120 МВД КФССР подполковника Макарова от 16 марта 1948 г. отмечалось: «В результате добросовестного отношения со стороны ряда военнопленных к подготовке к смотру и хорошей помощи со стороны отдельных руководителей лаготделений в организации и работе художественной самодеятельности, смотр дал рост количества участников ее. Одновременно на смотре был показан ряд хороших номеров». За активное участие в подготовке и проведении смотра была объявлена благодарность работникам лагерной администрации и военнопленным — руководителям и участникам художественной самодеятельности и дополнительно выделено на культурно-массовую работу в первом квартале 1948 г. лагерному отделению № 1 — 500 руб., лагерному отделению № 4 — 300 руб. и лагерному отделению № 3 — 200 руб.⁵⁸

В воспоминаниях о пребывании иностранных военнопленных в Пудожском лагере № 447 Е. Г. Нилов отмечает: «Как ни тяжка неволя, но даже и в таких условиях душа человеческая требует отдохновения. В Пудожском лагере № 447 усилиями администрации и самих пленных был организован джаз-оркестр. В минуты отдыха немцы

---

⁵⁶ Евсеева Д. «Мы есть просто солдаты»...О пленных немцах в Петрозаводске. Свидетельство очевидца // Карелия. 1995. 23 февраля.

⁵⁷ АМВД РК, ф. 18, оп. 1, д. 27, л. 7–10.

⁵⁸ Там же, ф. 17, оп. 11, д. 17, л. 74–75.

играли для себя, распевали любимые ими, но запрещенные в Германии песенки Лили Марлен и песню о трех девчонках, о трех невестах, провожавших своих женихов, солдат вермахта, на войну... Командование лагеря и дирекция лесокombината стали привлекать музыкантов для участия в торжественных мероприятиях по красным датам календаря и прочих юбилеях. Одетые в сшитую для них форму — пиджаки темно-стального цвета, белые рубашки и галстуки-бабочки, — молодые немцы с удовольствием исполняли свои народные тирольские песни и по заказу — русскую «Катюшу». Не раз играли они и для городской молодежи, благо танцплощадка была под боком Управления лагеря в Летнем саду...»⁵⁹.

Массовый характер приобрела организация футбольных команд, проведение футбольных матчей на первенство команд между лагерными отделениями. Бывший немецкий военнопленный, прошедший в лагерном отделении № 1 (Кукковка) лагеря № 120 четыре года и побывавший в Петрозаводске в 1999 г., вспоминал, что военнопленные своими силами оборудовали маленький стадион, где играли в футбол и проводили соревнования по боксу. На небольшое довольствие, которое полагалось пленным за работу, в складчину построили нечто среднее между кафе и буфетом, где коротали вечера за кофе. Тут же играл джаз-оркестр — опять же свой⁶⁰.

Месяцы и годы совместного общения привели к заметному сближению в отношениях между военнопленными и населением республики. Не идеализируя эти взаимоотношения, все же нужно отметить, что советские люди в своей массе не испытывали ненависти к иностранным, в том числе и немецким военнопленным, которые, в свою очередь, в большинстве своем сохранили к ним доброе отношение.

В. Т. Двинская, касавшаяся проблем немецких военнопленных в Карелии, подчеркивает, что «...Авторы большинства имеющихся в нашем распоряжении материалов единодушны в своем добром отношении к русским. Многие из них свидетельствуют о том, что трудящиеся Карелии сами жили не лучше пленных, и лишения, выпавшие на их долю, объясняют объективными трудностями того времени и трагической судьбой поколения, связанного с войной»⁶¹.

---

⁵⁹ Нилов Е. Г. Лагерь № 447... С. 144–145.

⁶⁰ Спектор Т. Блюз военнопленных // Петрозаводск. 1999. 2 июля.

⁶¹ Двинская В. Т. О Немцах-военнопленных в Карелии... С. 162.

По воспоминаниям многих жителей Петрозаводска, отношение населения к иностранным военнопленным было милосердным, как к побежденному врагу. Не было озлобления, чувства мести, скорее — сострадание и жалость. Хотя бараки были огорожены колючей проволокой, люди с согласия охраны передавали военнопленным хлеб, махорку. М. Н. Постникова, 1932 г. р., вспоминала, что конвоиры не препятствовали общению местных жителей с обитателями барачков. Военнопленные меняли щепки на воду, ботву свеклы и моркови, лудили для жителей котелки, кружки, кастрюли⁶².

«Военнопленные стали частью нашей жизни», — считают многие петрозаводчане, которые были свидетелями пребывания в городе иностранных военнопленных.

А. Д. Вересов, работавший после войны слесарем и электромонтером на судостроительном заводе № 789 (впоследствии — завод «Авангард»), отмечал, что пленные жили в бараках около завода, кормили их довольно неплохо и одеты они были по тем временам прилично и опрятно. Отношение к пленным было нормальное, ведь прошло три года после окончания войны, а русский народ — отходчивый⁶³.

Бывший старший научный сотрудник Национального архива Республики Карелия И. С. Петричева вспоминала, что она приехала в Петрозаводск в семилетнем возрасте — семья вернулась из эвакуации. И в день приезда, даже не пообедав, девочка побежала «смотреть немцев». По словам И. С. Петричевой, она до сих пор помнит то изумление, которое испытала, когда убедилась, что «фашисты» — такие же люди, а настоящий шок она пережила, когда один из немцев улыбнулся Иде и погладил ее по голове. Позже колонны людей в потрепанной форме, бредущие на работу и с работы, стали привычным зрелищем. Во дворе дома, где вели работу немцы, на цепях было подвешено бревно, местная ребятня с удовольствием залезала на эти импровизированные качели, а кто-либо из пленных в перерыве начинал его раскачивать. Дети продолжали ненавидеть фашистов, но, что удивительно, эта ненависть почти не распространялась на печальных людей с изможденными лицами, сноровисто укладывавших камни в мостовую Первомайского проспекта. Их уже не воспринимали как врагов⁶⁴.

---

⁶² Интервью с М. Н. Постниковой, 1932 г. р. Записала Л. И. Вавулинская 27.07. 2012 г.

⁶³ Воспоминания А. Д. Вересова. 22 января 2013 г. Из личного архива Л. И. Вавулинской.

⁶⁴ Как это было с Сергеем Хорошавиным // Вести. 2002. 17–23 июля.

Созвучны этим впечатлениям воспоминания пудожского краеведа Е. Г. Нилова: «Постепенно, изо дня в день, устало следуя с места работы в лагерь на виду у жителей района, пленные вошли в нашу повседневную жизнь. Демобилизованные пудожане взирали на них равнодушно — насмотрелись еще на фронте. Те же, кто не дождался своих родных и близких, вполне справедливо считали военнопленных возможными убийцами своих мужей, отцов, сыновей, братьев. Самим пленным оставалось уповать на милость победителя и Всевышнего. Не зря же на пряжках их поясных ремней было выдавлено — «Гот мит унс» («С нами Бог»). Я не слышал, чтобы жители района избивали и оскорбляли пленных. Отходчива русская душа. И постепенно вошло в лексикон пудожан немецкое приветствие: „Гутен таг, камрад!“ (Добрый день, приятель!)»⁶⁵.

В свободное от работы время пленные изготавливали на продажу кольца из алюминия и старых монет, пряжки со звездой, кастрюльки, гребешки, алюминиевые табакерки, ремонтировали печи в домах жителей. Немецкий военнопленный Гейнрих Граф, бывший заключенный лагеря № 120, неоднократно приезжавший в Петрозаводск, вспоминал: «Отношение горожан к нам, военнопленным, сначала было враждебным. Потом лед стал таять. У нас уже появились знакомые, особенно у кровельщиков. Мы часто делали гешефтную операцию, которую называли русским словом „цап-царап“. Брели из отходов кусок жести, вырезали ее по шаблону, изгибали на животе, засовывали под рубашку, под фуфайку и приносили в лагерь. Там была у нас домашняя мастерская. Делали мы разную посуду. Кастрюля — 600 граммов хлеба. Ведро — целая буханка. Однажды часовой Алеша приходит в барак. — Граф, иди к проволоке, тебя женщины зовут. Прихожу, девушки стоят молодые, веселенькие. Просят сделать 4 ведра. Тут уж для девушек я постарался на славу. Дали они мне 5 буханок хлеба. Одну отдал часовому Алеше. Ведь у них, у охраны, и у нас была одинаковая норма! Этого мы никак не могли понять. „Это пропаганда, — шипели наши офицеры, — русские потом после смены шоколад жрут. Не могут быть равны победители и побежденные...“. Вот тогда я навсегда понял русский характер — отдать последнее, делиться поровну, не обижать слабого»⁶⁶.

---

⁶⁵ Нилов Е. Г. Лагерь № 447... С. 138.

⁶⁶ Гордиенко А. Гейнрих Граф: «Я делал доброе дело»... // Петрозаводск. 1995. 7 июля.

Образ русских, вынесенный иностранцами из лагерей, уже не был прежним. Изменилось и их отношение к Советскому Союзу. Клаус Фритцше, сын делегата земельного парламента Пруссии, оказавшийся на Восточном фронте в качестве стрелка-радиста и находившийся в течение 6 лет в плену в Астраханской, Горьковской областях и в г. Сталинграде, пишет в своих воспоминаниях: «В известных немецких публикациях о военном плене в Советском Союзе обычно на первый план выдвигаются страдания, переживания, все отрицательные моменты. Авторы, как военные, так и штатские люди боятся описать эпизоды, где присутствовало обоюдное уважение и гуманность в обращении. Боятся выглядеть предателями, если опишут знакомство с советскими людьми в дружеском плане, а не как с представителями низшей враждебной расы. Я должен признаться, что во время плена хорошо познакомился с русской душой и долгие годы тоскую по России»⁶⁷.

Таким образом, иностранные военнопленные в полной мере испытали всю тяжесть социально-экономического положения, сложившегося в СССР после окончания войны. Тем не менее советское государство сумело обеспечить военнопленных продовольствием и одеждой, создать сносные жилищные условия, хотя оставалось много проблем в этой области. Немало тягот в это время испытывало и местное население, особенно колхозники.

Совместное общение привело к заметному сближению в отношениях между военнопленными и населением республики. Именно в советском плену была одержана последняя победа в Великой Отечественной войне — победа над фашистской пропагандой и расистской теорией. И битва эта была выиграна прежде всего не лагерными политруками, а простыми русскими людьми⁶⁸.

---

⁶⁷ Фритцше К. Вынужденная посадка: записки военнопленного [пер. с нем. К. Фритцше]. М., 2006. С. 34.

⁶⁸ Кузьминых А. Л. Военнопленные и северяне: становление диалога (1939–1949 гг.) // Отечественная история. 2005. № 2. С. 125.

Глава 6

МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ. ЗАХОРОНЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ КРАЯ

В отличие от руководства гитлеровской Германии, советское правительство уделяло значительное внимание вопросу сохранения жизни и здоровья военнопленных, что нашло отражение в создании системы специализированных лечебных учреждений. Некоторые авторы даже подчеркивают, что «главным условием физического выживания военнопленных в СССР стала их передача в систему МВД, т. е. в систему планового трудового использования, подразумевавшую сохранение рентабельности (трудоспособности) рабочей силы»¹.

Администрации лагерей было предписано проводить обязательное ежеквартальное медицинское освидетельствование военнопленных для определения степени их трудоспособности². Осмотр осуществлялся специальной врачебно-трудовой комиссией (ВТК), в состав которой, как правило, входили заместитель начальника лагеря или лаготделения (председатель), начальники медицинского и производственного отделов и 1–2 врача по усмотрению начальника медицинской службы лагеря. Заседания ВТК проводились четыре раза в год: 1 января, 1 апреля, 1 июня и 1 октября. По итогам врачебно-трудовой экспертизы все военнопленные с учетом их здоровья и физического состояния подразделялись на 4 группы трудоспособности.

Принятая летом 1942 г. система деления военнопленных на группы трудоспособности в зависимости от их физического состояния, разделение всех работ, выполняемых контингентом, на виды по степени их тяжести свидетельствовали, с одной стороны, о стремлении сотрудников НКВД как можно эффективнее использовать труд пленных, с другой — о желании сохранить жизнь взятых в плен вражеских солдат. Правильное определение группы трудоспособности имело очень большое значение для жизни пленного, так как те из них, кто

---

¹ Колеров М. Военнопленные в системе принудительного труда в СССР (1945–1950) // Отечественные записки. 2003. № 3: // Электронный ресурс: Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=12&article=552#s14>

² Военнопленные в СССР 1939–1956... С. 548–550.

не попадал в первую группу, имели право на снижение нормы выработки. Для второй группы норма выработки на тяжелых работах снижалась на 30 %, при ее выполнении питание выдавалось как за 100-процентное выполнение задания. Для третьей группы норма выработки снижалась на 50 %³.

Распоряжением Главвоенсанупра Красной Армии лагеря КФСР были прикреплены на медснабжение к Санитарному отделу Беломорского военного округа, откуда они получали по своим заявкам медикаменты и другие предметы медицинского снабжения по нормам, установленным для раненых и больных воинов Красной Армии.

Физическое состояние военнопленных, поступивших в Карелию, было крайне тяжелым. Оно усугублялось неблагоприятными климатическими условиями республики. Массовый характер имели простудные заболевания и обморожения; неполноценное и малокалорийное питание в условиях Севера приводило к развитию авитаминозов.

Основная масса больных в первом квартале 1945 г. в действующих в это время лагерях № 120 и 212 приходилась на дистрофию — 68 %, желудочно-кишечные заболевания — 14 %, инфекционные заболевания — 13 % и простудные заболевания — 5 %. В лагере № 212 было выделено 2 специальных барака для дистрофиков. Для лечения дистрофиков введено дробное переливание крови, которое сделано 39 больным. Введен контроль дежурных и медперсонала за работой пищеблока, закладкой продуктов и раздачей пищи. В лагерях налажена систематическая санитарная обработка контингента, в результате во втором квартале 1945 г. вшивость была ликвидирована, за исключением лагеря № 120, в котором бани имели малую пропускную способность⁴.

Однако заболеваемость и смертность среди военнопленных оставались высокими: за второй квартал 1945 г. в лагере № 120 умерло 126 человек, в лагере № 212 — 412 человек. Среди больных лагерного отделения лагеря № 120 «Северная точка» дистрофики составляли 40 %, лагерного отделения в Медвежьегорске — 30 %, на ст. Пай — 50 %. По всем лагерям республики в четвертом квартале 1945 г. дистрофией были больны 1010 человек, или 38 % всех больных; желудочно-кишечными заболеваниями — 270, или 10 %; туберкулезом — 89, или 3 %; инфекционными болезнями — 29, или 1 %; получили обморожение — 729, или 27,7 %⁵.

---

³ Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР. 1939–1956 гг... С. 68, 88.

⁴ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 223, л. 125 об., 137 об.

⁵ Там же, д. 214, л. 112–113; д. 223, л. 157.

Как свидетельствуют архивные документы, конец 1945 г. – первый квартал 1946 г. были одними из самых неблагоприятных для Карело-Финской ССР по показателю состояния здоровья военнопленных. Наступление холодов и несвоевременное снабжение лагерей теплой одеждой и обувью, острый недостаток овощей, картофеля, свежего мяса, жиров, рыбы и замена их мукой, нехватка витаминов, дрожжей, отсутствие в ряде лагерных отделений нормальных бытовых условий, а также неправильное трудовое использование, в частности, вывод военнопленных 3-й группы на тяжелые физические работы привели к увеличению заболеваемости и смертности военнопленных. В первом квартале 1946 г. по сравнению с 4-м кварталом 1945 г. количество больных дистрофией увеличилось в лагерях на 44,2 %, желудочно-кишечными заболеваниями – на 14 %, туберкулезом – на 4,9 %. Кроме того, в Сегежский лагерь № 212 в декабре 1945 г. поступили 2134 человека, которые находились в пути более 50 суток. Все они были завшивлены. Среди прибывших военнопленных больных и дистрофиков было 1209, из них 10 умерло в момент приемки этапа. Ввиду неподготовленности лагеря военнопленных пришлось разместить в полуразрушенных, холодных и грязных помещениях, отсутствовали отремонтированные пищеблоки и баня. Несмотря на принятые руководством лагеря меры по оборудованию помещений, организации питания и лечения, за период с декабря 1945 г. по май 1946 г. умер 221 человек⁶. На 1 июля 1946 г. по лагерю № 212 были освобождены от работы по временной нетрудоспособности 1419 военнопленных, то есть 17,4 % к трудовому фонду⁷.

28 февраля 1946 г. НКВД КФССР принял от УНКВД по Ленинградской области лагерь для военнопленных № 447 с крайне слабым по физическому состоянию контингентом: из 3004 человек к 1-й группе относились 285 человек, 2-й – 426, 3-й – 740, дистрофиков – 955, лазаретных больных – 567, инвалидов и некомиссованных – 31 человек⁸. Переброска контингента, происходившая осенью 1945 г. на необорудованных баржах в момент закрытия навигации, ухудшила состояние пленных. Помещения не были подготовлены к зиме, а военнопленные не обмундированы по зимнему плану. Медикаменты до 16 ноября 1945 г. отсутствовали, из медперсонала были только один врач и два фельдшера. Срок карантина не был выдержан, и контингент 16 ноября

---

⁶ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 209, л. 66; д. 214, л. 199.

⁷ Там же, д. 226, л. 34.

⁸ Там же, л. 4.

выведен на работу, при этом военнопленные третьей группы трудоспособности выводились на кубатурные работы до 1 марта. Все это привело к высокой смертности: в ноябре 1945 г. умерло 153 человека, или 4,06 %; декабре — 259, или 7,2 %, январе 1946 г. — 203, или 6,08 %, феврале — 132, или 4,2 %, марте — 49, или 1,6 %, апреле — 39, или 1,49 %⁹.

Поступление значительного количества ослабленного и больного контингента существенно ухудшило общую картину физического состояния военнопленных в республике¹⁰:

	На 1 января 1946 г.	На 1 апреля 1946 г.
1-я категория	8045 (34 %)	5550 (22 %),
2-я категория	7613 (32 %)	8857 (35 %),
3-я категория	4276 (18 %)	4754 (19 %),
ОК и больные	3733 (16 %)	6174 (24 %)

Таким образом, ¼ часть содержащихся в 4-х лагерях республики военнопленных были больными, инвалидами или состояли в оздоровительных командах.

На физическом состоянии военнопленных сказывались недостаток медицинских работников и медикаментов, скученность в размещении, особенно в лагере № 120. В лагере № 212 количество больных военнопленных в январе — феврале 1946 г. увеличилось из-за подачи в городской водопровод недоброкачественной питьевой воды. 1 февраля 1946 г. было закрыто лагерное отделение «8-й квартал» Пудожского лагеря. В отделении не имелось кухни и бани, бараки находились в антисанитарном состоянии, вследствие чего вшивость среди военнопленных достигла 100 %. Военнопленные отделения были переданы лагерным отделениям «Шалица» и «Новостеклянное»¹¹.

Весной 1946 г. были закрыты лагерные отделения «Кривое Колено», «Деревянка», «Пай» и «Вичка» лагеря № 120 ввиду роста заболеваемости и смертности среди военнопленных и их неправильного трудового использования на работах хозоргана¹².

В выступлении министра МВД КФССР генерал-майора Серебрякова на совещании о работе лагерей для военнопленных, состоявшемся 27–28 мая 1946 г. в МВД КФССР, отмечалось, что «...смерт-

⁹ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 214, л. 187.

¹⁰ Там же, д. 209, л. 65; д. 226, л. 4.

¹¹ Там же, ф. 20, оп. 18, д. 12, л. 53.

¹² Там же, ф. 40, оп. 1, д. 214, л. 174.

ность в лагерях все еще велика и недопустима в таких размерах, в каких она продолжает оставаться... За апрель смертность по лагерю 447 составила 1,37 %, по лагерю № 166 — 1,28 %»¹³.

Большое значение для восстановления физического состояния и трудоспособности ослабленных военнопленных имели лечебно-профилактические учреждения с особым режимом и лечебным обслуживанием, получившие наименование оздоровительных лагерей и оздоровительных отделений в лагерях для военнопленных, создание которых началось по приказу НКВД СССР № 0219 от 5 октября 1944 г. 24 марта 1945 г. НКВД СССР утвердил «Положение об оздоровительных лагерях и оздоровительных отделениях в лагерях НКВД для военнопленных». В нем были упорядочены такие вопросы, как порядок отбора и направления военнопленных в оздоровительные лагеря и выписки из них, организация оздоровительных мероприятий, примерный внутренний распорядок и порядок привлечения пленных к работам в качестве трудотерапии¹⁴. В соответствии с приказом НКВД СССР от 12 июля 1945 г. военнопленные, содержащиеся в оздоровительных лагерях и оздоровительных отделениях, питались по норме № 1 приказа НКВД СССР № 00540 1945 г. с увеличением нормы на 25 % по сахару, жирам, картофелю и овощам. Хлеба выдавалось 750 г в сутки. Зачисленным в оздоровительные лагеря и отделения военнопленным, у которых имелась ясная клиническая картина заболевания дистрофией, питание выдавалось по норме № 2 приказа НКВД СССР № 00540 1945 г.»¹⁵

Во всех лагерях республики были созданы оздоровительные отделения, для которых выделены лучшие помещения. К апрелю 1946 г. действовали оздоровительные отделения при лагере № 120 на 1000 человек, при лагере № 212 — на 2000 человек и при лагере № 447 — 4 оздоровительных отделения на 1900 человек. В лагере № 166 оздоровительные команды были созданы при каждом лагерном отделении¹⁶. Лазаретные больные концентрировались в центральных лазаретах управлений лагерей. Все военнопленные третьей группы в составе 2530 человек, или 11,2 % к общесписочному составу военнопленных в республике, были переведены на положение оздоровительных команд (ОК) сроком до 1 мая, а по лагерю № 447 — до 15 мая 1946 г. Это

---

¹³ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 214, л. 163.

¹⁴ Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 32.

¹⁵ Там же. С. 953.

¹⁶ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 228, л. 42.

мероприятие дало большой эффект по лагерю № 447, обеспеченному продуктами с осени 1945 г. по июнь 1946 г. За март месяц из общего количества ОК 1910 человек было выписано 595, из них в первую группу — 182, вторую — 413. В других лагерях ввиду тяжелого положения с продовольствием перевод военнопленных третьей группы на положение ОК не дал должного эффекта¹⁷.

В отличие от условий немецкого военного плена, где не было организованного медицинского обеспечения раненых бойцов и командиров Красной Армии, а помощь получал, как правило, тот, кто мог быть в дальнейшем использован в Германии, в советских лагерях для иностранных военнопленных была развернута медико-санитарная работа. Медицинская служба лагерей организовывалась по типовым штатам. В состав медотдела управления лагеря входили центральная амбулатория, лаборатория, аптека и аптечный склад, центральный лазарет на 60—500 коек, дезотряд. В лагерных отделениях создавались санчасти, возглавляемые врачом или фельдшером. Медслужба лагерного отделения в зависимости от его лимитной численности имела в своем составе медицинскую часть, амбулаторию, лазарет (изолятор) на 15—100 коек и дезпункт. В докладе начальника лагеря № 212 министру внутренних дел КФССР 25 мая 1946 г. отмечалось: «При управлении лагеря имеется центральный лазарет со штатным количеством 500 коек. В каждом лагерном отделении имеется стационар со штатной положенностью от 10 до 100 коек. Всего положено по штату 675 коек, но в марте 1946 г. их количество доходило до 2260, на 1 мая — 1274...Неудовлетворительное обеспечение лагеря медикаментами. Заявки лагеря сануправлением БВО, как правило, урезались на 75—80 %, а разрешенные к отпуску медикаменты получаем с опозданием на 2—3 месяца...Особенно остро лагерь нуждается в таких медикаментах, как глюкоза, никотиновая и аскорбиновая кислота, сульфидин, камфара и др.»¹⁸

Одной из острейших проблем, особенно в первые послевоенные годы, являлась нехватка медицинского персонала. Во втором квартале 1945 г. из 119 медицинских работников, полагаемых лагерям по штату, имелось только 37¹⁹. В докладе начальника лагеря № 212 начальнику УПВИ НКВД СССР генерал-лейтенанту Петрову 8 января 1945 г. отмечалось: «В лагере имеется 9 врачей, из них 3 — штатных и 6 — военно-

---

¹⁷ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 228, л. 43.

¹⁸ Там же, д. 214, л. 201.

¹⁹ Там же, д. 223, л. 137.

пленных немцев, 1 фельдшер, 4 медсестры (штатные) и 4 фельдшера (военнопленные), 1 (штатный) аптекарский работник (фармацевт). Качество штатных врачей очень низкое (Врач-капитан Гежмевский, назначенный начальником САНУ, с работой не справляется, а врачи Федина и Зеленко находились в плену с начала войны и не имеют врачебной практики). Административные функции по САНУ пришлось возложить на лейтенанта, присланного из УПВИ на должность зав. клубом, не имеющего медицинского образования»²⁰. Спустя почти полтора года проблема кадров оставалась по-прежнему острой. В мае 1946 г. в лагере не хватало 20 врачей и 20 человек среднего медперсонала. Из 15 лагерных отделений только в двух имелись начальники санслужб – врачи, в остальных отделениях обязанности начальников санслужб выполняли средние медицинские работники, а в большей части – врачи-военнопленные²¹.

Аналогичная ситуация была в других лагерях. В докладной записке начальника Управления лагеря военнопленных № 166 наркому внутренних дел КФССР 7 марта 1946 г. содержалась просьба об укомплектовании медперсоналом лазарета, так как вместо положенных по штату 10 врачей, 12 фельдшеров и 6 медсестер имелся только один русский врач, да и то по детским болезням, который при комиссовании не смог определить больных дистрофией. Лишь спустя 8 месяцев после организации лагеря прибыл опытный врач и в марте 1946 г. военнопленных лагеря обслуживали начальник санчасти, один врач и 1 фельдшер²².

Для работы в качестве рядового медперсонала широко привлекались врачи из числа военнопленных. В первом квартале 1945 г. в лагере № 120 работали 5 военнопленных врачей, в лагере № 212 – 8²³.

Особое значение придавалось развертыванию работы спецгоспиталей. В июле 1944 г. был дислоцирован из с. Нюхча в с. Пиндуши Медвежьегорского района бывший эвакуогоспиталь № 4870, переведенный с апреля 1945 г. на обслуживание военнопленных²⁴. Госпиталь размещался в 10 зданиях с печным отоплением и керосиновым освещением и располагал 400 койками. Он обслуживал терапевтических

---

²⁰ АМВД РК, ф. 10, оп. 1, д. 217, л. 101.

²¹ Там же, д. 214, л. 201.

²² Там же, ф. 18, оп. 4, д. 1, л. 29.

²³ Там же, ф. 40, оп. 1, д. 223, л. 125 об.

²⁴ НА РК, ф. Р-2796, оп. 4, д. 1/2, л. 206; д. 1/3, л. 320.

и хирургических больных, которые доставлялись в госпиталь автомашинами или лошадьми со станции Вичка на расстояние 10 км. В первые месяцы работы смертность в госпитале была очень высокой, что объяснялось крайне тяжелым состоянием в большинстве своем нетранспортабельных больных, умиравших на первые — третьи сутки после поступления. В июне 1945 г. в госпитале умерло 26 человек из находившихся на излечении 295, в июле — 40 из 416 человек, большинство — от туберкулеза и дистрофии²⁵. Во втором полугодии 1945 г. в госпитале умерло 203 тяжело больных (33 %), в основном с открытой формой туберкулеза и дистрофией²⁶.

Госпиталь испытывал сложности в работе, так как из-за отсутствия электрического освещения не работали рентгеновский и физиотерапевтический кабинеты. В начале 1946 г. госпиталь № 4870 был расформирован, а его имущество и оборудование переданы спецгоспиталю № 5879 и 1755.

Спецгоспиталь № 1755 в пос. Вегеракша (г. Кемь) на 400 коек был выделен для республики приказом НКВД СССР от 28 июня 1945 г.²⁷ Он располагался в пос. Вегеракша в семи деревянных зданиях, два из которых были отведены для медицинских отделений, одно — под аптеку и пищеблок, два — для общежития личного состава и одно — под канцелярию и склад ОВС. Все помещения были недостаточно приспособлены для лечебного учреждения и требовали ремонта. Водопровод имелся только в одном здании, причем вода накачивалась насосом из реки ручным способом. Освещение было керосиновым, отопление — печным, канализации не имелось, за исключением первого медицинского отделения, располагавшего центральным отоплением.

В спецгоспитале функционировали два отделения — хирургическое с туберкулезным и терапевтическое с общим числом коек 436 вместо 400 по штату. Из необходимых по штату 15 врачей госпиталь имел одного врача, врача-рентгенолога и туберкулезника по совместительству. Из-за отсутствия электричества не работали физиотерапевтический и рентгеновский кабинеты.

Туберкулезным больным и дистрофикам выдавались глюкоза, хлористый кальций, осуществлялось наложение пневмоторакса. Только в июле 1947 г. было сделано 52 подобных процедуры, в результате которых

---

²⁵ НА РК, ф. Р-2796, оп. 4, д. 1/2, л. 153, 165, 201.

²⁶ Там же, д. 2/4, л. 17.

²⁷ АМВД РК, ф. 40. оп. 1, д. 223, л. 166.

состояние туберкулезных больных значительно улучшилось²⁸. Госпиталь располагал музыкальными инструментами (аккордеон и скрипка), литературой на немецком языке, шахматами и шашками. Силами военнопленных проводились концерты, выпускалась стенная газета.

В связи с переходом в феврале 1946 г. лагеря № 447 в подчинение НКВД КФССР, в ведение Наркомздрава республики был передан эвакогоспиталь № 5879, рассчитанный на 400 мест и предназначенный для обслуживания военнопленных местных лагерей, занятых на лесозаготовках. В докладной записке председателя СНК КФССР П. С. Прокконена наркому здравоохранения СССР Г. А. Митереву от 26 февраля 1946 г. сообщалось о том, что эвакогоспиталь № 5879 прибыл в республику из Удмуртской АССР в начале января 1946 г. В госпитале не было ни одного врача, технический персонал укомплектован менее чем наполовину, насчитывалось не более 150 коек, не имелось лаборатории, рентгеновского и зубного кабинетов, физиоаппаратуры. Укомплектовать госпиталь за счет наличного числа врачей не представлялось возможным, так как за ноябрь 1945 г. — февраль 1946 г. из республики убыло 37 врачей — жен офицеров, а врачи расформированного госпиталя № 4870 были направлены для пополнения госпиталя № 1755²⁹. В результате в феврале 1947 г. в госпитале № 5879 не было русских врачей, только 7 врачей из военнопленных³⁰.

Отсутствие путей сообщения с районом Пудожа не позволяло до начала навигации на Онежском озере развернуть работу госпиталя. В связи с этим до весны 1946 г. госпиталь находился на ст. Пиндуши Кировской железной дороги, а затем был перевезен самолетами к месту дислокации в Пудож. Весной 1946 г. спецгоспитали № 1755 и 5879 были загружены на 130 %³¹.

Приказом министра внутренних дел КФССР от 21 августа 1946 г. спецгоспиталь № 5879 был передислоцирован из г. Пудож в г. Петрозаводск. Для его развертывания были использованы два двухэтажных здания лагерного отделения № 10 «Лесной техникум»³². Спустя два года, в июле 1948 г. спецгоспиталь № 5879 переехал в трехэтажное деревянное здание, которое раньше занимал центральный лазарет

---

²⁸ НА РК, ф. Р-2796, оп. 4, д. 2/4, л. 161.

²⁹ Там же, ф. Р-1394, оп. 7, д. 42/305, л. 31, 32.

³⁰ Там же, ф. Р-2796, оп. 4, д. 2/4, л. 108 об.

³¹ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 226, л. 4.

³² Там же, ф. 68, оп. 1, д. 154, л. 191.

управления лагеря № 120. Вместо положенной штатной мощности (400 коек) госпиталь насчитывал 300 коек, так как часть помещения занимал личный состав и их семьи, а также штаб госпиталя. При спецгоспитале были созданы три отделения: хирургическое на 40 коек, терапевтическое на 180 коек и инфекционное на 80 коек; имелись специальные кабинеты: зубной, наложения искусственного пневмоторакса, рентгеновский, физиотерапевтический и клиничко-диагностическая лаборатория.

В июле 1948 г. в госпитале работали 7 врачей из числа военнопленных и три русских врача. Кроме того, имелись постоянные консультанты из числа русских врачей по специальности: невропатолог, рентгенолог, отоларинголог и окулист. В исключительных случаях приглашались специалисты — хирург, терапевт и психиатр. Уход за больными осуществлялся русским медицинским персоналом из состава вольнонаемных, а также санитарями из числа военнопленных, которые содержались за плату до октября 1948 г. На всех больных военнопленными врачами велись истории болезни на немецком языке. Медицинский же контроль осуществлялся русскими врачами. При госпитале работали сапожная и портновская мастерские, где осуществлялся текущий ремонт одежды и обуви. За 1948 г. в госпиталь поступил 1631 человек, был выписан 1221, умерло 50 человек³³.

В спецгоспиталях для военнопленных проводилось комбинированное медикаментозное лечение с применением новейших препаратов (сульфамиды, пенициллин), использовались физиотерапевтическое лечение, витамино- и дрожжестерапия, переливание крови и наложение искусственного пневмоторакса. Для обследования пленных применялись различные виды диагностики — общий анализ крови, мочи, желудочного сока, мокроты. Только за 1948 г. в спецгоспитале № 5879 клиничко-диагностической лабораторией было проведено 15 532 анализа, из них: анализов крови — 7785, мочи — 4360, мокроты — 2387. Рентгеновским кабинетом проделано 2437 рентгеноскопий, 1622 рентгенографии. Физиотерапевтический кабинет за это время осуществил следующие процедуры: массаж — 7295, лампа Баха — 2775, лампа «солюкс» — 5421, светолэктрованны — 7950. В хирургическом кабинете за 1948 г. проведено 220 операций, 107 разрезов, 7698 перевязок, 54 переливания крови. За это же время в терапевтическом и инфекционном отделениях осуществлено 375 наложений искусственного

---

³³ НА РК, ф. Р-2796, оп. 4, д. 2/10, л. 13, 15.

пневмоторакса, 181 плевральных и других пункций. Зубным кабинетом проделано 660 экстракций, 2374 наложения пломб и т. д.³⁴

Пленные проходили регулярную санитарную обработку, получали повышенные нормы питания, обеспечивались лекарствами, медикаментами и перевязочным материалом по установленным нормам. В спецгоспиталях регулярно осуществлялись профилактические прививки против оспы, брюшного тифа и паратифов.

Обеспеченность спецгоспиталей медикаментами, перевязочным материалом и предметами по уходу за больными была удовлетворительной, инструментарием – недостаточной. Обеспечение продуктами велось бесперебойно, за исключением молока. Питание больных и обслуживающего персонала проводилось по 4 нормам: общей рабочей, дистрофической, госпитальной и офицерской. Помимо норм питания, при спецгоспитале имелись лечебные столы. Меню было разнообразным за счет различного ассортимента круп (рис, манка, пшено, греча и др.).

А. И. Цепковская, работавшая после войны в спецгоспитале № 5879, вспоминала: «Больных к нам привозили в основном из Медвежьегорска, Пудожа, Петрозаводска... В 46-м к нам в госпиталь поступало много военнопленных, страдающих от дизентерии, туберкулеза и различных желудочных заболеваний. В последующие годы количество таких пациентов значительно уменьшилось. В 48-м, как мне помнится, всего в госпитале проходили лечение около 100 человек, и почти половина из них относилась к терапевтическому отделению. Питание в госпитале было хорошее, а по тому времени – так и просто отличное. Утром на завтрак – каша, сладкий чай, небольшая порция масла. В обед на первое всегда давали мясной суп, на второе – кашу, обычно гречневую, а на третье – чай или компот. На ужин снова каша и чай. Не помню точно, каким по весу был паек хлеба, но изрядным. Немцы даже вот что делали: всю неделю откладывали от полагающейся им нормы понемножку муки и граммов по 5 сахара, и тогда на выходной день каждый из них получал небольшой кусочек торта... В этом госпитале военнопленные все делали сами, здесь были и прачечная, и пекарня, и мастерская по ремонту обуви... Они даже оперетты ставили на сцене. Причем все музыкальные инструменты пленные сами же восстановили из списанных за полной непригодностью. Они хранились в специально сделанных шкафчиках. Немцы – очень аккуратные люди. Одно дело читать про это в книжках, совсем другое –

---

³⁴ НА РК, ф. Р-2796, оп. 4, д. 2/10, л. 14–15.

видеть в обыденной жизни. Чистота в госпитале была просто исключительной, я такого больше нигде не видела. А уж какие дисциплинированные — не передать. Я за все время работы там слова «нет» не слышала. Скажешь — тотчас сделают»³⁵.

К лету 1946 г. было налажено бесперебойное снабжение лагерей продуктами, за исключением овощей и рыбы, улучшилось питание военнопленных, медицинское обслуживание. Принятые меры, в том числе отправка больных и ослабленных военнопленных на родину, позволили снизить заболеваемость и смертность военнопленных. Если за 3-ю декаду февраля 1946 г. в лагерях республики умерло 120 человек, то за 3-ю декаду марта — 85³⁶. На 1 апреля 1946 г. по физическому состоянию к первой и второй группам относились 14 407 военнопленных (56,9 % к списочному составу), а на 1 января 1947 г. — 14 880 человек (75,5 % к списочному составу)³⁷. В лагере № 120 в апреле 1946 г. умерло 54 человека, в мае — 42, в июне — 18³⁸.

В 1946 г. по распоряжению ГУПВИ происходит полное слияние спецгоспиталей с лагерями военнопленных, что позволило сократить расходы на охрану военнопленных. Хотя положение с оказанием медицинской помощи военнопленным значительно улучшилось, все же сказывалась нехватка лекарств и перевязочных средств, больничной одежды и постельного белья, квалифицированного медицинского персонала. Многие врачи и медсестры отказывались работать в спецгоспиталях и лазаретах. Чтобы предотвратить текучесть врачебных кадров, НКВД СССР еще в декабре 1945 г. запретил увольнение медработников из лагерей³⁹.

Врачи в большинстве своем делали все возможное для спасения жизни иностранных военнопленных, несмотря на то, что многие потеряли в войну родных и близких, несмотря на то, что еще недавно их пациенты держали в руках оружие, направленное против их страны. Однако имели место и случаи халатного, недобросовестного отношения медицинских работников лагерей к своим обязанностям. Так, в декабре 1945 г. начальник санитарной службы лагерного отделения «Ляскеля» лагеря НКВД № 166 послал для медицинского комиссования военнопленных зубного врача лагеря, совершенно

---

³⁵ Верхоглядов В. Секретный госпиталь // Петрозаводск. 1999. 12 марта.

³⁶ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 226, л. 7.

³⁷ Там же, д. 227, л. 165; д. 228, л. 40.

³⁸ Там же, д. 226, л. 32.

³⁹ Кузьминых А. Л. Медико-санитарное обслуживание военнопленных... С. 17.

некомпетентного в этом вопросе, в результате чего определение группы трудоспособности военнопленных производилось без их раздевания до пояса, просто по наружному виду, в одежде. По заключению зубного врача, все военнопленные оказались якобы «здоровыми» и были отнесены к первой группе, хотя среди них было много дистрофиков⁴⁰. Неоднократно выявлялись и факты несвоевременной доставки больных из лагерных отделений и лазаретов в спецгоспиталь, что повлекло за собой смерть военнопленных, а также случаи использования ослабленных военнопленных на тяжелых работах.

В начале 1947 г. вышел ряд директив МВД, направленных на оздоровление военнопленных: от 7 января 1947 г. о переводе военнопленных 3-й группы работоспособности в оздоровительные учреждения лагерей; от 27 января 1947 г. о принятии мер, направленных на сохранение физического состояния военнопленных; от 28 января 1947 г. о сохранении физического состояния контингента лагерей для военнопленных и недопущении роста заболеваемости и смертности среди них и др.

В соответствии с распоряжением министра внутренних дел СССР от 22 января 1947 г. во всех лагерных отделениях были назначены врачебно-трудовые комиссии для проведения комиссования военнопленных, в которые входили по 3 человека – начальник лагерного отделения, врач и нормировщик или инспектор по труду. Им вменялось в обязанность:

- а) при медицинском комиссовании военнопленных определять их действительное физическое состояние, не допуская искусственного занижения трудового фонда, или, наоборот, зачисления ослабленных в трудфонд;
- б) обязательно активировать результаты очередных медицинских комиссований военнопленных;
- в) при определении физического состояния военнопленных строго руководствоваться перечнем болезней и физических недочетов для отнесения военнопленных к соответствующей группе трудоспособности (директива УПВИ НКВД СССР от 17 июля 1942 г.);
- г) во время проведения медицинского комиссования назначать для каждого военнопленного тот или иной вид работы в соответствии с перечнем видов работ, изложенных в Инструкции управления лагеря «По трудоустройству военнопленных с указанием видов работ» от 23 апреля 1947 г.;

---

⁴⁰ АМВД РК, ф. 18, оп. 1, д. 35, л. 20–21.

д) систематически пересматривать установленные группы трудоспособности для военнопленных из числа не выполняющих производственных норм по состоянию здоровья: физически ослабленных, перенесших тяжелые заболевания или травмы, выявленных при медицинском контроле за трудоиспользованием и на амбулаторных приемах⁴¹.

Как показали проверки работы ряда лагерных отделений республики, их руководством часто не выполнялись директивы МВД СССР по повышению физического состояния военнопленных. Халатное отношение руководства лагерей к созданию надлежащих бытовых условий нередко являлось причиной заболеваний военнопленных. Так, в лагерном отделении «Петровский Ям» лагеря № 212 в марте 1947 г. осталось неизрасходованными по лимиту более 150 кг хлеба, которые не были распределены среди военнопленных. В этом отделении военнопленных, не выполнявших норм выработки, оставляли на работу еще на 2–3 часа, таким образом, их рабочий день составлял уже 10–11 часов⁴².

Руководство лагерей принимало меры по устранению подобных недостатков. Так, приказом по управлению лагеря военнопленных № 120 от 17 апреля 1947 г. об оздоровлении содержавшегося контингента военнопленных и недопущения впредь его ослабления запрещались пешие переходы военнопленных к объектам работ свыше 5 км, использование 3-й группы физического труда на тяжелых работах. Начальнику САНУ предписывалось обеспечить своевременную госпитализацию больных и установить систематический контроль за своевременной выпиской из лазарета и госпиталя выздоровевших⁴³.

В соответствии с директивой МВД СССР № 2 от 7 января 1947 г. 70 % военнопленных из 3-й группы трудоспособности были переведены в оздоровительные команды, с освобождением от физических работ на период с 20 января по 15 апреля, а остальная их часть использовалась на внутрилагерных работах в качестве obsługi и в закрытых помещениях⁴⁴. Был закрыт ряд неблагополучных лагерных отделений. Начальники лагерных отделений, допустившие ухудшение физического состояния военнопленных (№ 2, 3, 4 лагеря № 212

---

⁴¹ АМВД РК, ф. 20, оп. 18, д. 10, л. 45–45 об.

⁴² Там же, ф. 16, оп. 3, д. 20, л. 296.

⁴³ Там же, ф. 17, оп. 13, д. 5, л. 6.

⁴⁴ Там же, ф. 16, оп. 3, д. 19, л. 37.

и № 4 лагеря № 447), отстранены от занимаемых должностей, ряд руководящих работников лагерей понес административные и дисциплинарные взыскания⁴⁵.

Однако в ряде лагерных отделений высокой оставалась заболеваемость дистрофией. Так, в лагерном отделении Паданы лагеря № 212 из списочного состава 185 военнопленных было 38 дистрофиков, что составило 20,5 %; в лагерном отделении Маленга — из 375 — 36 дистрофиков (9,6 %), в Колежме — из 435 — 28 дистрофиков (6,4 %)⁴⁶. Даже в июне — июле 1948 г. из числа поступивших в спецгоспиталь № 5879 военнопленных 60 % были больны дистрофией и авитаминозом⁴⁷. В лагерях по-прежнему не хватало врачей. В первом квартале 1947 г. некомплект врачей по штатам лагерей составил 35 человек, из них по лагерям: № 120 — 12, № 166 — 6, № 212 — 13, № 447 — 4⁴⁸.

15 октября 1947 г. министр внутренних дел СССР С. Круглов направил специальное письмо министру внутренних дел КФССР генерал-майору Серебрякову по вопросу сохранения физического состояния военнопленных в осенне-зимний период 1947—1948 гг. и недопущения роста заболеваемости и смертности среди них. В письме подчеркивалось, что этот вопрос приобретает большое государственное и политическое значение ввиду предстоящей в 1948 г. репатриации военнопленных. В целях установления действенного контроля и обеспечения конкретного и оперативного руководства работой каждого лагерного отделения, министру внутренних дел республики предлагалось лично еженедельно проводить оперативные совещания, на которых тщательно разбирать данные о физическом состоянии военнопленных, вскрывать и изучать конкретные причины заболеваемости и смертности среди них за декаду, проводить в жизнь соответствующие мероприятия по наведению порядка в лагерях, добиваясь всемерного улучшения условий содержания военнопленных как основы сохранения физического состояния контингента⁴⁹.

Были приняты меры по предотвращению в лагерях МВД для военнопленных производственных травм, пищевых отравлений и острожелудочных заболеваний. Эта проблема оставалась острой, о чем

---

⁴⁵ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 265, л. 7.

⁴⁶ Там же, ф. 19, оп. 13, д. 14, л. 5 об.

⁴⁷ Подсчитано по: НА РК, ф. Р-2796, оп. 4, д. 2/9, л. 85.

⁴⁸ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 265, л. 13.

⁴⁹ Там же, ф. 68, оп. 2, д. 580, л. 151—155.

свидетельствует тот факт, что в 1947 г. от несоблюдения техники безопасности на производстве получили увечье 26 военнопленных, из них 4 случая со смертельным исходом (лагеря № 120, 166 и 212), отравились ядовитыми травами и грибами 10 военнопленных, из них 3 случая со смертельным исходом⁵⁰.

Улучшение жилищно-бытовых условий и питания военнопленных, проведение комиссования один раз в декаду и своевременный перевод из группы в группу, направление лучших производственников в комнаты отдыха и другие меры позволили добиться снижения смертности военнопленных: если в 1944 г. в целом по стране она составляла 8,8 % к общему числу военнопленных, то в 1945 г. — 4,0 %, в 1946 г. — 2,72 %, в 1947 г. — 0,61 %⁵¹. В первом квартале 1946 г. в лагерях Карело-Финской ССР умерло 1228 военнопленных (4,8 % к их общему числу), в первом квартале 1947 — 47 военнопленных (0,23 % к общему числу военнопленных), в первом квартале 1948 г. — 32 человека, (0,26 %) третьем квартале 1948 г. — 18 человек (0,24 %) ⁵².

Улучшилось и физическое состояние военнопленных. На 1 февраля 1947 г. в оздоровительной команде лагеря № 447 состояли 971 человек и в лазарете находились 89 человек, а на 1 июня 1947 г. в оздоровительной команде числились 178 и в лазарете — 74 человека⁵³. По лагерю военнопленных № 120 на 1 января 1948 г. к 3-й группе трудоспособности относилось 1425 человек, в оздоровительной команде насчитывалось 589 человек, а на 1 апреля того же года — соответственно 763 и 298. Несмотря на некоторое улучшение физического состояния военнопленных, число лазаретно-больных и находившихся в ОК все еще оставалось значительным. В первом квартале 1948 г. по лагерю № 120 эта категория военнопленных составляла 11,3 % к списочному составу, а по лагерю № 212 — 27 %⁵⁴.

Репатриация военнопленных на родину привела к сокращению объема работы, а затем и закрытию спецгоспиталей. Спецгоспиталь № 1755 был расформирован согласно приказу МВД СССР от 30 августа 1948 г. и приказу Министерства здравоохранения и МВД КФСР от 9 сентября 1948 г. Здания госпиталя были переданы Кемской

---

⁵⁰ АМВД РК, ф. 68, оп. 2, д. 195, л. 16.

⁵¹ Колеров М. Военнопленные в системе принудительного труда в СССР (1945–1950) // Отечественные записки. 2003. № 3 // Электронный ресурс: <http://www.strana-oz.ru>.

⁵² АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 265, л. 5.

⁵³ Там же, ф. 16, оп. 3, д. 19, л. 37; д. 20, л. 405.

⁵⁴ Там же, ф. 40, оп. 1, д. 265, л. 55.

городской больнице, а военнопленные, находившиеся на излечении (140 человек), — спецгоспиталю № 5879⁵⁵. Спецгоспиталь № 5879 расформирован по приказу Министерства здравоохранения СССР от 10 июня 1949 г. и приказу министра здравоохранения КФССР от 24 июня 1949 г. и с 30 июля 1949 г. считался расформированным⁵⁶.

Одним из сложных вопросов при исследовании проблемы иностранных военнопленных является выяснение вопроса о числе умерших. К сожалению, как справедливо отмечают исследователи, статистика НКВД-МВД в большинстве случаев не может дать исчерпывающего ответа на вопрос о количестве иностранцев, погибших в регионе, так как по вполне понятным причинам она фиксировала далеко не все случаи смертности узников войны. Определение окончательной цифры военнопленных, погибших в регионе, требует привлечения и сопоставления данных самых различных источников: сведений из отчетной документации органов и учреждений для содержания военнопленных, данных общего и персонального учета, документации войсковых соединений, учреждений здравоохранения, а также наркоматов, где использовался труд иностранных подданных.

Между тем выяснение числа погибших в плену иностранных военнопленных имеет важное не только научное, но и политическое значение. Составители фундаментального сборника документов «Военнопленные в СССР. 1939—1956» обоснованно полагают, что «именно показатели смертности, состояния здоровья, трудовой и культурной активности в плену, а также доля возвратившихся на родину являются интегрирующими показателями при оценке политической воли лидеров государств и реального поведения органов власти и управления, отвечавших за содержание военнопленных. И факты подтверждают высказанную точку зрения: из общей численности иностранных военнопленных в СССР в лагерях умерло 15, а в Германии — 57 %⁵⁷. В то же время, как подчеркивает В. П. Галицкий, причины смертности советских и немецких военнопленных были неодинаковы. Если подавляющее большинство немецких военнопленных умерло в плену в СССР естественной смертью (75—80 %), то подавляющее большинство советских военнопленных (около 85 %) — насильствен-

---

⁵⁵ НА РК, ф. Р-2796, оп. 4, д. 2/9, л. 135.

⁵⁶ Там же, д. 2/10, л. 58—60; д. 2/11, л. 5.

⁵⁷ Военнопленные в СССР 1939—1956. Документы и материалы... С. 11.

ной (физическая расправа, смерть от издевательств, увечий, медицинских и иных насильственных экспериментов и т. п.)⁵⁸.

Простудные заболевания, в том числе воспаление легких, дистрофия, дизентерия и другие желудочно-кишечные заболевания стали одной из главных причин высокой смертности военнопленных. Не последнюю роль играли также ранения и болезни, полученные в ходе боев, лишения в период многодневной транспортировки в лагеря ГУПВИ, несчастные случаи на производстве и в быту. Пагубно сказывались на здоровье военнопленных непривычные суровые климатические условия, некачественное и скудное питание, тяжелый физический труд.

Одним из малоисследованных аспектов проблемы иностранных военнопленных является вопрос об их захоронениях. Серьезного историко-ретроспективного анализа требует приведение в порядок сохранившихся кладбищ военнопленных или хотя бы символическое обозначение мест их захоронения, так как, несмотря на требования Женевской конвенции 1949 г., ратифицированной СССР в 1954 г. и говорившей о необходимости уважительного отношения к могилам иностранных военнослужащих, абсолютное большинство кладбищ как в масштабах страны, так и республики, в послевоенные годы было разрушено.

Учитывая, что умерших в ряде лагерей и госпиталей иногда хоронили в случайных, не отведенных для этих целей местах, 24 августа 1944 г. УПВИ НКВД СССР издало распоряжение «О захоронениях военнопленных». Документом предусматривалось отведение в непосредственной близости от лагеря или госпиталя специальных участков свободной земли для захоронения умерших военнопленных. Участки должны были огораживаться колючей проволокой и разбиваться на квадраты, в каждом из которых было 5 рядов могил по 5 могил в каждом ряду. На каждую могилу необходимо было установить опознавательный знак — прочный кол с прибитой к нему в верхней части дощечкой, на которой несмываемой краской указывались числителем номер могилы и знаменателем номер квадрата. Для учета умерших военнопленных и мест их захоронения необходимо было завести кладбищенскую книгу, в которую вносились следующие сведения об умерших военнопленных: фамилия, имя, отчество, год рождения, национальность, воинское звание, дата смерти и дата захоронения, номер могилы и номер квадрата, в котором захоронен труп умершего. К кладбищенской книге прила-

---

⁵⁸ Галицкий В. П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // СОЦИС. 1991. № 10. С. 50.

гался план кладбища с разбивкой его на квадраты, с указанием номеров квадратов и имеющихся могил. Дополнительно к этой книге оформлялась алфавитная книга, в которую на соответствующую букву заносилась фамилия и имя умершего и его порядковый номер, под которым он записан в кладбищенской книге⁵⁹.

В декабре 1945 г. было издано новое распоряжение ГУПВИ НКВД СССР «Об учете умерших военнопленных». В соответствии с ним из состава оперативных работников НКВД-УНКВД создавались специальные комиссии, которым поручалось на местах проверить порядок захоронений и состояние учета умерших. Директивой запрещалось захоронение трупов военнопленных в общие могилы (по несколько трупов в одну могилу) и без нательного белья. Умерших офицеров необходимо было хоронить в белье и в верхней одежде⁶⁰.

Следует отметить, что директивы НКВД, касающиеся порядка захоронения военнопленных, не всегда выполнялись на местах. В феврале 1946 г. в соответствии с указаниями ГУПВИ НКВД СССР в республике была осуществлена проверка порядка захоронения трупов военнопленных и интернированных и оформления на них документации. Проверка показала, что сотрудники лагерей нередко допускали грубейшие нарушения директив НКВД о порядке захоронения пленных. Зачастую погребения производились на участках земли без разрешения на то местных органов власти. Имели место случаи погребения нескольких человек в одну могилу, иногда не огораживалась территория кладбища, в отдельных лагерных отделениях не осуществлялся контроль за состоянием кладбищ, отсутствовал санитарный надзор при захоронении трупов военнопленных со стороны медицинских работников лагерей. Не на каждого умершего имелись акты о смерти и акты о захоронении⁶¹.

В выступлении председателя комиссии МВД КФССР по лагерю № 212 капитана Седых на совещании о работе лагерей для военнопленных, состоявшемся 27–28 мая 1946 г. в МВД КФССР, отмечалось, что в лагере вследствие плохого учета не были оформлены дела на 700 умерших, и установить их имена было очень трудно, так как при поступлении эшелона списки были составлены не на всех военнопленных⁶².

---

⁵⁹ Военнопленные в СССР... С. 462–463.

⁶⁰ Михеева Л. В. О захоронениях пленных Второй мировой войны в Центральном Казахстане // Электронный ресурс: Режим доступа: <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2005/miheeva-l.v.-karaganda-kazakhstan-o-zahoroneniayah>

⁶¹ АМВД РК, ф. 16, оп. 8, д. 16, л. 1.

⁶² Там же, ф. 40, оп. 1, д. 214, л. 146.

Согласно установленному порядку в каждом лагерном отделении республики заполнялась кладбищенская книга. В настоящее время они хранятся в архиве МВД по Республике Карелия. Кроме списков умерших по каждому кладбищу составлялись кладбищенские схемы. Территория каждого кладбища военнопленных разбивалась на квадраты по 25 могил в каждом. На каждого умершего военнопленного составлялись три акта: о смерти, о захоронении и о сдаче вещей умершего. Заключение о смерти было типовым и подписывалось представителями лагерной администрации и военнопленных.

В докладной записке и.о. начальника управления лагеря № 120 начальнику ОПВИ МВД КФССР в ноябре 1948 г. о состоянии кладбищ военнопленных сообщалось, что «за период существования лагеря № 120, т. е. с октября 1944 г. по 20 ноября 1948 г., было захоронено 1710 трупов военнопленных. Для захоронения трупов умерших было открыто 18 кладбищ, из числа которых 12 закрытых и 6 действующих. На всех могилах имелись опознавательные знаки, на которых в числителе отражен номер квадрата, а в знаменателе — номер могилы (за исключением кладбища в местечке Пески, которое заросло и не представлялось возможным определить его место расположения).

Закрытые кладбища ранее функционировавших лагерных отделений, переданных по актам в РО МВД, находились в следующих районах: на ст. Пай — 37 человек, на ст. Деревянка — 21, на ст. Пяжиева Сельга — 42, на ст. Кутижма — 35, на ст. Ильинское — 62, на ст. Вичка — 57, на Оленьих островах — 31. Таким образом, на закрытых кладбищах было захоронено 285 человек. Действовавшие на тот период времени кладбища располагались: в местечке Пески г. Петрозаводска — 229 человек, в районе пос. Северная точка — 259, в Кондопоге — 113. Всего на действующих кладбищах захоронен 601 военнопленный.

Кроме того, на закрытых кладбищах ранее функционировавших лагерных отделений, переданных для дальнейшего сохранения в РО МВД, были захоронены: в местечке Кривое Колено Прионежского района — 16 человек, в районе Лесного техникума г. Петрозаводска — 143, в пос. Соломенное — 6, на ст. Томицы — 10, в местечке Пески г. Петрозаводска — 649 человек»⁶³.

В целом же по лагерям иностранных военнопленных и спецгоспиталям, находившимся на территории республики, насчитывалось 5747

---

⁶³ АМВД РК, ф. 16, оп. 8, д. 60, л. 56–58.

захоронений (по базе данных АМВД РК – 5972 умерших военнопленных, примеч. автора), в частности:

лагерь № 212 – 16 кладбищ (2011 захоронений);

Спецгоспиталь № 4870 – (в районе пос. Пиндуши Медвежьегорского района) – 245; спецгоспиталь № 1755 (в пос. Вегеракша Кемского района – 75, в районе дер. Латушка Кемского района – 207);

лагерь № 166 – 4 кладбища (189 захоронений);

спецгоспиталь № 5879 – 3 кладбища (в пос. Подпорожье Пудожского района – 76, в урочище «Древлянка», г. Петрозаводск – 99, в районе «Пески», г. Петрозаводск – 63). Всего 238 захоронений;

лагерь № 447 – 10 кладбищ – 894 захоронения;

лагерь № 120 – 17 или 18 кладбищ – 1888 захоронений⁶⁴.

На территории г. Петрозаводска захоронения военнопленных иностранных государств производились в пяти районах города:

1. Местечко «Пески» с общим количеством захороненных 1070 человек (немцы, австрийцы, поляки, венгры, французы, югославы, румыны, чехи, эстонцы, норвежец);
2. Урочище «Древлянка» – 245 человек (немцы, австрийцы, поляки, венгры, французы, югославы, румыны, чехи, голландцы);
3. «Сулажгора» – 10 человек (только немцы);
4. «Северная точка», район ул. Ключевой – 259 человек (немцы, австрийцы, поляки, венгры, югославы, чехи);
5. «Соломенное» – 3 человека (только немцы).

В данных местах были захоронены военнопленные следующих государств: Германии – 1285 человек, Австрии – 105, Эстонии – 36, Румынии – 11, Венгрии – 111, Чехословакии – 18, Польши – 8, Югославии – 5, Голландии – 2, Франции – 5, Норвегии – 1⁶⁵.

До середины мая 1949 г. в соответствии с директивой Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР (ГУПВИ МВД СССР) от 24 августа 1944 г. сохранность кладбищ военнопленных обеспечивали лагерные подразделения, но уже весной 1949 г. в обстановке ускоренной ликвидации лагерей и спецгоспиталей надзор за ними по распоряжению министра внутренних дел был передан местным

---

⁶⁴ Из справок к описи ф. 16. Фотографии – фото – кладбища – 1967 и 1975 – Список кладбищ военнопленных, находящихся на территории Карелии с перечислением названий лагерных отделений и мест расположения кладбищ. С. 43–45.

⁶⁵ Из справок к описи ф. 16. Справка зам. управляющего делами МВД РК руководителю аппарата администрации Петрозаводска И. Э. Петрову. О местах захоронений военнопленных иностранных государств на территории г. Петрозаводска. 15.09.2003 г. С. 65–66.

органам МВД. В связи с приближением сроков окончания репатриации зам. министра внутренних дел СССР генерал-лейтенант И. А. Серов 24 мая 1949 г. обязал начальников управлений лагерей и спецгоспиталей для военнопленных привести все кладбища в надлежащий порядок и сдать их для осуществления дальнейшего надзора местным органам МВД. Документацию по учету захоронений военнопленных и интернированных предписывалось хранить в архивах МВД-УМВД на правах «совершенно секретных документов». Данное распоряжение МВД СССР было издано слишком поздно. К этому времени большая часть лагерей уже перестала существовать и готовить их кладбища к сдаче было просто некому. Фактически никакого надзора за кладбищами, за небольшим исключением, так и не было организовано. Не случайно в 1959 г. практически не осталось тех мест захоронений, которые можно было бы показать иностранцам. Поэтому на просьбу руководства ГДР о передаче ему списка обозначенных на территории СССР захоронений германских граждан МВД готово было предоставить информацию лишь о 50 кладбищах, на которых покоились останки около 30 тыс. немцев⁶⁶.

После окончательного расформирования лагерей и спецгоспиталей уход за кладбищами был поручен местным органам власти — городским и сельским советам. Из-за отсутствия у них средств на эти цели уход за кладбищами фактически не производился. По состоянию на 1 марта 1960 г. на территории КАССР находилось 28 кладбищ военнопленных и интернированных, состоявших на централизованном учете⁶⁷.

В 1967 и 1975 гг. по заданию МВД СССР проводились проверки состояния кладбищ военнопленных. К этому времени кладбища находились в заброшенном состоянии. Кладбища Медвежьегорского района уже в 1967 г. заросли густым лесом, там проходили автомобильные трассы, и населением были распаханы огороды. Кладбище лагерных отделений № 10 и № 12 «Лесной техникум» было расположено в урочище «Древлянка», в полутора километрах юго-западнее г. Петрозаводска, по шоссе Петрозаводск-Лососинное, здесь было захоронено 147 военнопленных. При обследовании в 1967 г. данного кладбища было установлено, что оно распахано под огороды

---

⁶⁶ Военнопленные в СССР 1939–1956. Документы и материалы... С. 40.

⁶⁷ Из справок к описи ф. 16. 14 мая 1975 г. Письмо зам. начальника ГУИТУ МВД СССР министрам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УВД крайоблисполкомов о предоставлении сведений о кладбищах военнопленных и интернированных. С. 35.

жителями города и под строительные площадки Петрозаводского механизированного лесхоза. Привести кладбище в надлежащий вид было уже невозможно.

По результатам проверки состояния кладбищ военнопленных на территории Карелии в 1975 г. было вынесено заключение, что «ни одно кладбище военнопленных за давностью лет не сохранилось и за ними никакого надзора не осуществляется. Могилы заросли травой, надгробные колышки, опознавательные знаки отсутствуют и не представляется возможным установить, где именно ранее были расположены могилы военнопленных»⁶⁸.

Долгое время статус воинских захоронений оставался неопределенным. Только в декабре 1992 г. было принято постановление Правительства России «О подписании соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германии об уходе за военными могилами в Российской Федерации и в Федеративной Республике Германии». Германия взяла на себя расходы по эксгумации захороненных на российской территории останков немецких военнослужащих, финансирование благоустройства мест их погребения в нашей стране и последующий уход. Для этого Россия предоставила безвозмездно, на неограниченный срок, землю. Кроме того, германская сторона обязалась за свой счет обеспечивать благоустройство и последующий уход за советскими военными захоронениями, находящимися на ее территории⁶⁹. Одновременно были заключены аналогичные соглашения между Россией, с одной стороны, и Италией, Венгрией, Польшей, Финляндией, Японией, с другой стороны. На основании постановлений Правительства Российской Федерации № 1026 от 23 октября 1995 г., № 33 от 13 января 1996 г. и № 1397 от 23 ноября 1996 г. работа по поиску и восстановлению кладбищ была возложена на Ассоциацию международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы»⁷⁰.

---

⁶⁸ Из справок к описи ф. 17. 13.01.03 г. Справка МВД Карелии в издательский дом «ПетроПресс» о лагере для военнопленных № 120. С. 41–44.

⁶⁹ Зиновьев И. Военнопленные на Урале // Электронный ресурс: <http://www.uralgalaxy.ru/literat/ug2/avstr1.htm>

⁷⁰ Кузьминых А. Л. Захоронения иностранных военнопленных Второй мировой войны на Европейском Севере России: проблемы сохранения и благоустройства // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 288–298.

В соответствии с обязательствами, взятыми на себя Российской Федерацией в ряде межправительственных соглашений о воинских захоронениях с Германией, Италией, Чехией и другими странами, в 1990-е – 2000-е гг. проводились работы по благоустройству кладбищ иностранных военнопленных. Во многих регионах представителями различных зарубежных стран установлены памятные мемориалы соотечественникам, умершим во время нахождения в плену. В Карелии памятные знаки установлены немецким и венгерским военнопленным, захороненным на кладбище «Пески» г. Петрозаводска, венгерским военнопленным на Сулажгорском кладбище (г. Петрозаводск), в г. Питкяранте и Медвежьегорске, в пос. Бочилово, Колово, Поршта, Подпорожье Пудожского района, на ст. Вирандозеро Беломорского района, ст. Деревянка и в Ладва-Ветке Прионежского района, военнопленным, умершим в спецгоспитале № 1755 в г. Кеми (пос. Латушка и Вегеракша) и др.⁷¹ Венгерское правительство взяло на себя финансирование работ по благоустройству захоронений военнопленных на кладбищах Пудожского лагеря № 447 – «Комендантское», «Бочилово», «Подпорожье», «9-й квартал» и др. Разработка проектов благоустройства была выполнена ассоциацией «Военные мемориалы»⁷².

Таким образом, приняв в свое ведение военнопленных, НКВД, заинтересованное в сохранении трудоспособности рабочей силы, взяло курс на ее оздоровление: расширялась сеть и вместимость госпиталей, создавались специальные оздоровительные лагерные отделения, увеличивались нормы питания для ослабленных, проводилась витаминотерапия и т. д. В результате этой деятельности улучшилось физическое состояние военнопленных.

Анализ заболеваемости и смертности военнопленных, содержащихся в лагерях Карело-Финской ССР, показал, что наиболее распространенными заболеваниями были: дистрофия, дизентерия, туберкулез и воспаление легких – следствия предварительного истощения и плохого питания, тяжелого труда в условиях сурового карельского климата. Администрация лагерей нередко умышленно завышала сведения о физическом состоянии военнопленных

---

⁷¹ Кладбища и памятные знаки венгерским военнослужащим на территории Российской Федерации // Электронный ресурс: <http://voennie-memorialy.ru/photo/list/1>

⁷² Мечта оккупанта. petrredsea. September 11th, 2011 // Электронный ресурс: <http://petrredsea.livejournal.com/21777.html>

в целях создания видимости благополучного положения в лагере, и они направлялись на тяжелую работу. К концу 1940-х гг. благодаря репатриации больных и ослабленных военнопленных на родину, улучшению жилищно-бытовых условий, питания и медицинского обслуживания удалось добиться снижения смертности среди военнопленных.

Однако около 6 тыс. иностранных военнопленных были захоронены в карельской земле. Из-за отсутствия надлежащего надзора и ухода за кладбищами уже к середине 1960-х гг. они заросли травой и кустарником и по существу не подлежали восстановлению.

Глава 7

РЕПАТРИАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И РАСФОРМИРОВАНИЕ ЛАГЕРЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ

Репатриация иностранных военнопленных началась сразу после окончания войны в Европе. По приказу НКВД СССР от 13 августа 1945 г. «Об освобождении части военнопленных из лагерей НКВД и спецгоспиталей» полностью освобождались и возвращались на родину военнопленные чехи, словаки, поляки и югославы. Затем следовали больные, нетрудоспособные и инвалиды других национальностей, самой многочисленной из которых были военнопленные-немцы¹. В первую очередь, к категории нетрудоспособных относились инвалиды, лица, страдающие туберкулезом и дистрофией, хирургические больные с незаживающими ранами. Не подлежали освобождению и отправлению домой, независимо от состояния здоровья, все выявленные участники зверств и лица, служившие в войсках СС, СД, СА и гестапо, руководящие члены фашистских партий и их организаций, а также осужденные в плену за совершенные преступления и др.²

В соответствии с директивами НКВД СССР из лагерей Вологодской и Архангельской областей, к примеру, в это время было репатрировано 11 686 пленных, в основном не пригодных по своему физическому состоянию к труду³. В Карело-Финской ССР в октябре 1945 г. были сформированы 6 вагонов (количество военнопленных не указано) для отправки ослабленного контингента военнопленных из лагеря № 120 на ст. Сигет (Румыния)⁴. За 4-й квартал 1945 г. в республику прибыло 5392 военнопленных, а убыло 3837, из них отправлено на родину 2755 человек⁵.

---

¹ Бугай Н. Репатриация военнопленных немцев из СССР в 40–50-е годы // Обозреватель № 3 (74) // Электронный ресурс: http://www.rau.su/observer/N03_96/index.htm

² Военнопленные в СССР 1939–1956... С. 800; Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда, 1996. С. 176–177.

³ Кузьминых А. Л. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР... С. 53.

⁴ АМВД РК, ф. 17, оп. 1, д. 26, л. 133.

⁵ Там же, ф. 40, оп. 1, д. 223, л. 156.

К концу 1945 г. из фронтовых и тыловых лагерей НКВД в целом по стране было освобождено и отправлено на родину более 1 млн больных и раненых военнопленных западных армий⁶.

Основные мероприятия по репатриации иностранных военнопленных начали осуществляться с 1946 г. Чтобы не нести расходы по содержанию нетрудоспособных, больных и инвалидов, Совет Министров СССР 18 июня 1946 г. принял решение об отправке на родину 150 тыс. больных и нетрудоспособных военнопленных немецкой и других западных национальностей⁷. В дальнейшем избавление от военнопленных этой категории происходило регулярно.

Отправка в свои страны военнопленных вражеских армий, находившихся в лагерях НКВД СССР, была возложена на органы репатриации, созданные в ходе войны с целью оказывать помощь гражданам союзных и нейтральных государств в возвращении на родину. Вначале репатриация касалась военнопленных отдельных национальностей (англичан, американцев, французов, голландцев и др.), а с мая 1947 г. на органы репатриации было возложено руководство репатриаций военнопленных и интернированных граждан всех иностранных государств⁸. Для передачи репатрируемых военнопленных были выделены специальные лагеря — № 36 в Сигете, № 176 в Фокшанах (оба в Румынии) и № 69 во Франкфурте-на-Одере (Германия).

Решение о репатриации принималось высшим исполнительным органом власти СССР и органами МВД СССР. Так, постановлением СНК СССР от 26 июня 1945 г. предусматривалась репатриация военнопленных французов; постановлением Совета Министров СССР от 13 мая 1947 г. — репатриация военнопленных венгров и австрийцев, приказом МВД СССР от 9 апреля 1948 г. — репатриация в 1948 г. румынских и венгерских военнопленных⁹. В списки на репатриацию разрешалось вносить только рядовой и унтер-офицерский состав. Отбором репатрируемых занимались специальные комиссии, куда не могли входить врачи из военнопленных.

Процессу репатриации придавалось большое государственное значение в условиях политической поляризации мира на две враждебные системы и начавшейся холодной войны. Вопрос о военнопленных стал

---

⁶ Военнопленные в СССР 1939–1956... С. 34, 136.

⁷ Там же. С. 37.

⁸ Там же. С. 965.

⁹ Там же. С. 965, 984–985.

одним из инструментов политической борьбы. В апреле 1947 г. в Москве состоялась конференция министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции, на которой было принято решение о завершении репатриации немецких военнопленных, находившихся на территории союзных держав, до 31 декабря 1948 г. Однако СССР не выполнил взятых на себя обязательств. На практике репатриация затянулась до весны 1950 г., а осужденные военнопленные и интернированные пробыли в СССР до конца 1956 г. Всего на 1 января 1950 г. из плена, по данным ГУПВИ, был освобожден, включая отпущенных на фронтах в 1945 г., 3 217 981 иностранный военнопленный¹⁰. 20 апреля 1953 г. в связи с завершением репатриации интернированных и основной массы военнопленных УПВИ и его отделы были ликвидированы, а их функции переданы Тюремному управлению МВД СССР¹¹.

Осуществление репатриации вызвало определенный подъем морального состояния военнопленных. В 1947–1948 гг. тема репатриации была в центре обсуждения в лагерях военнопленных в республике. Поскольку отправке подлежали, в первую очередь, ослабленные и больные военнопленные, этот факт вызвал у хорошо работавших военнопленных обиду и разочарование. В спецсообщении начальника отдела Управления лагеря № 212 заместителю министра внутренних дел Карело-Финской ССР 13 июня 1947 г. говорилось, что в связи с отправкой 11 июня 1947 г. на родину 57 военнопленных — ослабленных, больных и членов оздоровительных команд — настроение оставшихся в лагере военнопленных ухудшилось. Они считали отправленных на родину симулянтами, умышленно доведшими себя до истощения, в то время как хорошо работавшие и честно выполнявшие свой долг остались в лагере. В сообщении высказывалось опасение, что часть военнопленных также будет доводить себя до истощения, чтобы скорее уехать домой¹².

В документах архива МВД Республики Карелия приводятся такие высказывания военнопленных: «Я разочарован в том, что сейчас отправили больных, среди которых много лодырей. Теперь настроение и работоспособность оставшихся военнопленных будут хуже. Обещали отправить хороших работников, а вышло наоборот»; «Если еще одну зиму останусь в Карелии, для меня будет смерть. Лучше быть дистрофиком, есть шанс осенью попасть домой».

---

¹⁰ Военнопленные в СССР 1939–1956... С. 40.

¹¹ Там же. С. 41.

¹² АМВД РК, ф. 16, оп. 3, д. 20, л. 8.

Организации отправки иностранных военнопленных на родину уделялось особое внимание. Приказом МВД СССР от 21 марта 1947 г. и министра внутренних дел КФССР от 11 апреля 1947 г. была создана постоянно действующая комиссия по проверке эшелонов с заключенными и военнопленными, которая осуществляла проверку физического состояния и обмундирования перевозимого контингента, санитарного состояния эшелонов, оборудования и отопления вагонов, наличия продуктов питания и топлива, регулярности раздачи пищи и воды, правильности несения службы начальником эшелона и обслуживающей командой. Проверка оформлялась актом, копия которого с приложением объяснения начальника эшелона направлялась в ГУПВИ или ГУЛАГ МВД СССР (соответственно принадлежности эшелона)¹³.

Начиная с 1947 г. репатриация иностранных военнопленных на родину проводилась в плановом порядке, иногда целыми лагерными отделениями до полной ликвидации лагерей. Несмотря на проводимую репатриацию, число военнопленных, оставшихся на территории СССР, было еще значительным. В сентябре 1947 г. министр внутренних дел СССР С. Круглов, обращаясь с письмом к зам. председателя Совета Министров СССР В. Молотову, сообщал: «По состоянию на 1 сентября 1947 г. в лагерях МВД СССР для военнопленных, спецгоспиталях и рабочих батальонах МВС СССР содержится около 200 000 коечных больных и нетрудоспособных военнопленных бывшей немецкой армии. Потерявшие трудоспособность военнопленные занимают благоустроенные помещения, отвлекают на себя значительные усилия по хозяйственному и медицинскому обслуживанию и вызывают большие невосполнимые расходы по питанию и вещевому довольствию». В письме содержалась просьба разрешить «репатриировать в Германию в октябре 1947 г. — марте 1948 г. 100 000 граждан Германии». По распоряжению Совета Министров СССР и на основании приказа МВД СССР от 15 октября 1947 г. репатриацию указанных военнопленных немцев было решено произвести в октябре 1947 г. в количестве 25 000 человек и в период с ноября 1947 г. по март 1948 г. по 15 000 человек ежемесячно. Контингент предполагалось расселить в зоне советских оккупационных войск¹⁴.

---

¹³ АМВД РК, ф. 68, оп. 2, д. 160, л. 25.

¹⁴ Бугай Н. Репатриация военнопленных немцев из СССР в 40–50-е годы // Электронный ресурс: http://www.rau.su/observer/N03_96/index.htm

Во второй половине 1947–1948 гг. темпы репатриации, а, соответственно, и ликвидации лагерных отделений нарастали. Основная часть австрийских военнопленных была репатриирована из Карело-Финской ССР в течение августа–декабря 1947 г. Из лагеря № 212 все австрийцы (на 1 июля 1947 г. их насчитывалось 372 человека) были отправлены 7 сентября 1947 г. на родину через лагерь репатриированных № 36¹⁵.

По приказу МВД СССР от 1 сентября 1947 г. был расформирован Пудожский лагерь, закрывшийся 1 декабря. Лагерь № 166 был расформирован по приказу МВД СССР от 2 марта 1948 г. Военнопленные Пудожского и Питкярантского лагерей были переданы лагерю № 120¹⁶.

Пудожский краевед Е. Г. Нилов так вспоминал о репатриации немцев из Пудожского лагеря на родину: «Во второй половине 1947 г. в лагере наступили разительные перемены... Из Петрозаводска доставили большое количество трофейного обмундирования и обуви, и бывшие военнопленные преобразились на глазах. Резко улучшилось и питание. Однажды в августовский день колонна грузовых машин, заполненных стоящими в рост людьми в немецкой военной форме, потянулась через город в Подпорожье, где их ждали баржи. Оставив свои домашние адреса сотрудникам лагеря, которых они уважали, пригласив их когда-нибудь приехать в гости, они в последний раз смотрели на опостылевшие им улицы Пудожа, дружно и радостно галдели, навсегда покидая этот суровый край. Последними уезжали старшие офицеры. В кабинете начальника лагеря по русскому обычаю накрыли стол – на дорожку, «на посошок». Обратившись к немцам, начальник лагеря сказал: «И вы, и мы – солдаты своих армий. Каждый из нас выполнял свой приказ и свой воинский долг как мог. Не поминайте нас лихом. Счастливой вам дороги!»¹⁷.

При ликвидации лагерей числившиеся за ними помещения, как правило, передавались хозяйственным органам, а продовольствие, вещевое имущество и другие материальные ценности – Управлению исправительно-трудовых лагерей МВД республики.

За второй квартал 1948 г. в целом по всем лагерям республики было репатриировано 3774 человека¹⁸. В мае 1948 г. закрылось лагерное

---

¹⁵ АМВД РК, ф. 19, оп. 13, д. 14, л. 174.

¹⁶ Там же, ф. 17, оп. 11, д. 17, л. 98-а, 98-б; оп. 14, д. 5, л. 4; ф. 40, оп. 1, д. 265, л. 24.

¹⁷ Нилов Е. Г. Лагерь № 447... С. 145.

¹⁸ АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 271, л. 282.

отделение № 2 (Соломенное), а в августе того же года — лагерное отделение № 3 (Сулажгора) лагеря военнопленных № 120.

14 июня 1948 г. из лагеря № 212 были отправлены 1600 военнопленных немцев, в том числе по чинам: майоров — 3 человека, капитанов — 6, ст. лейтенантов — 5, лейтенантов — 3, унтер-офицеров — 390, рядовых — 1193. В числе отправленных на родину находились 92 члена антифашистского актива и 9 лучших производственников. По своему физическому состоянию отправленный контингент подразделялся на: больных — 139, инвалидов и ослабленных — 192, 3-й категории трудоспособности — 1185, 2-й — 79, 1-й — 5¹⁹.

24 июня 1948 г. приказом по лагерю № 120 были организованы отбор и подготовка к отправке в порядке репатриации военнопленных австрийской, венгерской и румынской национальностей²⁰. 4 июля 1948 г. из лагеря № 212 в лагерь органов репатриации № 36 (г. Сигет — Румыния) был отправлен эшелон, в котором следовали на родину 531 военнопленный венгерского (488 человек), чехословацкого (38) и югославского (5) гражданства, в том числе по состоянию здоровья: 1-й категории — 116, 2-й — 204, 3-й — 138, оздоровительная команда и ослабленные — 40, лазаретно-больные — 28. Кроме того, до ст. Петрозаводск направлены 130 венгров румынского гражданства, подлежащих отправке в лагерь для репатриированных № 176 (г. Фокшаны, Румыния). 4 августа 1948 г. из лагеря № 212 отправлены в лагерь для репатриированных № 69 во Франкфурте-на-Одере 150 военнопленных немцев, а 10 сентября — еще 100 военнопленных немцев, из них 25 — из спецгоспиталя № 1755²¹. Лагерь № 212 был расформирован по приказу НКВД СССР от 11 сентября 1948 г. и его контингент передан лагерю № 120, а спецгоспиталь № 1755 в г. Кеми — по приказу НКВД СССР от 30 августа 1948 г.

9 февраля 1949 г. закрылось лагерное отделение № 3 «нефтебаза» лагеря № 120, контингент которого в количестве 640 человек отправлен в лагерь МВД СССР № 414 в г. Запорожье, а остальные военнопленные (60 человек) переданы в действующие лагерные отделения лагеря № 120²². В марте расформированы лаготделения «Харлу», «Суоярви», «Кондопога» и подкомандировка в г. Сегеже.

---

¹⁹ АМВД РК, ф. 19, оп. 14, д. 11, л. 11

²⁰ Там же, ф. 17, оп. 14, д. 4, л. 11.

²¹ Там же, ф. 19, оп. 14, д. 11, л. 52, 74, 105.

²² Там же, ф. 16, оп. 6, д. 19, л. 49.

17 апреля военнопленные этих лаготделений отправлены на родину. В апреле 1949 г. было расформировано лагерное отделение № 1 «Кукковка», контингент которого в количестве 1598 человек, включая 200 военнопленных из лагерного отделения № 4 «Северная точка», репатрирован на родину²³.

Отправка военнопленных на родину тщательно готовилась. Так, приказами министра внутренних дел КФССР от 2 марта и управления лагеря для военнопленных № 120 от 5 марта 1949 г. о подготовке к отправке 16–17 марта 1949 г. эшелона с репатрируемыми немцами-военнопленными (1693 человека) предусматривались меры по обеспечению эшелона доброкачественными продуктами питания на путь следования на 10 суток строго по норме приказа № 0751 МВД СССР, не допуская никаких заменителей; по приведению в порядок обмундирования и обуви военнопленных; обеспечению эшелона нарами, печами, топливом, медикаментами; оборудованию пищеблока; санитарной обработке военнопленных со сменой белья; организации в лагерных отделениях перед отправкой военнопленных ларьков с продовольственными и промышленными товарами, чтобы военнопленные могли израсходовать имеющиеся у них деньги и т. д. Для проведения политической работы на каждый вагон предусматривалось выделить одного агитатора, подобрав их заранее и проинструктировав по содержанию работы в пути следования. Заместителю начальника эшелона по политчасти предписывалось вручить для передачи представителям ГУПВИ в лагере репатриации во Франкфурте-на-Одере список антифашистского актива с указанием адреса местожительства и на какой политической работе в стране они могут быть использованы, а также список военнопленных, которые за время пребывания в плену получили производственную квалификацию, с указанием, какую именно. Перед отправкой эшелона рекомендовалось провести митинги с репатрируемыми, чтобы инициатива их проведения исходила от самих военнопленных. Непосредственно перед посадкой в вагоны надлежало провести обыск с целью изъятия скрытой валюты, а также документов и записей, содержащих секретные сведения, которые могли быть использованы против СССР²⁴.

По состоянию на 1 апреля 1949 г. в республике оставалось только одно лагерное отделение № 4 «Северная точка» лагеря № 120,

---

²³ АМВД РК, ф. 16, оп. 6, д. 19, л. 48, 49.

²⁴ Там же, ф. 17, оп. 25, д. 3, л. 2–3; ф. 68, оп. 2, д. 204, л. 130.

насчитывавшее 1282 человека, в том числе немцев – 1123, австрийцев – 156, венгров – 2, чехов – 1²⁵. Оно было расформировано в июле 1949 г. 910 военнопленных 13 июля 1949 г. отправлены эшелонами в лагерь органов репатриации № 69 во Франкфурт-на-Одере. 16 военнопленных в соответствии с распоряжением ГУПВИ МВД СССР переданы в распоряжение УМВД Ленинградской области, а 9 человек в связи с привлечением их к уголовной ответственности содержались под стражей в тюрьме № 1 МВД КФССР и числились за Военным трибуналом войск МВД КФССР²⁶. По приказу НКВД СССР от 20 июня 1949 г. был расформирован спецгоспиталь № 5879. Завершение процесса репатриации означало ликвидацию системы УПВИ-ГУПВИ в республике.

Таким образом, формирование и развитие лагерей для военнопленных происходило в республике одновременно с начавшимися процессами постепенной репатриации военнопленных на родину. В первую очередь, репатриации подлежали больные и ослабленные военнопленные. Тем самым государство снимало с себя расходы на их содержание. Однако это вызвало недовольство со стороны военнопленных, которые хорошо работали и надеялись на то, что их отправят на родину одними из первых. Сам процесс репатриации носил политический характер. СССР показывал тем самым готовность выполнить принятые на себя обязательства и в то же время рассчитывал на использование военнопленных коммунистов и антифашистов в качестве опоры в процессе демократизации политических режимов на их родине.

---

²⁵ АМВД РК, ф. 16, оп. 6, д. 19, л. 50.

²⁶ Там же, ф. 40, оп. 1, д. 305, л. 1–1 об.

Заключение

В послевоенные годы в силу удобного географического положения и накопленного в 1920–1930-е гг. в Карелии опыта по функционированию исправительно-трудовых лагерей республика вновь стала местом расположения значительных контингентов принудительного труда, в том числе спецпереселенцев и иностранных военнопленных. Причиной тому было большое значение для страны индустриальной базы республики, особенно лесозаготовительной промышленности; огромный ущерб, причиненный экономике и населению края за время оккупации значительной территории; крайний дефицит рабочей силы. К октябрю 1945 г. в республику вернулось менее половины эвакуированного населения.

Наращивание объемов лесозаготовок должно было осуществляться без участия такого крупного заготовителя, как Беломорско-Балтийский комбинат НКВД, который к началу 1940-х гг. давал более половины всей заготовленной в республике древесины. В то же время лесная промышленность республики в 1946 г. насчитывала в три раза меньше постоянных рабочих чем в 1940 г. Из 30 тыс. спецпереселенцев — «бывших кулаков», проживавших в республике накануне Великой Отечественной войны, после войны осталось немногим более 3 тыс. Реевакуация же «бывших кулаков» в республику оказалась трудноразрешимой.

Выход в решении проблемы дефицита рабочей силы в республике был найден за счет поступления в Карелию новых партий спецпереселенцев, а также иностранных военнопленных и заключенных. На смену спецконтингенту «бывшие кулаки» приходят новые категории спецпоселенцев — около 9 тыс. «власовцев», «указников», «немцев», также внесших немалый вклад в хозяйственное развитие края. В отличие от многих других областей и республик страны высылка депортированных по национальному признаку в Карелию не получила широкого распространения, что объяснялось пограничным расположением республики. Здесь содержались лишь незначительные контингенты репатриированных немцев (бывших граждан СССР) и представителей других национальностей. Если в других областях и республиках Европейского Севера (Коми АССР, Архангельской и Вологодской областях) преобладающей в количественном отношении категорией спецпоселенцев являлись немцы, то в Карело-Финской ССР — «власовцы». В отличие от названных регионов в Карелии не было спецпоселенцев «оуновцев», зато в единственной из республик и областей Европейского Севера здесь находились спецпоселенцы-«указники».

Особенностью послевоенного спецпоселения в республике являлось то, что спецпереселенцы размещались не в спецпоселках, как до войны, а небольшими группами среди местного населения. К тому же в Карелии не использовались исправительно-трудовые лагеря и спецстройки МВД в качестве места жительства «бывших кулаков».

В послевоенные годы режим спецпоселения в республике получил свое дальнейшее развитие и укрепление: происходит оформление нормативно-правовой и организационной базы системы спецпоселений, юридическое закрепление статуса спецпереселенцев, ужесточение режима проживания. Отсутствие свободы передвижения и невозможность выбора места работы, ограниченность доступа к медицинским услугам и получению высшего образования, разъединение семей, попавших в разные области и республики, лишение ряда социальных льгот ставили спецпереселенцев в особое, маргинальное положение в социальной структуре послевоенного советского общества.

Быт всех категорий спецпоселенцев долгое время оставался неустроенным, однако подобные недостатки были характерны и для постоянных кадров, а также прибывших в республику по организованному набору и промышленному переселению рабочих.

Основной сферой применения сил спецпоселенцев в Карелии являлись лесозаготовки, целлюлозно-бумажная промышленность, промышленность строительных материалов, речной транспорт. Форсированное развитие лесозаготовительной промышленности привело к возникновению сети лесных поселков, часть которых создавалась при непосредственном участии спецпоселенцев.

Наиболее многочисленным контингентом принудительного труда в первые послевоенные годы в республике являлись иностранные военнопленные, доля которых в общей численности рабочих и служащих Карело-Финской ССР в 1946 г. составляла 15,4 %, (в целом по СССР — 6,3 %). В республике функционировали 4 лагеря для военнопленных: в районе Сегежи (№ 212), Петрозаводска (№ 120), Питкяранты (№ 166) и Пудожя (№ 447), которые насчитывали в разные годы до 26 тыс. человек. Одной из отличительных особенностей лагерей для иностранных военнопленных в Карелии стало то, что они фактически заменили собой лагеря ГУЛАГа, контингент которых был в годы войны эвакуирован в другие лагеря страны.

Правовой статус военнопленных, в сравнении с другими категориями принудительного труда в большей степени определялся законодательными актами и международными правовыми нормами. В силу

удаленности многих лагерных отделений от населенных пунктов и основных железнодорожных магистралей, наличия в республике преимущественно не крупных предприятий режим лагерной жизни здесь был относительно более мягким, многие военнопленные были расконвоированы и трудились вместе с вольнонаемными рабочими.

Несмотря на существенные различия в правовом положении иностранных военнопленных и спецпоселенцев, между ними было и сходство: те и другие находились в зависимости от администрации лагерей и спецкомендатур и не имели возможности покинуть место жительства. В то же время, несмотря на всевозможные правовые ограничения, спецпереселенцы не являлись заключенными и формально не считались репрессированными, но фактически являлись таковыми.

Особое внимание в организации лагерной жизни уделялось политической работе, призванной сыграть определенную роль в формировании позитивного отношения иностранных военнопленных к Советскому Союзу, а также использовании коммунистов и антифашистов в качестве опоры в процессе демократизации политических режимов на их родине.

Большая часть военнопленных трудилась в лесозаготовительной и целлюлозно-бумажной промышленности и на восстановлении столицы КФССР – г. Петрозаводска. Они использовались на эксплуатационно-строительных и монтажных работах на многих предприятиях, участвовали в строительстве жилищного фонда, служебных зданий культурно-просветительных учреждений, административно-хозяйственных и торговых организаций, предприятий коммунального хозяйства, дорог. Однако на многих объектах труд военнопленных использовался неэффективно из-за недостатков в его организации.

Иностранные военнопленные в полной мере испытали всю тяжесть социально-экономического положения, сложившегося в России после окончания войны. «Военнопленные не могли жить в ином режиме, чем жило то общество, в котором они оказались»¹. Система питания, различных надбавок жестко увязывалась с выполнением производственных норм. Тем не менее СССР, население которого само испытывало тяготы и лишения, старался создать в местах содержания военнопленных по возможности сносные условия жизни. Улучшалось медицинское обслуживание, расширялась сеть и вместимость

---

¹ Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг. С. 4.

госпиталей, создавались специальные оздоровительные лагерные отделения. В 1949 г. последние военнопленные покинули республику. Однако около 6 тыс. иностранных военнопленных не смогли пережить плен и были захоронены в карельской земле.

Таким образом, отсутствие в арсенале советского хозяйства подлинно экономических методов развития предопределило широкое применение так называемых «внеэкономических методов», лежавших в основе ГУЛАГа, ГУПВИ и системы спецпоселения. Наличие спецконтингента позволило руководству СССР оперативно сосредоточивать его на тех участках и направлениях, где ощущался острый дефицит рабочей силы.

Анализ архивных документов свидетельствует о том, что применение принудительного труда играло существенную роль в экономическом возрождении Карелии. Однако по целому ряду причин трудно определить конкретный вклад спецконтингента в развитие экономики республики. Прежде всего, это связано с тем, что предприятия не вели раздельного учета выполненных работ по вольнонаемным рабочим, военнопленным и спецпереселенцам.

С точки зрения общечеловеческих ценностей никакие экономические «плюсы», которые дало применение принудительного труда, не могут оправдать крупных социальных издержек, демографических, интеллектуальных и трудовых потерь. Начавшийся в середине 1950-х гг. процесс либерализации политической жизни в стране привел к разрушению спецпоселенческой системы вследствие ее экономической, политической и социальной несостоятельности.

Список использованных источников и литературы

Архивные источники

- Национальный архив Республики Карелия
Ф. П-3 – Карельский обком КПСС
Ф. П-8 – ЦК КП(б) Карело-Финской ССР
Ф. Р-178 – Городская плановая комиссия Петрозаводского горсовета
Ф. Р-460 – Петрозаводский горсовет
Ф. П-613 – Сегежский райком партии
Ф. Р-753 – трест «Севкареллес»
Ф. Р-862 – «Спецторг» МВД КФССР
Ф. Р-1009 – трест «Южкареллес»
Ф. Р-1215 – Президиум Верховного Совета КФССР
Ф. П-1230 – Петрозаводский горком партии
Ф. П-1305 – Пудожский райком партии
Ф. Р-1394 – Совнарком (Совет Министров) КФССР
Ф. Р-1411 – Статистическое управление КФССР
Ф. Р-1604 – Прокуратура КФССР
Ф. Р-1654 – Наркомат (Министерство) совхозов КФССР
Ф. Р-1677 – Пудожский леспромхоз
Ф. Р-1831 – Министерство сельского хозяйства КФССР
Ф. Р-1960 – Трест «Карелдрев»
Ф. Р-1982 – Республиканский строительный трест Наркомата коммунального хозяйства
Ф. Р-2044 – Промстройтрест
Ф. Р-2716 – Наркомат лесной промышленности КФССР
Ф. Р-2717 – Госплан при СНК (Совете Министров) КФССР
Ф. Р-2796 – Министерство здравоохранения КФССР
Ф. Р-2832 – Главное управление по жилищно-гражданскому строительству при Совете Министров КФССР
Ф. Р-2836 – трест «Кареллесосплав»
Ф. Р-2837 – Государственный общестроительный трест Наркомата лесной промышленности КФССР
Ф. Р-2838 – трест «Медвежьегорсклес»
Ф. Р-2916 – Управление по делам строительства и архитектуры КФССР (КАССР)
Ф. Р-2947 – Пудожский лесокомбинат
Ф. Р-2979 – трест «Запкареллес»
Ф. Р-2839 – трест «Главкареллес»
Ф. Р-3086 – трест «Сегежлес»
Ф. Р-3149 – Управление по переселению и организованному набору рабочих при Совете Министров КФССР
Ф. Р-3435 – Личный фонд Г. Н. Куприянова

Ф. Р-6199 – Республиканский комитет профсоюза рабочих леса и сплава КФССР

Карельский государственный архив новейшей истории
Ф. 8 – ЦК КП(б) КФССР

Архив МВД по Республике Карелия (АМВД РК)
Ф. 3 – Отдел спецпоселений НКВД (МВД) КФССР
Ф. 4 – 1-й спецотдел НКВД (МВД) КФССР
Ф. 10 – Материалы отдела ИТЛ МВД КФССР
Ф. 16 – Отдел по делам военнопленных и интернированных (ОПВИ) НКВД (МВД) КФССР
Ф. 17 – Управление лагеря для военнопленных № 120 МВД КФССР
Ф. 18 – Управление лагеря для военнопленных № 166
Ф. 19 – Управление лагеря для военнопленных № 212
Ф. 20 – Управление лагеря для военнопленных № 447
Ф. 35 – Отдел кадров НКВД (МВД) КФССР
Ф. 40 – Секретариат НКВД (МВД) КФССР
Ф. 68 – Коллекция приказов и указаний МВД КФССР
Ф. 69 – Личные дела «бывших кулаков», «указников» и «власовцев»

Материалы периодической печати

Карелия. 1995 г.
Ленинское знамя. 1945–1953 гг.
Новая Кондопога. 2004 г.
Петрозаводск. 1985, 1995, 1999 гг.

Воспоминания. Устные источники

Верхогляд В. Секретный госпиталь // Петрозаводск. 1999. 12 марта.
Воспоминания А. Д. Вересова. 22 января 2013 г. Из личного архива Л. И. Вавулинской.
Гордиенко А. Гейнрих Граф: «Я делал доброе дело». Как работали немецкие военнопленные в Петрозаводске // Петрозаводск. 1995. 7 июля.
Евсеева Д. «Мы есть просто солдаты...» // Карелия. 1995. 23 февраля.
Интервью с Иваном Емельяновичем Гуровым, 1911 г. р. Записала А. Т. Запеевалова, г. Кондопога, 2008 г.
Интервью с Елизаветой Ивановной Гарцуло (Квасниковой), 1922 г. р. Записала А. Т. Запеевалова, г. Кондопога, 2008 г.
Интервью с Ниной Николаевной Андреевой, 1928 г. р. Записала А. Т. Запеевалова, г. Кондопога, 2008 г.
Интервью с Павлом Лаврентьевичем Дубиной. Записала А. Т. Запеевалова, г. Кондопога, 2008 г.

Интервью с Яковом Наумовичем Бравым, 1918 г. р. Записала Л. И. Вавулинская. 2009 г.

Интервью с Анатолием Михайловичем Гудковым, 1929 г. р. Записала Л. И. Вавулинская. 2010 г.

Интервью с Г. Д.*, 1920 г. р. Записала Л. И. Вавулинская. 2010 г. (*По просьбе интервьюируемого не указаны фамилия, имя, отчество).

Интервью с Маргаритой Николаевной Постниковой, 1932 г. р. Записала Л. И. Вавулинская. 2012 г.

Как это было с Сергеем Хорошавиным // Вести. 2002. 17–23 июля.

Нилов Е. Лагерь № 447 // Север. 1995. № 4–5. С. 137–145.

Спектор Т. Блöz военнопленных // Петрозаводск. 1999. 2 июля.

Фритцше К. Вынужденная посадка: записки военнопленного [пер. с нем. К. Фритцше]. М., 2006.

Документальные публикации

Венгерские военнопленные в СССР. Документы 1941–1953 гг. М., 2005.

Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы / Под ред. проф. М. М. Загорюлько. М., 2000.

Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР (1940–1950-е годы): документы, факты, комментарии. М., 2001.

«Военнопленные ознакомились с методами социалистического строительства»: Докладная записка МВД СССР // Источник. М., 1999. № 1. С. 83–88.

ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. Серия: Россия. XX век. Документы / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2002.

ГУЛАГ в Карелии. 1930–1941 гг.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1992.

Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 гг.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1991.

Иосиф Сталин – Лаврентию Берия: «Их надо депортировать ...»: документы, факты, комментарии / Сост. Н. Ф. Бугай. М., 1992.

История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / Сост. В. А. Ауман, В. Г. Чеботарева. Т. 1. М., 1993.

История сталинского ГУЛАГА: конец 1920-х – первая половина 1950-х гг.: собрание документов в 7 т. М., 2004. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. М., 2004; Т. 3: Экономика ГУЛАГА. М., 2004; Т. 4: Население ГУЛАГА: численность и условия содержания. М., 2004; Т. 5: Спецпереселенцы в СССР. М., 2004.

Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917 – 1960: справочник / Сост., введ. и примеч. А. И. Кокурина, Н. В. Петрова. М., 1997.

«Мобилизовать немцев в рабочие колонны...И. Сталин». Сб. документов (1940-е годы) / Сост. Н. Ф. Бугай. М., 1998.

Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики, 1941–1956 гг. Петрозаводск, 1999.

Немецкие военнопленные в СССР 1941–1955 гг.: Сб. документов и материалов. М., 2002.

Особые папки. Рассекреченные документы партийных органов Карелии. 1930–1956 гг. Петрозаводск, 2001.

Реабилитация: как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: В 3 т. М., 2000.

Реабилитация народов и граждан. 1954–1994. Документы. М., 1994.

Реабилитация народов России: Сб. док. М., 2000.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий: В 2 ч. / Под общ. ред. Г. Ф. Весновской. Курск, 1999.

Советы Карелии, 1917–1992: Док. и материалы. Петрозаводск, 1993.

Советская жизнь, 1945–1953. Сб. док. / Сост. Е. Ю. Зубкова и др. М., 2003. 40 лет Карельской АССР: Стат. сб. Петрозаводск, 1960.

40–50-е годы: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД–МВД СССР) / Сост. Н. Ф. Бугай // История СССР. 1992. № 1. С. 122–143.

Сталинские депортации, 1928–1953 / Сост.: Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М., 2005.

Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953. Серия: Россия. XX век. Документы. М., 2005.

Литература

Аксютин Ю. В., Волобуев О. В. XX съезд КПСС: новации и догмы. М., 1991.

Безбородова И. В. Иностранцы военнопленные и интернированные в СССР: Из истории деятельности Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР в послевоенный период (1945–1953 гг.) // Отечественная история. 1997. № 5. С. 165–173.

Безбородова И. В. Военнопленные Второй мировой войны: Генералы вермахта в плену. М., 1998.

Белковец Л. П. Правовые аспекты национальной политики СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие // Государство и право. 2006. № 5. С. 106–113.

Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Историко-правовое исследование. 2-е изд. М., 2008.

Бердинских В. А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005.

Бердинских И. В. Особенности формирования инфраструктуры системы спецпоселений в СССР в 1930–1940-х гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ижевск, 2007.

Бондаренко Е. Ю. Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России: (1914–1956). Владивосток, 2002.

Бравый Я. Н. Времена и законы: Карельская хроника. Петрозаводск, 2003.

Бруль В. И. Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.). Сравнительный анализ // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 95–118.

Бугай Н. Ф. К вопросу о депортациях народов СССР в 30–40-х годах // История СССР. 1989. № 6. С. 135–143.

Бугай Н. Ф. Север в политике переселения народов // Север. 1991. № 4. С. 92–98.

Бугай Н. Ф. Конец 30-х – 40-е годы. Европейский Север: депортация народов // Национальные отношения в Коми АССР: история и современность. Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра АН СССР. Сыктывкар, 1991. Вып. 52. С. 84–97.

Бугай Н. Ф. 40–50-е годы: последствия депортации народов (свидетельствуют архивы НКВД-МВД СССР) // История СССР. 1992. № 1. С. 122–143.

Бугай Н. Ф. 20–40-е годы: депортация населения с территории Европейской России // Отечественная история. 1992. № 4. С. 37–49.

Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995.

Бугай Н. Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века): Книга-мониторинг. М., 2006.

Букин С. С. В чужой земле: Памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944–1948 гг. Новосибирск, 2000.

Вавулинская Л. И. Органы управления спецпоселками в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. // Материалы II межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 85-летию образования Министерства внутренних дел по Республике Карелия (4–5 сентября 2008 года). Петрозаводск, 2008. С. 99–104.

Вавулинская Л. И. Цензура в лагерях иностранных военнопленных во второй половине 1940-х гг. (по материалам Карелии) // Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов. Вып. 4. СПб., 2008. С. 185–195.

Вавулинская Л. И. Принудительный труд в Карелии в послевоенные годы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 5 (98). Февраль, 2009. Серия: Общественные и гуманитарные науки. С. 15–23.

Вавулинская Л. И. Спецпереселенцы (бывшие кулаки) в Карелии в 1944–1947 гг. // Политические репрессии и сопротивление несвободе. Материалы Всероссийской науч. конф. (Сыктывкар, 29–31 октября 2007 г.). Сыктывкар, 2009. С. 33–36.

Вавулинская Л. И. Численность и категории спецпоселенцев в Карелии в 1944 – середине 1950-х гг. // Историческая демография. Научный журнал. 2009. № 2 (4). М.; Сыктывкар, 2009. С. 60–63.

Вавулинская Л. И. Спецпоселенцы «указники» в Карелии в 1948–1956 гг. // Двинская земля. Вып. 6. Материалы шестых межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений, посвященных 85-летию Котласского района, 10-летию движения краеведов «Северное трехречье». 21–22 марта 2009 года. Котлас, 2010. С. 187–196.

Вавулинская Л. И. Хозяйственная адаптация спецпоселенцев в Карелии во второй половине 1940-х – середине 1950-х гг. // Человек, его биологическая и социальная история. Труды Международной конференции, посвященной 80-летию академика РАН В. П. Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения). г. Москва, 9–12 ноября 2009 г. В 2-х т. Т. 2. М.; Одинцово, 2010. С. 246–250.

Вавулинская Л. И. Трудовое использование иностранных военнопленных в Карелии в послевоенные годы (1944–1949) // Историк и его время. Памяти профессора В. Б. Конасова. Сборник научных статей. Вологда, 2010. С. 244–250.

Вавулинская Л. И. Иностранные военнопленные в Карелии во второй половине 1940-х гг. (По материалам Пудожского района) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 12-й ежегодной науч. конф. (14–15 апреля 2010 г.). СПб., 2011. С. 67–78.

Вавулинская Л. И. Материально-бытовые условия жизни спецпоселенцев в Карелии в середине 1940-х – начале 1950-х гг. // Вестник Карельского филиала РАНХиГС. 2011. Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2011. С. 292–301.

Вавулинская Л. И. Деятельность органов НКВД (МВД) по обеспечению режима спецпоселения (на материалах Карело-Финской ССР, середина 1940-х – середина 1950-х гг.) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. Научный журнал. 2011. № 4. С. 79–91.

Вавулинская Л. И. Спецпереселенцы – маргиналы в социальной структуре советского общества (на материалах Карелии послевоенного десятилетия) // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. № 6. 2011. Серия Гуманитарные исследования. Вып. 2. С. 106–113.

Вавулинская Л. И. Побег спецпереселенцев как форма социального протеста (на материалах Карело-Финской ССР, середина 1940-х – середина 1950-х гг.) // Вестник Карельского филиала РАНХиГС. Сб. науч. статей. Петрозаводск, 2012. С. 201–211.

Вавулинская Л. И. Участие спецпоселенцев в восстановлении экономики Карелии (вторая половина 1940-х гг.) // Двинская земля. Вып. 7. Материалы седьмых межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений, посвященных 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. 19–20 марта 2011 г. Котлас, 2013. С. 60–65.

Вавулинская Л. И. Повседневность плена: иностранные военнопленные в Карелии (1944–1949 годы) // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. № 4. 2013. Сер. Гуманитарные исследования. Вып. 4. С. 82–88.

Вклад репрессированных в освоение Европейского Севера России и Приуралья: Материалы регионального научного симпозиума (Сыктывкар, 19 октября 2001 года). Сыктывкар, 2004.

Вылцан М. А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 26–44.

Галицкий В. П. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право. 1990. № 4. С. 124–130.

Галицкий В. П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // СОЦИС. 1991. № 10. С. 48–63.

Галицкий В. П. Немецкие военнопленные в СССР: правда и домыслы // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 66–78.

Галицкий В. П. Венгерские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 44–55.

Галицкий В. П. Репрессивная политика Советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939 – 1956 гг.) // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии. Материалы Всерос. конф., посвященной 50-летию Победы. Вологда, 1995. С. 3–13.

Грегори П. Политическая экономия сталинизма: Пер. с англ. М., 2006.

ГУЛАГ: экономика принудительного труда / отв. ред. Л. И. Бородин, П. Грегори, О. В. Хлевнюк. М., 2005.

Двинская В. Т. О немцах-военнопленных в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера (Проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX–XX вв.). Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1995. С. 160–162.

Дембицкая Т. Содержание советских военнопленных в немецких лагерях: историко-антропологический аспект // Опыты историко-антропологических исследований. М., 2003. С. 184–191.

Дембицкий Н. П. Судьба пленных // Война и общество, 1941–1945. Кн. 2. М., 2004. С. 232–263.

Доброноженко Г. Спецпоселенцы в Коми АССР: 1945–1950 гг. (статистико-географический аспект) // Рубеж: Альманах социальных исследований. Сыктывкар, 1997. № 10–11. С. 232–241.

Доброноженко Г. Ф. Методология анализа социальной группы «кулаки» в отечественной историографии // Российская история. 2009. № 5. С. 86–94.

Ерин М. Е. Российские и немецкие историки о судьбе военнопленных в СССР // Проблемы новой и новейшей истории. Ярославль, 2002. Вып. 4. С. 3–18.

Зберовская Е. Л. Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940–1950-е гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Красноярск, 2006.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД-МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3–17.

Земсков В. Н. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954–1960 гг.) // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 5–26.

Земсков В. Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.

Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 3–26.

Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118–143.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы (1930–1959 гг.) // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: Сб. научн. трудов. М., 1994. С. 145–194.

Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 3–13.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003.

Зубкова Е. Ю. Общество и реформы. 1945–1964 гг. М., 1993.

Зубкова Е. Ю. Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году // Отечественная история. 1995. № 3. С. 90–100.

Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953. М., 2000.

Зубкова Е. Ю. На «краю» советского общества. Маргинальные группы населения и государственная политика. 1940–1960-е годы // Российская история. 2009. № 5. С. 101–118.

Иванова Г. М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997.

Иванова Г. М. История ГУЛАГа: 1918–1958. Социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006.

Иванова Г. М. Международные организации против принудительного труда в СССР (конец 1940-х – начало 1950-х гг.) // Отечественная история. 2006. № 6. С. 133–138.

Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х гг.). М., 1996.

Игнатова Н. М. Государственная политика спецпереселения: общие направления и Коми региональные особенности // Политические репрессии в России. XX век. Материалы региональной науч. конф. Сыктывкар, 7–8 декабря 2000 г. Сыктывкар, 2001. С. 63–64.

Игнатова Н. М. Осуществление политики спецпереселения и изменения численности спецпереселенцев – «бывших кулаков» в середине 1930-х – 1950-е гг. // Покаяние: Мартиролог. Т. 4. Ч. 2. Сыктывкар, 2001. С. 19–30.

Игнатова Н. М. Использование труда спецпереселенцев – «бывших кулаков» в лесной промышленности и других отраслях в середине 1930-х–1950-е гг. // Покаяние: Мартиролог. Т. 4. Ч. 2. Сыктывкар, 2001. С. 59–72.

Игнатова Н. М. Социальный и духовный протест спецпереселенцев в 1930–50-е гг. на Европейском Севере: постановка проблемы и интерпретация источников // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 1 (9) С. 5–13.

Игнатова Н. М. История спецпереселенцев: основные направления в отечественной историографии // Историк и его время. Памяти профессора В. Б. Конасова. Сборник научных статей. Вологда, 2010. С. 380–388.

История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.

История пенитенциарной системы России в XX веке. Сборник материалов международного научного семинара. Вологда, 2007.

История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. М., 2002.

История строительства в Карелии. Петрозаводск, 2007.

История экономики Карелии. В трех книгах. Книга 2. Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.). Петрозаводск, 2005.

Кан А. С. Постсоветские исследования о политических репрессиях в России и СССР // Отечественная история. 2003. № 1. С. 120–133.

Карасев С. В. История плена: советско-японская война и ее последствия (1945–1956 г.): Автореф. дис. ...докт. ист. наук. Улан-Удэ, 2007.

Карелия: энциклопедия: в 3 т. Т. 1: А-Й. Петрозаводск, 2007.

Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе: 1941–1956. [Пер. с нем. О. Асписовой]. М., 2002.

Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии 1945–1960 гг. Историко-социологические очерки. Л., 1988.

Колеров М. Военнопленные на стройках коммунизма: По материалам «Особой папки» Л. П. Берии (1946–1950 гг.) // Родина. 1997. № 9. С. 79–83.

Колеров М. Военнопленные в системе принудительного труда в СССР (1945–1950) // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 355–376.

Конасов В. Б. Гриф секретности снят. К истории немецких военнопленных в СССР. Вологда, 1991.

Конасов В. Б. К вопросу о численности немецких военнопленных в СССР // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 187–189.

Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда, 1996.

Конасов В. Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР: внешнеполитический аспект проблемы. М., 1998.

Конасов В. Б. Место и роль управления по делам военнопленных и интернированных в пенитенциарной системе советского государства: 1939–1953 годы // Отечественная история. 2005. № 6. С. 128–132.

Конасов В. Б., Кузьминых А. Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда, 2002.

Коротаяев В. И. Проблема выживания военнопленных в советских лагерях на примере лагеря № 211, 1944–1948 гг. // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 4. С. 11–18.

Коротаяев В. И. Проблема социалистического перевоспитания военнопленных в 1944–1948 годах на примере лагеря № 211 // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 1. С. 18–26.

Красильников С. А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в постреволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.): Учеб. пособие. Новосибирск, 1998.

Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. М., 2003.

Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск, 2008.

Кретицин С. В., Медведев С. А. Формирование образа Советской России у немецких военнопленных Второй мировой войны // Историк и его время. Памяти профессора В. Б. Конасова. Сб. статей. Вологда, 2010. С. 273–283.

Кринко Е. Ф. Образы противника в массовом сознании советского общества в 1941–1945 годах // Российская история. 2010. № 5. С. 74–89.

Крутых Ж. Я. Иностранцы военнопленные в Карелии в 1941–1949 гг. // Филологические и исторические исследования в высшей школе. Сб. науч. ст. историко-филологического факультета. Вып. 2. Петрозаводск, 2007. С. 124–131.

Кузьминых А. Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. Вологда, 2005.

Кузьминых А. Л. Военнопленные и северяне: становление диалога (1939–1949 гг.) // Отечественная история. 2005. № 2. С. 120–126.

Кузьминых А. Л. Медико-санитарное обслуживание военнопленных в лагерях и спецгоспиталях Архангельской и Вологодской областей (1939–1949 гг.) // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 2(10). С. 12–20.

Кузьминых А. Л. Немецкие военнопленные в СССР: социально-психологический аспект проблемы // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 168–180.

Кузьминых А. Л. Захоронения иностранных военнопленных Второй мировой войны на Европейском Севере России: проблемы сохранения и благоустройства // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 288–298.

Кузьминых А. Л. Иностранцы военнопленные и советские женщины // Отечественная история. 2008. № 2. С. 114–119.

Кузьминых А. Л. Лагеря и спецгоспитали для иностранных военнопленных и интернированных // Органы внутренних дел и исправительно-трудовые учреждения Вологодской области (1937–1953 гг.): неизвестные страницы истории: Исторические очерки: В 2 ч. Вологда, 2009. Ч. 1. С. 147–174.

Кузьминых А. Л. История военного плена Второй мировой войны в СССР: этапы, проблемы и перспективы изучения // Историк и его время. Памяти профессора В. Б. Конасова. Сб. науч. статей. Вологда, 2010. С. 202–222.

Кузьминых А. Л. Труд военнопленных в развитии экономики СССР. 1939–1956 гг. // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 129–140.

Кузьминых А. Л. Советский военный плен и интернирование как историографическая проблема // Российская история. 2012. № 3. С. 158–174.

Кузьминых А. Л., Старостин С. И., Сычев А. Б. «Теперь я прибыл на край света...». В 2 т. Т. 1: Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных в Вологодской области (1939–1949 гг.): Очерки и документы. Вологда, 2007.

Лаптев А. Пленные в Кондопоге // Новая Кондопога. 2004. 18 февраля

Лобченко Л. Н. Спецпереселенцы в истории Северного края. 1929–1946 гг. Мурманск, 2007.

Лобченко Л. Н. Становление системы спецпоселений на севере СССР // Вопросы истории. 2009. № 1. С. 78–86.

Макуров В. Г. Трудящиеся Европейского Севера СССР в борьбе за подъем лесной промышленности (1946–1958). Петрозаводск, 1982.

Макуров В. Г. Беломорско-Балтийский комбинат в Карелии. 1933–1941. // Новое в изучении истории Карелии. Сборник статей. Петрозаводск, 1994. С. 135–159.

Малясова Н. Б. Военнопленные и интернированные Второй мировой войны на территории Чувашской АССР (1942–1949 гг.): состав, размещение и трудовое использование: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Чебоксары, 2012.

Маргиналы в советском обществе: институциональные и структурные характеристики в 1930–1950-е годы. Новосибирск, 2007.

Маргиналы в советском социуме, 1930-е – середина 1950-х гг. Изд. 2-е, расшир. и доп. Новосибирск, 2010.

Маркдорф Н. М. Возвращение иностранных военнопленных из лагерей МВД Западной Сибири на родину: общесоюзные и региональные аспекты (1945–1950-е годы) // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. № 2. С. 163–170.

Медведев С. А. Немецкие военнопленные в СССР в зарубежной и отечественной историографии (1940–2000-е гг.) // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. Т. 56. № 9. С. 52–58.

Меньковский В. И. Дискуссии о масштабах репрессий 1930–1950-х гг. в англо-американской историографии // Историческая демография. М.; Сыктывкар, 2007. С. 143–147.

Михеева Л. В. Иностранцы военнопленные и интернированные в Центральном Казахстане (1941 – начало 50-х гг. XX в.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Караганда, 2007.

Морозов Н. А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар, 1997.

Морозов Н. А., Рогачев М. Б. ГУЛАГ в Коми АССР (20–50-е годы) // Отечественная история. 1995. № 2. С. 182–187.

Мотревич В. П. Осужденные интернированные гражданские лица и военнопленные Второй мировой войны в Свердловской области в 1949–1956 гг. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2002. Вып. 2. С. 208–221.

Наказанный народ. Репрессии против российских немцев / Ред.-сост. И. Л. Щербакова. М., 1999.

Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994.

Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001.

Некрич А. Наказанные народы // Нева. 1993. № 9. С. 223–261; № 10. С. 246–284.

Никитина О. А. Спецпоселения в Карелии (1931–1932 гг.) // Новое в изучении истории Карелии. Сборник статей. Петрозаводск, 1994. С. 121–134.

Никитина О. А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии. Петрозаводск, 1997.

Органы внутренних дел и исправительно-трудовые учреждения Вологодской области (1937–1953 гг.): неизвестные страницы истории. Исторические очерки. В 2 ч. Ч. 1. Вологда, 2009.

Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., 1998.

Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978.

Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

Полян П. Сталин и жертвы национал-социалистической войны на уничтожение // Сталин и немцы: Новые исследования / Под ред. Ю. Царуски. М., 2009. С. 123–149.

Попов В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. № 3. С. 61–76.

Пошинева О. С., Долинова М. В. Повседневность плена: иностранные военнопленные Второй мировой войны в Нижнем Тагиле (1943–1949 гг.) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. М., 2003. № 2. С. 127–139.

Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956): всерос. науч. конф. 8–11 ноября 1993 г.: Тез. докл. Сыктывкар, 1993.

Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. 23–25 октября, г. Вологда. В 2 ч. Вологда, 1997.

- Пронин А. В.* Трагедия плена: гуманизм против бесчеловечности // Военно-исторический журнал. 1998. № 1. С. 80–87.
- Пыжиков А. В., Данилов А. А.* Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М., 2002.
- Пянкевич В. Л.* Репарации и труд военнопленных как источник восстановления экономики СССР после Второй мировой войны: (Вопросы историографии). СПб., 1999.
- Раманичев Н. М.* Власов и другие // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 292–312.
- Рогачев М. Б.* Спецпоселенцы в Коми АССР: национальный состав и межэтнические контакты (30–50-е гг.) // Труды Ин-та яз., лит. и истории Коми науч. центра УрО АН СССР. Сыктывкар, 1993. Вып. 56. С. 59–68.
- Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу в 2 ч. Изд. 2-е. М., 1991.
- Россия в XX веке. Война 1941–1945 гг.: современные подходы* / Отв. ред. А. Н. Сахаров. Ред.-сост. Л. П. Колодникова. М., 2005.
- Самович А. Л.* Проблема военнопленных в военной истории Беларуси // Военное искусство и военная культура Евразии: тысячелетия противостояния. Доклады Всерос. науч. конф. (17–18 декабря 2005 года). Екатеринбург, 2006. С. 262–268.
- Сенявская Е. С.* Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.
- Сенявский А. С.* Историческая память о войнах XX века как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. 2007. № 2. С. 139–151.
- Сивцева С. И.* Спецпоселенцы в Якутии в 1930–1950-х годах // Отечественная история. 2007. № 6. С. 108–117.
- Сидоров С. Г.* Труд военнопленных в СССР. 1939–1956 гг. Волгоград, 2001.
- Сидоров С.* Репатриация военнопленных из СССР в 1947–1950 гг. // Власть. 2012. № 2. С. 156–160.
- Смирнов В.* Пудож далекий и близкий. Издательство газеты «Диалог», 1994.
- Смыкалин А. С.* Создание агентурной сети среди военнопленных немцев в СССР // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 147–150.
- Смыкалин А. С.* Правовой статус и особенности содержания немецких военнопленных в СССР в 1942 – 1956 гг.: По материалам Свердловской области // Правоведение. 2001. № 1. С. 209–216.
- Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985): Новое прочтение.* М., 1995.
- Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. Апогей и крах сталинизма.* М., 1997.
- Старостин С. И.* Структура и функции администрации спецпереселенческих поселков Вологодской области в 1930–1956 годы // Историческое краеведение и архивы: Сб. ст. Вып. 9. Вологда, 2003. С. 109–125.

Старостин С. И. Система трудовых и специальных поселений // Органы внутренних дел и исправительно-трудовые учреждения Вологодской области (1937–1953 гг.): неизвестные страницы истории: Исторические очерки: В 2 ч. Ч. 1. Вологда, 2009. С. 183–208.

Степанов М. Г. Репрессивная политика советского государства в 1928–1953 гг.: проблемы российской историографии: Автореф. дис. ...докт. историч. наук. Улан-Удэ, 2009.

Стецовский Ю. И. История советских репрессий. В 2-х т. М., 1997.

Суржикова Н. В. Трудоиспользование иностранных военнопленных Второй мировой войны: Мифы и реальность (на материале Среднего Урала) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2003. № 9. С. 262–274.

Суржикова Н. В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). Екатеринбург, 2006.

Суслов А. Б. Системный элемент советского общества конца 20-х – начала 50-х гг.: спецконтингент // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 125–134.

Суслов А. Б. Правовой статус спецпоселенцев на Урале в 30-х – начале 50-х гг. // Известия Уральского гос. ун-та. 2004. № 29. Вып. 15. С. 118–130.

Суслов А. Б. Спецконтингент и принудительный труд в советских пенитенциарных концепциях 1930-х гг. // Отечественная история. 2004. № 5. С. 81–96.

Суслов А. Б. Принудительный труд на Урале (конец 1920-х – начало 1950-х гг.): эффективность и производительность // ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2005. С. 255–278.

Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области. 1929–1953 гг. М., 2010.

Трагедия плена: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ/СНО и начало репатриации военнопленных». Москва-Красногорск, 31 октября – 2 ноября 1995 г. Красногорск, 1996.

Турубанов А. Н. Спецпереселенцы и ссыльные в Коми АССР в 30–50-е годы // Вопросы истории Европейского Севера (Проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX–XX вв.). Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1995. С. 154–159.

Упадышев Н. В. ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919–1953 годы. Архангельск, 2004.

Упадышев Н. В. Спецпоселенцы в Северном крае: концептуальное видение проблемы: «Кулацкие» семьи в спецпоселениях // Вестник Поморского ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2005. № 2(8). С. 24–33.

Упадышев Н. В. Спецпоселенцы в Северном крае: концептуальное видение проблемы. Ч. 2: «Кулацкие» семьи в спецпоселках // Вестник Поморского университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 1(9). С. 14–23.

Хильгер А. Немецкие военнопленные и их опыт соприкосновения со сталинизмом // Сталин и немцы: Новые исследования / Под ред. Ю. Царуски. М., 2009. С. 150–175.

Хохлов А. В. Роль сектора «лагерной» экономики в восстановлении народного хозяйства: проблемы историографии // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. Т. 15. Вып. 12. С. 170–175.

Чернова Т. Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР (обзор отечественной литературы) // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 261–278.

Шадт А. А. Спецпоселение российских немцев в Сибири, 1941–1955 гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 2000.

Шадт А. Правовой статус российских немцев в СССР (1940–1950-е гг.) // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны. Послевоенное десятилетие. 1941–1955 гг. Материалы 7-й Междунар. науч. конф. Российские немцы. Историография и источниковедение. М., 2001. С. 287–312.

Шадт А. А. Этническая ссылка в Сибири как инструмент советской нац. политики (1940–1950-е гг.) // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2012. С. 224–248.

Шарков А. В. Архипелаг ГУПВИ: Военнопленные и интернированные на территории Белоруссии: 1944–1951 гг. Минск, 2003.

Шашков В. Я. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. Мурманск, 2000.

Шевяков А. А. Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 195–222.

Щелокаева Т. А. Юридические основания уголовного преследования иностранных военнопленных в СССР (1939–1956 гг.) // Право и политика. 2000. № 7. С. 55–63.

Щелокаева Т. А. Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939–1956): Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000.

Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. (Anne Applebaum. GULAG. A History. New York, 2003.). М., 2006.

Интернет-материалы

Белковец Л. Спецпоселение немцев в Западной Сибири (1941–1955 гг.) // <http://www.memo.ru/history/nem/index.htm>

Беляков Л. П. Горькая судьба репатриированных военнопленных // <http://russcience.chat.ru/repress/bel99rg2.htm>

Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.). Сравнительный анализ // <http://www.memo.ru/HISTORY/nem/Chapter20.htm>

Бугай Н. Репатриация военнопленных немцев из СССР в 40–50-е годы // http://www.nasledie.ru/oboz/N03_96/3_11.HTM

Веремеев Ю. Красная Армия и Вторая мировая война. Нормы питания военнопленных в СССР 43–49 гг. // <http://army.armor.kiev.ua/hist/paeknem-plen-45.shtml>

Доброноженко Г., Шабалова Л. Спецпоселенцы в Коми АССР: 1945–1950 гг. (Статистико-географический аспект) // socnet.narod.ru/Rubez/10-11/dobronozh.htm#http

Зберовская Е. Л. Массовые репрессии 1930 – начала 1950-х гг. в Красноярском крае // <http://www.mira1.ru/doc.php?id=990>

Зиновьев И. Военнопленные на Урале // <http://www.uralgalaxy.ru/literat/ug2/avstr1.htm>

История политических репрессий в СССР (1917–1991) // <http://www.memo.ru/links/links.htm>

Кладбища и памятные знаки венгерским военнопленным на территории Российской Федерации // <http://voennie-memorialy.ru/photo/list/1>

Костин В. Дважды выжившие // <http://www.rg-rb.de/2006/44/swi.shtml>

Красильников С. А. Советская система принудительного труда: некоторые черты и особенности формирования в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. // <http://gf.nsu.ru/bakhrushin/krasilnikov1996.shtml>

Кузнецов И. Без грифа «секретно» // <http://kamunikat.net.iig.pl/www/knizki/historia/kuzniacou/sekretno/02.htm> 3уифа

Максимова Л. А. Насильственная миграция и межкультурные связи на Европейском Северо-Востоке // cua.karelia.ru/report50.doc

Мечта оккупанта. petredsea. September 11th, 2011 // <http://petredsea.livejournal.com/21777.html>

Михеева Л. В. О захоронениях пленных Второй мировой войны в Центральном Казахстане // <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2005/miheeva-l.v.-karaganda-kazakhstan-o-zahoroneniayah>

Пиманов А. С. Немецкая ссылка в Тюменской области (1941–1955 гг.) // <http://law.admtyumen.ru/noframe/nic?d&nd=466201102&nh=1>

Полян П. В далекие края. Книги о репрессивных принудительных миграциях в СССР. Версия для печати // <http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/polian.html>

Полян П. Депортационные операции в СССР и их нормативная база. // http://www.art.man.ac.uk/HISTORY/ahrproj/web/resources/Essays/Polian_directives/Polian_directives_2.htm

Пыхалов И. Правда и ложь о советских военнопленных // <http://forum.onio.de/index.php>

Пянкевич В. Л. Невольники в возрождении советской экономики (историография принудительного труда граждан СССР 40-х – начала 50-х гг.) // *Историографический сб.: Межвузовский сб. науч. трудов. Вып. 20. Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2002.* // <http://www.sgu.ru/files/nodes/9832/06.pdf>;

Росси Жак. Из истории советских лагередей // <http://www.hro.org/editions/karta/nr1011/rossi.htm>

Сидоров С. Г. Организация питания военнопленных в СССР в 1941–1955 гг. // http://ef.1939-1945.net/010_captives_01.shtml

Суржикова Н. В. Румынские военнопленные в российской глубинке в 1942–1956 гг. (На материалах Среднего Урала) // <http://www.historia.ru/2006/01/surzjikova.htm>

Суржикова Н. В. Новейшая отечественная историография проблем военного плена Второй мировой войны // oldcsu.csu.ru/files/history/413.rtf.

Сулов А. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953) // www.pmem.ru/volonteer/expeditions/kontingent.doc -

Сулов А. По ту сторону колючей проволоки. Спецконтингент советского тоталитарного общества // <http://www.ug.ru/01.36/pg10.htm>

Сулов А. Б. Правовой статус спецпоселенцев на Урале в 30-х – начале 50-х гг. // <http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0029>

Чебыкина Т. Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // <http://www.memo.ru/history/nem/index.htm>

Шадт А. А. Правовое положение депортированных и режим спецпоселения // <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/sibirica/Data/Shadt/>

Шадт А. А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955): Дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 2003 // <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub/Data/Shadt/?html=sh51.htm&id=1500>

Шалак А. В. Численность, состав и расселение спецпоселенцев в Восточной Сибири (вторая половина 1930-х – конец 1950-х гг.) // http://jh.isea.ru/2005--6_1-2-3/1_3.asp

Шиппманн Г. (при участии Манфреда Коха) Мой путь в рязанский плен // <http://www.hro.org/editions/karta/nr1/plen.htm>

Список сокращений

- БВО – Беломорский военный округ
БС – бригада содействия
Бумкомбинат – бумажный комбинат
ВК – вспомогательная команда
ВОХР – военизированная охрана
в/п – военнопленные
врид – временно исполняющий должность
врио – временно исполняющий обязанности
ВС – Вооруженные Силы
ВТ – военный трибунал
ВТК – врачебно-трудовая комиссия
ВЦ – военная цензура
ГКО, ГОКО – Государственный комитет обороны
Главвоенсанупр – Главное военное санитарное управление
Главснаблес – Главное управление по снабжению народного хозяйства лесоматериалами и дровами при СНК СССР
ГУИТУ – Главное управление исправительно-трудовых учреждений
ГУЛАГ – Главное управление лагерей
ГУПВИ – Главное управление по делам военнопленных и интернированных
дезкамера (дезокамера) – дезинфекционная камера
ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь
КВ – конвойные войска
КГБ – Комитет государственной безопасности
КПЗ – камера предварительного заключения
КС – команда самоохраны
КФССР – Карело-Финская Советская Социалистическая Республика
лаготделение – лагерное отделение
лагподразделение – лагерное подразделение
лагпункт – лагерный пункт
ЛВП – лагерь военнопленных
МВД – Министерство внутренних дел СССР
МГБ – Министерство государственной безопасности СССР
МЗ, Минздрав – Министерство здравоохранения СССР
нарком – народный комиссар
наркомат – Народный комиссариат
Наркомвнудел, НКВД – Народный комиссариат внутренних дел СССР
Наркомлес, НКЛес – Народный комиссариат лесной промышленности СССР
Наркомместпром – Народный комиссариат местной промышленности СССР

Наркомпромстройматериалов, НКпромстройматериалов, НКСМ – Народный комиссариат промышленности строительных материалов СССР
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности СССР
НКО – Народный комиссариат обороны СССР
НКСГ – Национальный комитет «Свободная Германия»
НСДАП – Национал-социалистическая рабочая партия Германии
ОАГС – отдел актов гражданского состояния
ОВС – отдел военного снабжения, отделение вещевого снабжения, обозно-вещевое снабжение
ОИТК – отдел исправительно-трудовых колоний
ОК – оздоровительная команда
ОО – особый отдел
ОПВ – отдел по делам военнопленных
ОПВИ – отдел по делам военнопленных и интернированных
оперчекотдел – оперативно-чекистский отдел
ОСП – отдел (отделение) спецпоселений
ОТК – отдел трудовых колоний
ОУН – Организация украинских националистов
ОЧО – оперативно-чекистский отдел
продфураж – продовольствие и фураж
ПФЛ – проверочно-фильтрационный лагерь
ПФС – продовольственное и фуражное снабжение
СА – Штурмовые отряды (в фашистской Германии)
сандезблок – санитарно-дезинфицирующий блок
САНО – санитарное отделение
Санотдел – санитарный отдел
СВА – Советская военная администрация в Германии
СД – служба безопасности (в фашистской Германии)
СЕПГ – Социалистическая Единая партия Германии
СНК – Совет Народных Комиссаров
СНО – Союз немецких офицеров
СПВ – сборный пункт военнопленных
спецгоспиталь – госпиталь для лечения военнопленных
СС – охранные отряды (войска особого назначения в фашистской Германии)
УВСР – участок, управление военно-строительных работ
УИТЛК – Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
УК – Уголовный кодекс
УКВ – Управление конвойных войск
УМВД – Управление МВД (областное, краевое)
УНКВД – Управление НКВД (областное, краевое)
УПВ – Управление по делам военнопленных
УПВИ – Управление по делам военнопленных и интернированных

Оглавление

Введение	3
Раздел 1. Спецпереселенцы в Карело-Финской ССР (конец 1944 – середина 1950-х гг.)	31
Глава 1. Динамика численности, категории и география расселения спецпереселенцев на территории Карелии	31
Глава 2. Правовое регулирование системы спецпоселений и деятельность органов НКВД (МВД) по обеспечению режима спецпоселения	64
Глава 3. Социальный статус спецпереселенцев	90
Глава 4. Трудовое использование спецпереселенцев	112
Глава 5. Быт спецпереселенцев и адаптация их к условиям жизни в Карелии	129
Глава 6. Освобождение от режима спецпоселения и постепенная реабилитация спецпереселенцев	149
Раздел 2. Лагеря иностранных военнопленных на территории Карело-Финской ССР (конец 1944–1949 гг.)	171
Глава 1. Организация и развитие лагерей для военнопленных в крае	171
Глава 2. Правовое положение военнопленных и режим лагерной жизни	181
Глава 3. Труд военнопленных на предприятиях и стройках Карелии	196
Глава 4. Политическая работа в лагерях для военнопленных. Организация переписки и цензура	227
Глава 5. Условия содержания военнопленных. Взаимоотношения военнопленных с местным населением	254
Глава 6. Медицинское обслуживание военнопленных. Захоронения иностранных военнопленных на территории края	281
Глава 7. Репатриация иностранных военнопленных и расформирование лагерей в республике	306
Заключение	314
Список использованных источников и литературы	318
Список сокращений	335

Научное издание

Людмила Ивановна Вавулинская

**СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ И ИНОСТРАННЫЕ
ВОЕННОПЛЕННЫЕ В КАРЕЛИИ
В СЕРЕДИНЕ 1940-х – СЕРЕДИНЕ 1950-х гг.**

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

Сдано в печать 30.12.13. Формат 60x84¹/₁₆. Гарнитура «NewtonС».
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 20. Усл.-печ. л. 21,5.
Изд. № 413. Тираж 300. Заказ 188.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50